

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 (9)

2014

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленева

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****Б.Л. Хамидуллин** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бултерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2014

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2014

© Журнал «Поволжская археология», 2014

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologie.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2014

© Mari State University, 2014

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г.</i> Казанская археологическая школа: итоги и перспективы развития.....	6
<i>Серых Д.В.</i> Фотоматериалы Всероссийских Археологических Съездов дореволюционной России (к 137-летию IV Казанского Съезда).....	41
<i>Шарифуллин Р.Ф.</i> К истории археологического изучения Болгара	56
<i>Измайлова С.Ю.</i> Творческая лаборатория провинциального ученого (по материалам переписки казанского археолога и нумизмата А.Ф. Лихачева).....	75
<i>Кузьминых С.В., Чижевский А.А.</i> Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области.....	101
<i>Измайлов И.Л.</i> Археологическая культура и средневековая этническая общность: теоретические и методические проблемы соотношения (на примере средневековой Булгарии).....	138
<i>Колода В.В.</i> Тюркская руническая надпись из лесостепной Хазарии	180
<i>Георгиев П.П.</i> Плиска в VIII веке: проблемы и достижения.....	194
<i>Казаков Е.П.</i> Хронология древностей Волжской Болгарии в системе средневековых миграций Восточной Европы.....	222
<i>Владимиров Г.В.</i> Материальные следы куманов в Болгарских землях (конец XI – середина XIII в.): проблемы изучения.....	242
<i>Галимова М.Ш., Ситдииков А.Г., Хабаров В.В.</i> Оружейные и кресальные кремни из раскопок Казани: экспериментально-трасологическое исследование.....	256
<i>Абдуллин Х.М., Визгалова М.Ю., Ситдииков А.Г., Старков А.С., Федотова Ю.В., Храмченкова Р.Х.</i> Лапти как археологический материал: происхождение, классификация, реставрация (на примере находок Свяжска и Казани).....	277

Хроника

Ситдииков А.Г., Вязов Л.А., Макарова Е.М. О работе Международной
полевой археологической школы в Болгаре (18–31 августа 2014 г.).....294

Измайлов И.Л., Хузин Ф.Ш. Анатолию Николаевичу Кирпичникову – 85.....304

Список сокращений314

Правила для авторов316

CONTENTS

Articles

<i>Khuzin F.Sh., Sitdikov A.G.</i> The Kazan archaeological school: results and perspectives of development.....	4
<i>Serykh D.V.</i> The photo materials of the All-Russia Archaeological Congresses of the imperial Russia (to 137 th anniversary of 4 th Kazan Congress).....	39
<i>Sharifullin R.F.</i> Towards the history of archeological investigation of the Bolgar town.....	54
<i>Izmailova S.Yu.</i> Creative laboratory of the provincial scientist (according to correspondence of the Kazan archeologist and numismatist A.F. Likhachev).....	73
<i>Kuzminykh S.V., Chizhevskiy A.A.</i> Chronology of early period of the ananiyno cultural and historical area.....	99
<i>Izmailov I.L.</i> Archaeological culture and medieval ethnic unity: the ratio of theoretical and methodical problems (a casestudy from medieval Bulgaria).....	136
<i>Koloda V.V.</i> Turkic runic inscription from forest-steppe Khazaria.....	178
<i>Georgiev P.P.</i> Pliska in the 8 th century: problems and achievements.....	192
<i>Kazakov E.P.</i> The chronology of Volga Bulgary ancients in Eastern Europe medieval migrations system.....	220
<i>Vladimirov G.V.</i> Material traces by the cumans in the Bulgarian lands (end of 11 th – middle of 13 th centuries): issues of the study.....	240
<i>Galimova M.Sh., Sitdikov A.G., Khabarov V.V.</i> Gun-lock flints and the fire stones from excavations in Kazan: experimental and traceological research.....	254
<i>Abdullin H.M., Vizgalova M.Yu., Sitdikov A.G., Starkov A.S., Fedotova Yu.V., Hramchenkova R.H.</i> Bast-choes as archaeological material: origin, classification, renovation (a case-study from the finds of Sviyazhsk and Kazan).....	275

Chronicle

Sitdikov A.G., Vyazov L.A., Makarova E.M. On the work of the international archaeological field schooling at Bolgar in august 18-31, 2014.....292

Izmailov I.L., Khuzin F.Sh. Anatoly Nikolaevich Kirpichnikov is 85 years302

List of abbreviations312

Rules for authors314

Статьи

УДК 902

КАЗАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

© 2014 г. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдилов

В статье прослежены основные этапы развития казанской археологической школы, начиная с ее истоков, связанных с Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878 – начало 1930-х гг.). С образованием в 1939 г. Казанского института языка, литературы и истории (с 1945 г. в составе Казанского филиала АН СССР) началось формирование казанской археологической школы. Ее представители работали сначала в секторе истории ИЯЛИ КФАН СССР (до 1962 г.), потом выделились в сектор археологии и этнографии (1962–1986), в дальнейшем образовали отдел археологии (1986–1995), преобразованный в 1995 г. в Национальный центр археологических исследований (НЦАИ) в составе Института истории АН РТ. В июле 2013 г. на базе НЦАИ был создан Институт археологии АН РТ им. А.Х.Халикова.

Археология Татарстана развивалась по трем ключевым направлениям: 1) сплошное разведочное обследование региона в целях создания наиболее полного свода археологических памятников Среднего Поволжья; 2) стационарные исследования памятников эпохи первобытности и средневековья, в первую очередь, исторически известных болгарских городов, поселений сельского типа и некрополей; 3) исследования в области этногенеза и этнической истории, взаимодействия культур тюркоязычных и финно-угорских народов региона. В ближайшие пять лет (2014–2018 гг.) ученые Института планируют работать по следующим направлениям: I. Средневековая тюрко-татарская цивилизация Евразии; II. Первобытная археология Волго-Камья: генезис и взаимодействие культур; III. Геоинформационные технологии в археологии; IV. Естественнонаучные методы исследований в археологии; V. Консервация и систематизация предметов археологии.

Ключевые слова: казанская археологическая школа, сектор археологии и этнографии, отдел археологии, Национальный центр археологических исследований, Институт археологии Академии наук РТ, основные направления исследований.

Археология в Казани впервые получила определенную организационную форму в 1878 г., когда при Казанском императорском университете по решению IV Археологического съезда было создано Общество археологии, истории и этнографии (ОАИЭ). Общество, существовавшее

до начала 1930-х годов, выступило инициатором и организатором первых археологических раскопок на территории региона. Активными членами ОАИЭ были С.М. Шпилевский, А.Ф. Лихачев, А.А. Штукенберг, Н.Ф. Высоцкий, П.А. Пономарев, Н.А. Толмачев, В.К. Савельев,

Г. Ахмаров, В.Ф. Смолин, М.Г. Худяков и др. Их труды – ценные публикации в «Известиях» Общества, а также богатая коллекция вещевых материалов, добытых при раскопках, разведках и путем сборов с населения, – послужили фундаментом, на котором сложилась археологическая наука в Татарстане. С именами этих выдающихся деятелей связано открытие многих археологических памятников, оставленных древним и средневековым населением региона. Так, А.А. Штукенберг и Н.Ф. Высоцкий положили начало изучению стоянок эпохи камня и бронзы в окрестностях Казани, В.Ф. Смолин исследовал курганы у с. Абашева в Чувашии, давшие название новой археологической культуре эпохи бронзы. Фундаментальный труд С.М. Шпилевского «Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии» (1877), недавно переизданный репринтным способом (2012), до сих пор является своеобразным путеводителем, настольной книгой для болгароведов.

В новых условиях, образовавшихся после Октябрьского переворота 1917 г., произошли значительные изменения в системе организации науки. Были созданы Академический центр при Наркомпросе ТАССР (1921–1930), Научное общество татароведения (1923–1929), Татарское бюро краеведения (1925–1928), Общество изучения Татарстана (1928–1930), в научных изданиях которых появлялись, правда не так часто, интересные статьи об изучении и охране археологических памятников республики¹. Были организованы экспеди-

ции по изучению болгарских городов. Наряду с раскопками на Билярском (А.С. Башкиров) и Джукетауском городищах (А.С. Башкиров, Н.Ф. Калинин) началось археологическое изучение Казанского кремля, Иски-Казани (И.Н. Бороздин, Н.Ф. Калинин). Большое внимание к памятникам археологии, сбору новых и систематизации имеющихся коллекций вещественных находок проявил Центральный музей Татарской АССР, особенно после образования в нем археологического отдела (1929), где с 1924 г. вел активную деятельность Н.Ф. Калинин. Он участвовал и в работах комплексной антропологической экспедиции Московского университета под руководством Б.С. Жукова и А.В. Збруевой, проводившей в 1928–1931 гг. исследования в прикамских районах республики.

В 1933 г. на территории Татарстана начинает регулярные раскопки археологическая экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР при участии Государственного исторического музея и Центрального музея ТАССР под руководством А.П. Смирнова. В 1933–1937 гг. крупные раскопки проводятся на Суварском городище, где впервые разрабатывалась научная методика раскопок болгарских городов. С 1938 г. под руководством А.П. Смирнова начинаются систематические исследования Болгарского городища с участием казанских археологов Н.Ф. Калинина,

лина, опубликованный в сборнике «Материалы по изучению Татарстана. Вып. 2» (Казань: Бюро краеведения при Академцентре ТНКИ, 1925. – С. 5–70), а также книга А.С. Башкирова «Памятники болгаро-татарской культуры на Волге» (Казань, 1928. – 118 с.), выпущенная к 50-летию юбилею ОАИЭ.

¹ Среди них выделяется «Археологический очерк Татареспублики» В.Ф. Смо-

Рис. 1. Н.Ф. Калинин с учениками. 1951 г. Стоит справа – А.Х. Халиков.

Рис. 2. Р.Г. Фахрутдинов рассказывает о Камаевском городище, 1975 г.

Рис. 3. Перед аэрофотосъемкой Билярского городища и его окрестностей. Первый слева – А.Х. Халиков, третий слева – Ф.Ш. Хузин, второй справа – с.н.с. Института археологии АН СССР К.В. Шишкин. 1975 г.

Рис. 4. Разведки в Алексеевском районе Татарстана. Слева направо: М.М. Кавеев, В.Н. Марков, Г.И. Дроздова, А.К. Тарвердян. 1975 г.

А.М. Ефимовой, О.С. Хованской, З.А. Акчуриной.

С образованием в 1939 г. Казанского института языка, литературы и истории, вошедшего в 1945 г. в состав Казанского филиала АН СССР, началось формирование местной археологической школы, прославившейся впоследствии именами Н.Ф. Калинина, А.Х. Халикова, Т.А. Хлебниковой, Р.С. Габяшева, П.Н. Старостина, Р.Г. Фахрутдинова, Е.П. Казакова и др.

Группа археологии в составе сектора истории первоначально состояла лишь из двух сотрудников – Н.Ф. Калинина (в 1942–1958 гг.) и его ученика А.Х. Халикова (с 1951 г.), скоро появились новые сотрудники: Т.А. Хлебникова², Г.В. Юсупов³, В.Ф. Генинг⁴. Перед институтом была поставлена задача по составлению Археологической карты Татарстана в рамках создания общего Свода памятников истории и культуры народов СССР. Данная проблема, поднятая на I Всесоюзном археологическом совещании в Москве (март 1945 г.), начала разрабатываться у нас в республике под руководством Н.Ф. Калинина.

2 Ученица А.П. Смирнова, после окончания истфака Казанского университета в 1952–1955 гг. проходила аспирантуру в Государственном историческом музее; в ИЯЛИ КФАН СССР с 1957 г.

3 Окончил Казанский университет в 1941 г., участник Великой Отечественной войны. После защиты диссертации на ученую степень канд. филолог. наук (1952) работал в ИИЯЛ Башкир. филиала АН СССР; в 1958–1968 гг. в ИЯЛИ КФАН СССР. Научное наследие ученого составляют труды по болгаро-татарской эпиграфике, этнографии и археологии.

4 Ученик Н.Ф. Калинина, после окончания истфака Пермского университета в 1955–1958 гг. проходил курс аспирантуры при ИЯЛИ КФАН СССР.

Первые результаты проведенных в этом направлении исследований были изложены в его книге «Итоги археологических работ за 1945–1952 гг.» (Казань, 1954), написанной совместно с А.Х. Халиковым. В ней обобщены материалы 447 памятников, обследованных в 21 районе республики.

Наряду с широкими разведочными работами Татарская археологическая экспедиция в эти же годы проводит стационарные исследования впервые открытых на территории республики памятников эпохи палеолита (у с. Демуково на р. Ик), мезолита (у с. Кабы-Копры на р. Свияга) и неолита (у пос. Обсерватория на р. Волга), богатые материалы которых были обобщены в публикациях А.Х. Халикова (1958; 1960; 1961а). Им же широко изучались поселения и могильники эпохи бронзы, была выделена оригинальная приказанская культура, носители которой сыграли значительную роль в формировании ананьинской историко-культурной общности (Калинин, Халиков, 1954а; 1954б; Халиков, 1962). Открытые и частично раскопанные в 1952–1954 гг. на территории Волго-Камья памятники волосовско-турбинского типа дали возможность А.Х. Халикову установить преемственность приказанской культуры с местной неолитической культурой (Халиков, 1960). Им изучались также выявленные в послевоенные годы новые памятники абашевской и балановской культур эпохи бронзы (Халиков, 1961б; 1964), ананьинской культуры эпохи раннего железа (Халиков 1962). Богатый и научно документированный материал этих памятников лег в основу кандидатской, а потом и докторской диссертаций А.Х. Халикова (1955; 1966) и позволил представить ученому миру

целостную концепцию древней истории обширного региона Северо-Восточной Европы.

Монографическое исследование пьяноборской культуры началось также в стенах ИЯЛИ КФАН СССР. В.Ф. Генингу удалось проследить этапы формирования и последующие судьбы пьяноборского населения, ставшего одним из важных компонентов в формировании финно-угорских народов края (Генинг, 1962). Им же раскапывались более поздние памятники, в частности могильник именьковской культуры и болгарское поселение у с. Рождествено на Каме (Генинг и др., 1962), а также уникальный Тураевский курганный могильник эпохи Великого переселения народов (Генинг, 1962), который в части этнической принадлежности оставившего его населения до сих пор вызывает горячие споры среди исследователей. Перу В.Ф. Генинга принадлежит обширный «Очерк» развития этнических культур Прикамья в эпоху железа, в котором прослежены следы неоднократных проникновений на территорию края тюрко- и угорязычных племен, существенно изменивших этнокультурную карту эпохи раннего средневековья (Генинг, 1959).

Следует отметить также совместные раскопки Н.Ф. Калинина и А.Х. Халикова на Именьковском городище, проведенные в 1953 и 1954 гг. (Калинин, Халиков, 1960). Достаточно богатый и весьма своеобразный материал этого памятника позволил впоследствии выделить новую археологическую культуру предболгарского времени – именьковскую, остающуюся все еще загадочной и остро дискуссионной по многим вопросам. Неоднозначно интерпретируется, в

частности, этнос именьковского населения, время его появления в регионе и степень участия в этногенезе волжских булгар.

Принципиально важными для изучения этногенеза предков татарского народа были исследования Больше-тарханского могильника второй половины VIII – первой половины IX в., раскопками которого произведенными В.Ф. Генингом и А.Х. Халиковым в 1957 и 1960 гг., впервые был получен первоклассный археологический материал времени появления болгар на Средней Волге (Генинг, Халиков, 1964).

В Болгарах продолжала работать Поволжская археологическая экспедиция АН СССР под руководством проф. А.П. Смирнова. В ней принимали участие Н.Ф. Калинин и с 1957 г. в качестве сотрудницы ИЯЛИ Т.А. Хлебникова. А.П. Смирнов тесно сотрудничал с казанскими археологами, в первую очередь с Государственным музеем ТАССР, и немало способствовал становлению местной школы болгароведов (Халиков, 1977б, с. 9).

В 1950-х годах ИЯЛИ КФАН СССР выступил в качестве одного из инициаторов создания Марийской археологической экспедиции, начав традиции сотрудничества между археологами соседних регионов. Под руководством А.Х. Халикова были выявлены раскопками и изучены десятки археологических памятников на территории Марийского Поволжья, а также в Горьковской (совр. Нижегородской) области (Архипов, Халиков, 1960; Халиков, Безухова, 1960; см. также труды МАЭ в 3-х томах: Халиков, 1960; 1962; Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966).

Рис. 5. Отдел археологии. 1989 г.
Слева направо, первый ряд: Р.Г. Сиразутдинова, А.Г. Петренко, А.Х. Халиков,
Г.И. Дроздова, М.Ш. Галимова,
второй ряд – В.Н. Марков, Р.Ф. Шарифуллин, И.Л. Измайлов, Е.П. Казаков,
П.Н. Старостин,
третий ряд – Р.С. Габяшев, Ф.Ш. Хузин, И.Х. Халиуллин

Рис. 6. Е.П. Казаков демонстрирует коллегам новые находки из раскопок.
Слева направо: П.Н. Старостин, Е.П. Казаков, Ф.Ш. Хузин, Т.А. Хлебникова,
Р.С. Габяшев. 1996 г/.

Сектор археологии и этнографии. В 1962 г. из сектора истории ИЯЛИ КФАН СССР выделились археологи и этнографы, создав самостоятельный сектор. В группе археологии этого сектора, руководимого известным советским этнографом проф. Н.И. Воробьевым, а с 1965 г. – А.Х. Халиковым, было тогда 4 археолога: А.Х. Халиков, Т.А. Хлебникова, Р.С. Габяшев (с 1960 г.), П.Н. Старостин (с 1962 г.), а также эпиграфист и этнограф Г.В. Юсупов. В последующие годы группа археологии пополнилась молодыми кадрами: Р.Г. Фахрутдиновым (с 1966 г.), Е.П. Казаковым (с 1967 г.). В 1970-х годах в группу были приняты М.Г. Косменко⁵, Ф.Ш. Хузин, Р.Ф. Шарифуллин, М.М. Кавеев, Г.И. Дроздова. Появились специалисты естественнонаучного направления: палеозоолог А.Г. Петренко (с 1966 г.) и антрополог Р.М. Фаттахов (работал в институте в 1977–1982 гг.).

Приоритетным направлением исследований и в этот период оставалось составление «Свода археологических памятников» путем сплошных обследований территории республики, завершившееся в основном к концу 1970-х годов. Материалы «Археологической карты Татарстана», включающей описание (по речной системе) более 4500 памятников, были опубликованы в 1981–1990 гг. в 6-ти томах (Археологическая карта, 1981; 1984; 1986; Археологические памятники, 1988; 1989; 1990). Кроме того, увидели свет в издательстве «Наука» «Своды археологических ис-

точников» с тематическими картами по именьковской (Старостин, 1967), балановской (Бадер, Халиков, 1976) и приказанской культурам (Халиков, 1980). «Свод эпиграфических памятников», включающий около 500 надгробий с болгаро-татарскими надписями XIII–XVI вв., опубликовал Г.В. Юсупов (1960), «Свод археологических памятников» волжских болгар (включая периоды Золотой Орды и Казанского ханства) – Р.Г. Фахрутдинов (1975).

Следующим направлением исследований стали охранно-спасательные работы (разведочные обследования, сборы и раскопки) в зоне Куйбышевского водохранилища в районе слияния Волги с Камой, начавшего функционировать в 1956 г. Большое количество невыявленных археологических памятников ушло под воду, но стали поступать сведения о разрушающихся памятниках, что вызвало необходимость проведения их систематических (ежегодно весной и осенью в период спада воды) обследований. Планомерные работы в этом направлении начались в 1961 г. В результате удалось собрать новые сведения почти по 700 памятникам эпохи древности и средневековья, из которых более 500 было выявлено впервые (Габяшев и др., 1976).

В 1968–1972 гг. казанские археологи П.Н. Старостин, Р.С. Габяшев, Е.П. Казаков, М.Г. Косменко в составе Нижнекамской археологической экспедиции Института археологии АН СССР под руководством О.Н. Бадера проводили изучение разрушающихся памятников в зоне затопления Нижнекамской ГЭС. Результаты этих исследований нашли отражение в многочисленных публикациях

⁵ В 1968–1971 гг. он проходил целевую аспирантуру в Институте археологии АН СССР под руководством О.Н. Бадера, в институте работал в 1971–1974 гг.

(см., напр.: Древности, 1978), в том числе в монографии Е.П. Казакова о памятниках болгарского времени в восточных районах Татарстана (Казаков, 1978). Кроме того, материалы исследований были широко использованы в кандидатских диссертациях М.Г. Косменко о мезолите Среднего Поволжья (Косменко, 1972) и Р.С. Габяшева о неолите Нижнего Прикамья (Габяшев, 1978).

Ежегодные выезды археологов в целях изучения древних памятников в зоне Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ не прекращаются и сегодня.

В этот период продолжалось изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа, богатый материал которых, в основном из новых раскопок и музейных собраний, был обобщен в трудах А.Х. Халикова (Халиков, 1977а; 1980), в том числе написанных им совместно с коллегами (Бадер, Халиков, 1976; Халиков, Патрушев, 1982). Огромным достижением в археологии камня и бронзы явилась написанная на основе докторской диссертации монография А.Х. Халикова «Древняя история Среднего Поволжья», увидевшая свет в 1969 г. в издательстве «Наука» и высоко оцененная отечественной и зарубежной научной общественностью.

В 1960 – первой половине 1980-х годов особенно активизировались в ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР работы в области изучения памятников Волжской Булгарии и предбулгарского времени.

Обобщающее исследование о вновь открытых именьковских памятниках написал П.Н. Старостин, охарактеризовавший оставшее их население этнически весьма сложным,

включающем в себя как финно-угорские, так и тюркоязычные, а может быть, и другие компоненты (Старостин, 1967 а; 1967 б; 1981).

В 1961 г. начались систематические раскопки одного из крупнейших средневековых некрополей Восточной Европы – Танкеевского могильника, – оставленного формирующимся раннебулгарским населением второй половины IX – начала X вв., в составе которого ярко выделяются угорский и финский компоненты. Материалы могильника опубликованы (к сожалению, до сих пор не полностью), Е.А. Халиковой и Е.П. Казаковым и получили мировую известность (Халикова, 1971; Казаков, 1971; Khalikova, Kazakov, 1977).

Во второй половине 1970-х годов был открыт и практически полностью раскопан еще один памятник времени формирования населения Волжской Булгарии – Большетиганский могильник, оставленный ранними венграми в процессе их миграции с востока на запад – в Паннонию. Материалы этого могильника, исследованного объединенной экспедицией Казанского университета и ИЯЛИ КФАН СССР под руководством Е.А. Халиковой и А.Х. Халикова, дали возможность уточнить многие события этнокультурной истории Нижнего Прикамья накануне сложения государственности волжских болгар (Halikova, Halikov, 1981).

Окончательно сложилась в эти годы «городская» тематика в исследованиях болгароведов. Продолжались широкомасштабные раскопки Болгара (Хлебникова, 1987, с. 42 и сл.). В 1962–1965 годах Чувашским отрядом Поволжской археологической экспедиции производились раскопки

Рис. 7. Перед началом раскопок в Казанском кремле. Слева направо: А.М. Губайдуллин, А.Г. Ситдигов, А.Х. Халиков. 1994 г.

Рис.8 Сотрудники группы естественно-научных методов исследований в археологии. 2004 г. Слева направо: руководитель А.Г. Петренко, сотрудники Г.Ш. Асылгараева, И.Р. Газимзянов

Рис. 9. М.Ш. Галимова в археологической разведке.

Рис. 10. А.А. Чижевский на раскопках Борисоглебской стоянки. 2009 г.

Рис. 11, 12. Селитренное городище – объект исследований казанских археологов.

городища Хулаш (Городище Хулаш, 1972). Т.А. Хлебникова исследовала Алексеевское, Танкеевское и Джукетауское городища домонгольского времени (Хлебникова, 1964; 1971). В начале 1970-х годов Р.Г. Фахрутдинов начал раскопки «Иски-Казани» – Русско-Урматского селища и Камаевского городища конца XII – начала XVI вв. (Фахрутдинов, 1984, с. 125–153). К этому же времени относятся новые раскопки на территории Казанского кремля и его окрестностей в исторической части города, проведенные А.Х. Халиковым и его сотрудниками в целях определения времени возникновения столицы Татарстана (Халиков, 1976).

Однако этапными оказались систематические и планомерные археологические исследования Биляра – Великого города, – названного так в русских летописях, начатые в 1967 г. Объединенной археологической экспедицией ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР и Казанским государственным университетом под общим руководством проф. А.Х. Халикова. Эталонные для домонгольского времени материалы городища в виде вещевых находок, жилых, хозяйственных и производственных построек, кирпично-каменных сооружений и т.д. нашли отражение в коллективных сборниках (Исследования, 1976; Новое в археологии, 1979; Культура Биляра, 1985; Посуда Биляра, 1986) и многочисленных статьях сотрудников экспедиции (библиографию см.: Хузин, 2006, с. 416–426).

В 1970-х годах в связи с новыми открытиями археологов стали актуальными исследования в области этногенеза финно-угорских и тюркоязычных народов Среднего Поволжья

и Приуралья. Специфика многонационального региона, где издревле, еще до появления здесь представителей тюркоязычных племен, проживало финно-угорское население, требовала изучения проблем этногенеза и этнической истории современных народов края, особенностей формирования культур различных этносов в условиях их тесного контактирования. Первый сборник статей, посвященный этногенетическим проблемам тюркоязычных народов края, увидел свет в 1971 г. (Вопросы этногенеза, 1971). А.Х. Халиковым была выполнена серия работ в этом направлении (см., напр.: Халиков, 1967; 1972; 1978; 1985), в том числе фундаментальная монография, посвященная формированию этнических основ финно-угорских и тюркских народов Волго-Камья, увидевшая свет, к сожалению, лишь недавно, уже после смерти ее автора (Халиков, 2011).

Проблемы развития керамического производства у булгар монографически исследовала Т.А. Хлебникова (1962; 1984), историю домашнего скотоводства эпохи древности и средневековья на основе остеологических материалов из раскопок – А.Г. Петренко (1984)⁶, булгаро-татарскую монетную систему XII–XV вв. – А.Г. Мухамадиев (1983). Все эти монографии увидели свет в издательстве «Наука».

Следует отметить также выпуск сотрудниками группы археологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР значительного количества сборников статей, в какой-то степени отражающих тематику и уровень раз-

⁶ Данная монография легла в основу ее докторской диссертации, защищенной в 1985 г.

вития археологии Татарстана в начале 1970-х – первой половине 1980-х годов (Вопросы этногенеза, 1971; Из археологии, 1976; Древности, 1978; Об исторических памятниках, 1981; Средневековые, 1983; Археологические памятники, 1984; Военно-оборонительное дело, 1985 и др.).

О зрелости казанской археологической школы свидетельствовали также достаточно частые для того времени поездки археологов Татарстана в зарубежные командировки, как правило, для участия с докладами на международных научных конференциях, проходивших в Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Финляндии.

В 1986 г. произошли очередные структурные изменения в ИЯЛИ КФАН СССР: в частности, сектор археологии и этнографии был разделен на два отдела.

Отдел археологии в составе 9 научных сотрудников (из них 1 доктор, 5 кандидатов исторических наук) с 4 лаборантами возглавляли д.и.н. А.Х. Халиков (до 1989 г.), Ф.Ш. Хузин (1989–1990 гг.) и П.Н. Старостин (с октября 1990 г.). Тематика научных исследований не претерпела существенных изменений. Продолжались охранно-спасательные работы в зоне водохранилищ Волго-Камского каскада. По материалам ежегодных сборов вымытых из культурного слоя находок на месте разрушенных болгарских поселений в низовьях Камы была опубликована книга Е.П. Казакова (1991). В зоне водохранилищ изучались в основном памятники первобытности (см. статьи М.Г. Галимовой, Р.С. Габяшева, В.Н. Маркова, А.Х. Халикова в сб.: Памятники первобытной эпохи, 1988; Археологические памятники, 1992). В.Н. Марков успешно

продолжал изучение истории населения ананьинской культурно-исторической области и защитил в 1988 г. кандидатскую диссертацию, посвященную выявлению этнокультурных компонентов ананьинской общности (Марков, 1988). Памятники пьяноборского и азелинского времени, а также именьковских племен интересовали П.Н. Старостина (Старостин, 1986; Старостин, Чижевский, 1993).

Исследования раннебулгарской эпохи стимулировала всероссийская научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Н.Ф. Калинина (Ранние болгары, 1989; Ранние болгары и финно-угры, 1990). Знаменательным событием в раннеболгарской археологии стала фундаментальная монография Е.П. Казакова (1992), подводящая итог его многолетним и весьма результативным исследованиям в этой области.

Продолжались исследования Болгарского и Билярского городищ. Под редакцией Г.А. Федорова-Давыдова и Т.А. Хлебниковой начался выпуск первых томов коллективной монографии «Город Болгар» (1987; 1988). По археологии Биляра был опубликован сборник статей, посвященный дополнительной аргументации личности Биляра с X в. (Биляр столица, 1991). Это был ответ участникам состоявшейся на страницах журнала «Советская археология» безрезультативной дискуссии по данному вопросу – А.П. Смирнову (СА. 1972. № 1), Р.Г. Фахрутдинову (СА. 1974. № 2; 1975. № 3) и Т.А. Хлебниковой (СА. 1975. № 2). В 1995 г. вышла монография Ф.Ш. Хузина «Великий город на Черемшане», где анализировались стратиграфия и хронология Билярского городища, выделялись

этапы его развития и затрагивались дискуссионные вопросы, связанные с первой столицей домонгольской Булгарии (Хузин, 1995).

В начале 1990-х годов проводились также раскопки на Суваре (Хузин, Шарифуллин, 1999), Джукетау (Хузин, Набиуллин, 1997; Набиуллин, 2011) и Чаллыском городище (Хузин, Нигамаев, 1997).

В рамках сотрудничества с Институтом археологии АН Украины на основе заключенного в 1988 г. соглашения о совместном археологическом изучении средневекового торгового пути Булгар – Киев поисковая экспедиция под руководством А.Х. Халикова и А.П. Моци в течение трех лет (1989–1991 гг.) проводила разведочное обследование западной (древнерусской) и восточной (булгарской) частей этого пути (Путь из Булгара, 1992; Моца, Халиков, 1997).

Постановлением Кабинета министров РТ № 746 от 16.10.1995 отдел археологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, насчитывающий к тому времени уже 11 археологов с 5 лаборантами, был преобразован в **Национальный центр археологических исследований** (НЦАИ) со статусом головной организации с правом осуществления контроля и координации всех археологических исследований на территории республики.

В связи с новыми общественно-политическими процессами в стране, происходившими в начале 1990-х годов, значительно повысился интерес широкой общественности к истории татар, истокам его государственности, что отразилось в повышении статуса археологической науки, способной решать самые сложные, спорные и жизненно важные для будущности та-

тар проблемы его древней и средневековой истории. В 1996 г. из ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ выделился самостоятельный Институт истории им. Ш. Марджани. Руководителем НЦАИ в составе института был назначен к.и.н. А.Г. Ситдииков.

За последние 10–15 лет происходил неуклонный рост численного состава сотрудников Национального центра, обусловленный все возрастающими потребностями в выявлении, изучении и сохранении огромного археологического наследия народов Татарстана.

Исследования проводились по традиционным направлениям: изучались памятники эпохи камня и бронзы, раннего железного века, раннего средневековья, раннеболгарского и домонгольско-болгарского времени, эпохи Золотой Орды и Казанского ханства. Опубликованы монографии М.Ш. Галимовой о памятниках позднего палеолита и мезолита в устье Камы (Галимова, 2001), Р.С. Габяшева – о неолите Нижнего Прикамья (Габяшев, 2003). В серии «Археология евразийских степей» вышли интересные исследования В.Н. Маркова (2007) и А.А. Чижевского (2008) о населении финала бронзового века и ананьинского времени, а также П.Н. Старостина о Рождественском V могильнике, содержащем погребения эпохи бронзы, азелинского времени и более поздние мусульманские погребения (Старостин, 2009).

Завершилось издание многотомной коллективной монографии «Город Болгар» (1996; 2001; 2008). Монография Е.П. Казакова «Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.» (Казань, 2007) стала первым фундаментальным исследованием проблем

взаимоотношения волжских болгар с окружающим их огромным финно-угорским миром. В 2001 г. увидела свет монография Ф.Ш. Хузина о болгарском домонгольском городе, представленная на защиту в качестве докторской диссертации (Хузин, 2001). Активно работал в области изучения болгарского вооружения и военного дела И.Л. Измаилов (1997), фортификации крепостей – А.М. Губайдуллин (2002). Совершенно новые теоретические подходы к исследованиям основных этапов этногенеза и этнополитической истории татар и их предков в период III–XVI вв. предложил И.Л. Измаилов в монографии, написанной совместно с Д.М. Исаковым (Исаков, Измаилов, 2007). Многолетние исследования в этом направлении он попытался в докторской диссертации, защищенной в 2013 г. (Измаилов, 2013).

Главным памятником археологии, ставшим в течение более десяти лет объектом исследования болгароведов, стал Казанский кремль и исторический центр города. Раскопки здесь проводились в 1994–2005 гг. объединенной экспедицией Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский кремль» и ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова / Института истории им. Ш. Марджани АН РТ под общим руководством Ф.Ш. Хузина. Одним из важнейших результатов исследований, итоги которых неоднократно обсуждались на международных научных конференциях, проведенных в 1997–1999 гг. под эгидой АН РТ, стало установление времени возникновения г. Казани (Хузин, Хакимов, 2000). Материалы археологических исследований кремля опубликованы лишь

частично (Хузин, Ситдилов, 2005), но наиболее полно – в монографии А.Г. Ситдилова (2006), ставшей основой его докторской диссертации (Ситдилов, 2013).

С 2010 г. при финансовой поддержке Республиканского фонда «Возрождение» реализуется комплексный проект «Культурное наследие: древний Болгар и остров-град Свияжск». Он предусматривает реализацию программы по сохранению археологического наследия и созданию современной музейной и туристической инфраструктуры в Свияжске и Болгарском музее-заповеднике. Археологи Института истории им. Ш. Марджани АН РТ за короткий срок организовали и провели масштабные раскопки этих двух памятников, разработали научную концепцию и создали экспозиции открывшегося в 2013 г. Музея болгарской цивилизации в г. Болгаре.

Одновременно проводились и проводятся раскопки золотоордынских памятников в Нижегородской (Курмыш, Нижегородский кремль) и Астраханской областях (Старый Сарай – Селитренное и Самосдельское городища), совместные исследования в Алтайском крае, Рязанской, Ульяновской областях, республиках Чувашия и Мари-Эл. По приглашению археологов Болгарии наши антропологи и археозоологи участвуют в раскопках и обработке материалов средневековых городов Плиски и Преслава.

В целом же археология Татарстана развивалась по трем ключевым направлениям: 1) сплошное разведочное обследование региона в целях создания наиболее полного свода археологических памятников Среднего Поволжья; 2) стационарные исследования памятников эпохи первобытно-

сти и средневековья, в первую очередь, исторически известных болгарских городов, поселений сельского типа и некрополей; 3) исследования в области этногенеза и этнической истории, взаимодействия культур тюркоязычных и финно-угорских народов региона. Итогом работ по первому направлению стала «Археологическая карта Татарстана» в 6-ти томах. Результаты археологического изучения важнейших памятников эпохи камня, бронзы, раннего железа и раннего средневековья, а также Болгара, Биляра – Великого города, – Джукетау, средневековой Казани, Алабуги, других поселений городского и сельского типов опубликованы в десятках тематических сборников и монографий. Третье направление исследований, демонстрировавшее сложную картину этногенеза народов региона, представлено в основном трудами А.Х. Халикова, Т.А. Хлебниковой, Е.П. Казакова, И.Л. Измайлова⁷.

Говоря о нашей довольно активной издательской деятельности последних лет, следует упомянуть о 18 солидных выпусках (в виде авторских монографий и материалов научных конференций) в серии «Археология евразийских степей», издающейся с 1997 г. и 4 выпусках серии «Археология и естественные науки Татарстана». С 1997 г. выходит журнал «Finno-Ugrica», в 2012 г. основан журнал «Поволжская археология», получив-

шие положительные отзывы наших российских коллег. Последние достижения археологов Татарстана нашли отражение в первых трех томах семитомной «Истории татар с древнейших времен» (2002; 2006; 2009), Атласах «Tartarica» (2005), «Bulgarica» (2012) и «Великий Болгар» (2013), в составлении которых приняли участие наши российские и зарубежные коллеги. Все это способствовало поднятию престижа казанской археологической школы в России и за рубежом, превращению НЦАИ в действенный координационный центр для археологических учреждений Поволжского региона.

Предложение о возможности и необходимости создания самостоятельного Института археологии на базе НЦАИ, впервые высказанное московскими и петербургскими коллегами (Р.М. Мунчаев, В.В. Седов, А.Г. Векслер, А.Н. Кирпичников) еще в период нашего сотрудничества по определению возраста Казани, нашло поддержку руководства АН РТ. Президиум АН РТ своим решением от 30 июля 2013 г., одобренным Кабинетом министров РТ, возвестил о создании на основе Национального центра археологических исследований и Музея археологии Татарстана Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ с имеющимися штатными единицами.

Сегодня в отделах первобытной археологии, средневековой археологии, Музее археологии Татарстана, Центре нумизматики и эпиграфики а также в реставрационно-аналитическом, информационно-аналитическом и проектом отделах работает около 90 научных сотрудников (вместе с внебюджетниками), в том числе – 1 член-корреспондент АН РТ, 7 докторов и

7 Более полную библиографию см.: Указатель трудов ученых Института языка, литературы и истории Академии наук Татарстана. 1939–1986 гг. / Под ред. // А.Г. Каримуллина. – Казань, 1997; Национальный центр археологических исследований. Библиография трудов научных сотрудников (1987–2006 гг.) / Отв. ред. и сост. Ф.Ш. Хузин. – Казань, 2007.

25 кандидатов наук (из них 6 лауреатов Государственной премии РТ, 4 заслуженных деятеля науки РТ).

При Институте археологии им. А.Х. Халикова АН РТ созданы межведомственные и межрегиональные центры: Центр естественнонаучных исследований в археологии (совместно с К(П)ФУ, Институтом археологии РАН и др.); Центр изучения болгарской цивилизации (совместно с Институтом археологии НАН Украины, Варненским музеем Института археологии АН Болгарии, Астраханским, Болгарским и Билярским музеями-заповедниками). Работает лаборатория антропогенетических исследований. С начала 2000-х годов совместно с К(П)ФУ ведется большая работа в области изучения генетики древнего и современного населения региона. Данное направление исследований соответствует передовым мировым стандартам и является приоритетным.

Впервые в регионе организована работа по созданию Геоинформационной системы для памятников археологии Татарстана. Разработки могут быть применены и при создании ГИС для объектов культурного наследия Татарстана и включением данных в кадастровую систему РТ. Подобные управляемые базы данных являются важным условием эффективной работы и взаимодействия различных государственных структур по сохранению культурного наследия.

Функционируют восемь археологических экспедиций, финансируемых за счет программных и грантовых средств: Первобытная, Раннеболгарская, Болгарская, Билярская, Нижневолжская, Волго-Окская, Охранно-спасательных работ, экспе-

диция в зонах Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ.

Музейный археологический фонд Института археологии АН РТ включен в число Государственного музейного фонда Российской Федерации. В этом году планируется открытие Музея археологии Республики Татарстан, что позволит новому институту стать основой Государственного депозитария для археологических коллекций, происходящих с территории Татарстана. Подобные формы организации музейного хранения в мире рассматриваются как перспективные, такие структуры планируется реализовывать и в других регионах Российской Федерации.

Большая работа ведется у нас в области современных методов реставрации. Создаются новые методики реставрации, основанные на применении нанотехнологий. Реставрационные лаборатории по предметам археологии являются уникальными научными центрами, выполняющими не только передовые исследования, но и ведущие обширную работу по сохранению археологических предметов для музеев Татарстана, соседних республик и областей.

Имеющийся потенциал археологических подразделений, преобразованных в новую организационную структуру в рамках Академии наук РТ, дает возможность реализовать научный потенциал республики в данном направлении. Появление нового научного академического учреждения будет способствовать координации деятельности татарстанских, российских и международных научных учреждений, разрабатывающих проблемы древней и средневековой археологии Евразии. Самостоятельный акаде-

мический институт, объединяющий высококвалифицированных исследователей-археологов, может повысить эффективность организации археологических (в том числе охранно-спасательных, новостроечных) работ в Республике Татарстан, включая работы по реализации программы «Возрождение историко-культурного наследия народов Поволжского региона».

В ближайшие пять лет (2014–2018 гг.) ученые Института планируют работы по следующим направлениям:

I. Средневековая тюрко-татарская цивилизация Евразии

Тема 1. Алтай–Идель–Дунай: формирование культуры народов степной и лесостепной Евразии. В рамках темы изучаются этногенетические проблемы формирования населения степной Евразии в эпоху Великого переселения народов и Тюркских каганатов.

Тема 2. Болгаро-татарские города Поволжья. Данное традиционное направление исследований будет осуществляться, возможно, в рамках международного проекта «Средневековые города евразийских степей: зарождение, развитие, специфика градостроительной культуры» с участием ученых России, Казахстана, Украины, Молдавии, Болгарии, Венгрии и других стран. Предусматривается организация совместных экспедиций по изучению памятников Северного Кавказа, Крыма, Дунайской Болгарии.

Тема 3. Волжские болгары, поволжские финны и угры. Данная тема разрабатывается с 60-х годов прошлого столетия. В последние годы появились новые материалы, которые требуют новых подходов к их изучению и интерпретации.

II. Первобытная археология Волго-Камья: генезис и взаимодействие культур

Тема 1. Первобытный человек и природная среда. Археологические культуры и экология древнего населения Волго-Камья. Исследования в этом направлении требуют комплексного междисциплинарного подхода к созданию исторических моделей взаимодействия природы и человека. Особенно остро стоят проблемы в изучении археологических культур ранних эпох, от палеолита до ранне-железного века, развитие которых в значительной степени было обусловлено природно-климатическими особенностями. Последние определяли особенности присваивающего хозяйства, специфику быта, уровень развития технологий производства и т.д. Эти исследования проводятся в последние годы совместно с учеными-естественниками (в первую очередь, геологами, почвоведом, палеоклиматологами) Казанского (Приволжского) федерального университета.

Цель исследований заключается в реконструкции динамики развития и взаимодействия природной среды обитания (растительный покров, почвообразование, животный мир) и материальной культуры (доместикация животных, земледелие, промыслы, добыча сырья, производство орудий труда).

Тема 2. Памятники каменного века – энеолита Волго-Камья: проблемы культурно-хронологического статуса.

Тема 3. Население Волго-Камья на рубеже эпох: от поздней бронзы к раннему железу.

Тема 4. Культуры конца I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э.: проблемы

хронологии и культурно-исторической интерпретации.

III. Геоинформационные технологии в археологии

Тема 1. Археологическая карта РТ.

Тема 2. Поволжье и Татарстан в исторических картах.

IV. Естественно-научные методы исследований в археологии

Тема 1. Биологическое исследование (антропогенетика, археологозоология).

Тема 2. Производство и источники сырья средневекового ремесла.

Тема 3. Аэрокосмические и геофизические исследования.

V. Консервация и систематизация предметов археологии

Тема 1. Депозитарий археологических коллекций. Создание баз данных и систематизация археологических коллекций.

Тема 2. Создание и внедрение современных технологий консервации и реставрации находок (кожи, дерева, цветного металла, стекла).

Имеются все основания полагать, что качественное и своевременное выполнение вышеуказанных тем поднимет престиж археологии в Татарстане на еще более высокую ступень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическое изучение болгарских городов / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 1999. – 196 с.
2. Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / отв. ред. А.Х. Халиков. – М.: Наука, 1981. – 212 с.
3. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984.
4. Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье / отв. ред. П.Н. Старостин. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. – 110 с.
5. Археологические памятники Центрального Закамья / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. – 98 с.
6. Археологические памятники Восточного Закамья / отв. ред. Е.П. Казаков. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. – 100 с.
7. Археологические памятники бассейна р. Черемшан / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1990. – 112 с.
8. Археологические памятники Нижнего Прикамья / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. – 125 с.
9. Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1993. – 138 с.
10. Архипов Г.А., Халиков А.Х. Материалы к археологической карте Марийской АССР. – Йошкар-Ола, 1960. – 132 с.
11. Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балановской культуры. САИ. Вып. В I–25. – М.: Наука, 1976. – 168 с.
12. Биляр – столица домонгольской Булгарии / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1991. – 139 с.
13. Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. – 126 с.

14. Волжская Булгария и монгольское нашествие / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. – 126 с.
15. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1971. – 295 с.
16. *Габяшев Р.С.* Неолит Нижнего Прикамья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: Ин-т археологии АН СССР, 1978. – 18 с.
17. *Габяшев Р.С.* Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до н.э. / отв. ред. П.Н. Старостин – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2003. – 226 с.
18. *Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А.* Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья. – Казань, 1976. – С. 3–34.
19. *Галимова М.Ш.* Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. – М.: Янус-К, 2000. – 272 с.
20. *Генинг В.Ф.* Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. КФАН СССР, сер. гуманитар. наук. Вып. 2. – Казань, 1959. – С. 157–219.
21. *Генинг В.Ф.* Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Вып. 2. – Свердловск, 1962. – С. 72–80.
22. *Генинг В.Ф.* Тураевский могильник V в. н.э. (захоронения военачальников) // Из истории Волго-Камья. – Казань, 1976. – С. 65–108.
23. *Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К.* Археологические памятники у села Рождествено. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1962. – 127 с.
24. *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге: Больше-Тарханский могильник / отв. ред. Н.Я. Мерперт. – М.: Наука, 1964. – 196 с., 11 л. илл.
25. Город Болгар: Очерки истории и культуры / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Наука, 1987. – 232 с.
26. Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Наука, 1988. – 280 с.
27. Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Наука, 1996. – 300 с.
28. Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Наука, 2001. – 365 с.
29. Город Болгар: Культура, искусство, торговля / отв. ред. П.Н. Старостин. – М.: Наука, 2008. – 276 с.
30. Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. – Чебоксары: НИИ при СМ Чув. АССР, 1972. – 240 с.
31. *Губайдуллин А.М.* Фортификация городищ Волжской Булгарии / отв. ред. П.Н. Старостин. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2002. – 232 с.
32. *Давлетишин Г.М.* Волжская Булгария: духовная культура. Домонгольский период (X – начало XIII вв.) / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: Таткнигоиздат, 1990. – 192 с.
33. Древности Икско-Бельского междуречья: (Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции АН СССР. Вып. 2. Работы Татарского отряда) / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1978. – 151 с.

34. Из археологии Волго-Камья / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. – 192 с.

35. *Измайлов И.Л.* Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII вв. / отв. ред. А.Н. Кирпичников – Казань; Магадан, 1997. – 212 с.

36. *Измайлов И.Л.* Волжская Булгария в IX – первой трети XIII века: становление социальной, религиозной и этнополитической структуры общества. Автореф. дис. ... док. ист. наук. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2013. – 67 с.

37. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. I. Народы степной Евразии в древности / науч. ред. С.Г. Кляшторный. – Казань: Изд-во «Рухият». 2002. – 552 с.

38. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь / ответ. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. – 960 с.

39. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / науч. ред. М.А. Усманов. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 1056 с.

40. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар: (III – середина XVI в. / науч. ред. М.А. Усманов. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. – 356 с.

41. Исследования Великого города / отв. ред. В.В. Седов. – М.: Наука, 1976. – 262 с.

42. *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1952 гг. // МИА. – М., 1954а. – № 42. – С. 157–246.

43. *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Тр. КФАН СССР. Сер. истор. наук. – Казань: Таткнигоиздат, 1954б. – 126 с.

44. *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Именьковское городище // МИА. – М., 1960. – № 80. – С. 226–250.

45. *Казаков Е.П.* Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 94–155.

46. *Казаков Е.П.* Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии / отв. ред. А.Х. Халиков. – М.: Наука, 1978. – 130 с.

47. *Казаков Е.П.* Булгарское село X–XIII веков низовий реки Камы. – Казань: Таткнигоиздат, 1990. – 176 с.

48. *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии / отв. ред. А.Х. Халиков. – М.: Наука, 1992. – 335 с.

49. *Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия / отв. ред. А.Г. Ситдииков. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. – 208 с.

50. *Косменко М.Г.* Мезолит Среднего Поволжья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: Ин-т археологии АН СССР, 1972. – 18 с.

51. Культура Биляра: болгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / отв. ред. А.Х. Халиков – М.: Наука, 1985. – 215 с.

52. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху: Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. – 136 с.

53. *Моця А.П., Халиков А.Х.* Булгар – Киев. Пути. Связи. Судьбы. – Киев: Наукова думка, 1997. – 192 с.

54. *Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Наука, 1983. – 164 с., 21 табл.

55. *Набиуллин Н.Г.* Джукетау – город булгар на Каме / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: Таткнигоиздат, 2011. – 143 с.

56. Новое в археологии Поволжья: Археологическое изучение центра Билярского городища / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1979. – 155 с.

57. Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. – 143 с.

58. Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. – 130 с.

59. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья / отв. ред. П.Н. Старостин. – М.: Наука, 1984. – 184 с.

60. *Петренко А.Г., Асылгараева Г.Ш.* Археозоологические материалы из Казанского кремля. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2003. – 320 с.

61. Путь из Булгара в Киев / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1992. – 133 с.

62. *Ситдиков А.Г.* Казанский кремль: историко-археологическое исследование / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. – 288 с.

63. Средневековые археологические памятники Татарии / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1983. – 168 с.

64. *Старостин П.Н.* Памятники именьковской культуры. САИ. Вып. Д 1–32. – М.: Наука, 1967а. – 48 с.

65. *Старостин П.Н.* Именьковские племена Нижнего Прикамья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: Ин-т археологии АН СССР, 1967б. – 19 с.

66. *Старостин П.Н.* Памятники предболгарского времени в Нижнем Прикамье // Плиска – Преслав: прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976. – София, 1981. – С. 82–91.

67. *Старостин П.Н.* Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев, 1986. – С. 90–104.

68. *Старостин П.Н., Чижевский А.А.* Маклашеевский V могильник // Древние памятники приустьевского Закамья: Материалы Новостроечной экспедиции Министерства культуры РТ. – Казань, 1993. – С. 20–42.

69. *Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: Таткнигоиздат, 1975. – 219 с.

70. *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии / отв. ред. С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1984. – 215 с.

71. *Халиков А.Х.* История населения Казанского Поволжья в эпоху бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: ИА АН СССР, 1955. – 18 с.

72. *Халиков А.Х.* Неолитические памятники в Казанском Поволжье // МИА. – М., 1958. – № 61. – С. 11–44.

73. Халиков А.Х. Новые памятники абашевской культуры в Волго-Вятском междуречье // СА. – 1959. – № 2. – С. 148–168.

74. Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // Тр. МарАЭ. Т. I. – Йошкар-Ола, 1960. – 187 с.

75. Халиков А.Х. Юнга-Кущергинская палеолитическая стоянка // Тр. МарНИИ. Вып. 16. – Йошкар-Ола, 1961а. – С. 139–153.

76. Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // МИА. – М., 1961б. – № 97. – С. 157–242.

77. Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Тр. МарАЭ. Т. II. – Йошкар-Ола, 1962. – С. 7–187.

78. Халиков А.Х. У истоков финно-угорских народов // Происхождение марийского народа, Материалы науч. конф. – Йошкар-Ола, 1967. – С. 9–36.

79. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья / отв. ред. О.Н. Бадер. – М.: Наука, 1969. – 395 с.

80. Халиков А.Х. К вопросу о начале тюркизации населения Поволжья и Приуралья // СЭ. – 1972. – № 1. – С. 100–109.

81. Халиков А.Х. О времени, месте возникновения и названии города Казани // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. – Казань, 1976. – С. 3–19.

82. Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). – М.: Наука, 1977а. – 264 с.

83. Халиков А.Х. А.П. Смирнов – историк и археолог тюркоязычных народов Среднего Поволжья // Древности Волго-Камья. – Казань, 1977б. – С. 7–14.

84. Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. – Казань: Таткнигоиздат, 1978. – 160 с.

85. Халиков А.Х. Приказанская культура. САИ. Вып. В I–24. – М.: Наука, 1980. – 128 с.

86. Халиков А.Х. К вопросу этнической территории буртасов во второй половине VIII – начале X в. // СЭ. – 1985. – № 5. – С. 161–164.

87. Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. – Казань: Таткнигоиздат, 1989. – 221 с.

88. Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. – Казань: Изд-во «Фэн», 1994. – 163 с.

89. Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья / отв. ред. С.В. Кузьминых, Ф.Ш. Хузин. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – 336 с.

90. Халиков А.Х., Безухова Е.А. Материалы к древней истории Поветлужья. – Горький, 1960. – 59 с.

91. Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган: (Абашевский человек) // Тр. МарАЭ. Т. III. – Йошкар-Ола, 1966. – 70 с.

92. Халиков А.Х., Патрушев В.С. Волжские ананьинцы: Старший Ахмыловский могильник. – М.: Наука, 1982. – 277 с.

93. Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника: (К вопросу об истоках населения Волжской Булгарии IX–X вв.) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 64–93.

94. Хлебникова Т.А. Гончарное производство волжских болгар X – начала XIII вв. // МИА. – М., 1962. – № 111. – С. 93–152.

95. Хлебникова Т.А. Краткие итоги исследования Танкеевского городища в 1963 г. // Итоговая научная сессия Казанского института языка, литературы и истории АН СССР: (Краткое содержание докладов). – Казань, 1964. – С. 66–68.

96. Хлебникова Т.А. Алексеевское городище: (К вопросу о своеобразии раннеболгарской культуры района Нижнего Прикамья) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 156–174.

97. Хлебникова Т.А. К истории Жукотина (Джукетау) домонгольской поры (по работам 1970–1972 гг.) // СА. – 1975. – № 1. – С. 234–251.

98. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Булгарии: (К вопросу об этнокультурном составе населения) / отв. ред. С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1984. – 240 с.

99. Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар: Очерки истории и культуры. – М., 1987. – С. 32–88.

100. Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане. Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра – Болгара / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1995. – 223 с.

101. Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. / отв. ред. А.М. Белавин – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2001. – 480 с.

102. Хузин Ф.Ш. Ранние болгары и Волжская Булгария (VIII – начало XIII вв.) / отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2006. – 583 с.

103. Хузин Ф.Ш., Набиуллин Н.Г. Булгарский город Джукетау на Каме (по материалам раскопа III 1991 и 1993 гг.) // Археологическое изучение болгарских городов. – Казань, 1999. – С. 90–103.

104. Хузин Ф.Ш., Нигаматов А.З. Раскопки на территории пригородов Чаллынского городища // Археологическое изучение болгарских городов. – Казань, 1999. – С. 114–142.

105. Хузин Ф.Ш., Ситдинов А.Г. Древняя Казань. – Казань: Изд-во КГУ, 2005. – 152 с.

106. Хузин Ф.Ш., Хакимов Р.С. О времени основания города Казани. По материалам Междунар. науч. конф. «Средневековая Казань: возникновение, развитие (Казань, 1999) // РА. – 2000. – № 3. – С. 220–229.

107. Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф. Город Сувар: некоторые итоги и задачи археологического исследования // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. – Казань, 1999. – С. 85–100.

108. Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках: (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / отв. ред. С.В. Кузьминых. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008. – 172 с.

109. *Шпилевский С.М.* Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1877. – 585 с. (репр. изд-е: Казань: Изд-во С. Безухина, 2012. – 707 с.).

110. *Юсунов Г.В.* Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 165 с., 77 табл.

111. *Khalikova E.A., Kazakov E.P.* Le cimetiére de Tankeevka // Les anciens hongrois et les ethnies voisines a l'Est. – Budapest, 1977. – P. 21–221.

112. *Halikova E.A., Halikov A.H.* Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani) / Régészeti Füzetek, ser. II, No 21. – Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1981. – 132 S.

Информация об авторах:

Хузин Фаяз Шарипович, член-корр. АН РТ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); khuzinfayaz@mail.ru

Ситдигов Айрат Габитович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация); sitdikov_a@mail.ru

THE KAZAN ARCHAEOLOGICAL SCHOOL: RESULTS AND PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT

F.Sh. Khuzin, A.G. Sitdikov

Basic stages of Kazan archaeological school development are traced from its origin, which was connected to the Society of Archaeology, History and Ethnology with Kazan University (1878 – early 1930s). The establishment of Kazan Institute of Language, Literature and History in 1939 (from 1945 as part of Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences) started the formation of Kazan archaeological school. At the beginning, its representatives worked in the sector of History, Institute of Language, Literature and History, Kazan branch of the USSR Academy of Sciences (until 1962), and then joined the sector of Archaeology and Ethnography (1962–1986). Later on, the Department of Archaeology (1986–1995) was created, subsequently (in 1995) transformed into the National Center of Archaeological Research with the Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. In July, 2013, the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of Tatarstan Academy of Sciences was established on the basis of the Center.

The archaeology of Tatarstan was developing in the framework of three basic directions: 1) entire investigation prospecting of the region aimed at creating the most exhaustive list of archaeological monuments of the Middle Volga River region; 2) stationary investigations the prehistoric and medieval sites, first of all historically known Volga Bulgaria towns, rural settlements and necropolises; 3) studies in the sphere of ethnogenesis and ethnic history, interaction between the cultures of the Turkic and Finno-Ugric peoples of the region. For the next 5 years (2014–2018) the researchers of the Institute plan to develop the following trends: I. the medieval Turkic-Tatar civilization of Eurasia; II. prehistorical archaeology of the Volga-Kama region: genesis and interaction of cultures; III. GIS technologies in archaeology; IV. natural science research methods in archaeology; V. conservation and systematization of archaeological objects.

Keywords: Kazan archaeological school, sector of Archaeology and Ethnography, department of Archaeology, National Centre of Archaeological Research, Institute of Archaeology of Tatarstan Academy of Sciences, basic research trends.

REFERENCES

1. Khuzin, F. Sh. (ed.). 1999. *Arkheologicheskoe izuchenie bulgarskikh gorodov (Archaeological Study of Bulgar Towns)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
2. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1981. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoi ASSR. Predkam'e (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Cis-Kama Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1984. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoi ASSR. Predvolzh'e (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Cis-Volga Region)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, Institute for Language, Literature and History (in Russian).
4. Starostin, P. N. (ed.). 1986. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoi ASSR. Zapadnoe Zakam'e (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Western Trans-Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
5. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1988. *Arkheologicheskie pamiatniki Tsentral'nogo Zakam'ia (Archaeological Sites of the Central Part of the Trans-Kama Area)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
6. Kazakov, E. P. (ed.). 1989. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoi ASSR. Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnogo Zakam'ia (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Archaeological Sites of the Eastern Trans-Kama)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
7. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1990. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoi ASSR. Arkheologicheskie pamiatniki basseina r. Cheremshan (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Archaeological Sites in the Cheremshan River Basin)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
8. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1984. *Arkheologicheskie pamiatniki Nizhnego Prikam'ia (Archaeological Sites of Lower Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
9. Khuzin, F. Sh. (ed.). 1993. *Arkheologija Volzhskoi Bulgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Problems, Research, Answers)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
10. Arkhipov, G. A., Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k arkheologicheskoj karte Marijskoi ASSR (Materials for the Archaeological Map of the Mari Autonomous Soviet Socialist Republic)*. Yoshkar-Ola (in Russian).

11. Bader, O. N., Khalikov, A. Kh. 1976. *Pamiatniki balanovskoi kul'tury (Sites of the Balanovo Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V1–25. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
12. Khuzin, F. Sh. (ed.). 1991. *Biliar – stolitsa domongol'skoi Bulgarii (Bilyar, the Capital of Pre-Mongol Volga Bulgaria)*. Kazan: Academy of Sciences of the USSR, Kazan Scientific Center, Institute for Language, Literature and History (in Russian).
13. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1985. *Voенно-oboronitel'noe delo domongol'skoi Bulgarii (Military and Defence Systems in pre-Mongol Bulgaria)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
14. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1988. *Volzhskaia Bulgariia i mongol'skoe nashestvie (Volga Bulgaria and the Mongol Invasion)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
15. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1971. *Voprosy etnogeneza tiurkoiazыchnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnic Genesis of the Turkic-speaking Peoples of the Middle Volga Region)*. Series: Archaeology and Ethnography of Tataria 1. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
16. Gabiashev, R. S. 1978. *Neolit Nizhnego Prikam'ia (The Neolithic Age in the Lower Kama Region)*. PhD Thesis. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology (in Russian).
17. Gabiashev, R. S. 2003. *Naselenie Nizhnego Prikam'ia v V–III tysyacheletiiakh do n.e. (Population of the Lower Kama during the V–III Millennia BC)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
18. Gabiashev, R. S., Kazakov, E. P., Starostin, P. N., Khalikov, A. Kh., Khlebnikova, T. A. 1976. In *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 3–34 (in Russian).
19. Galimova, M. Sh. 2000. *Pamiatniki pozdnego paleolita i mezolita v ust'e reki Kamy (Late Paleolithic and Mesolithic Sites near the Mouth of Kama River)*. Moscow; Kazan: “Ianus-K” Publ. (in Russian).
20. Gening, V. F. 1959. In *Trudy KFAN SSSR, seriia gumanitarnykh nauk (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Series: Humanities) 2*. Kazan, 157–219 (in Russian).
21. Gening, V. F. 1962. In *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural) 2*. Sverdlovsk, 72–80 (in Russian).
22. Gening, V. F. 1976. In *Iz istorii Volgo-Kam'ia (According to the Volga-Kama Rivers Region History)*. Kazan, 65–108 (in Russian).
23. Gening, V. F., Stoianov, V. E., Khlebnikova, T. A., Vainer, I. S., Kazakov, E. P., Valeev, R. K. 1962. *Arkheologicheskie pamiatniki u s. Rozhdestveno (Archaeological Sites near the Rozhdestveno Village)*. Kazan: Kazan University (in Russian).
24. Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (The Early Bulgars on the Volga (the Bol'shie Tarkhany burial ground))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
25. Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). 1987. *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

26. Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). 1988. *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

27. Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). 1996. *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

28. Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). 2001. *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

29. Starostin, P. N. (ed.), Poluboiarinova, M. D. (comp.). 2008. *Gorod Bolgar: Kul'tura, iskusstvo, torgovlia (Town of Bolgar: Culture, Art, Trade)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

30. Smirnov A. P. (ed.). 1972. *Gorodishche Khulash i pamiatniki srednevekov'ia Chuvashskogo Povolzh'ia (Khulash Fort and Medieval Sites of Chuvash Volga Region)*. Cheboksary: Research Institute at the Council of Ministers of Chuvash ASSR (in Russian).

31. Gubaidullin, A. M. 2002. *Fortifikatsiia gorodishch Volzhskoi Bulgarii (Fortification of Forts in the Volga Bulgaria)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

32. Davletshin, G. M. 1990. *Volzhskaia Bulgariia: dukhovnaia kul'tura. Domongol'skii period (X – nachalo XIII vv.) (Volga Bulgaria: Spiritual Culture. Pre-Mongolian Period (10th – the Beginning of the 13th Century))*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

33. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1978. *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Series: Reports of Lower Kama Archaeological expedition of the USSR Academy of Sciences. Issue 2, Works of Tatar Squad. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

34. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1976. *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, Institute for Language, Literature and History (in Russian).

35. Izmailov, I. L. 1997. *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniia Volzhskoi Bulgarii X – nachala XIII vv. (Armament and Warfare of the Population of Volga Bulgaria in 10th – Early 13th Centuries)*. Kazan; Magadan: North-Eastern Scientific Center, Far East Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

36. Izmailov, I. L. 2013. *Volzhskaia Bulgariia v IX – pervoi treti XIII veka: stanovlenie sotsial'noi, religioznoi i etnopoliticheskoi struktury obshchestva (Volga Bulgaria of the 9th – First Third of the 13th Centuries.)*. Doct. Diss. Thesis. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

37. Kliashturnyi, S., Khamidullin, B. (eds.). 2002. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (History of the Tartars from the Earliest Days, in Seven Volumes) I. Narody stepnoi Evrazii v drevnosti (Peoples of the Eurasian Steppes in Antiquity)*. Kazan: "Rukhiiat" Publ. (in Russian).

38. Khuzin F. Sh. (ed.). 2006. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (History of the Tartars from the Earliest Days, in Seven Volumes) II. Volzhskaia Bulgariia i Velikaia Step' (Volga Bulgaria and the Great Steppe)*. Kazan: "RukhIL" Publ. (in Russian).

39. Usmanov M. A. (nauch. red.). 2009. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (History of the Tartars from the Earliest Days, in Seven Volumes)* III. *Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII – seredina XV v. (Jochid Ulus (Golden Horde). 13th – middle 15th Centuries)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
40. Iskhakov, D. M., Izmailov, I. L. 2007. *Etnopoliticheskaia istoriia tatar v VI – pervoi chetverti XV v. (Ethnic and Political History of Tatars in 6th – First Quarter of 15th Centuries)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
41. Sedov V. V. (ed.). 1976. *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
42. Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Proceedings and Research in Archaeology)* 42. Moscow, 157–246 (in Russian).
43. Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. In *Trudy KFAN SSSR. Serii istoricheskikh nauk (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Series: History)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
44. Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1960. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Proceedings and Research in Archaeology)* 80. Moscow, 226–250 (in Russian).
45. Kazakov, E. P. 1971. In *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnic Genesis of the Turkic-speaking Peoples of the Middle Volga Region)*. Kazan, 94–155 (in Russian).
46. Kazakov, E. P. 1978. *Pamiatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii (Sites of Bulgarian Time in the Eastern Parts of Tataria)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
47. Kazakov, E. P. 1990. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (Bulgarian Village of the 10th–13th Centuries in the Lower Kama Region)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
48. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (The Culture of Early Volga Bulgaria)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
49. Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX–XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (Volga Bulgarians, Ugrians and Finns in 9th – 14th Centuries: Problems of Interaction)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
50. Kosmenko, M. G. 1972. *Mezolit Srednego Povolzh'ia (Mesolithic of the Middle Volga Region)*. PhD Thesis. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology (in Russian).
51. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1985. *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X – XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th – 13th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
52. Markov, V.N. 2007. *Nizhnee Prikam'e v anan'inskuiu epokhu (ob etnokul'turnykh komponentakh anan'inskoi obshchnosti) (The Lower Kama Region in the Ananiyno Time (On Ethno-Cultural Components of the Ananiyno Community))*. Series: Archaeology of Eurasian Steppes 4. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
53. Motsya, A. P., Khalikov, A. Kh. 1997. *Bulgar-Kiev. Puti, sviazi, sud'by (Bulgar-Kiev. Ways, Connections, Destinies)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

54. Mukhamadiev, A. G. 1983. *Bulgaro-tatarskaia monetnaia sistema XII—XV vv. (Bulgarian and Tatar Coinage in the 12th — 15th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ., 21 tabl (in Russian).
55. Nabiullin, N. G. 2011. *Dzhuketau – gorod bulgar na Kame (Juketau, a Town of the Bulgarians on the Kama River)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).
56. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1979. *Novoe v arkhologii Povolzh’ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
57. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1981. *Ob istoricheskikh pamiatnikakh po dolinam Kamy i Beloi (On the Historical Sites in Kama and Belaya River Valleys)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, Institute for Language, Literature and History (in Russian).
58. *Pamiatniki pervobytnoi epokhi v Volgo-Kam’e (Sites of Prehistoric Time in the Volga-Kama Region)*. 1988. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, Institute for Language, Literature and History (in Russian).
59. Petrenko, A. G. 1984. *Drevnee i srednevekovoe zhitovnovodstvo Srednego Povolzh’ia i Predural’ia (Ancient and Medieval Cattle-Breeding of the Middle Volga Area and Cis-Urals)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
60. Petrenko, A. G., Asylgaraeva, G. Sh. 2003. *Arkheozoologicheskie materialy iz Kazanskogo kremlia (Archaeozoological Materials from Kazan Kremlin)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
61. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1992. *Put’ iz Bulgara v Kiev (The Way from Bulgar to Kiev)*. Kazan: Kazan: Russian Academy of Sciences, Kazan Scientific Center, Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov (in Russian).
62. Sitdikov, A. G. 2006. *Kazanskii Kreml’: istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Kazan Kremlin: Historical and Archaeological Study)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; “Foliant” Publ. (in Russian).
63. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1983. *Srednevekovye arkhologicheskie pamiatniki Tatarii (Medieval Archeological Sites of Tataria)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, Institute for Language, Literature and History (in Russian).
64. Starostin, P. N. 1967. *Pamiatniki imen’kovskoi kul’tury (Sites of the Imen’kovo Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1– 32. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
65. Starostin, P. N. 1967. *Imen’kovskie plemena Nizhnego Prikam’ia (The Imen’kovo Tribes of the Lower Kama River Region)*. PhD Thesis. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology (in Russian).
66. Starostin, P. N. 1981. In *Pliska – Preslav: prabǎlgarskata kultura (Pliska – Preslav: Pre-Bulgarian Culture)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 82–91 (in Russian).
67. Starostin, P. N. 1986. In *Kul’tury Vostochnoi Evropy I tysiacheletia (Cultures of Eastern Europe of I millennium)*. Kuibyshev, 90–104 (in Russian).
68. Starostin, P. N., Chizhevskii, A. A. 1993. In *Drevnie pamiatniki priust’evogo Zakam’ia: Materialy Novostroechnoi ekspeditsii Ministerstva kul’tury RT (Ancient Sites*

in the Estuary Area of the Trans-Kama Region: Proceedings of Rescue Expedition of the Tatarstan Ministry of Culture). Kazan, 20–42 (in Russian).

69. Fakhruddinov, R. G. 1975. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territorii (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).

70. Fakhruddinov, R. G. 1984. *Ocherki po istorii Volzhskoi Bulgarii (Essays on the History of Volga Bulgars)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

71. Khalikov, A. Kh. 1955. *Istoriia naseleniia Kazanskogo Povolzh’ia v epokhu bronzy (History of the Population of the Kazan Volga Area in the Bronze Age)*. PhD Thesis. Moscow: “Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology” Publ. (in Russian).

72. Khalikov, A. Kh. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology)* 61. Moscow, 11–44 (in Russian).

73. Khalikov, A. Kh. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 148–168 (in Russian).

74. Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k izucheniiu istorii naseleniia Srednego Povolzh’ia i Nizhnego Prikam’ia v epokhu neolita i bronzy (Materials for the Study of the History of Population of the Middle Volga and Lower Kama Regions in the Neolithic and Bronze Age)*. Series: *Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition)* I. Yoshkar-Ola (in Russian).

75. Khalikov, A. Kh. 1961. In *Trudy Mariiskogo NII (Proceedings of Mari Scientific Research Institute)* 16. Yoshkar-Ola, 139–153 (in Russian).

76. Khalikov, A. Kh. 1961. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology)* 97. Moscow, 157–242 (in Russian).

77. Khalikov, A. Kh. 1962. In *Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition)* II. Yoshkar-Ola, 7–187 (in Russian).

78. Khalikov, A. Kh. 1967. In *Proiskhozhdenie mariiskogo naroda (Origins of the Mari People)*. Yoshkar-Ola, 9–36 (in Russian).

79. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh’ia (Ancient History of the Middle Volga River Region)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

80. Khalikov, A. Kh. 1972. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (1), 100–109 (in Russian).

81. Khalikov, A. Kh. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz istorii kul’tury i byta tatarskogo naroda i ego predkov (From the History of Culture and Everyday Life of Tatar People and its Ancestors)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 3–19 (in Russian).

82. Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam’e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

83. Khalikov, A. Kh. 1977. In *Drevnosti Volgo-Kam’ia (Antiquities of the Volga-Kama Region)*. Kazan, 7–14 (in Russian).

84. Khalikov, A. Kh. 1978. *Proiskhozhdenie tatar Povolzh’ia i Priural’ia (Origin of the Tatars of Volga River and the Cis-Urals Regions)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).

85. Khalikov, A. Kh. 1980. *Prikazanskaia kul'tura (The Prikazanskaya Culture)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V I–24. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
86. Khalikov, A. Kh. 1985. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (5), 161–164 (in Russian).
87. Khalikov, A. Kh. 1989. *Tatarskii narod i ego predki (The Tatar People and its Ancestors)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
88. Khalikov, A. Kh. 1994. *Mongoly, tatory, Zolotaia Orda i Bulgariia (The Mongols, the Tatars, Golden Horde and Bulgaria)*. Kazan: “Fän” Publ. (in Russian).
89. Khalikov, A. Kh. 2011. *Osnovy etnogeneza narodov Srednego Povolzh'ia i Priural'ia (Basics of Ethnogenesis of the Middle Volga and Cis-Urals Peoples)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
90. Khalikov, A. Kh., Bezukhova, E. A. 1960. *Materialy k drevnei istorii Povetluzh'ia (arkheologicheskie issledovaniia v Vetluzhskom raione Gor'kovskoi oblasti v 1957 godu) (Materials on the Ancient History of the Vetulga River Area: Archaeological Investigations in the Vetluga District, Gorky Oblast, in 1957)*. Gorky (in Russian).
91. Khalikov, A. Kh., Lebedinskaia, G. V., Gerasimova, M. M. 1966. *Pepkinskii kurgan (abashevskii chelovek) (Pepkino Burial Mound: the Abashevo Human)*. Series: *Proceedings of the Mari Archaeological Expedition III*. Yoshkar-Ola (in Russian).
92. Khalikov, A. Kh., Patrushev, V. S. 1982. *Volzhskie anan'intsy: Starshii Akhmylovskii mogil'nik (Volga Population of Ananyino Culture: the Elder Akhmylovo Burial Ground)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
93. Khalikova, E. A. 1971. In *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnic Genesis of the Turkic-speaking Peoples of the Middle Volga Region)*. Kazan, 64–93 (in Russian).
94. Khlebnikova, T. A. 1962. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology)* 111. Moscow, 93–152 (in Russian).
95. Khlebnikova, T. A. 1964. In *Itogovaia nauchnaia sessiia Kazanskogo instituta iazyka, literatury i istorii AN SSSR (Final Scientific Session of the Kazan Institute of Language, Literature and History of the USSR Academy of Sciences)*. Kazan, 66–68 (in Russian).
96. Khlebnikova, T. A. 1971. In *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnic Genesis of the Turkic-speaking Peoples of the Middle Volga Region)*. Kazan, 156–174 (in Russian).
97. Khlebnikova, T. A. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 234–251 (in Russian).
98. Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Question of Ethnocultural Composition of the Population)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
99. Khlebnikova, T. A. 1987. In *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ., 32–88 (in Russian).
100. Khuzin, F. Sh. 1995. *Velikii gorod na Cheremshane. Stratigrafiia, khronologiia. Problemy Biliara-Bulgara (Great Town on Cheremshan River. Stratigraphy, Chronology. Problems of Bilyar and Bulgar)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

101. Khuzin, F. Sh. 2001. *Bulgarskii gorod v X— XIII vv. (Bulgar City in 10th—13th Centuries)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; “Master-Line” Publ. (in Russian).

102. Khuzin, F. Sh. 2006. *Rannie bulgary i Volzhskaia Bulgariia (VIII — nachalo XIII v.) (Early Bulgars and Volga Bulgaria (8th — Early 13th Centuries))*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; “Foliant” Publ. (in Russian).

103. Khuzin, F. Sh., Nabiullin, N. G. 1999. In *Arkheologicheskoe izuchenie bulgarskikh gorodov (Archaeological Study of Bulgar Towns)*. Kazan: “Master-Line” Publ., 90–103 (in Russian).

104. Khuzin, F. Sh., Nigamaev, A. Z. 1999. In *Arkheologicheskoe izuchenie bulgarskikh gorodov (Archaeological Study of Bulgar Towns)*. Kazan: “Master-Line” Publ., 114–142 (in Russian).

105. Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. 2005. *Drevniaia Kazan' (Ancient Kazan)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

106. Khuzin, F. Sh., Khakimov, R. S. 2000. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 220–229 (in Russian).

107. Khuzin, F. Sh., Sharifullin, R. F. 1999. In Starostin, P. N. (ed.). *Problemy drevnei i srednevekovoi arkheologii Volgo-Kam'ia (Issues of the Antique and Medieval Archaeology of the Volga – Kama Area)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 85–100 (in Russian).

108. Chizhevskii, A. A. 2008. *Pogrebal'nye pamiatniki naseleniia Volgo-Kam'ia v finale bronzovogo — rannem zheleznom vekakh: Predanan'inskaia i anan'inskaia kul'turno-istoricheskie oblasti (Funerary Sites of the Volga-Kama Population in the Finale of the Bronze – Early Iron Age: Pre-Ananyino and Ananyino Cultural-Historical Areas)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; “Shkola” Publ. (in Russian).

109. Shpilevskii, S. M. 1877. *Drevnie goroda i drugie bolgarsko-tatarskie pamiatniki v Kazanskoï gubernii (Ancient Towns and Other Bulgar-Tatar Sites in the Kazan Province)*. Kazan: Kazan University (in Russian).

110. Iusupov, G. V. 1960. *Vvedenie v bulgaro-tatarskuiu epigrafiku (Introduction to Bulgar-Tatar Epigraphy)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

111. Khalikova, E. A., Kazakov, E. P. 1977. Le cimetièr de Tankeevka. In *Les anciens hongrois et les ethnies voisines a l'Est*. Budapest, 21–221.

112. Halikova, E. A., Halikov, A. H. 1981. *Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani)*. Régészeti Füzetek, ser. II, No 21. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.

About the Authors:

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member, Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

Sitdikov Ayrat G. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012,

the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

УДК 902/904

**ФОТОМАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
СЪЕЗДОВ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (К 137-ЛЕТИЮ IV
КАЗАНСКОГО СЪЕЗДА)**

© 2014 г. Д.В. Серых

Рассмотрены итоги IV Всероссийского Археологического съезда, который состоялся в Казани в 1877 г. и внес большой вклад в развитие отечественной археологии. Можно сказать, что именно с него Всероссийские археологические съезды стали постоянно действующей организационной структурой. На нем прозвучала идея создания научного общества в Казани, и уже в следующем 1878 г. было создано Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Такие направления исследований, как финно-угорская и золотоордынская археология, булгароведение во многом ведут свое начало с этого же времени. В статье освещается тематика докладов на Съезде, актуальность которых сохраняется до сих пор. Впервые публикуются редкие фотографии с Археологических съездов из архивных фондов Москвы и Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: Археологический съезд, Казань, история археологии, граф А.С. Уваров, Общество археологии, истории и этнографии, фотоматериалы.

Всероссийские археологические съезды (далее – АС) со времени их основания оставались основным общероссийским форумом представителей гуманитарных дисциплин исторического профиля. Чрезвычайно широкое понимание археологии, как комплекса дисциплин, отразившееся в тематической структуре АС, было характерно для российской науки второй половины XIX в. Археологические съезды внесли существенный вклад в развитие археологии, истории, палеографии, нумизматики, сфрагистики, лингвистики, этнографии, исторической географии, архивоведения и других дисциплин.

В 2014 году, когда российское археологическое сообщество вновь собирается в Казани, уместно вспомнить о

IV Казанском съезде 1877 года и процессе формирования традиций всероссийских археологических съездов.

Вторая половина XIX – начало XX вв. – это время выделения основных разделов отечественной археологической науки, открытия реперных памятников, выделения ключевых археологических культур.

Богатое историко-культурное наследие народов России – древние курганы и городища, находки каменных и металлических орудий, развалины средневековых городов – в течение 1850–1970-х гг. перестало быть «невидимым» для ученого сообщества. Увлечение классической археологией, характерное для первой половины XIX века, сменилось массовым интересом к собственным древностям.

Развитие научного знания подкреплялось процессами институализации науки, созданием формальных и неформальных объединений ученых, налаживанием научных связей во всероссийском масштабе. Эпоха реформ Александра II дала возможность объединять усилия и консолидировать зарождающееся научное сообщество.

Граф А.С.Уваров сумел создать организационную структуру, отвечающую потребностям формирующейся археологической науки, которая до этого была «элитарной» дисциплиной, доступной узкому кругу столичных ученых. Все проекты, инициированные Московским археологическим обществом за полвека его существования, были направлены на расширение социальной базы науки, привлечение в нее новых сил.

Система динамично перемещающегося научного центра в виде проводившихся раз в три года съездов полностью отвечала потребностям науки. На первых трех АС – в Москве (1869 г.), Петербурге (1871 г.) и Киеве (1874 г.) были сформулированы основные теоретические положения, касающиеся целей и задач археологической науки.

Начиная с III Киевского съезда, каждый новый АС открывал также несколько новых разделов археологического знания. Уже на I АС заняла свое место в структуре науки о древностях первобытная археология. На III Киевском АС было уделено особое внимание славяно-русской археологии.

IV Казанский археологический съезд занимает в истории съездов особое место. Можно сказать, что именно проведением АС в Казани в 1877 году завершилось становле-

ние Всероссийских археологических съездов как постоянно действующей организационной структуры. Именно в Казани установилась максимально демократическая система допуска на заседания съезда всех желающих. Это было достигнуто введением членского взноса в размере 3 рублей. Эта сумма была вполне доступной даже для небогатых провинциальных ученых. Члены IV АС за указанную сумму имели также право получить достаточно дорогостоящие «Труды» съезда. Несмотря на то что «Труды» IV АС были изданы с большим опозданием (первый том через 7 лет, второй том через 11 лет), экземпляры высылались членам АС бесплатно, о чем свидетельствует обширная переписка по этому вопросу (ОРРК НБ КГУ. Инв. №№ 7454. Казань, 1884; 7454. Казань, 1885). Впоследствии право членов съезда на бесплатное получение «Трудов» в «Правилах» не оговаривалось, Казанский съезд в этом смысле был уникальным.

Научные результаты Казанского съезда сложно не только переоценить, но даже перечислить в кратком очерке. Такие направления, как финно-угорская и золотоордынская археология, болгароведение во многом ведут свое начало со времени становления IV АС.

Двухтомный сборник «Трудов» съезда содержит материалы, значение которых до сих пор велико. Так, статья финского ученого И.Р. Аспелина – одна из первых опубликованных на русском языке работ, связанных со становлением типологического метода в археологии (Аспелин, 1884, с. 5–18). Краткая статья киевского археолога В.Б. Антоновича также одна

Рис. 1. Групповой фотоснимок членов V Археологического съезда в Тифлисе (1881 г.) // ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 9. Л. 1.

Рис. 2. Групповой фотоснимок членов V Археологического съезда в Тифлисе (1881 г.) // ФА НА ИИМК. F-51-89.

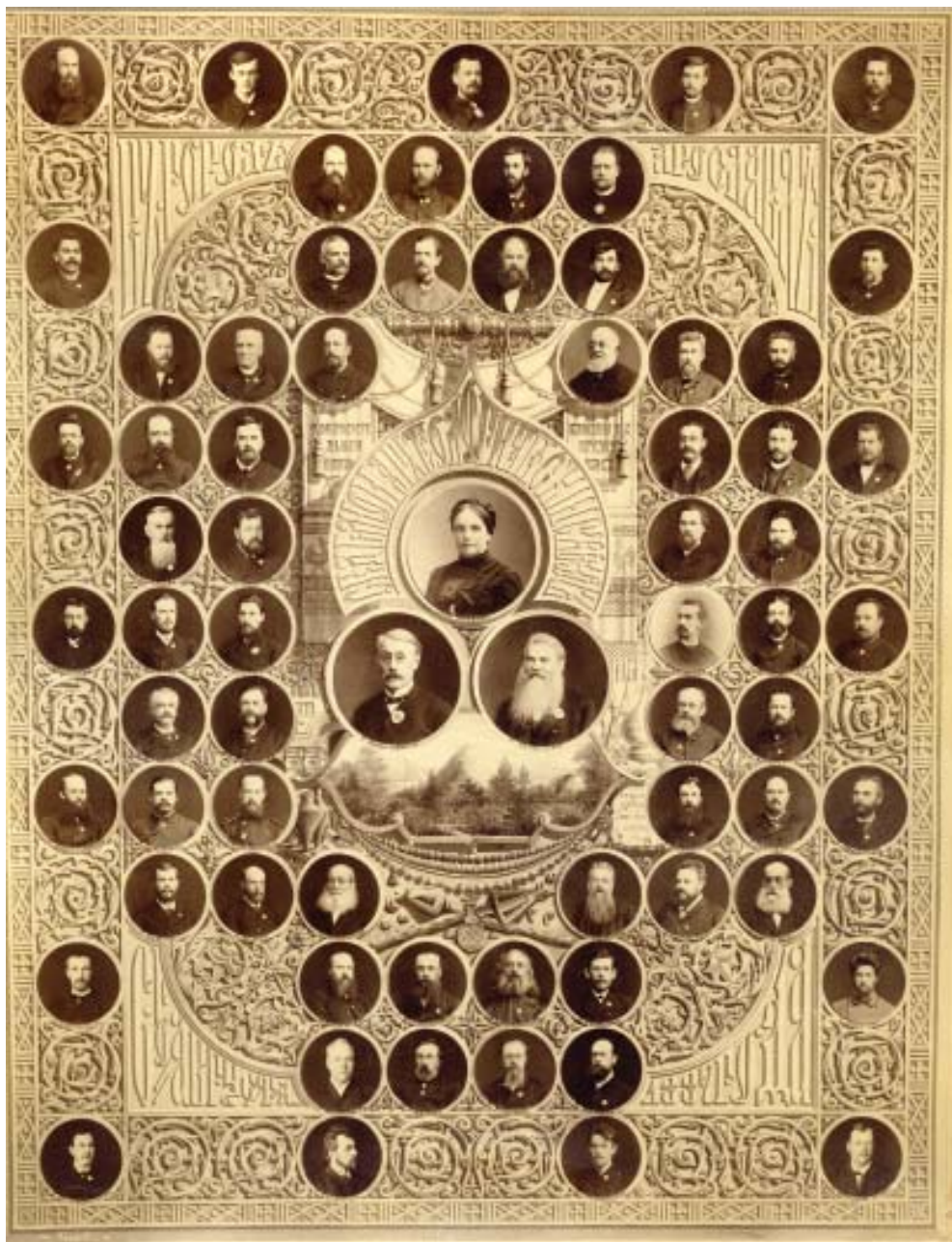

Рис. 3. Фотоальбом VII Археологического съезда в Ярославле (1887 г.) // ФА НА ИИМК. Q-697.1.

Рис. 4. Меню одного из торжественных приемов V Археологического съезда в Тифлисе. 18 сентября 1881 г. На фр. яз. // Фонд Отдела редких книг Государственной публичной исторической библиотеки.

Рис. 5. Карикатура из газеты «Фаланга», посвященная Археологическому съезду в Тифлисе (1881 г.) // ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 9. Лл. 422об.-423.

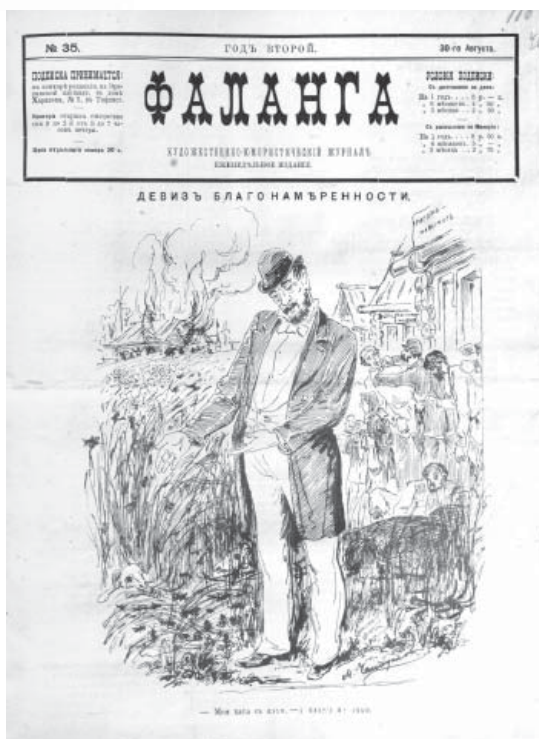

Рис. 6. Карикатура на графа А.С.Уварова в газете «Фаланга» // ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 9. Л. 406.

Рис. 7 XI Археологический Съезд. Киев 1 – 20 Августа 1899 г. Фотогравюра С.В.Кульженко. Киев // Фонд Отдела редких книг Государственной публичной исторической библиотеки в Москве.

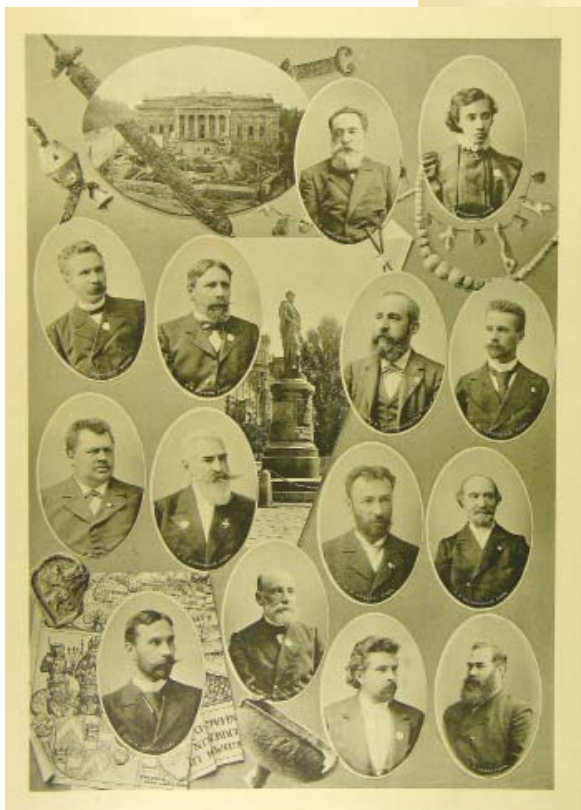

Рис. 8 XI Археологический Съезд. Киев 1 – 20 Августа 1899 г. Фотогравюра С.В.Кульженко. Киев // Фонд Отдела редких книг Государственной публичной исторической библиотеки в Москве.

Рис. 9 XI Археологический Съезд. Киев 1 – 20 Августа 1899 г. Фотогравюра С.В.Кульженко. Киев // Фонд Отдела редких книг Государственной публичной исторической библиотеки в Москве.

Рис. 10 XI Археологический Съезд. Киев 1 – 20 Августа 1899 г. Фотогравюра С.В.Кульженко. Киев // Фонд Отдела редких книг Государственной публичной исторической библиотеки в Москве.

Рис. 11 XI Археологический Съезд. Киев 1 – 20 Августа 1899 г. Фотогравюра С.В.Кульженко. Киев // Фонд Отдела редких книг Государственной публичной исторической библиотеки в Москве.

Рис. 12 XI Археологический Съезд. Киев 1 – 20 Августа 1899 г. Фотогравюра С.В.Кульженко. Киев // Фонд Отдела редких книг Государственной публичной исторической библиотеки в Москве.

Рис. 13 XI Археологический Съезд. Киев 1 – 20 Августа 1899 г. Фотогравюра С.В.Кульженко. Киев // Фонд Отдела редких книг Государственной публичной исторической библиотеки в Москве.

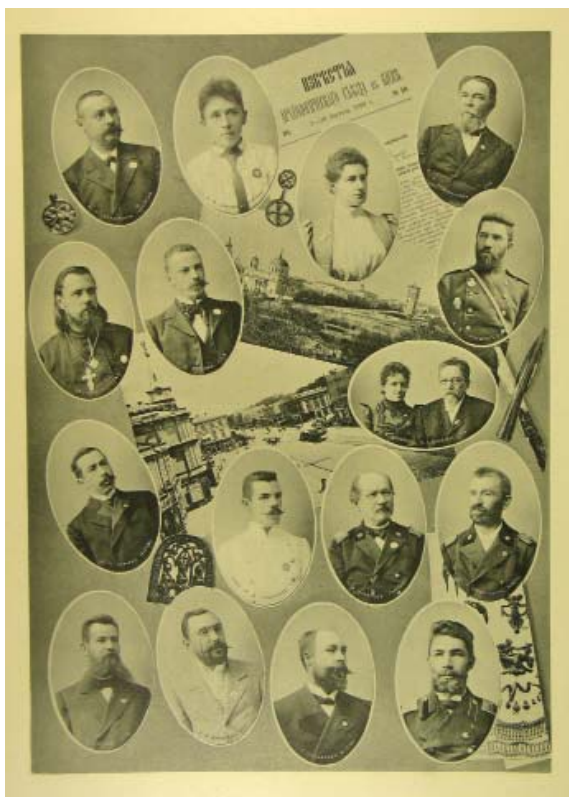

Рис. 14 XI Археологический Съезд. Киев 1 – 20 Августа 1899 г. Фотогравюра С.В.Кульженко. Киев // Фонд Отдела редких книг Государственной публичной исторической библиотеки в Москве.

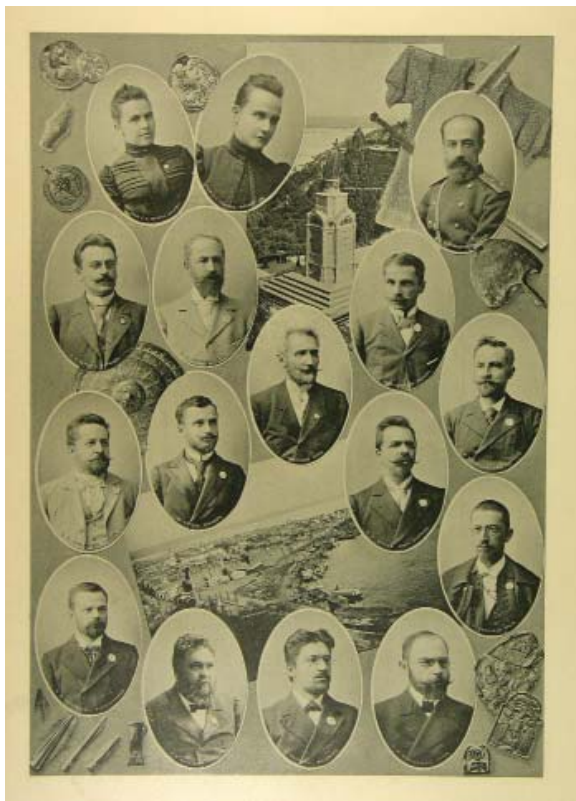
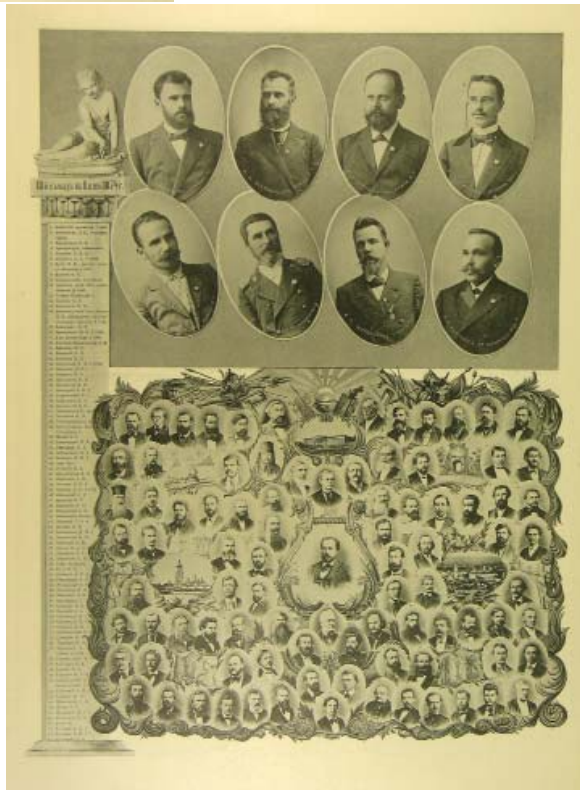

Рис. 15 XI Археологический Съезд. Киев 1 – 20 Августа 1899 г. Фотогравюра С.В.Кульженко. Киев // Фонд Отдела редких книг Государственной публичной исторической библиотеки в Москве.

Рис. 16 XI Археологический Съезд. Киев 1 – 20 Августа 1899 г. Фотогравюра С.В.Кульженко. Киев // Фонд Отдела редких книг Государственной публичной исторической библиотеки в Москве.

Снизу: перепечатка фотоальбома III Археологического съезда в Киеве (1874 г.).

из первых в своем роде (Антонович, 1884, с. 45–47). Автор на основе анализа подкурганых захоронений в южнорусских степях выделяет пять хронологических горизонтов. Работа В.Б. Антоновича, а также ряд вопросов, сформулированных для программы съезда графом А.С. Уваровым, – первые шаги по выделению бронзового века и построению непрерывной хронологической шкалы от каменного века до нового времени (Четвертый Археологический съезд, 1876, с. 11–19). На один из вопросов программы съезда: «В каком отношении к русской археологии находятся теории о трех периодах – каменном, бронзовом и железном» – было получено, таким образом, сразу несколько содержательных ответов, основанных на богатом археологическом материале.

Отдельным культурным явлением, оказавшим огромное влияние на все казанское общество, стала выставка, подготовленная к съезду. Предметы на выставке были привезены делегатами практически со всей европейской части России и представляли собой прекрасный обзор новейших достижений отечественной археологии (Указатель выставки, 1877).

Съезд продолжался почти три недели, поэтому в завершение было проведено несколько экскурсий, среди которых экскурсия по Казани, в Свяжск, трехдневная поездка в Болгары, а также по монастырям и архивам губернии (Труды IV АС, Т. I, 1884, с. СXXXIX–CXL).

Само проведение такого масштабного научного мероприятия консолидировало местную интеллигенцию, прежде всего, профессо-

ров Казанского университета. Одни только издания, вышедшие к съезду и содержащие ответы на вопросы его программы, внесли огромный вклад в развитие поволжской археологии. К работам С.М. Шпилевского, П.Г. Заринского, К.И. Невоструева и сейчас обращаются специалисты.

Съезд стал ключевым моментом в организации научных сил Казани. Уже на заседаниях прозвучала идея организации научного общества, воплощенная в жизнь уже в следующем 1878 году (Корсаков, 1884, с. 3–14). Единственный университетский город в Поволжье с этого времени становится одним из основных археологических центров России. В первые годы существования общества ведущую роль в нем играли ученые, которые являлись самыми активными работниками Предварительного комитета IV Археологического съезда 1877 г. Среди профессоров Казанского университета следует выделить Д.А. Корсакова, который вместе с графом А.С. Уваровым взял на себя самый тяжелый подготовительный труд, включающий переписку с участниками со всей России.

Процесс организации археологических съездов изучен по архивным фондам, где отложились черновики научных докладов, протоколы заседаний, финансовые документы, переписка и другие материалы (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 625; Там же. Оп. 3. Ед. хр. 8; и др.). К сожалению, фотографические свидетельства, относящиеся к 1870-м годам, чрезвычайно редки. На данный момент не выявлены фотоснимки участников Казанского съезда. Поэтому читателям предла-

гается ознакомиться с фотолетописью всероссийских археологических съездов более позднего времени.

Архивные материалы не только знакомят нас с портретами участников съездов, но и демонстрируют некоторые интересные моменты, связанные с восприятием съездов и археологической науки в российском обществе. Например, сатирическая газета г. Тифлиса разразилась серией статей и карикатур, посвященных трехнедельному пребыванию археологов в городе. Как свидетельство о торжественных

приемах во дворце Великого князя Михаила – сохранившееся меню обеда на французском языке.

Автор искренне благодарен за возможность опубликовать архивные фотоматериалы сотрудникам Отдела письменных источников Государственного Исторического музея и лично Н.Б. Быстровой, Фотоархива Научного архива Института истории материальной культуры и лично Г.В. Длужневской, Отдела редких книг Государственной публичной исторической библиотеки.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ИЗДАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ IV АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ СЪЕЗДУ В КАЗАНИ

Шпилевский С.М. Древние города и другие Булгарско-Татарские памятники в Казанской губ. Посвящается IV Археологическому Съезду. Казань, 1877. (Приложение к «Ученым Запискам Императорского Казанского Университета» 1877 г.). X+585 стр. 8°.

Заринский П.Е. Очерки древней Казани, преимущественно XVI в. С планом Казани. Казань, 1877. 219 стр. 8°.

Невострюев К.И. Список с писцовых книг по г.Казани с уездом, 1566 – 1568. Изд. Сов. Каз. Дух. Акад. к IV Археологическому Съезду в Казани, под ред. свящ. Е.А.Малова. Казань, 1877. 88 стр. 8°.

Миллер В.Ф. Взгляд на «Слово о полку Игореве». Посвящается IV Археологическому Съезду в Казани. 1877. Стр. II-260, 8°.

Золотницкий Н.И. Невидимый мир по шаманским воззрениям Черемис. Казань, 1877. 8°. («Ученые записки Казанского Университета» 1877, стр. 735 – 759).

Аристов Н.Я. О земле Половецкой. Ист.-Геогр. Очерк. («Изв. Ист.-Фил. Инст. кн.Безбородко в Нежине» за 1877 г.). Киев, 26 стр. 8°.

СПИСОК ИЗДАНИЙ IV АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА В КАЗАНИ

Четвертый съезд археологический в Казани. 31-го июля 1877 года. М., 1876. 25 с.

Известия о занятиях четвертого археологического съезда в Казани. №№ 1-10. Казань, 1877. 192 с.

Указатель выставки при четвертом Археологическом съезде (Прилож. к «Известиям о занятиях IV Археологического съезда»). Казань, 1877. 94 с.

Труды четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т. 1. Казань, 1884. 682 с.

Атлас к Трудам четвертого Археологического съезда. Казань, 1889. 18 л.

Труды четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т. 2. Казань, 1891. 457 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонович В.Б. О похоронных типах Юго-Западного края // Тр. IV АС. – Т. I. – Казань, 1884. – С. 45–47.
2. Аспелин И.Р. О потребности в изучении форм предметов и постепенном развитии этих форм в доисторических временах // Тр. IV АС. – Т. I. – Казань, 1884. – С. 5–18.
3. Корсаков Д.А. Об основании в Казани ученого общества для исследования археологии, истории и этнографии Казанского края // Тр. IV АС. – Т. I. – Казань, 1884. – С. 3–14.

Информация об авторе:

Серых Данила Витальевич, кандидат исторических наук, доцент, Самарский государственный университет (г. Самара, Российская Федерация); maol864@yandex.ru

THE PHOTO MATERIALS OF THE ALL-RUSSIA ARCHAEOLOGICAL CONGRESSES OF THE IMPERIAL RUSSIA (TO 137TH ANNIVERSARY OF 4TH KAZAN CONGRESS)

D.V. Serykh

The results of the 4th Russian Archaeological Congress that took place in Kazan in 1877 and made a great contribution to the development of Russian archaeology are considered. It can be said that starting from the Kazan convention the Russian Archaeological Congresses became a permanent organizational structure. The idea of establishing a scientific society in Kazan was suggested at the Congress, and in 1878 the Society for Archaeology, History and Ethnography was created with Kazan University. The research areas such as Finno-Ugric and Golden Horde archaeology, as well as Bulgar studies largely have their origin from that time. The article highlights the thematic range of presentations made at the Congress, which have not lost actuality today. The rare photographs taken at Archaeological Congresses and kept in Moscow and St. Petersburg archival funds are published in the article for the first time

Key words: Archeological congress, Kazan, history of archaeology, Count A.S. Uvarov, Society for Archaeology, History and Ethnography, photo materials.

REFERENCES

1. 1. Antonovich, V. B. 1884. In *Trudy IV arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 4th Archaeological Convention)* I. Kazan, 45–47 (in Russian).
2. Aspelin, I. R. 1884. In *Trudy IV arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 4th Archaeological Convention)* I. Kazan, 5–18 (in Russian).
3. Korsakov, D. A. 1884. In *Trudy IV arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 4th Archaeological Convention)* I. Kazan, 3–14 (in Russian).

About the Author:

Serykh Danila V. Candidate of Historical Sciences, docent. Samara State University. Akademik Pavlov St., 1, Samara, 443011, Russian Federation; mao1864@yandex.ru

УДК 902

К ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ БОЛГАРА

© 2014 г. Р.Ф. Шарифуллин

В статье кратко излагается история археологического изучения Болгарского городища. Первый раскоп на территории памятника был заложен В.Г. Тизенгаузенем в 1864 году. Затем, более 70 лет, на городище отмечались лишь эпизодические работы на отдельных участках и объектах. Планомерное археологическое изучение Болгара началось с 1938 года, под руководством А.П. Смирнова, и продолжается до настоящего времени. Была разработана стратиграфическая шкала Болгара, которая успешно применяется при изучении всех памятников Волжской Булгарии. Материалы раскопок отражены в различных изданиях, в том числе и в виде пяти книг очерков «Город Болгар» и в сводном атласе «Великий Болгар» (2013). С 2010 г. вступила в действие программа по музеефикации городища Болгар. Новейшие исследования ведутся с применением современных технологий, в частности, неразрушающими геофизическими и аэрокосмическими методами.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, средневековье, город Болгар, археологические исследования, стратиграфия, топография, публикации, музейный комплекс, современные методы исследования.

На территории и в округе Болгарского городища яркие названия имеют не только архитектурные памятники (Черная, Белая, Красная, Восточная и Греческая палаты, Северный мавзолей (Монастырский погреб), Ханская усыпальница и т.д.). Интересны названия озер и водоемов: Мочилище (Мочилки, озеро Рабиги), Британкино, Голландское (Галанкино), Подорлово, Шачино, Капитанский колодец. Свои, не менее звучные, имена сохранили отдельные участки городища и урочища: Ага-Базар, Армянская колония, Черноморье, Коптелов и Бабий бугры. Именно с последнего урочища и получила начало археология Болгара.

Бабий бугор представляет собой мыс на краю верхней террасы в западной части городища, выступающий на север над склоном левого берега реки Меленка, ныне заполненной водами

Куйбышевского водохранилища. Название «Бабий бугор» отражает местное предание о том, что здесь когда-то молодые женщины водили хороводы.

В 1864 г. рекогносцировочные раскопки на Бабьем бугре произвел барон В.Г. Тизенгаузен – востоковед, историк, археолог и нумизмат, будущий член-корреспондент Российской академии наук (СИЭ, 1973, т. 14, с. 215–216; ТЭС, 1999, с. 575). Но тогда он еще только получил возможность заниматься наукой, третий год занимая должность заместителя председателя Археологической комиссии – первой государственной, а не общественной структуры, образованной при Министерстве двора 2 февраля 1859 г. Раскоп выявил остатки кладбища с многочисленными погребениями. Так, ровно 150 лет назад, был открыт

первый полевой сезон на Болгарском городище.

Позднее могильник неоднократно подвергался археологическим раскопкам (Ефимова, 1960, с. 129; 1974, с. 24.). Особенно большое количество погребений (около 200) было выявлено при раскопках Н.Ф. Высоцкого и Н.М. Малиева в 1880 г. (Халикова, 1978, с. 205–211.). Более 100 погребений изучено при работах 1913 г. под руководством М.М. Хомякова. Еще более плодотворными оказались работы А.М. Ефимовой в 1947–1948 гг., позволившие не только расчистить 218 погребений, но и установить, что кладбище возникло здесь в XII в. на месте заброшенного болгарского поселка X–XI вв. и продолжало существовать вплоть до XIV в. (Акчурина, Ефимова и др., 1950, с. 74–80).

Но мнения исследователей в интерпретации этнической принадлежности населения, оставившего могильник, не были едиными. По мнению автора раскопок, погребальный обряд средневекового некрополя характеризуется в целом мусульманскими чертами с включением языческих пережитков, а население, оставившее могильник на Бабьем Бугре, являлось местным болгарским, финно-угорских истоков (Ефимова, 1974, с. 28–29). Е.А. Халикова же считала, что большая часть погребений на этом могильнике не могут относиться к мусульманским, так как у большинства погребенных на Бабьем Бугре не выдержано направление лица к югу, т.е. к Мекке, и не стабильно положение верхних и нижних конечностей. В то же время, безынвентарность могил не позволяет считать их языческими (Халикова, 1978, с. 208). По ее предположению, некрополь на Ба-

бьем Бугре, исходя из близких аналогий по погребальному обряду и антропологическому типу со средневековыми христианскими кладбищами Подонья и Северного Кавказа, мог быть оставлен пришлой христианской группой населения – аланами или славянами (Халикова, 1978, с. 210–211). И.Р. Газимзянов, соглашаясь с мнением А.М. Ефимовой о мусульманском характере погребального обряда на Бабьем Бугре, отмечает, что он (обряд. – *Р.Ш.*) отражает начальную стадию мусульманизации каких-то групп населения, вошедших в состав Волжской Булгарии во второй половине домонгольского периода. Не исключено, что приток нового населения происходил и позднее, вероятно, уже в золотоордынское время. Одной из этих групп могла быть средневековая мордва-мокша. Не отрицает он и болгаро-аланский элемент в погребальном обряде и антропологическом типе населения, оставившего могильник на Бабьем бугре (Газимзянов, 2002, с. 137).

Таким образом, вскрытие, введение в научный оборот и интерпретация первого археологического памятника на территории Болгарского городища заняли несколько десятилетий.

С конца 70-х годов XIX столетия начинаются археологические работы и на других участках городища. Но вплоть до 1938 г. исследование Болгара и его памятников не отличается системностью и носит эпизодический характер. Как правило, всплеск археологической активности наблюдался при или перед проведением каких-либо заметных мероприятий или событий, или в учебных целях (Хлебникова, 1987, с. 32–33).

В 1877 году в Казани состоялся IV Археологический съезд и его участники провели двухдневные раскопки в Болгаре.

Спустя десять лет, в 1887 г., предпринимается попытка проведения масштабного вскрытия «Белой палаты». История этих раскопок подробно отражена в протоколах заседаний Общества археологии истории и этнографии при Казанском университете и достойна стать предметом отдельного исследования. Для контроля за проведением раскопок и для их завершения в Болгар был направлен член Общества В.А. Казаринов, благодаря которому краткие результаты раскопок и отдельные чертежи «Белой палаты» были опубликованы в «Известиях общества археологии, истории и этнографии» (Казаринов, 1888, с. 17–36).

В 1893 году под руководством П.А. Пономарева проводятся разведочные обследования на городище и вокруг него, в частности, в урочище «Ага-Базар» (в 6 км к западу от Болгара), расчищаются башни-пилоны «Малого Городка» (укрепленная площадка за южными воротами города) и работы ученых на городище замирают на 20 лет. Возможно, как предполагала Т.А. Хлебникова, в этом сыграло роль отрицательное отношение к необходимости проведения экспедиций на Болгарском городище П.А. Пономарева и А.А. Спицына, связывавших историю городища лишь с «татарским» периодом и не видевших здесь остатков домонгольского города (Хлебникова, 1987, с. 32–33). К сожалению, информация об этих раскопках крайне скудно отражена научной документацией. Еще большее сожаление вызывает тот факт, что в то же время, наряду с археологически-

ми изысканиями в центральной части городища, на участках, не принадлежавших Обществу археологии, проводились какие-то раскопочные работы частными лицами по поручению различных министерств и ведомств. О последних сохранились лишь глухие упоминания, иногда с указанием места работ, что подтвердилось уже в 1990-е годы при археологических исследованиях, зафиксировавших следы интенсивной и полной выборки камня из древних кладок.

В 1913–1916 гг. Общество археологии, истории и этнографии все же возобновляет работы на городище. Обследуется северо-восточная часть городища над «Капитанским колодцем», изучается район гончарного производства на юго-западе Болгара у так называемого «Голландского озера», продолжают исследования могильника на «Бабьем бугре», начинается расчистка мавзолеев у «Малого минарета» и т.д. Тогда же была предпринята попытка начать изучение «Греческой палаты» за западным валом городища (Хлебникова, 1987, с. 33).

Внимание ученых привлекали в основном архитектурные памятники, при расчистке которых выявлялся план и назначение построек, а также отдельные районы городища, с которых уже имелся накопленный ранее специфический материал, позволяющий проводить сравнительный анализ (напр., могильник «Бабий бугор»). Следует отметить участие в раскопках С.И. Покровского, Б.Е. Крелленберга, П.И. Кротова, М.М. Хомякова, В.Ф. Смолина, М.Г. Худякова. Археологические исследования, проведенные в 1920-х годах А.С. Башкировым в районе «Малого минарета» и в «Чер-

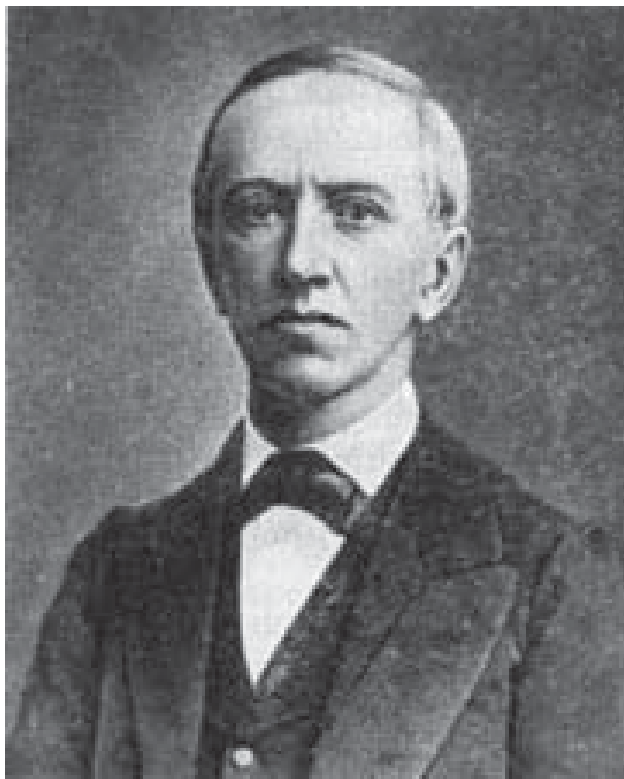

Рис. 1. (а). Портрет
В.Г. Тизенгаузена

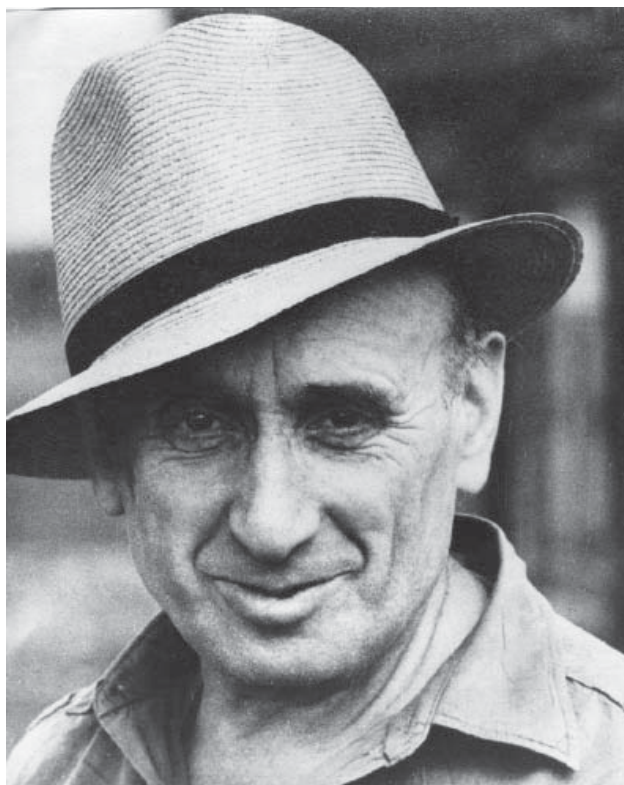

Рис. 1. (б). Портрет
А.П. Смирнова

ной палате» А.Ф. Адлером на «Бабьем бугре», состояли по-прежнему лишь в небольших раскопках и проводились, скорее всего в учебных целях, при подготовке молодых специалистов. Тогда же Башкиров обратился впервые к исследованию фортификации Болгара (Хлебникова, 1987, с. 33).

Новый этап в археологическом изучении Болгарского городища начался в 1938 г., когда работы возглавил известный историк, археолог

А.П. Смирнов (ТЭС, 1999, с. 522; Хлебникова, 1999). 1938 год считается началом Болгарской археологической экспедиции (до 1973 г. под руководством А.П. Смирнова, позже Т.А. Хлебниковой (ТЭС, 1999, с. 632) и Р.Ф. Шарифуллина). Экспедиция стала работать систематически, масштабно, с новыми подходами, методикой, целеустремленно. Не останавливаясь подробно на всех этапах и направлениях деятельности экспедиции, отдельные моменты (до 2010 года) все же хотелось бы отметить особо.

За 70 полевых сезонов систематического археологического исследования Болгарского городища в период 1938–2007 гг. вскрытие его культурного слоя проведено 200 раскопами общей площадью около 22000 кв.м. Почти половина площади (93 раскопа) исследована под неизменным руководством А.П. Смирнова, отдавшего Болгару более 30 лет своей жизни.

До 1949 г. работы проводила экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР с участием Государственного исторического музея и Государственного музея Татарской АССР.

В 1950–1954 гг. и в 1957 г. археологические исследования на городище

проводил Болгарский отряд Куйбышевской археологической экспедиции Института археологии АН СССР с участием ГИМ и ГМТР.

С 1964 года работы на городище продолжает Болгарский отряд Поволжской археологической экспедиции Института археологии АН СССР, в составе которого работали и археологи других научных учреждений (ГИМ; Гос. Эрмитаж; ГМТР; ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР; Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник; Объединение «Росреставрация» и др.). С созданием в 1969 г. Болгарского государственного историко-архитектурного заповедника материалы, получаемые в результате археологических раскопок, стали передаваться на хранение в его фонды.

С 1981 г. тема археологического изучения Болгара была включена в планы научно-исследовательских работ Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, а позже вошла в планы НИР Института истории АН РТ.

Обращаясь к вопросу об исследованности городища в настоящее время, можно привести несколько итоговых цифр. За семь десятилетий на городище, его укреплениях, на склоне верхней террасы и в заречной части памятника, с учетом также «Ага-базара» и иноземных колоний – «Армянской» и «Древнерусской», раскопами вскрыта общая площадь около 25 тыс. кв.м. Только за первые сорок лет работ экспедиций были исследованы ряд памятников архитектуры (такие как: монументальная общественная баня XIV в. – «Красная палата»; несколько менее крупных кирпичных бань вдоль края верхней террасы и в

подгорной части, датируемых этим же временем; «Греческая палата»; «Черная палата»; «Соборная мечеть», строительство которой было начато еще в конце XIII в.; «Северный мавзолей»; мавзолеи у «Малого минарета и др.), оборонительные сооружения, объекты домостроительства и ремесленного производства горожан в различные периоды жизни Болгара. Был накоплен огромный вещественный материал, легший в основу экспозиции и фондов Болгарского заповедника.

С первых лет планомерных раскопок пристальное внимание обращалось на стратиграфию культурных напластований и ее связь с топографией памятника. А.П. Смирновым была поставлена задача разработки стратиграфической шкалы, для чего он уже в довоенные годы стремился сопоставить синхронные по времени напластования разных раскопов. На первом этапе работ, в связи с постановкой вопроса о времени возникновения города, несколько раскопов было заложено на верхнем плато и у подножия террасы в северо-восточной части городища, но для более полного, хотя и первоначального, представления о городе было начато исследование центральной, северо-западной и юго-западной частей городища, его окраины, укреплений и территории за их пределами. В результате были обнаружены поселения конца I тыс. н.э., предшествующие возникновению города на «Коптеловом» и «Бабьем» буграх. В центре верхнего плато, близ Соборной мечети и по центральной улице села выявлены разновременные культурные напластования города начиная с X–XI вв., обнаружены многочисленные ремесленные, жилые и

хозяйственные объекты X–XV вв., примыкающий к центру ремесленный район с меднолитейными, коженными, косторезными, кузнечными мастерскими, сыродутными и чугунолитейными горнами. У Голландского озера обнаружена гончарная слобода XIV в.

В разработанной к настоящему времени шкале различается семь напластований – от времени, предшествовавшего возникновению города, и до отложений современного села. На отдельных участках городища фиксируется и более дробное деление слоев на горизонты, что дает возможность более четко датировать объекты исследования. Но общая схема, последовательность и хронологические рамки слоев доказаны многолетними работами (Хлебникова, 1987, с. 45–78). Поэтому разработанная шкала Болгара дает возможность связывать любой его участок с определенным периодом в истории города и позволяет более целенаправленно исследовать историческую топографию, проследить динамику развития территории и локальные особенности развития отдельных его районов.

Систематические исследования городища дали возможность получить обширный и разнообразный материал по многим вопросам истории и культуры города Болгара в различные периоды его жизни, в том числе по исторической и социальной топографии, по динамике развития его территории, по строительству, ремеслам, торговле, благоустройству и т.д. (Город Болгар, 1987; 1988; 1996; 2001; 2008).

Среди объектов, исследованных в 1979–1983 гг., – общественная баня, известная в литературе как «Белая палата» и находящаяся примерно в цен-

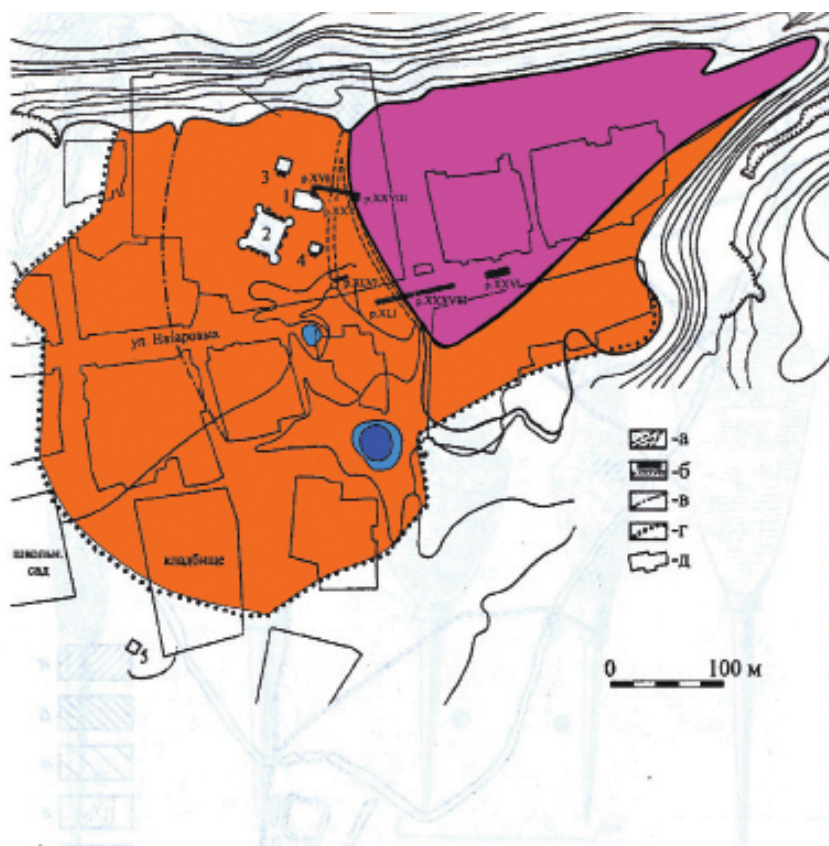

Рис.42. План Болгара X–XII вв. По Т.А.Хлебниковой.

Условные обозначения: а – рвы X–XI вв. (западная граница “цитадели”), б – раскопки, в – возможная граница третьей линии укреплений, г – линия укреплений предмонгольского времени, д – усадьбы и постройки села. 1 – церковь Успения, 2 – Соборная мечеть, 3 – дюрбе “Монастырский погреб”, 4 – дюрбе “церковь св. Николая”, 5 – Черная палата.

Рис. 3. Домонгольский Болгар (по Т.А.Хлебниковой).

Рис. 4. Общий вид раскопа «Дом с башнями».

Рис. 5 (а)

Рис. 5 (б)

Рис. 5 (в)

Рис. 5 (а,б,в). «Дом с башнями» в процессе исследования.

тре верхнего плато городища. За пять полевых сезонов удалось вскрыть памятник полностью (Шарифуллин, 2001, с. 217–218, с. 235–249). Выяснена стратиграфическая связь его с основанием верхнего горизонта IV слоя, определено время строительства – 30–40-е годы XIV столетия, выявлены следы ремонтных и реставрационных работ на нем, изучены приемы строительства, вспомогательные объекты строительного производства – печь для выжигания извести и др. Несмотря на то что памятник, как уже упоминалось, подвергался раскопкам в 1887 г., новыми, более полными, работами и с современной методикой исследований получено немало дополнительных сведений о памятнике. Выяснилось, что баня имела две отопительные печи, цистерны для подогрева воды, поглотительные колодцы, водопроводные и канализационные трубопроводы. Отмечен такой строительный прием, характерный и для памятников болгар домонгольского времени на Билярском городище и в Казанском кремле, как уплотнение подошвы фундамента путем забивания свай-коротышей. Вскрыто помещение, не затронутое раскопом XIX в., в котором были аккуратно сложены несколько эпиграфических памятников. Выяснено, что первоначально все здание, за исключением отопительных печей, было возведено из белого известняка на известково-алебастровом растворе. Впоследствии в результате реставрационных работ XVIII в. (возможно, во исполнение известного повеления Петра I), северная (предбанная) часть здания была переложена из кирпича (30 x 15 x 9 см) на цемяночном растворе. Вероятно, тог-

да же были собраны в одной из комнат и надмогильные болгарские камни.

Севернее «Черной палаты» М.Д. Полубояриновой и Н.Д. Аксеновой был исследован сырцовый дом с кирпичной печью и «канами». Здесь же прослежен фундамент каменной постройки, размерами и ориентировкой подобной «Черной палате». Сырцовый дом, судя по находкам принадлежавший состоятельному лицу, – пока первый такого типа почти в центре городища, и примечательно, что связан он с самыми поздними напластованиями золотоордынского слоя, когда пришлое для Болгара население, жившее до разорения города Булак-Тимуром несколько обособленно, стало переселяться ближе к центру города.

За «Малым минаретом» и в южной части городища Н.Д. Аксеновой были вскрыты четыре каменных мавзолея-дюрбе конца XIV в., что подтвердило мнение о превращении юго-восточного района в обширное кладбище после погрома 1361 г. Южный двухкамерный мавзолей интересен еще и тем, что в его помещениях было зафиксировано 12 погребений, 10 из которых имели следы деревянных гробовищ, а одно было заключено в кирпичный склеп (Аксенова, 2001, с. 205–216).

За южным валом городища в 1981–1984 гг. проводились работы по изучению сооружений «Малого городка». В результате было частично расчищено каменное здание в южной его части, возведенное в линии укреплений городка. С северной стороны были вскрыты остатки привратных башен-пилонов, причем оказалось, что один из них представляет собой монолитную башню с внутренней винтовой лестницей, а другой – караульное

помещение. Исследователю удалось установить, что объекты городка не были достроены, а сам городок, судя по крайней незначительности находок, не был обжит, что, вероятно, связано с погромом 1361 г. Здесь же, между Малым городком и укреплениями города, были расчищены руины здания, являвшегося помещением для омовений (Беляев, 2001, с. 261–294).

Интересны раскопы (иссл. Т.А. Хлебникова, М.М. Кавеев) в центре городища, у здания котельной, давшие выразительную стратиграфию культурных напластований центральной части города от самых ранних, домонгольских, слоев до слоя периода Казанского ханства. Среди выявленных сооружений привлекает внимание заглубленный в грунт основательный фундамент из крупных столбов и закрепленных между ними горизонтальных бревен, стратиграфически относящийся к VI слою (X – начало XI вв.). Эти конструкции удалось выявить на протяжении более 25 метров и, по мнению исследователей, они являются следами стены в виде «оплота», возможно, от укреплений цитадели.

Два раскопа были заложены в 1989–1990 гг. вблизи здания картинной галереи (выставочного зала) Болгарского заповедника (иссл. М.М. Кавеев, Р.Ф. Шарифуллин). При значительной переотложенности культурных напластований здесь все же зафиксированы и расчищены остатки нескольких земляночных и полуземляночных построек жилого и хозяйственного назначения домонгольского и золотоордынского периодов жизни города. В западной части обоих раскопов отмечены линзы щебня и строительного мусора, что дает

основание предполагать наличие рядом остатков какого-то каменного сооружения (Полубояринова и др., 1991, с. 142–143).

В 1991 г. археологические работы проведены в интерьере Восточного мавзолея, что было вызвано необходимостью музеефикации памятника. Здесь расчищены остатки 7 деревянных и каменных склепов золотоордынского периода, в некоторых из них зафиксированы останки погребенных. Исследователи считают, что отдельные погребения могли быть совершены еще до или при строительстве дюрбе (Баранов, Кавеев, 2001, с. 180–194).

Одним из интереснейших объектов остается расположенный к юго-западу от Соборной мечети археологический комплекс, исследуемый с 1989 г., но с перерывами (Полубояринова и др., 1991, с. 143; Кокорина и др., 1994; Баранов и др., 2012; Коваль, 2013, с. 9). Работы по расчистке мощного котлована (шириной до 2 м) фундамента оказались весьма трудоемкими. Камень кладки выбран позднейшими камнедобытчиками почти полностью. Прослежена стена протяженностью с юго-востока на северо-запад более чем на 30 м. О назначении этой конструкции судить пока затруднительно, но не исключено, что исследователи наткнулись на следы городского рынка. В целом, комплекс датируется концом XIII – серединой XIV вв., хотя здесь же встречены и объекты домонгольского времени.

Исследователи отмечают, что вместе со значительным количеством нумизматического материала, фиксируемого на раскопе в виде компактных пятен, так же четко локализуются сырье, полуфабрикаты, предметы и

Рис. 6. «Белая Палата».

орудия производства из кости, стекла, гипса, цветного металла. О торговом назначении исследуемого комплекса свидетельствуют и находки практически в каждом сооружении разновесов и деталей весов. Вне всякого сомнения, этот комплекс остается одним из наиболее привлекательных объектов археологического изучения. На сегодня раскопами исследовано более 1000 кв. м, что составляет примерно 2/3 предполагаемой площади вскрытия (Баранов и др., 2012, с. 160; Коваль, 2013, с. 9).

Чуть дальше, к северо-западу, у края верхней террасы, на съезде с верхнего плато к туристическому комплексу, возведенному на песчаной отмели у подножия в 1991–1992 гг. в охранных целях разрабатывались еще два раскопа (иссл. В.С. Баранов, М.М. Кавеев). Здесь выявлены напластования практически всех слоев стратиграфической шкалы городища, хотя и в значительной степени переработанных постройками и сооружениями русского села XVII–XIX вв. Особый интерес представляют остатки древнего керамического водопровода, шедшего с верхнего плато на север, к подножию. Трубопровод отлично сохранился и прослежен уже

на несколько десятков метров. Хронологически он связан с золотоордынским временем существования города (Баранов, 2001, с. 333).

Следующим памятником, изучение которого завершено в 1993 г., стала «Восточная палата» – еще одна общественная баня, возведенная одновременно с Соборной мечетью в середине XIII столетия примерно в 150 м к северо-западу от Иерусалимского оврага. Выяснена стратиграфическая связь здания с культурными напластованиями IV золотоордынского слоя. Удалось установить, что строительный горизонт сооружения залегает в нижнем горизонте этого слоя, что впоследствии подтвердилось находками, в том числе 40 монетами, самая ранняя из которых датируется 1293 годом, а основная масса – 20–30-ми годами XIV столетия. Не вызывает сомнений и назначение сооружения – общественная баня. В пользу этого свидетельствуют общий план постройки и размеры, весьма сходные с планировкой других известных бань Болгара, например, «Красной» и «Белой» палатами. К этому следует добавить наличие отдельных специфических конструктивных особенностей и деталей: следы цистерн для

воды над центральной отопительной печью, разветвленная система подпольного отопления, фрагменты и целые трубы, каменные муфты-смесители, желоба из камня под трубы водопровода и канализации. Кроме того, с восточной стороны, перед устьем отопительной печи, расчищены остатки большого водоема-накопителя с отстойником для сбора осадков и талых вод. Здесь же, рядом и под зданием, исследованы сооружения и постройки, как связанные с периодом строительства и функционирования здания, так и более раннего времени, например, остатки неглубокого (до 2–2,5 м) рва X в. и наземного бревенчатого дома, погибшего в пожаре 1236 г. при захвате города монголами. Восточная палата была частично реставрирована и заняла достойное место в ряду памятников по маршруту туристической экскурсии (Шарифуллин, 2001, с. 218, 249–256).

Еще один памятник монументального зодчества, исследуемый с 1994 г. (Шарифуллин, 2012), располагается у края верхней террасы, над «Красной палатой». К настоящему времени вскрыта площадь более 1500 кв. м при средней мощности культурного слоя в 160–180 см, что позволило расчистить полностью остатки крупной кирпично-каменной постройки с угловыми башнями-пилонами, вытянутой с севера на юг. Накопленный раскопками материал позволяет соотнести время начала его строительства с серединой XIII столетия. Расположение в непосредственной близости от центрального ансамбля архитектурных памятников Болгара, достаточно богатый комплекс находок дают надежду, что

перед нами остатки нерядовой постройки.

Здесь же выявлено более 100 других объектов и сооружений разных периодов, в том числе существовавших еще до строительства здания, или связанных с его возведением. Интересен ров домонольского времени, засыпанный практически сразу же после укладки по дну деревянного желоба.

Поэтому еще одно направление работ экспедиции последнего времени – изучение фортификационных сооружений Болгара, успешно проводимое А.М. Губайдуллиным на разных участках домонгольских и золотоордынских рубежей обороны города (Губайдуллин, 2003; 2011).

С 1986 года П.Н. Старостиным велось и практически завершены исследования на северо-восточной окраине Болгарского городища, вблизи поселка Приволжский, по склонам т.н. «Малого Иерусалимского оврага».

Первый раскоп, заложенный по правому берегу оврага, дал возможность расчистить остатки наземного жилища X в. и зафиксировать следы более поздней, но домонгольской же плотины.

Не менее интересными оказались и результаты работ на невысокой террасе левого склона. Здесь вскрыто несколько хозяйственных ям и остатки жилищ X в. Наряду с болгарской керамикой раннего облика, напоминающей посуду Танкеевского могильника, в обилии встречены сосуды, характерные для памятников Верхнего Прикамья, что, несомненно, ценно для исследователей, изучающих этнические процессы, происходившие в регионе в период становления болгарской государственности. Особо следует от-

метить находки в жилищах четырех серебряных, саманидских дирхемов начала X в., бронзового идольчика-привеску приуральского облика, обломки ножей и пр. Все это позволяет усматривать в низовьях «Малого Иерусалимского оврага» остатки очень раннего поселения волжских болгар (Старостин, 1993, с. 62; Полубояринова и др., 1991, с. 143).

Результаты работ Болгарской археологической экспедиции, а в какой-то степени и работ последних десятилетий, уже нашли частичное отражение в подготовленных коллективом исследователей пяти книгах очерков «Город Болгар», в которых излагались материалы, отражающие историю изучения, хронологию, динамику развития памятника на различных этапах его жизни. Отдельно были изданы очерки, освещавшие развитие ремесел, строительного дела, искусства, культуры и торговли (Город Болгар, 1987; 1988; 1996; 2001; 2008). Кроме того, на основе этих книг, был издан сводный том – Атлас с дополнениями и DVD приложением (Великий Болгар, 2013).

Между тем археологические исследования продолжают и накопился значительный материал, который, в силу тех или иных причин, не успел попасть в предыдущие тома серии.

Например, как мы уже упоминали, выявлено и практически полностью изучено поселение IX–X вв. (иссл. Старостин П.Н.), одно из наиболее ранних в регионе, отражающее процессы освоения земель и этнической ассимиляции.

Накоплен значительный материал, показывающий динамику развития фортификации города в ранний и

поздний периоды его жизни (Губайдуллин, 2003; 2011).

Исследован самобытный «Усть-Иерусалимский некрополь», отражающий этнические процессы XIV столетия (Газимзянов, 1998; 2002; 2003; 2004).

Подготовлен к изданию очерк «Жилища Болгара» (иссл. Полубояринова М.Д.), который мог бы стать «ядром» очередного тома.

Завершено археологическое изучение еще одного крупного памятника монументального зодчества болгар в северной части городища (Шарифуллин, 2012). Это так называемый «Дом с башнями», повторяющий в плане Соборную мечеть Болгара, строительство которого было начато с последним одновременно. Из известных к настоящему времени объектов – это всего лишь третий по счету, датируемый серединой XIII столетием.

Несомненно, все эти исследования могут дать богатейшие материалы, интересные как с научной точки зрения, так и с экспозиционной.

С 2010 г. по инициативе первого президента Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева и Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры начата работа по изучению и сохранению древнего Болгара и острова-града Свияжск – выдающихся памятников мирового значения. Программа предусматривает и меры по созданию на их территории современной музейной и туристической инфраструктуры. Масштабные археологические исследования проводятся Институтом истории и Институтом археологии АН РТ с привлечением специалистов Казанского (Приволжского) федерального университета, Института

археологии РАН и других научных и технологий научного исследования, в учебных учреждений. Исследования частности, неразрушающими геофизическими и дистанционными аэрокосмическими методами, позволяющими локализовать участки со следами интенсивной жизнедеятельности, находящиеся под толщей культурного слоя. Широкие археологические раскопки памятника уже дали интересный материал по исторической топографии и развитию средневекового Болгара, но это уже темы отдельных публикаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аксенова Н.Д.* Археологическое изучение мавзолеев юго-восточной и южной частей города Болгара // *Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство.* – М.: Наука, 2001. – С. 200–216.
2. *Акчурина З.А., Ефимова А.М., Смирнов А.П., Хованская О.С.* Раскопки Великих Болгар // *КСИИМК.* – Вып. XXXIII. – М.-Л., 1950, – С. 63–80.
3. *Баранов В.С.* Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение // *Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство.* – М.: Наука, 2001. – С. 311–353.
4. *Баранов В.С., Кавеев М.М.* Археологическое исследование мавзолеев центральной части Болгарского городища // *Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство.* – М.: Наука, 2001. – С. 176–199.
5. *Баранов В.С., Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю.* Исследования остатков монументальной постройки к юго-западу от Соборной мечети в Болгаре // *ПА.* – 2012. – № 1. – С. 158–171.
6. *Великий Болгар.* – М., Казань: Феория, 2013. – 404 с.: ил.
7. *Газимзянов И.Р.* Исследования Усть-Иерусалимского могильника на территории Болгарского городища // *Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. 60 лет археологического изучения: итоги и перспективы.* Тез. науч. конф. – Болгар, 1998. – С. 30–31.
8. *Газимзянов И.Р.* Еще раз о могильнике «Бабий бугор» // *Вопросы древней истории Волго-Камья.* – Казань, 2002. – С. 132–137.
9. *Газимзянов И.Р.* Усть-Иерусалимский могильник (к вопросу о мордовском компоненте в составе городского населения средневекового Болгара) // *Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории).* Тез. док. – Саранск, 2003. – С. 45–47.
10. *Газимзянов И.Р.* Краниология Усть-Иерусалимского могильника // *Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений.* 27–30 мая 2004 г. – Казань-Болгар, 2004. – С. 46–49.
11. *Город Болгар: Очерки истории и культуры.* – М.: Наука, 1987. – 233 с.
12. *Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности.* – М.: Наука, 1988. – 280 с.
13. *Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков.* – Казань, 1996. – 300 с.
14. *Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство.* – М.: Наука, 2001. – 365 с.

15. Город Болгар: Культура, искусство, торговля.– М.: Наука, 2008. – 276 с.
16. *Губайдуллин А.М.* Оборонительные сооружения Болгарского городища: современное состояние и проблемы реконструкции // Проблемы охраны и реставрации памятников в современных условиях. – Казань, 2003. – С. 55–56.
17. *Губайдуллин А.М.* Новые данные по оборонительным сооружениям Болгарского городища X в. // Научный Татарстан.– Казань, 2011. – № 2. – С. 109–111.
18. *Ефимова А.М.* Могильник на Бабьем бугре городища Болгары // МИА, – № 80. – М., 1960. – С. 169–194.
19. *Ефимова А.М.* Кладбище на окраине посада города Болгара // Города Поволжья в средние века. – М.: Наука, 1974. – С. 24–29.
20. *Казаринов В.А.* Развалины древних зданий при селе «Болгарах» Спасского уезда Казанской губернии // ИОАИЭ,– т. VI, вып. 2.– Казань, 1888. – С. 17–36.
21. *Коваль Ю.В.* Торговый инвентарь из раскопок базара середины XIV века в Болгаре // ПА. – 2013. – № 4. – С. 9–33.
22. *Полубояринова М.Д., Полякова Г.Ф., Старостин П.Н., Шарифуллин Р.Ф.* Работы в городе Болгар // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Ижевск, 1991. – С. 142–144.
23. Советская историческая энциклопедия. – Т.14. – М.: Изд-во “Советская энциклопедия”, 1973. – 524 с.
24. *Старостин П.Н.* Раннее поселение на правом берегу Малого Иерусалимского оврага в Болгарах // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. – Казань, 1993. – С. 53–63.
25. *Старостин П.Н.* Памяти Т.А. Хлебниковой // Татарская археология. – № 1–2 (8–9), – Казань, 2001. – С. 229–232.
26. Татарский Энциклопедический Словарь. – Казань: Институт Татарской энциклопедии, 1999. – 703 с.
27. *Халикова Е.А.* О могильнике “Бабий бугор” в Болгарах // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – С. 205–211.
28. *Хлебникова Т.А.* История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар: Очерки истории и культуры. – М.: Наука, 1987, – С.32–88.
29. *Хлебникова Т.А.* А.П. Смирнов и Булгар // Татарская археология. – № 1-2(4-5), – Казань, 1999. – С. 10–14.
30. *Шарифуллин Р.Ф.* Бани Болгара и их изучение. // Город Болгар: Мону-ментальное строительство, архитектура, благоустройство.– М.: Наука, 2001. – С. 217–260.
31. *Шарифуллин Р.Ф.* Исследование крупной кирпично-каменной постройки в Болгаре в 1994–2011 гг. (предварительные результаты). // История и культура средневековых народов Степной Евразии. Материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей. – Барнаул, 2012. – С. 184–185.

Информация об авторе:

Шарифуллин Рафинд Фуатович, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); shariraf@yandex.ru

**TOWARDS THE HISTORY OF ARCHEOLOGICAL INVESTIGATION OF THE
BOLGAR TOWN**

R.F. Sharifullin

The history of archaeological studies on the Bulgar fortified settlement site is briefly reviewed in the article. The first excavation on the site of the monument was made by V. G. Tiesenhausen in 1864. For more than 70 years to follow, the settlement was only sporadically worked on separate sites and objects. The systematic archaeological study of Bulgar headed by A.P. Smirnov started in 1938, and is going on at present. The stratigraphic scale of Bulgar has been developed, which is successfully applied to the study of all Volga Bulgaria monuments. Excavation materials are reflected in various publications, including five books of essays “The City of Bulgar” and in the collection of maps entitled “The Great Bulgar” (2013). Starting 2010, a program for the preservation of the Bulgar fortified settlement site as a museum complex came into effect. Recent studies are conducted using modern technologies, in particular, non-destructive geophysical and aerospace methods.

Keywords: the Middle Volga River area, the Middle Ages, the town of Bulgar, archaeological studies, stratigraphy, topography, publications, museum complex, modern research methods.

REFERENCES

1. Aksenova, N. D. 2001. In *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: “Nauka” Publ., 200–216 (in Russian).
2. Akchurina, Z. A., Efimova, A. M., Smirnov, A. P., Khovanskaia, O. S. 1950. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Concise Bulletins of the Institute for the History of Material Culture) XXXIII*. Moscow; Leningrad, 63–80 (in Russian).
3. Baranov, V. S. 2001. In *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: “Nauka” Publ., 311–353 (in Russian).
4. Baranov, V. S., Kaveev, M. M. 2001. In *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: “Nauka” Publ., 176–199 (in Russian).
5. Baranov, V. S., Badeev, D. Yu., Koval', V. Yu. 2012. In *Povolzhskaya arheologiya (Volga River Region Archaeology) (1)*, 158–171 (in Russian).
6. Sitdikov, A. G. (ed.). 2013. *Velikii Bolgar (The Great Bolgar)*. Moscow; Kazan: “Feoriia” Publ. (in Russian).
7. Gazimzianov, I. R. 1998. In Starostin, P. N. (ed.). *Bolgar i problemy istoricheskogo razvitiia zapadnogo Zakam'ia. 60 let arheologicheskogo izucheniia: itogi i perspektivy (Bolgar and the Problems of Historical Development of Western Trans-Kama Area. 60 Years of Archaeological Study: Results and Perspectives)*. Bolgar: Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area; Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences, 30–31 (in Russian).
8. Gazimzianov, I. R. 2002. In Kazakov, E. P. (ed.). *Voprosy drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Issues of Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: “Master-Line” Publ., 132–137 (in Russian).
9. Gazimzianov, I. R. 2003. In *Povolzhskie finny i ikh sosedi v epokhu srednevekov'ia (problemy khronologii i etnicheskoi istorii) (The Volga River Finns and Their Neighbors*

in the Middle Age (issues of chronology and ethnic history)). Saransk, 45–47 (in Russian).

10. Gazimzianov, I. R. 2004. In *Drevnost' i srednevekov'e Volgo-Kam'ia. Materialy III Khalikovskikh chtenii (Antiquity and Early Middle Ages of the Volga-Kama Region. Proceedings of the III Khalikov Readings)*. Kazan; Bolgar: Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences, 46–49 (in Russian).

11. Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). 1987. *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

12. Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). 1988. *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

13. Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). 1996. *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Academy of Sciences of Tatarstan (in Russian).

14. Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). 2001. *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

15. Starostin, P. N. (ed.), Poluboiarinova, M. D. (comp.). 2008. *Gorod Bolgar: Kul'tura, iskusstvo, trgovlia (Town of Bolgar: Culture, Art, Trade)*. Moscow: "Nauka" Publ.

16. Gubaidullin, A. M. 2003. In *Problemy okhrany i restavratsii pamiatnikov v sovremennykh usloviakh (Protection and Restoration Issues of Monuments in Modern Conditions)*. Kazan, 55–56 (in Russian).

17. Gubaidullin, A. M. 2011. In *Nauchnyi Tatarstan (The Scientific Tatarstan) (2)*. Kazan, 109–111 (in Russian).

18. Efimova, A. M. 1960. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology) 80*. Moscow, 169–194 (in Russian).

19. Efimova, A. M. 1974. In Smirnov, A. P., Fyodorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns from the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 24–29 (in Russian).

20. Kazarinov, V. A. 1888. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University) VI (2)*. Kazan, 17–36 (in Russian).

21. Koval', Yu. V. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology) (4)*, 9–33 (in Russian).

22. Poluboiarinova, M. D., Poliakova, G. F., Starostin, P. N., Sharifullin, R. F. 1991. In *Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh'ia (Archaeological Discoveries in the Urals and Volga Region)*. Izhevsk, 142–144 (in Russian).

23. *Sovetskaia istoricheskaia entsiklopediia (Soviet Historical Encyclopedia) 14*. 1973. Moscow: "Sovetskaia entsiklopediia" Publ. (in Russian).

24. Starostin, P. N. 1993. In *Arkheologiya Volzhskoi Bulgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Problems, Research, Answers)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, 53–63 (in Russian).

25. Starostin, P. N. 2001. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology) 1–2 (8–9)*, Kazan, 229–232 (in Russian).

26. *Tatarskii Entsiklopedicheski Slovar' (Tatar Encyclopedic Dictionary)*. 1999. Kazan: Institute for Tatar Encyclopedia (in Russian).
27. Khalikova, E. A. 1978. In *Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy (Issues of Ancient and Medieval Archaeology of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 205–211 (in Russian).
28. Khlebnikova, T. A. 1987. In *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 32–88 (in Russian).
29. Khlebnikova, T. A. 1999. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 1-2 (4-5), Kazan, 10–14 (in Russian).
30. Sharifullin, R. F. 2001. In *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar: Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 217–260 (in Russian).
31. Sharifullin, R. F. 2012. In Tishkin, A. A. (ed.). *Istoriia i kul'tura srednevekovykh narodov Stepnoi Evrazii (History and Culture of the Medieval Peoples of the Eurasian Steppes)*. Barnaul: Altai State University, 184–185 (in Russian).

About the Author:

Sharifullin Rafind F. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; shariraf@yandex.ru

УДК 902/904: 001(091)

**ТВОРЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО УЧЕНОГО
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ КАЗАНСКОГО АРХЕОЛОГА И НУ-
МИЗМАТА А.Ф. ЛИХАЧЕВА)**

© 2014 г. С.Ю. Измайлова

В статье проведен анализ части архивного наследия одного из ярких представителей казанской школы археологов второй половины XIX в. Андрея Федоровича Лихачева. Архив А.Ф. Лихачева в настоящее время разрознен и сохраняется в различных архивах Казани, Петербурга и Москвы. Здесь опубликована и рассмотрена значительная группа документов из Национального музея Республики Татарстан, составленная корреспонденцией А.Ф. Лихачева представителям научных и художественных кругов, касающейся его собственных исследований. Анализ творческой лаборатории А.Ф. Лихачева на основании его эпистолярного наследия дает возможность заметить, что контакты исследователя в рамках деятельности различных научных организаций играли важную роль в его формировании /становлении как ученого, формируя навыки исследования и этику научной деятельности.

Ключевые слова: Казань, А.Ф. Лихачев, история науки, науковедение, археологические исследования, нумизматика, Русское археологическое общество, археологические коллекции, эпистолярное наследие.

Любая область научного знания является результатом деятельности многих поколений ученых, которые через поиски истины и индивидуальное творчество определяют направления и развитие науки. В значительной степени возникновение новых научных направлений зависит от целого ряда объективных факторов и субъективных особенностей каждого исследователя.

История развития научных идей свидетельствует о том, что каждый ученый своим творчеством и деятельностью может определять и менять не только основы научного мировоззрения своего времени, но и весь ход

культуры. В связи с этим особенно важно, чтобы творческий период в жизни исследователя и его личные стремления совпадали с предпочтениями общества, государственной политикой, общей системой развития научных знаний и нравственных ценностей.

Интерес к психологической стороне научного творчества не ослабевает на протяжении всей истории существования общества. Составляющие личности ученого интересны тем, что между творчеством и характером человека существует самая тесная связь. Характер способностей и его психологический тип определяют направ-

ления поисков и контактов, поведение в научном сообществе и достижения на поприще науки.

Постановка вопроса о составляющих личности ученого имеет важное методологическое значение. Непосредственным источником его познания является проникновение в творческую лабораторию ученого, приобщение к его научному наследию, к которому относятся не только книги и статьи, но и письма, дневники, воспоминания коллег и последователей, коллекции...

Как отмечает В.А. Мейдер, «подход к типологии (классификации) личности ученого весьма различен, ибо различны сами сферы научной деятельности. Да и процессы дифференциации и интеграции науки предполагают определенные установки при оценке личности ученого. Но увидеть составляющие личности ученых нам помогают они сами» (Мейдер, 2004, с.22).

Изучая творческую лабораторию ученого, можно оценить интеллектуальную составляющую его личности, определить его психологическую характеристику, предпочтения как члена научного сообщества. Через творческую лабораторию можно выявить появление и степень понимания новых идей, способность оценить сильные и слабые стороны научных исследований, осведомленность в своей области знания и т.д.

За каждым продуктом научного труда стоят незримые процессы: построение собственных идей и теорий, деятельность воображения и неутомимый труд, полемика со своими оппонентами и коллегами, особенности научных методов и критериев. Важную роль играют материалы рукопис-

ного наследия ученого, его личная переписка, как часть творческой лаборатории исследователя.

Одним из ярких представителей казанской школы археологов и провинциального научного сообщества второй половины XIX в. был Андрей Федорович Лихачев. Обращение к творчеству А.Ф. Лихачева интересно потому, что оно рельефно отражает многие черты науки той эпохи и складывавшиеся особенности археологии Среднего Поволжья. Имя А.Ф. Лихачева, прежде всего, ассоциируется с богатейшей коллекцией, включающей в себя художественные полотна, в том числе Рембрандта, Тициана, Брюллова, Айвазовского, Шишкина, и орудия каменного века, серебряные и золотые болгарские украшения и бронзовое оружие ананьинского времени, предметы быта народов Поволжья и собрание египетских древностей (рис. 4–10). Именно уникальное Лихачевское собрание составило основу первого публичного музея Казани – Казанского городского научно-промышленного музея, открытого в 1895 г., положив начало Казанскому музею – ныне Национальному музею и Музею изобразительных искусств Республики Татарстан. Однако значение деятельности А.Ф. Лихачева определяется не только его собранием, но и трудами в области археологии, истории, этнографии и нумизматики (Подробнее см.: Измайлова, Назипова, 2006).

Архив А.Ф. Лихачева дошел до нас в разрозненном состоянии и в настоящее время хранится в архивах различных учреждений Казани, Петербурга и Москвы. Почти весь семейный архив Лихачевского рода перешел по наследству к племяннику – известно-

му коллекционеру и ученому, профессору Н.П. Лихачеву. В 1908 г. вместе с обширной семейной библиотекой он перевез его в Петербург. Позднее письма и документы вошли в состав Петербургского отделения Архива Академии наук и архива Института истории. Отдельные материалы, связанные с деятельностью Лихачева как члена Русского археологического общества, представлены в архиве Института истории материальной культуры г. Санкт-Петербурга (письма, рукописи статей, см.: Климанов, 1993).

Вместе с тем значительная часть личного архива А.Ф. Лихачева осталась в Казани. В 1892 г. вместе с коллекциями архив (черновики письма, рукописи и черновики статей, рефератов и каталогов) частично был передан в Казанский городской научно-промышленный музей.

Чуть позднее отдельные документы были переданы в музей его сыном Федором Андреевичем Лихачевым, который в 1912–1914 и 1916–1917 гг. входил в состав Попечительского совета музея и принимал участие в описании коллекций отца.

В 1920-е годы ряд документов вместе с книжным собранием А.Ф. Лихачева были переданы в Восточный институт, а затем они вошли в состав фондов библиотеки Казанского государственного университета и в настоящее время хранятся в Отделе редких рукописей и книг Научной библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета.

В результате исследований удалось выяснить, что еще одна часть личного архива была увезена в Москву его внуком, Леонидом Лихачевым, который приезжал в Казань на похороны бабушки Р.И. Лихачевой в августе

1929 г., а затем – в 1930 г. Среди увезенных вещей были книги из Лихачевской библиотеки и отдельные дневники А.Ф. Лихачева. К сожалению, книги были почти все распроданы, а дневники почти полностью утрачены.

В 1957 г. личный архив Лихачева был существенно дополнен поступлением новых материалов (письма, рукописи статей – 100 листов) от известного казанского коллекционера Н.М. Коровина (Измайлова, 2000, с. 111–114).

В настоящее время в личном архиве, хранящемся в Национальном музее РТ, представлены рукописи научных статей, рефератов и каталогов, рисунки археологических предметов и монет, наброски планов местности и отдельные разрозненные фрагменты археологической карты Казанской губернии.

Значительную группу документов составляет переписка А.Ф. Лихачева с представителями научных и художественных кругов – археологами и нумизматами, членами Русского и Московского археологических обществ, коллекционерами и владельцами книжных магазинов (Измайлова, 1994).

Являясь источником личного происхождения, письма отражают сферу интересов и степень осведомленности автора в тех или иных областях знания, сугубо индивидуальные свойства ума и характера. Содержание писем позволяет понять сложность взаимоотношений адресатов и узнать факты научной биографии, которые иногда остаются неясными при изучении целого ряда научных документов.

Эпистолярное наследие играет важную роль в реконструкции творческой лаборатории ученого и позволя-

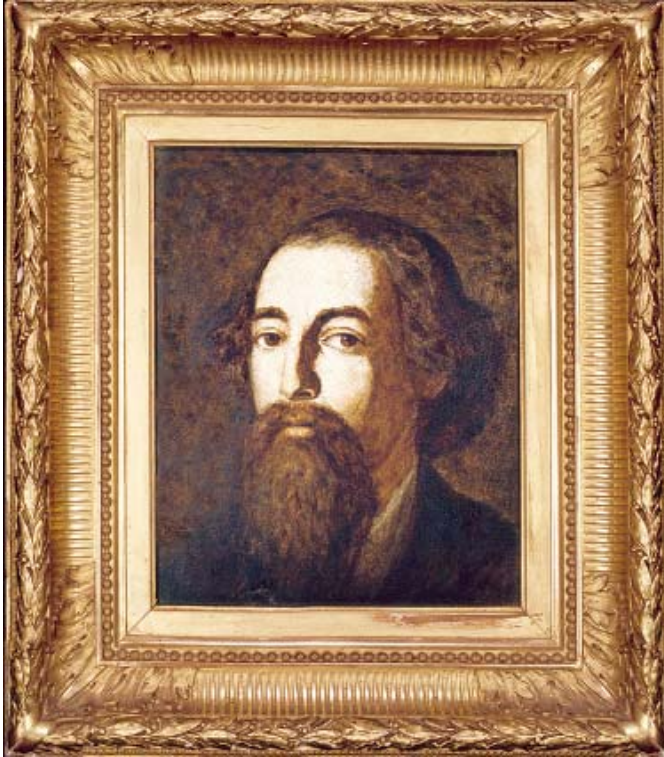

Рис. 1. Портрет А.Ф. Лихачева. Лавовый туф, масло. И.И. Журавлев. 1880-е гг. НМ РТ.

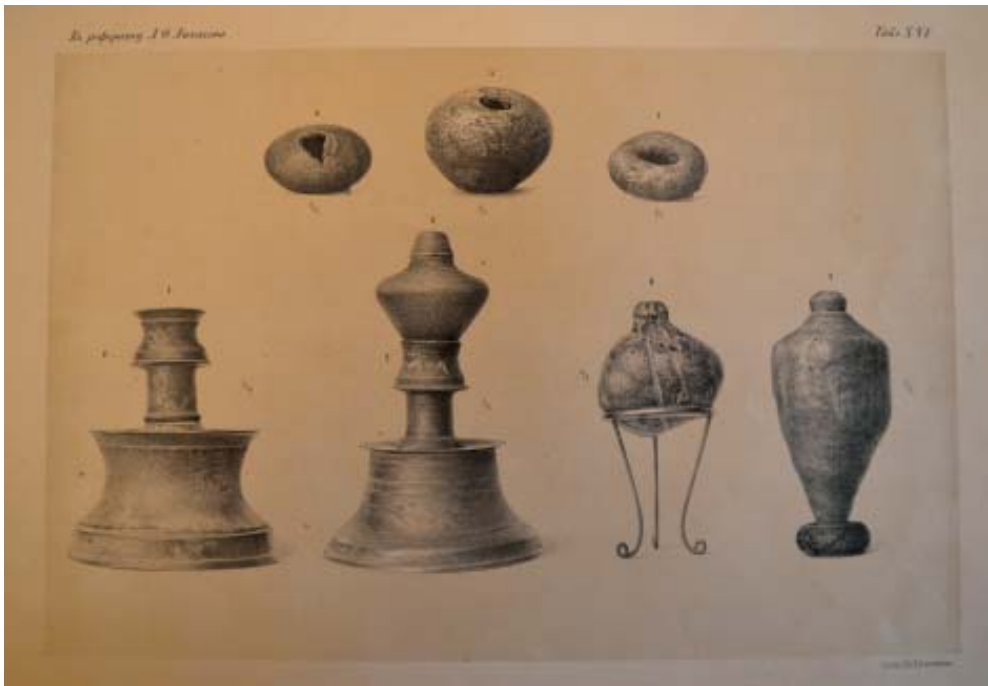

Рис. 2. Страница из Атласа А.Ф. Лихачева к трудам IV Археологического съезда.

Рис. 3. Страница из Атласа А.Ф. Лихачева к трудам IV Археологического съезда.

ет с большей степенью объективности оценить Лихачева как исследователя, узнать точки взаимодействия интересов провинциального и столичного научного сообществ России.

Далеко не всегда провинциальные ученые могли принимать участие в научных съездах, которые «давали возможность обменяться сведениями, были своеобразными профессиональными ассоциациями» (Мельникова, 2008, с. 29), и именно поэтому одной из важных форм коммуникации была переписка.

Согласно архивным материалам, начало переписки А.Ф. Лихачева с представителями научных столичных кругов относится к 1865 г. и связано со знакомством с П.И. Лерхом (с 1861 г. – библиотекарь Российского археологического общества – РАО, с 1862 г. – секретарь отделения западной и классической археологии РАО, с 1873 г. – секретарь Археологической комиссии). В 1865 г. Лерх с целью поиска и изучения находок каменных орудий объезжал Олонецкую, Вологодскую и Вятскую губернии и тогда же посетил Казань.

Широкая известность Лихачевского собрания среди казанцев способствовала стремлению столичного ученого познакомиться с коллекциями и самим владельцем. Петр Иванович Лерх был сверстником Лихачева и, вероятно, принадлежность к одному поколению, схожесть характеров и стремлений почти сразу предопределили между ними дружеские отношения.

В лице столичного ученого Лихачев нашел не только понимание единомышленника, но и душевное понимание. По ходатайству П.И. Лерха и при поддержке директора минц-

кабинета Эрмитажа А.А. Куника 11/23 октября 1865 г. А.Ф. Лихачев был избран в члены-корреспонденты Российского археологического общества, объединившего многих ведущих археологов России. Материалы переписки показывают, что это знакомство сыграло большую роль в научной деятельности Лихачева. Он вошел в круг общения столичного научного сообщества, что укрепило его уверенность в возможности стать достойным звания ученого.

В письме П.И. Лерху от 9 ноября 1865 г. Лихачев писал: *«Не нахожу слов, чтобы выразить Вам вполне мою душевную признательность за участие, оказанное Вами к моей скромной деятельности. Уже более 10 лет, как я занимаюсь собиранием древностей из Болгар, и до сих пор моя деятельность почти ни в ком не встречала себе ни подмоги, ни сочувствия»* (Письмо, 2, л. 1).

Не имея ученых степеней и самостоятельно занимаясь самообразованием в области археологии и восточной нумизматики, ему необходимо было знать те новые направления науки, которые активно развивались российскими и европейскими учеными.

Свою признательность за поддержку он выражал и В.Г. Тизенгаузену: *«Позвольте Вас поблагодарить за то, что Вы вспомнили о моей коллекции болгарских древностей и поместили о ней заметку в «Известиях», (она), конечно, выигрывает оттого, что именно Вы указали на нее и сочли ее замечательной. С тех пор, как я прочитал Ваш отзыв о ней, я сам смотрю на свою коллекцию с большим уважением»* (Письмо, 7).

По мнению ряда исследователей, «среди свойств, которые создают уче-

Рис. 4. Сфероконусы. Булгария. Улус Джучи. X-XIV вв. НМ РТ.

Рис. 5. Гончарная посуда. Булгария. X-XIII вв. НМ РТ. Керамика.

Рис. 6. Ушебти. XVIII династия. Египет. Середина II тыс. до н.э.

Рис. 7. Кратер краснофигурный. Апулия.
Середина IV в. до н.э.
Глина, лак, белая краска.

Рис. 8. Блюдо со сценой охоты. Сасанидский Иран. VII в. Серебро.

ного, важными являются, прежде всего, энтузиазм и оптимизм» (цит. по: Мейдер, 2004, с.21). В своих письмах Лихачев и сам неоднократно отмечал свое бескорыстное стремление содействовать развитию научных знаний и просвещению общества.

Это качество оказалось замеченным в научных кругах Петербурга и Москвы. Содержание писем вполне определяет психологический тип Лихачева-ученого как ученого-фанатика, увлеченного наукой до самозабвения, любознательного и весьма требовательного к собственной деятельности и деятельности местного научного сообщества. Поддержка столичных исследователей помогла ему оценить сильные и слабые стороны в своих поисках, осведомленность в определенной области знания и способности, выстроить приоритетные направления научных поисков и исследований.

Его мнение о том, что памятники материальной культуры могут не только подтверждать данные письменных источников, но даже опровергать и разоблачать их несостоятельность, подтверждалось коллегами по научному братству. Весьма скромно оценивая свои заслуги, Лихачев направил все усилия на популяризацию и издание своей коллекции.

Лихачева вдохновляло осознание того факта, что его собрание может стать основой для «будущей разработки отечественной истории по готовым материалам» и пробудить в других «желание заняться древностями различных местностей». Для себя он определил направления, которые изложил в письмах к своим столичным коллегам:

– «... буду всеми силами отыскивать в здешних местах «громовые

стрелы, и даже писал к некоторым своим родным и знакомым, живущим по деревням, об этом предмете» (Письмо, 3).

– «... собрать и сохранить все, что еще можно из болгарских древностей, потому что с каждым годом все реже становятся замечательные находки» (Письмо, 2).

– «...не сокрушайтесь, если малая толика кладов ускользает от поступлений в Археологическую комиссию. Относитесь более гуманно к этому факту... Если бы я не спас Чистопольский клад от гибели, то все равно он пропал бы втихомолку» (Письмо, 8).

При изучении обширной переписки А.Ф. Лихачева создается стойкое убеждение, что представители научного сообщества хорошо понимали ценность профессиональной бескорыстной поддержки, руководствуясь принципами истинного ученого, отличавшегося от множества других людей высоким уровнем развития интеллекта и образованности, культуры поведения.

В процессе теснейшего общения и обсуждения шло формирование личных библиотек, пополнявшихся новыми научными изданиями и трудами, приобретших статус раритета, научной ценности, возможных источниках их приобретения и т.д.

Большую помощь в пополнении библиотеки Лихачева новыми изданиями и статьями оказывали П.И. Лерх, И.И. Толстой, В.Г. Тизенгаузен и другие:

– «Прошу Вас рассчитывать на мою готовность к удовлетворению ваших желаний относительно книг, не имеющих в Казани, высылаю две собственные статьи и сочинение

Савельева о джучидских монетах» (Письмо, 1);

– «Прошу сообщить о вновь вышедших замечательных сочинениях по части отечественной, а также и иностранной археологии. Я не имею возможности об этом узнавать» (Письмо, 4);

– «прошу... сообщить список изданий Общества, которые еще имеются в складе, и приношу Вашему Сиятельству за это большую благодарность....»

За тем позвольте мне обратиться к Вашему Сиятельству с просьбой еще об одной книге; но на этот раз обращаюсь к Вам, как автору. В издании Вашего исследования о монетах Великого Новгорода упомянуто, что с требованиями на эту книгу можно обращаться и лично к Вам. На основании этого я осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Сиятельство выслать мне один экземпляр этого Вашего труда. Я имею также небольшую коллекцию древних русских монет, которую стараюсь, по возможности, держать в строгом порядке. На все желаемые книги, честь имею послать при сем двадцать пять рублей. В случае если бы этой суммы оказалось недостаточно на все означенные мною книги, то прошу Вас покорнейше меня о том уведомить, и я тотчас же с признательностью вышлю, сколько будет следовать» (Письмо, 9).

– «Я бы хотел приобрести некоторые издания Археологической Комиссии, да не знаю всего, что издано, и при том, которые из них наиболее интересны и доступны по цене. Если Вас это не затруднит, сделайте милость, укажите мне, что, по Вашему

мнению, стоит иметь под рукой из этих изданий?»

Вы также говорили мне, что из дублетов джучидских монет, имеющих в Археологической Комиссии, я мог бы приобрести некоторые, недостающие в моей коллекции; так нельзя ли достать каталог тех монет, которые могут быть уступлены комиссией, чтобы я мог выбрать те, которые мне нужны. Еще вы указывали мне на некоторые брошюры и статьи, касающиеся джучидских монет, которых я в своей библиотеке не имею; прошу вас написать их названия и сообщить, найду ли я их у Эрена» (Письмо, 6).

Именно изучение творческой лаборатории позволяет отметить и такую дружескую поддержку, как временное использование книг и книжных новинок из личных библиотек исследователей:

– «Вы снова обязали меня присылкой необходимых книг Э. Томаса и Ч. Роджера, и можете судить, как я был тронут этим, ибо Вы совершенно угадали, что в Казани этих книг нельзя найти. В моей библиотеке их пока еще нет, а в Университетской такие новейшие издания никому не требуются, так как коллекция восточных монет была передана в СПб. Университет, а новой не заводилось»;

– «Вы позволили мне держать Ваши книги до конца Августа, но я на несколько дней просрочил, в чем и прошу извинения» (Письмо, 7).

Лихачев неоднократно отмечал, что для него неотъемлемой частью становится научное общение, проходящее в письмах, когда становится возможным обсуждение дискуссионных научных тем и развития архео-

логии, а также атрибуции загадочных и малопонятных предметов, оценка собственных и чужих научных трудов: « *Живя постоянно вдалеке от ученых центров (я разумею центры, где занимаются археологией), бывает очень трудно сохранить уровень, на котором в данное время стоит наука*» (Письмо, 5).

Весьма скромно оценивая свои результаты, он неоднократно обращался к своим столичным коллегам проверить его изыскания, чтобы иметь возможность выйти на правильный путь и соответствовать современным требованиям высокой науки:

– «*я все-таки решил послать ему рисунки с моих болгарских древностей и небольшую статью о болгарской культуре, которая содержит в себе в сжатом виде результат исследований о болгарях с кратким описанием древностей и указанием на достопримечательности их.... Пожалуйста, рассмотрите ее и благосклонно уведомяте меня о том, как Вы ее найдете. Я очень верю, что Вы откроете много ошибок в моих взглядах и выводах; но разъясните же мне их и дайте возможность исправить их и стать твердой ногой на путь археологических исследований. Может быть, что при всех недостатках в статье найдете что-нибудь бесполезное в ученом отношении, в таком случае, нельзя ли ее будет пустить в дело...» (Письмо, 5).*

Важнейшим проявлением профессионального развития стали всероссийские археологические съезды, проводившиеся Московским археологическим обществом, которые компенсировали отсутствие общероссийских периодических изданий и позволяли установить профессио-

нальные контакты. В своих письмах Лихачев неоднократно отмечает желание участвовать в съездах и публиковать материалы, которые он готовит к изданию в очередном томе, обсуждает значение публикаций, осуществленных на страницах этого издания.

Знакомство с эпистолярным наследием позволяет узнать новые методы в его работе с археологическими коллекциями. Так, например, из переписки Лихачева с П.И. Лерхом становится известным, что в столичных научных кругах существовала традиция делать с наиболее ценных подлинных предметов слепки из гипса или свинца, а подлинные предметы передавать в публичное собрание. Для проведения подобных работ приглашали скульпторов и свободных художников.

Лихачев сам владел навыками художника и делал зарисовки, но, понимая кропотливость и сложность подобных трудов, полагал, что использование профессиональных художников-рисовальщиков принесет больше пользы, так как они в изображениях предметов могут передать все их характерные черты и особенности. С этой целью он использовал свои знакомства среди представителей Императорской Академии художеств, которые помогали ему делать рисунки с предметов его коллекции (рис. 2, 3).

Одним из таких помощников для него стал И.И. Журавлев, вольнослушатель Академии художеств: «... *Один из моих хороших знакомых, узнав о моей неудаче, великодушно предложил свои услуги, которыми я непрерывно воспользоваться, зная, что он хорошо рисует. Таким образом, в настоящую минуту готовы уже 9 таблиц, и большая часть древностей*

уже срисована так, что эта работа идет параллельно с моей собственной, и я надеюсь, что они обе будут одновременно готовы к изданию. Рисунки моего приятеля очень отчетливы и вместе с тем изящны: я думаю, что предполагаемый мною альбом древностей обратит на себя должное внимание» (Письмо, 7).

Лихачев интересовался технологиями, которые могли быть использованы при работе с коллекциями – использованием гальваноластики, изготовлением слепков из гипса и оттисков из олова и свинца и др. Так, например, для Лерха он отправил гипсовые копии с каменных орудий своей коллекции, которые *«подделаны так искусно, что на первый взгляд их не отличишь от оригинала. Я наклеил на них номера на тот случай, что может быть, Вы будете так добры, объясните мне в письме Ваш собственный взгляд на их назначение»* (Письмо, 3).

Вероятно, такой опыт был весьма распространенным, так как он обращается к нему с просьбой сделать гальванические копии с самых древних болгарских монет, битых в Бугаре и Суваре по образцу саманидских дирхемов, находящихся в Эрмитаже и музее Академии наук: *«...закажите для меня эти копии и уведоьте, что это будет стоить. Мне бы хотелось сделать с них рисунки, которые я мог бы приложить к моему предполагаемому альбому болгарских древностей»* (Письмо, 3).

С появлением фотографии открылись новые возможности и для археологических исследований. Лихачев сам стал делать снимки с монет, предметов археологической коллекции и др. Для него это было совершенно

новым занятием, но он стремился его освоить опять-таки «из любви к науке»: *«...фотографии, сделанные мною, – снимки с двух неизвестных медных монет, найденных в местности древнего Бугара: одна в 1863 году, другая в 1869). Но, что кажется до джучидских монет, то этот труд всецело придется взять на себя, ибо здешние фотографы решительно не сумеют справиться с таким делом, которое для них будет совершенно ново, ибо операция фотографирования монет довольно сложна и хлопотлива»* (Письмо, 9).

Признавая социальность научного творчества, следует иметь в виду, что на уровне возникновения нового знания мы оказываемся лицом к лицу с творческой индивидуальностью ученого. Ее игнорирование неправомерно, так как можно оказаться в положении первооткрывателя уже установленных истин. Кроме того, незнание или игнорирование сведений о творческой лаборатории может исказить содержание научных исследований, создать превратное представление как об отдельном представителе науки, так и научном сообществе в целом.

Анализируя творческую лабораторию А.Ф. Лихачева, можно отметить, что контакты с учеными в рамках деятельности научных обществ сыграли важную роль в становлении его как ученого, формируя навыки исследовательского поведения и этики научной деятельности.

Современная наука имеет ряд особенностей, качественно отличающих ее от науки недавнего прошлого, тем более века девятнадцатого, когда закладывались основы профессионализации археологии (Мельникова, 2008,

с. 24–30). Именно поэтому изучение социальных аспектов науки периода ее становления представляет собой интересную и пока еще во многом открытую проблему.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Письмо А.Ф. Лихачева к П.И. Лерху от 3 февраля 1867 г.

Казань. 3-е февраля 1867 г. – Члену Императорской Академии наук и библиотекарю оного П. И. Лерху.

*Милостивый Государь!
Петр Иванович!*

Недаром говорит пословица: «долг красен платежом». Вот и я оказываюсь виноватым перед Вами, что отвечаю на Ваше любезное ко мне письмо, от 10-го ноября прошлого года, позже, чем бы желал. Это произошло, впрочем, не по моей вине, а скорее, по воле судьбы. Мне хотелось исполнить Ваше поручение относительно слепков с каменных и бронзовых орудий и оружия, которые хранятся в здешнем Университете и тогда уже написать Вам, что исполнено по Вашему желанию. Долго я не мог добыть формовщика, то за болезнью его, то за его личными делами, и таким образом протянулось время. Только вчера принес он мне заказанные для Вас вещи, и я рад, что сегодня имею возможность Вам отвечать и уведомить Вас, что на днях я отправляю их в Археологическую Комиссию, как Вы желали.

Вы уведомили меня, что сами не храните у себя подлинных древностей и довольствуетесь составлением коллекции слепков, подлинные же предметы, которые Вам достаются, Вы передаете в одно из публичных собраний. Это обстоятельство побудило меня изменить мое прежнее намерение, послать Вам оригинал того каменного орудия, о котором я Вас уведомлял, как о первом, добытом мною, образце древностей этого рода, и который видел у меня В. Е. Тизенгаузен. Для Вас лично, я бы с ним расстался без особого сожаления: я был бы вознагражден мыслию, что сделал Вам приятное. Но жертвовать его в какое-либо публичное собрание мне не хочется, во-первых потому, что там и без него уже много подобных предметов; во-вторых, что в моей коллекции местных древностей оно играет хорошую роль, и в третьих потому, что с тех пор, как я его добыл, я успел собрать еще несколько подобных предметов, и все они найдены в Болгарах и в окрестностях Болгар, так что у меня успела образоваться небольшая коллекция из одних предметов каменного периода. Поэтому-то я и решился со всех сделать слепки и отослать эти копии Вам. Я надеюсь, что Вы не посетуете на меня за то, что я так поступил: если Вы не храните у себя оригиналы, то Вам должно быть все равно где ни будет оригинал храниться, у меня или в Академии. Копии же, которые я Вам посылаю, исполнены весьма удовлетворительно и добросовестно: все они подделаны так искусно, что на первый взгляд их не отличишь от оригинала. Я

наклеил на них номера на тот случай, что может быть, Вы будете так добры, объясните мне в письме Вам собственный взгляд на их назначение. №1 это тот самый наконечник от стрелы, или от дрота, очерк которого я Вам сообщал. Мне кажется, что он служит острогою отдела древностей. Он приобретен в селении в 16 вер. от Болгар и по качеству материала лучше других экземпляров. №2, может быть, также наконечник от копья, или же мог служить потом для струганья кожи. Он также из кремня бурого цвета; но кажется этот камень твердостью слабее предыдущего потому, что он вовсе не прозрачен, как №1, просвечивает по краям и представляет свойство агата. №3, кажется долото, а, м. б., и небольшой топор с обломанной верхней частью. Материал – кремень; но достоинством по-видимому хуже двух предыдущих. №4 – круглое долото из булыжника, похожего на могильный камень. №5 – предмет неизвестного назначения, м. б., неоконченное орудие или, б. м., он играл роль клина. Материал – кремень и тоже снаружи бурого цвета; но в целом цвет изжелта серый. Свойствами подходит к №3. Это тот самый предмет, о котором я Вам сообщал, что он доставлен был ко мне в кусках: теперь он склеен. №6 – бронзовое оружие: наконечник от копья, или нож. Материал, по-видимому, чистая красная медь. Копия сделана из свинца: бронзировка не совсем точна по недостатку средств: на оригинале есть места, покрытые *verd antique*, что в копии формовщик передать не мог. Кажется, что прежде и весь этот предмет был покрыт античной зеленью; но по невежеству находчика его старались вычистить, принимая, может быть, за золото. Все эти предметы, и заказанные Вами, и мои собственные, имею честь Вам поднести и прошу Вас принять их безвозмездно, как знак моего душевного к Вам уважения. Очень желаю, чтобы Вы остались ими довольны, а также и моего горячностью к описанию предметов каменного периода. 20 экз. брошюры «*Старина русской земли*» мною получены и некоторая часть экз. уже роздана мною; но признаюсь, я не разделяю Вашего мнения, что крестьяне будут его читать. У нас между мужчинами почти нет грамотных, а те, которые читают, предпочитают всегда какую-нибудь священ. Книгу, или Бову, и из этой брошюры они ничего не поймут, или разве поймут только то, что говорится о находках на стр. 2й, что все они из золота, меди, камня, глины, дерева – равно должны быть драгоценности, и тогда горе собирателям, потому что за медную монету будут они так же дорого хотеть получить, как и за золотую. Я не знаю, выходят ли еще Известия Арх. Общ. Мне не доставлены след. Выпуски: 1-й, 5-й, 6-й; последней из доставленных Вами был 9-й, а с тех пор я ничего не получал. Сделайте одолжение, если можно, пополните недостающие выпуски и пришлите остальные за 1866-й год. Да будьте добры, скажите, будет ли когда-либо напечатана моя статья о древ. Клинке с греческ. надписью X-го века. Право, нет охоты трудиться для Общества из пустяков. Я мог бы чаще кое-что посылать для изданий Общ., но не видеть результатов своего труда весьма неутешительно, и общ. само виновато, если его Чл. корреспонденты оказываются мало деятельными. Прощайте. Желаю Вам всего хорошего и прошу не забывать искренно Вам преданного.

А. Лихачев

NB. Прилагаю Вам при сем для Известий уведомление о некоторых известных мне местонахождениях куфич. монет в Каз. губернии, в дополнение к монографии кладов с Восточ. монетами.

2. Письмо А.Ф. Лихачева к П.И. Лерху от 15 ноября 1873 г.

*Петру Ивановичу Лерху
15 ноября
1873 г.*

Многоуважаемый Петр Иванович!

Позвольте мне иметь честь предложить Вам один экземпляр отдельного оттиска моей статьи о джучидских монетах, написанный для СПб. Арх. Общ. Извините за малозначительность приношения; но покамест это все, чем я могу располагать, и если Вы удостоите принять во внимание усердие подносителя, то быть может это сколько-нибудь возвысит значение подносимой безделицы.

Давно уже я не имею о Вас никаких известий и не знаю, в каком виде дошли к Вам отправленные мною еще прошедшей зимой снимки с монеты Хоейхе. Те, которые я послал В. Г. Тизенгаузену с одной джучидской и античной монетами дошли не благополучно. Вероятно и ваши тоже? Но дело в том, что очень затруднительно придумать способ к их пересылке. Из такой малой вещи нельзя устроить посылку; а в письме снимки мнутся. Снимать на бумаге ложной, как вы говорили, я пробовал; но у меня ничего не выходит оттого, конечно, что я не умею, как это сделать.

Нынешнее лето не прошло для меня бесплодно в отношении приобретений древностей доисторических: удалось добыть 6 громовых стрел и один медный нож или кинжал. Между каменными орудиями 3 топора различных величин, одно грубо сделанное круглое долото, один молот или топор, напоминающий своей формой железные топоры каменотесов, и один нож или кинжал. Обстоятельства находки всех этих вещей мне подробно неизвестны, за исключением самого большого топора №1, который был найден нынешней весной у меня в деревне вблизи от моего дома, когда в саду копали яму для посадки дерева. Это обстоятельство меня очень удивило, ибо моя усадьба выстроена вновь в стороне от деревни, в такой местности, где был прежде сосновый, а затем березовый и дубовый лес, так что и предания никакого не сохранилось, чтобы это место когда-либо было обитаемо. Надо Вам сказать, что и слой черноземной земли здесь очень не толст, не более 1/2 аршина, а местами и б верш. Я никак не подозревал, чтобы в этом месте можно было находить какие-нибудь памятники древнего быта, а между тем оказывается, что тут встречается много черепков грубой глиняной посуды, много остатков или слитков какого-то металла (я их еще не исследовал); попадаются обгорелые кости; найдена одна бронзовая пряжка, обломок стеклянного браслета, разломанная глиняная пронизка, отломок простого железного огнива и железный же ключ от всякого замка, той самой формы, которые встречаются в Болгарах и в Билярске. Все эти вещи попадают безразлично, в одном и том же слое земли. Форма топора такая:

(дается рисунок)

Вот Вам изложение моих подвигов нынешнего лета. Прошу извинения, если они не покажутся Вам слишком значительны, а изложение и описание их слишком пространно. Распространился о них главным образом потому, что Вам, как специалисту по этому предмету, не могут быть безинтересны подобные находки. Нынешний осенью я имел честь принимать участие в IV съезде Русск. Естествоиспытателей, сначала в качестве члена Комитета по устройству съезда, а затем члена самого съезда и имел удовольствие показывать свои коллекции прибывшим дорогим гостям. Многие очень заинтересовались местными болгарскими древностями и в особенности каменными орудиями; но вопросы, которые иногда при этом предлагались, были очень затруднительны к разрешению их, н. пр. «какому народу принадлежат каменные орудия?»

Затем позвольте пожелать Вам всего хорошего, многоуважаемый Петр Иванович, и присовокупить к этому просьбу при случае, когда соберетесь ко мне написать (так как я льщу себя надеждой, что Вы не положили же зарок ко мне не писать более), сообщить о вновь вышедших замечательных сочинениях по части отечественной, а также и иностранной археологии. Я не имею возможности об этом узнавать.

*С искренним глубоким уважением
остаюсь душевно Вам преданный
А. Лихачев*

NB. Все эти предметы найдены в Спасском уезде в расстоянии верст 16 – 20 от Булгара.

Прим. П. И. Лерху 24-го ноября писал о присылке 1-го, 5-го и 6-го выпусков VI тома Известий Им. Рус. Арх. Общ.

3. Письмо А.Ф. Лихачева В.Г. Тизенгаузену от 6 февраля 1867 г.

*Г-ну Секретарю Имп. Археологической
Комиссии В. Е. Тизенгаузену*

*Милостивый Государь
Владимир Евстафьевич¹!*

Вы были так благосклонны ко мне в последнее мое свидание с Вами, что позволили иногда к Вам писать. Я был очень рад этому позволению, потому что надеялся многому научиться из просвещенной Вашей беседы. Зная, как много у Вас ученых занятий, я до сих пор не решался писать к Вам из боязни похитить у Вас несколько драгоценного времени, которое Вы посвящаете науке, и

¹ А.Ф. Лихачев в некоторых письмах называл Владимира Густавовича Тизенгаузена «Евстафьевичем», очевидно, на «русский» манер.

отвлечь от ученых занятий для корреспонденции с провинциальным любителем древностей, которые для Вас, конечно, вовсе не интересны. На этот раз я прошу у Вас извинения за намерение воспользоваться случаем к Вам писать, и, быть может, употребить во зло Ваше благосклонное позволение. Петр Иванович Лерх поручил мне выслать ему слепки с некоторых предметов каменного и бронзового периодов и просил адресовать ему посылку в Археологическую комиссию с тем, чтобы вложить в ящик на Ваше имя незапечатанную записку, в которой бы было сказано, что эти вещи посылаются собственно для Вас; а Вас самих уведомить письменно о том, что вещи высланы, и просить Вас передать их Петру Ивановичу. Все это я теперь и исполняю: вещи будут высланы одновременно с этим письмом, и я прошу Вас передать их по назначению.

Позвольте Вас поблагодарить за то, что Вы вспомнили о моей коллекции болгарских древностей и поместили о ней заметку в «Известиях», (она), конечно, выигрывает оттого, что именно Вы указали на нее и сочли ее замечательной. С тех пор, как я прочитал Ваш отзыв о ней, я сам смотрю на свою коллекцию с большим уважением. До сих пор мне, по свойственной любителю-коллекционеру жадности, все казалось, что она еще недостаточно обширна, чтобы обратить на себя внимание ученых. Впрочем, я употребляю всякое старание, чтобы она постоянно увеличивалась. Вы выразили желание, чтобы я со временем посвятил свои досуги на издание болгарских древностей, и мне хотелось привести это в исполнение. Но так как я теперь все еще занят рисунками джучидских монет, то сам не имею возможности приняться за рисование древностей. Нужно было прислать искусного рисовальщика, что в нашем городе сделать очень трудно по недостатку в таких художниках. Сначала обратился я к художнику *ex professo*, расписывающему иконостасы, который мог бы это сделать, и тот было взялся, но только время (протянул) и в конце концов надул меня. Приходилось отложить попечение; но видно судьбе хотелось, чтобы намерение мое было приведено в исполнение, потому что один из моих хороших знакомых, узнав о моей неудаче, великодушно предложил свои услуги, которыми я не преминул воспользоваться, зная, что он хорошо рисует. Таким образом, в настоящую минуту готовы уже 9 таблиц, и большая часть древностей уже срисована так, что эта работа идет параллельно с моей собственной, и я надеюсь, что они обе будут одновременно готовы к изданию. Рисунки моего приятеля очень отчетливы и вместе с тем изящны: я думаю, что предполагаемый мною альбом древностей обратит на себя должное внимание; но не знаю, удастся ли мне его издать здесь на месте.

Не знаю, какие результаты принесла Ваша ученая поездка нынешнего лета? Я ожидал увидеть Вас на обратном пути в Казань и надеялся иметь честь еще раз видеть Вас в этом году и побеседовать с Вами; но вероятно Вы миновали Казань? Петр Иванович о результатах Вашего путешествия сообщил мне вскользь, сказав, что подробно Вы расскажете сами. Смее надеяться, что Вы удостоите меня этим, потому что меня весьма интересуют археологические разыскания в нашем отечестве. Я бы хотел приобрести некоторые издания Археологической Комиссии, да не знаю всего, что издано, и

при том, которые из них наиболее интересны и доступны по цене. Если Вас это не затруднит, сделайте милость, укажите мне, что, по Вашему мнению, стоит иметь под рукой из этих изданий? Вы также говорили мне, что из дублетов джучидских монет, имеющихся в Арх(еологической) Комиссии, я мог бы приобрести некоторые, недостающие в моей коллекции; так нельзя ли достать каталог тех монет, которые могут быть уступлены комиссией, чтобы я мог выбрать те, которые мне нужны. Еще вы указывали мне на некоторые брошюры и статьи, касающиеся джучидских монет, которых я в своей библиотеке не имею; прошу вас написать их названия и сообщить, найдут ли я их у Э... Наконец, еще одна последняя покорнейшая просьба; мне бы хотелось иметь гальванические копии с самых древних болгарских монет, битых в Булгаре и Суваре по образцу саманидских дирхемов, имеющихся в Эрмитаже и Аз(иатском) музее Акад(емии) наук. Будьте добры, заложите для меня эти копии и уведоьте, что это будет стоить. Мне бы хотелось сделать с них рисунки, которые я мог бы приложить к моему предполагаемому альбому болгарских древностей.

Вот как много я Вам написал на первый раз и сколько просьб изложил в этом первом письме. Но будьте снисходительны и не браните меня за это; войдите в положение человека, которому здесь, на месте, не к кому обратиться ни за советом, ни за необходимыми пособиями. Археология здесь никого не интересует; а в Университетской библиотеке часто оказывается недостаток в нужной книге. Впрочем, если мои просьбы Вас затрудняют, то не обращайтесь на них внимания.

С наилучшими пожеланиями и преданностью имею честь
всегда быть готовый к Вашим услугам
А. Лихачев

6-е февраля
1867 год
Казань

4. Письмо А.Ф. Лихачева В.Г. Тизенгаузену от 24 ноября 1871 г.

24 ноября 1871 года
В.Г. Тизенгаузену

Милостивый Государь
Владимир Густавович

Я очень много виноват перед Вами в том, что так долго задерживал у себя Ваши выписки, столь благосклонно Вами мне одолженные. Но пока шла письменная работа, мне трудно было с ними расстаться, ибо авторитет Френа слишком велик во всех вопросах, которых он касается, и мне хотелось извлечь из них все, что могло идти в дело. Поэтому я надеюсь, что Вы снисходитель-

но извините меня за такое продолжительное пользование Вашими выписками, которые одновременно с этим письмом имею честь Вам возвратить, сопроводив их душевной признательностью.

Прошедшим летом 1870 года, когда я был в Петербурге, в июне месяце я желал лично принести Вам повинную, но Вы тогда были в отъезде. Осенью же, в конце сентября, по возвращении моем из заграничной поездки, я снова был у Вас; но так неудачно, что не застал Вас дома. Повторить же мое посещение не имел уже возможности, ибо очень спешил возвратиться в Казань.

Довольны ли Вы Вашими последними раскопками на юге, и не вышел ли второй выпуск прекрасных «Древностей Геродотовой Скифии»? Сделайте милость, уведомьте меня об этом, ибо я хотел бы получать все выпуски этого издания, по мере их появления.

Я решительно не знаю, что теперь делается в наших археологических обществах. Неужели, положительно, никаких изданий по части археологических более уже не выходит? Я справлялся у книгопродавца Эмерса об изданиях Императорского Русского Археологического Общества, коего членом корреспондентом я еще имею честь состоять, и (он) меня уведомил, что все издания Общества на время приостановились и более не выходят. Это такой печальный факт, что не хочется ему верить. Какая же может быть причина такой бездеятельности? Пожалуйста, уведомите, если Вам что-нибудь известно положительно. Из самого Общества я равно никаких сведений не получаю, и посылаемые мною туда иногда статьи пропадают без ответа.

30-го ноября должны открыться заседания Второго археологического съезда, в котором Вы, без сомнения, примете участие. Очень бы Вы меня обязали, если бы что-нибудь сообщили о результатах заседаний этого съезда, ибо хотелось бы узнать, как будут разрешены некоторые вопросы программы. Меня очень интересовал и Первый съезд, а между тем, до сих пор, я вовсе ничего не знаю о результатах его занятий, ибо книжка его Трудов еще до сих пор не отпечатана. Кажется, это даже совсем не рационально, ибо появление этой книжечки после Второго съезда не представит уже того интереса, который она могла бы иметь, появившись своевременно, ибо очень возможно, что она сама бы могла породить вопросы, которые, будучи представлены на Втором съезде, были бы обсуждены и напечатаны в книжках Трудов Второго съезда. Таким образом, была бы соблюдена необходимая постепенность в занятиях съездов. Я никак не могу понять, почему происходит такое замедление в появлении Трудов Первого съезда. На Первом съезде, по желанию Графа А.С.Уварова, я представлял рисунки моих болгарских древностей, которые тогда были отпечатаны, и граф известил меня, что они показались интересными г.г. членам съезда. Это побудило меня послать их и на Второй съезд, ибо теперь прибыло новых таблиц почти вдвое больше, следовательно, древности являются в более полном составе; кроме того, я сопровождал их статьей о болгарской культуре, в которой попытался обрисовать этнографическую личность болгарского народа и его деятельность на основании исторических свидетельств и фактов, представляемых бытовыми древностями. Вы знаете,

Владимир Густавович, что древности эти могут относиться к периоду самостоятельного существования Булгарии до эпохи монгольского нашествия и также к периоду золотоордынского?

Не имея возможности точно определять древности в хронологическом отношении, по недостатку материалов для сравнения с предметами, которые уже были бы хронологически определены, то я поневоле должен был рассматривать их вместе при определении болгарской культуры. Но я полагал, что я не наделал больших ошибок в этом отношении, ибо болгарская цивилизация была, по всем соображениям, гораздо выше монгольской, по крайней мере, той части Чингизовых полчищ, которая пришла с Батыем. Известно, что монголо-татары приняли в Булгарии от болгаров магометанство и вместе с религией, конечно, усвоили для себя и местные обычаи, и знания. Следовательно, культура болгаров перешла и к монголо-татарам, которые впоследствии даже перемешались с туземцами, как (например) в Булгаре. Если же в этом периоде культура оказалась бы выше, нежели в прежние времена самостоятельного существования Великой Булгарии, то все же, мне кажется, они должны быть приписываемы болгарам, ибо инициатива ее исходила от них же, хотя исторически существовала уже не Булгария, а Золотая Орда. Я бы очень Вас просил, Владимир Густавович, будучи в заседаниях съезда, обратить внимание на мою посылку и рассмотреть статью. Вы знаете, что я принялся за издание моей коллекции болгарских древностей единственно в силу выраженного Вами желания видеть их изданными, поэтому окажите благосклонное покровительство этой попытке, и уведоьте, как Вы ее найдете. Я сожалею, что не могу в настоящее время сам поехать в Петербург, ибо мое плохое здоровье не позволяет мне предпринимать путешествий в дурное время года, а между тем занятия заседаний съезда меня до крайности интересуют.

Издание мое не слишком успешно подвигается по недостатку литографической бумаги, которой здесь нет вовсе, и приходится ее выписывать из Москвы, где ее также не всегда можно достать. Так, например, недавно я получил уведомление от московского торговца, что в настоящее время этой бумаги там нет, и когда будет неизвестно.

При пожелании Вам всех благ мира, в нетерпеливом ожидании Вашего ответа, с глубочайшими уважением и совершенной преданностью имею честь быть всегда готовый к услугам

А.Лихачев.

5. Письмо А.Ф. Лихачева В.В. Вельяминову-Зернову от 24 ноября 1871 г.

*Г-ну Председателю Второго Археол. Съезда
Владимиру Владимировичу Вельяминову-Зернову*

*23-го ноября
1871 года*

*Ваше Превосходительство
Милостливый Государь
Владимир Владимирович*

Горячо сочувствуя успехам отечественной археологии и желая, со своей стороны, содействовать им, по мере сил, я, хотя и не имел удовольствия получить приглашение на участие во Втором Съезде русских археологов, тем не менее решился представить на рассмотрение Съезда рисунки древностей, собранных мною в пределах прежней Великой Булгарии, и приготавливаемых к изданию в свете, сопровождая эти рисунки кратким очерком болгарской культуры, небольшой статьей, которая заключает в себе, в сжатом виде, результаты исследований о булгарах, произведенных по историческим источникам и на основании фактов, обнаруживаемых изучением бытовых древностей. Часть представляемых ныне рисунков уже была мною посылаема на Первый съезд археологов, бывший в Москве, в 1869 году, и я имел честь получить от Его Сиятельства графа А.С. Уварова уведомление о том, что болгарские древности возбудили интерес и обратили на себя внимание г.г. археологов. Так как в настоящее время прибавилось изображений почти вдвое, против прежнего, то я льщу себя надеждою, что они покажутся еще интереснее, будучи в более полном составе, и сожалею, что остальные отделы древностей, н.пр., железный, костяной и керамический еще не воспроизведены в рисунках, в прилагаемой статье я, впрочем, изложил описание этих отделов и упомянул о достопримечательностях их; но так как приходилось ссылаться на изображения самих предметов, которые еще не сделаны, то я и принужден был выставить таблицы и фигуры без точного указания их номеров.

В программе предполагаемых занятий съезда, между другими вопросами, один, именно 56, сформулирован таким образом: «Все ли памятники, находящиеся в местности древнего Болгара относятся к мусульманскому периоду, и не встречается ли между ними таких памятников, которые могут быть отнесены к более древнему периоду?».

Отвечать категорически на этот вопрос трудно потому, что еще с точностью не определены сами памятники мусульманского периода; конечно, за исключением тех из них, которые имеют арабские надписи: эти определяются легко. Каменные орудия также, кажется, могут быть бесспорно отнесены к эпохе домусульманской. Но затем встречается еще масса всякого рода бытовых памятников, хронологическое распределение которых может быть достигнуто лишь путем сравнения их с другими, им подобными, которые хронологически были бы уже определены. Такие памятники могут находиться в различных музеях наших и некоторая часть их уже была описываема в разное

время; но не имеется возможности иметь всегда под рукой все изданные, по части отечественных древностей, сочинения и, живя вдалеке от столичных музеев, я считал бесполезным делать гадательное распределение древностей в хронологическом порядке. Я полагаю, что лучший ответ на вышеупомянутый вопрос программы дадут г.г. археологам самые древности, точные изображения которых и, по возможности, подробное описание, я ныне честь имею препроводить. Если бы возникли какие-нибудь сомнения и требовалось бы еще каких-нибудь сведений, кроме представленных мною, то я покорнейше прошу обратиться ко мне за разъяснениями, которые я всегда с полнейшей готовностью представлю, если только они не заходят за пределы моих слабых познаний.

Я надеюсь, что Вы, Ваше Превосходительство, не посетуете на меня за смелость, с которою я, не получивши не только приглашения, но даже уведомления о назначении Второго Съезда русских археологов, по поводу празднования 25-летнего юбилея Русского Археологического общества, которого я имею честь состоять членом-корреспондентом, решаюсь принять, если не прямое, то хотя косвенное участие в занятиях Съезда. Интерес науки и ея успехов в нашем отечестве я ценю более всего, а сообщенное мне Его Сиятельством графом А.С. Уваровым известием и благосклонном приеме, оказанном г.г. археологами на Первом съезде представленным мною изображениям и описаниям болгарских древностей, побудило меня представить их и на Второй съезд, в более полном составе.

Если Вашему Превосходительству благоугодно будет их передать, вместе с прилагаемой статьею, на рассмотрение г.г. членов Съезда, то осмеливаюсь почтительнейше Вас просить, не оставить меня уведомлением о том, какие отзывы будут о них сделаны компетентными судьями и какое последует разрешение вопроса, относительно древности памятников болгарского быта.

С глубочайшим уважением имею честь быть,
Вашему Превосходительству, готовый к услугам
Член-корреспондент А. Лихачев

ЛИТЕРАТУРА

1. *Измайлова С.Ю.* Письма А.Ф. Лихачева в фондах Государственного объединенного музея Татарстана. – Казань: Изд-во ГОМ РТ, 1994. – 44 с.
2. *Измайлова С.Ю.* Собираем и храним // Родина. – 1997. – № 11. – С. 95–98.
3. *Измайлова С.Ю.* Личный архив А.Ф. Лихачева как источник по истории казанской археологии (по материалам ГОМ РТ) // Музей в системе ценностей евразийской культуры. Материалы Всерос. науч.-практич. конф. – Казань, 2000. – С. 111–114.
4. *Измайлова С.Ю., Назипова Г.Р.* «Казанский антиквариум» – Казань: Фолиантъ», 2006. – 200 с.
5. *Климанов Л.Г.* Николай Петрович Лихачев – коллекционер «сказочного размаха» // Из коллекций Н. П. Лихачева. Каталог выставки в Государственном Русском музее. – СПб.: Седа-С, 1993. – С. 7–28.
6. *Мейдер В.А.* Человек в науке: природа творчества // Здравый смысл. – 2004. – № 3 (32). – С. 18–21.
7. *Мельникова О.М.* У истоков профессиональной археологии в Прикамье // Материалы Лихачевских чтений. 5–6 апреля 2007 г. (к 175-летию со дня рождения А.Ф. Лихачева). – Казань: РИЦ «Школа», 2008. – С. 24–30.

Письма:

1. П.И. Лерх – А.Ф. Лихачеву от 23 октября 1865 года / Архив А.Ф. Лихачева. НМ РТ.
2. А.Ф. Лихачева – П.И. Лерху от 9 ноября 1865 года / Рукописный Отдел Института Русской Литературы. – ф. 152. – № 53. – 1–33 л.
3. А.Ф. Лихачева – П.И. Лерху от 3 февраля 1867 года // Архив А.Ф. Лихачева. НМ РТ.
4. А.Ф. Лихачева – П.И. Лерху от 15 ноября 1873 года / Архив А.Ф. Лихачева. НМ РТ.
5. А.Ф. Лихачева – П.И. Лерху от 24 ноября 1871 года / Архив А.Ф. Лихачева. НМ РТ.
6. А.Ф. Лихачева – В.Г. Тизенгаузену от 4 сентября 1884 года / Архив А.Ф. Лихачева. НМ РТ.
7. А.Ф. Лихачева – В.Г. Тизенгаузену от 6 февраля 1885 года / Архив А.Ф. Лихачева. НМ РТ.
8. А.Ф. Лихачева – В.Г. Тизенгаузену от 25 марта 1887 года / Архив А.Ф. Лихачева. НМ РТ.
9. А.Ф. Лихачева – И.И. Толстому от 26 октября 1885 года / Архив А.Ф. Лихачева. НМ РТ.

Информация об авторе:

Измайлова Светлана Юрьевна, заместитель генерального директора, Национальный музей Республики Татарстан (г. Казань, Российская Федерация); svetlis@inbox.ru

**CREATIVE LABORATORY OF THE PROVINCIAL SCIENTIST (ACCORDING
TO CORRESPONDENCE OF THE KAZAN ARCHEOLOGIST AND
NUMISMATIST A.F. LIKHACHEV)**

S.Yu. Izmailova

A part of the archival legacy of Andrei Fedorovich Likhachev, one of the brightest representatives of the Kazan school of archaeology of the second half of the 19th century, is analyzed in the article. A.F. Likhachev's archives are currently fragmented and stored in various archival funds in Kazan, Moscow and St. Petersburg. A considerable compendium of documents from the National Museum of the Republic of Tatarstan is published and analyzed in the article. The documents refer to A.F. Likhachev's correspondence with representatives of scientific and artistic circles concerning his own research. The analysis of A.F. Likhachev's creative laboratory on the basis of his epistolary legacy makes it possible to notice that the researcher's contacts in the framework of activities of various scientific organizations had played an important role in his growth as a scholar, forming research skills and scientific activity ethics.

Keywords: Kazan, A.F. Likhachev, history of science, science of science, archaeological research numismatics, Russian Archaeological Society, archaeological collections, epistolary heritage.

REFERENCES

1. Izmailova, S. Yu. 1994. *Pis'ma A. F. Likhacheva v fondakh Gosudarstvennogo ob"edinennogo muzeia Tatarstana (A.F. Likhachev's letters in funds of Tatarstan state United Museum)*. Kazan: State united museum of the Republic of Tatarstan (in Russian).
2. Izmailova, S. Yu. 1997. In *Rodina (The Motherland)* (11), 95–98 (in Russian).
3. Izmailova, S. Yu. 2000. In Mukhanov, G. S. (ed.). *Muzei v sisteme tsennosti evraziiskoi kul'tury (Museum in the System of Values of Eurasian Culture)*. Kazan: "Shkola" Publ., 111–114 (in Russian).
4. Izmailova, S. Yu., Nazipova, G. R. 2006. «Kazanskii antikvarium» («Antiquarium of Kazan»). Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).
5. Klimanov, L. G. 1993. In *Iz kolleksii N. P. Likhacheva. Katalog vystavki v Gosudarstvennom Russkom muzee (From N.P Likhachev's Collection. The Catalogue of State Russian Museum exhibition)*. Saint Petersburg: "Seda-S" Publ., 7–28 (in Russian).
6. Meider, V. A. 2004. In *Zdravyy smysl (Common Sense)* 32 (3), 18–21 (in Russian).
7. Mel'nikova, O. M. 2008. In *Materialy Likhachevskikh chtenii. 5–6 apreliia 2007 g. (k 175-letiiu so dnia rozhdeniia A. F. Likhacheva) (Proceedings of Likhachev's readings (to the A.F. Likhachev's 175th anniversary))*. Kazan: "Shkola" Publ., 24–30 (in Russian).
8. Arkhiv A. F. Likhacheva. Natsional'nyi muzei Respubliki Tatarstan (The A.F. Likhachev's Archive. The National Museum of Tatarstan Republic). *Pis'mo P.I. Lerkh A. F. Likhachevu ot 23 oktiabria 1865 goda (Leter P.I. Lerkh to A.F.Likhachev, October 23, 1865)* (in Russian).
9. Rukopisnyi Otdel Instituta Russkoi Literatury (Manuscripts Department of Institute of the Russian Literature). *Pis'mo A.F. Likhacheva P. I. Lerkhu ot 9 noiabria*

1865 goda (*Leter A.F. Likhacheva to P.I. Lerkh, November 9, 1865*). Fund 152, no. 53, sheet 1–33 (in Russian).

10. Arkhiv A. F. Likhacheva. Natsional'nyi muzei Respubliki Tatarstan (The A.F. Likhachev's Archive. The National Museum of Tatarstan Republic). *Pis'ma A. F. Likhacheva P. I. Lerkhu ot 3 fevralia 1867 goda, ot 24 noiabria 1871 goda, ot 15 noiabria 1873 goda (Letters A.F. Likhacheva to P.I. Lerkh, February 3, 1867, November 24, 1871, November 15, 1873)* (in Russian).

11. Arkhiv A. F. Likhacheva. Natsional'nyi muzei Respubliki Tatarstan (The A.F. Likhachev's Archive. The National Museum of Tatarstan Republic)... *Pis'ma A. F. Likhacheva V. G. Tizengauzenu ot 4 sentiabria 1884 goda, ot 6 fevralia 1885 goda, ot 25 marta 1887 goda (Letters of A. F. Likhacheva to V. G. Tiesenhausen, September 4, 1884, February 6, 1885, March 25, 1887)* (in Russian).

12. Arkhiv A. F. Likhacheva. Natsional'nyi muzei Respubliki Tatarstan (The A.F. Likhachev's Archive. The National Museum of Tatarstan Republic). *Pis'mo A. F. Likhacheva I. I. Tolstomu ot 26 oktiabria 1885 goda (Letter of P. I. Lerkh to I. I. Tolstoy, October 26, 1885)* (in Russian).

About the Author:

Izmaylova Svetlana Yu. National Museum of the Republic of Tatarstan. Kremlevskaya St., 2, Kazan, 420111, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; svetlis@inbox.ru

УДК 930.24: 94 (3)

ХРОНОЛОГИЯ РАННЕГО ПЕРИОДА АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ¹

© 2014 г. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский

В статье рассматриваются вопросы хронологии раннего периода развития ананьинской культурно-исторической области. Основой хронологии являются предметы импорта из Причерноморья, Северного Кавказа и Закавказья и их ананьинские реплики или подражания. Учитывались также радиоуглеродные даты. Рассматриваемый период разделен на два этапа (I-1 и I-2). Они характеризуются разными технологическими возможностями, обуславливающими разный набор предметов материальной культуры. Первый этап, переходный от бронзового века к раннему железному, датирован IX – серединой VIII в. до н.э. Второй этап (середина VIII – первая четверть/первая половина VII в. до н.э.) связан с распространением кавказских импортов в Волго-Камье, и прежде всего в памятниках постмаклашеевской культуры. На основании этих импортов можно говорить о включении ананьинского мира в систему международной торговли и обмена с югом Восточной Европы, Кавказом и Закавказьем. Памятники раннего периода АКМО синхронизируются, прежде всего, с предкифскими погребальными памятниками степной зоны Восточной Европы и Кавказа.

Ключевые слова: Поволжье, Прикамье, ранний железный век, ананьинская культурно-историческая область, хронология, периодизация, хроноиндикаторы, торговые связи.

Периодизация древностей Волго-Камья опирается на устоявшееся и общепризнанное представление о делении раннего железного века (РЖВ) на два больших подразделения – две фазы, материальная культура которых резко отлична. Первая фаза связана с существованием ананьинской культурно-исторической области, вторая – с пьяноборским и постпьяноборским миром (Кузьминых, 2006; 2007; Kuzminykh, 2006).

При разработке периодизации нами учитывались как хроноиндикаторы, так и имеющиеся даты 14С. Хроноиндикаторами, то есть предметами, имеющими устойчивую хро-

нологическую позицию, подтвержденную иными источниками (Щукин, 2005), на памятниках АКМО являются некоторые предметы вооружения и конская упряжь с присущими для них морфологической изменчивостью и устойчивыми, надежными аналогиями вне ананьинского мира. Это, прежде всего, бронзовые, биметаллические и железные мечи и кинжалы, чеканы, наконечники стрел, конская упряжь, а также некоторые изделия в зверином стиле и украшения.

Технологический арсенал носителей АКМО и сопредельных с ними археологических культур в разные промежутки времени существенно

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-01-00348а) и РФФИ (проект № 14-06-00287).

различался. Это привело к тому, что в АКИО и синхронных евразийских общностях в обиходе был различный набор предметов материальной культуры, создаваемый на базе данных технологий. В итоге анализ этих источников позволяет выделить три периода развития АКИО: ранний – IX – первая четверть/первая половина VII вв. до н.э., средний – вторая четверть/вторая половина VII – V вв. до н.э. и поздний – IV–III вв. до н.э., которые, в свою очередь, подразделяются на этапы.

В данной статье мы рассмотрим лишь ранний период развития АКИО, который синхронизируется, прежде всего, с предскифскими погребальными памятниками степной зоны Восточной Европы и Кавказа.

Первый этап раннего периода АКИО (I-1) является переходным от финала бронзового к раннему железному веку.

С середины XX в. начало раннего железного века в Волго-Камье на основании аналогий с кавказскими и степными восточноевропейскими, в основном новочеркасскими, древностями (Иессен, 1953, с. 49; Тереножкин, 1976, с. 208) относили к VIII–VII вв. до н. э. (Збруева, 1952, с. 23–44; Смирнов, 1952, с. 35, 37; Халиков, 1977; Кузьминых, 1983, с. 171). В настоящее время в связи с появлением радиоуглеродных дат из погребений первого этапа АКИО (Чижевский, 2002, с. 33), открытием новых могильников с раннечерногородской конской упряжью (Казаков, 1994, с. 104–123) и пересмотром датировок культур первой четверти I тыс. до н.э. южных регионов России и Украины (Клочко, Мурзин, 1989; Медведская, 1992, с. 86–107; Полин, 1998; Алексе-

ев, 2003; Махортых, 2005) стало пересматриваться и время формирования ананьинской культурно-исторической области (Чижевский, 2002, с. 30–37; Кузьминых, Чижевский, 2007, с. 3–6; Коренюк, 2009).

Датировка этапа I-1 базируется на немногочисленных хроноиндикаторах – в основном это предметы вооружения и конской упряжи.

Из случайных сборов на Мурзинском II могильнике происходит наконечник стрелы – бронзовый, двухлопастной, с пером треугольных (почти килевидных) очертаний и удлиненной втулкой (рис. 1: 9). Близкие аналоги известны в черногородовско-камышевых древностях Украины (Пески) и Северного Кавказа (Кисловодская мебельная фабрика (далее КМФ), п. 34); подобные же наконечники, но с более короткой втулкой происходят из памятников Предкавказья (Сержень-Юрт 2, Клинь-Яр 1, сборы у г. Армавира). Дата этих наконечников укладывается в рамках IX – середины VIII в. до н.э. (Дубовская, 1993, рис. 78, 12; Козенкова, 1995, табл. II, 2, 3; Дударев, 1999, с. 85; Махортых, 2005, с. 48, 49).

К этому же этапу относятся два бронзовых кинжала из жертвенного комплекса Измерского VII могильника (тип К–18²) и окрестностей д. Татарское Бурнашево (К–2), биметаллические кинжалы из погребений 55 Старшего Ахмыловского (К–18) и 272 Тетюшского могильников, биметаллический меч с двутавровой в разрезе рукоятью, грибовидным навершием и прямым перекрестием из

² Здесь и далее при ссылках на типы мечей и кинжалов, кельтов, наконечников стрел, копий и ножей из памятников АКИО речь идет о: (Кузьминых 1983).

Биярска (К-14) (Халиков, 1977, рис. 59, 4; Кузьминых, 1983, с. 127; Чижевский, 2008, рис. 33, 1, 2; Патрушев, 2011, рис. 86, 4), а также изображение на стеле №1 из раскопа XIII Тетюшского могильника (Патрушев, 2011, рис. 101).

Меч из Биярска (рис. 1: 5) и изображение на тетюшской стеле №1 (раскоп XIII) относятся к типу К-14 и имеют бесспорные аналогии в кавказских погребениях и могильниках (в верховьях Баксана; КМФ I, п. 6; Псекупский, сборы (Козенкова, 1995, табл. X, 5, 6; Дударев, 1999, рис. 64, 3, 139, 1); у х. Чернышев; Сержень-Юртовский, Николаевский, Зандакский II, находки) и в памятниках Украины (мечи из Головятина, Субботова, Суворовского могильника 5/2) (Тереножкин 1976: рис. 97, 20–22; Махортых 2005: 123). Дата этих мечей определяется в рамках IX – первой половины VIII в. до н.э. (Тереножкин, 1976, с. 208).

По оформлению перекрестия близок к мечам К-14 кинжал из Татарского Бурнашева (К-2) (рис. 1: 16). Оформление его рукояти в виде двух рядов литых колец, обрамляющих вертикальные столбики, которые имитируют отверстия, сближает его с серией кинжалов К-18. К ней относятся бронзовый кинжал из Измерского VII (жертвенный комплекс) (рис. 1: 2) и биметаллический из Старшего Ахмыловского (п. 55) (рис. 1: 8) могильников. Типологически близкие образцы встречены на Северном Кавказе (Благодарное; Кабехабль; Кочипэ, п. 33; КМФ, п. 26; Псекупский) и датируются в пределах начала – третьей четверти VIII в. до н.э. (Анфимов, 1965, с. 197, рис. 1, 1; Дударев, 1999, с. 108, рис. 25; Козенкова, 1995,

с. 58, табл. XII, 5; Махортых, 2014). Вероятно, к данной хронологической группе относится и рукоять кинжала (К-18) с Ананьинской дюны. Кинжал К-18 из Тетюшского могильника (п. 272) (рис. 1: 3) (Патрушев, 2011, рис. 86, 4) по северокавказским аналогиям (Сержень-Юртовский, п. 26; Псекупский, сборы) датируется в пределах начала – середины VIII до н.э. (Козенкова, 1995, с. 87, табл. 17, 7; Махортых, 2014). Типологически близкое кинжалам К-18 изображение помещено на стеле №1 Новомордовского I могильника (рис. 1: 17; 5: 1). Дата его определяется серединой VIII в. до н.э. по сочетанию архаической формы изображений кинжала кабардино-пятигорского типа и топора-секиры с 4-х-лепестковой розеткой (Чижевский, 2009, рис. 2, 2).

Важную роль для датировки этапа I-1 играют бронзовые однолезвийные ножи с прямой спинкой Н-14 (Кузьминых, 1983, с. 148–150), выявленные в материалах Касьяновской стоянки (рис. 1: 7), Старшем Ахмыловского (п. 471, 695) (рис. 1: 12) и Першинского (п. 55) (рис. 1: 19) могильников (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 78, 1а; 104, 1а; Коренюк, 2009, рис. 1, 23). Морфологически близкие образцы известны на Северном Кавказе (тип 1, по С.В. Махортых). В памятниках восточного варианта кобанской культуры они датируются IX – началом VIII в. до н.э. (Махортых, 1997, с. 7, рис. 1, 1–3, 5).

Бронзовый однолезвийный нож Н-12 (рис. 1: 1) из с. Нырсы б. Лаишевского у. Казанской губ. (Кузьминых, 1983, с. 148) – с прямой, немного изогнутой к острию спинкой и широким выпуклым лезвием, вдоль спинки сформовано утолщение, на рукояти

– отверстие. Окончание рукояти отломано, но, судя по изгибу ее верхней части, навершие имело форму кольца или арки. Утолщение на спинке сближает данный нож с позднекарасукскими экземплярами, например, ножами группы 15, по Н.Л. Членовой (1967, с. 125, 126). Нож из с. Нырсы, вероятнее всего, датируются финалом бронзового или началом раннего железного века.

С этапом I-1 связан и другой тип бронзовых однолезвийных ножей (Н-16) – с горбатой спинкой (Кузьминых, 1983, с. 150). Они происходят из: могильников Старшего Ахмыловского (п. 300, 370) (рис. 1: 4, 14) и Уфимского на ул. Трактовой (разрушенное погребение) (рис. 1: 18), селищ Половинного I (рис. 1: 20) и Конецгорского (рис. 1: 6), а также Васюковской II стоянки (рис. 1: 13) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 51, 4; 60, *ба*; Ахмеров, 1952, с. 25–29; Пшеничнюк, 1973, рис. 29, 6; Збруева, 1952, табл. 42, 1). Местное производство этих ножей документируется не только аналитическими данными (Кузьминых, 1983, с. 150), но и литейной формой для их отливки с городища Гремячий Ключ (Кузьминых, 1977, рис. 12, 1). Ножи с горбатой спинкой широко распространены в степях Волго-Донского междуречья и Северного Причерноморья (в т.н. киммерийских погребениях), известны на Северном Кавказе и в Балкано-Карпатье; они датируются IX – первой половиной VIII в. до н.э. (Махортых, 1997, с. 9).

Конская упряжь представлена бронзовыми псалиями и удилами.

Псалии выявлены в Измерском VII (п. 10) (рис. 2: 6) и Тетюшском (п. 261) (рис. 2: 1, 2) могильниках. В первом случае – псалий с овальными отвер-

стиями и шляпками примерно одинакового размера – типа Сержень-Юрт, вариант Камышеваха, по Вальчаку (2009). В состав комплекса п. 10 также входили две костяные пластины с отверстиями (рис. 2: 7, 13), возможно, фрагменты костяных псалий или удил и кельт КАН-28 (рис. 2: 11).

Во втором – два пластинчатых псалия с элементами крепления в виде округлых петель (Патрушев, 2011, рис. 79). На Северном Кавказе они получили наименование – тип Фарс 2-35. В п. 261 эти псалии сопровождались круглодонным сосудом и галькой.

Псалии типов Сержень-Юрт и Фарс 2-35 датируются IX – первой половиной VIII в. до н.э. (Эрлих, 1994, с. 65, 66; Махортых, 2005, рис. 42). Есть сведения о бытовании псалий Фарс 2-35 и во второй половине VIII в. до н.э., но, в любом случае, их датировка не выходит за пределы VIII в. до н.э. (Вальчак, 2009).

Однокольчатые удила с небольшими петлями (рис. 2: 3) найдены вне комплекса в Ананьинском могильнике (МВФ, № 1400: 927) (Халиков, 1977, рис. 81, 12). Аналогичные удила на Кавказе и в Северном Причерноморье датируются в рамках второй половины/конца IX – середины VIII в. до н.э. (Сазонов, 1996, с. 133; Яровой и др., 2002, с. 311, 322, 326, рис. 6, 12–15; Махортых, 2003, с. 44, рис. 12, 1–4, 29, 1–12; Вальчак, 2009, с. 27, 93, табл. 1).

К числу предметов конской упряжи относится шлемовидная бляха типа I-2 (рис. 2: 16), по С.В. Махортых (1999, с. 166, 167, рис. 1, 15), из Тетюшского могильника (п. 183) (Халиков, 1977, рис. 28, *Б6*). Ее дата определяется в пределах IX в. до

Рис. 1. 1 – д. Нырсы; 2 – Измерский VII м-к, жертвенный комплекс (ЖК); 3 – Тетюшский м-к (п. 272); 4, 8, 12, 14 – Ст. Ахмыловский м-к, п. 370, 55, 471, 300; 5 – из-под Билярска; 6 – Концогорское с-ще; 7 – стоянка им. Касьянова; 9, 10, 15 – Мурзихинский II м-к, сборы, п. 97, 125; 11 – Тетюшский м-к (р. XIII, стела №1) (по: Патрушев, 2011); 13 – Васюковская II стоянка; 16 – д. Татарское Бурнашево; 17 – Новомордовский I м-к (изображение на стеле №1) (по: Халиков, 1977); 18 – Уфимский м-к по ул. Трактовой; 19 – Першинский м-к, п. 55 (по: Коренюк, 2009); 20 – Половинное I с-ще.

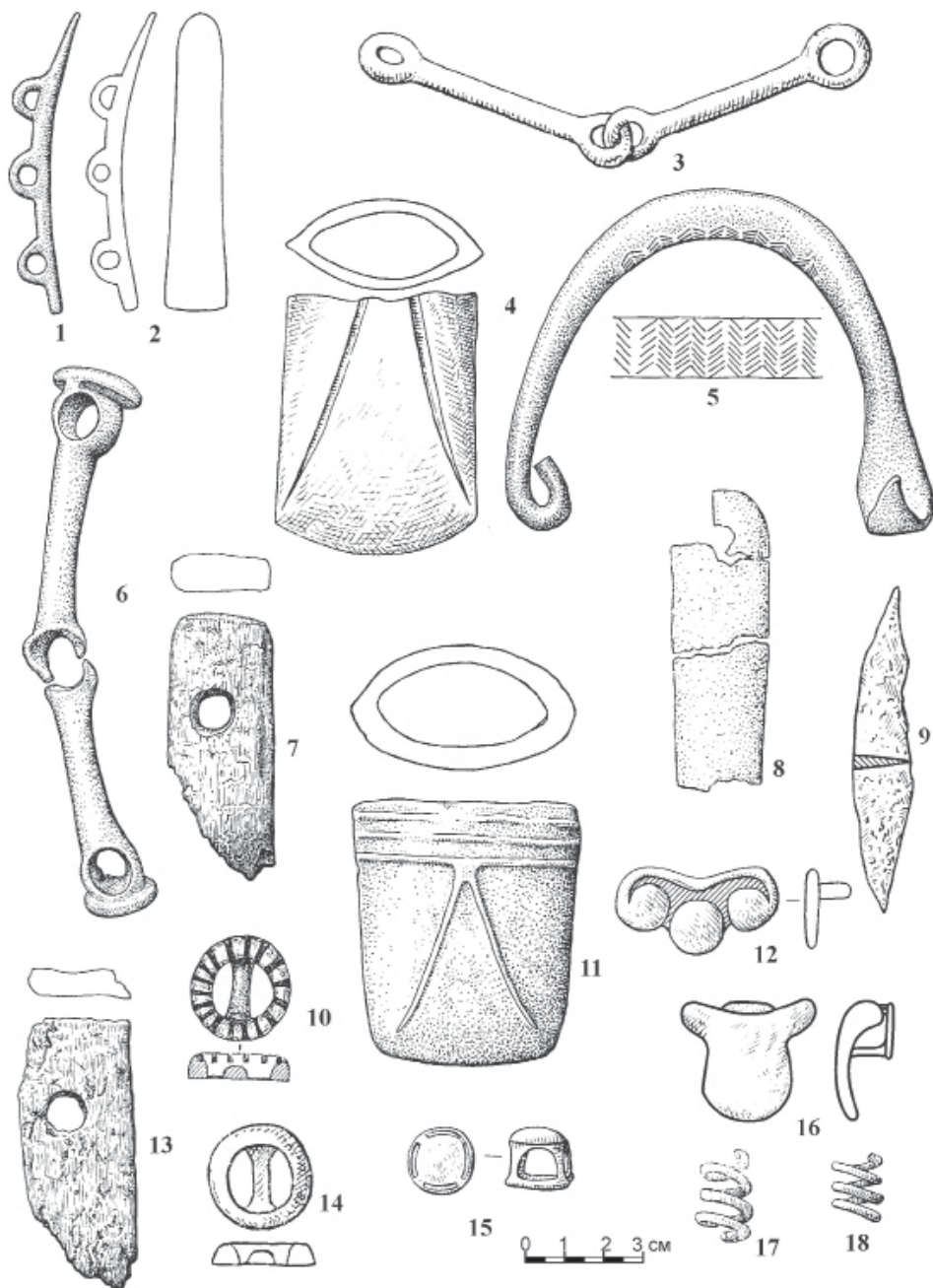

Рис. 2. 1–2, 4, 8, 9, 12, 14–18 – Тетюшский м-к, п. 261 (1–2; по: Патрушев, 2011), 183 (4, 8, 9, 12, 15–18; по: Халиков, 1977), 95 (14; по: Халиков, 1977); 3 – Ананьинский м-к (по: Халиков, 1977); 5 – Акозинский м-к, п. 14 (по: Халиков, 1962); 6, 7, 11, 13 – Измерский VII м-к, п. 10; 10 – Першинский м-к, п. 21 (по: Коренюк, 2009).

н.э. (Махортых, 1999, с. 170). Кроме нее в этом комплексе обнаружена бронзовая лунница (рис. 2: 12), украшенная с внешней стороны тремя округлыми выпуклинами, которые окаймляет западина, имеющая вид бегущей волны или изогнутых ветвей. Значительная серия подобных лунниц выявлена в т.н. «киммерийских» погребениях Восточной Европы, датированных в рамках того же IX в. до н.э. (см. подробнее: Махортых, 1999, с.170). Таким образом, весь комплекс п. 183, включающий, кроме того, кельт КАН-26 (рис. 2: 4), серебряную и золотую спирали (рис. 2: 17, 18), переходник от конской упряжи (рис. 2: 15), оселок (рис. 2: 8) и однолезвийный железный нож с горбатой спинкой (рис. 2: 9), можно отнести к IX в. до н.э.

Ранние связи АКЮ с Кавказом документируются также находкой кобанской фибулы (рис. 2: 5) в Аозинском могильнике (п. 14) (Халиков, 1962, табл. XIII, 6). Это крупное изделие длиной более 9 см, украшенное тонким елочным орнаментом. Практически полную аналогию ей составляют фибулы из Гижгида и Гунделена. Первая датирована по колхидскому топору X–IX вв. до н.э., датой второй определена по ребристым пластинчатым браслетам в рамках раннечерногоровского времени (Козенкова, 1998, с. 73, табл. XXIV, 16, 17).

Вероятно, можно согласиться с кобанскими аналогиями (Андреева, Козенкова, 1986, с. 257; Коренюк, 2009, с. 269) для кольцевидных блях с перемычкой из п. 95 Тетюшского (рис. 2: 14) (Халиков, 1977, с. 51, рис. 21, А1) и п. 21 Першинского (рис. 2: 15) (Коренюк, 2009, рис.

1, 7) могильников, несмотря на то, что предмет из разрушенного погребения могильника Клинь-Яр (Андреева, Козенкова, 1986, рис. 1, 3; Козенкова, 1995, табл. XX-VIII, 24) выглядит более грубым и архаичным. Судя по находкам из клиньярского погребения и особенно по бронзовому кинжалу с прямым перекрестием и рукоятью, украшенной однорядно-кольчатым орнаментом, датировка этого комплекса укладывается в рамки IX–середины VIII в. до н.э. (Андреева, Козенкова, 1986, с. 255).

Кроме приведенных выше хроноиндикаторов, существует небольшая серия ¹⁴C дат, которая характеризует материалы погребений этапа I-1 АКЮ, не имеющих в своем составе надежных хронологических реперов. Все даты получены по костным останкам погребенных в Мурзихинском II могильнике: п. 97 с бронзовым наконечником копья КД-28 (рис. 1: 10) (ГИН 9429 – 2830±40), п. 113, к. I (ГИН 10042 – 2930±90), п. 125 с кельтом КАН-28 (рис. 1: 15) (ГИН 10045 – 2950±50).

Таким образом, первый этап раннего периода в свете приведенных аналогий правомерно датировать IX – серединой VIII в. до н.э.

Второй этап раннего периода АКЮ (I-2) связан с распространением кавказских импортов в Волго-Камье, когда на Северном Кавказе и в степной зоне Восточной Европы после киммерийских и скифских походов в Переднюю Азию окончательно формируются археологические культуры “предскифского” времени и начинается оформление раннескифского материального комплекса (РСК-1 и РСК-2) (Медведская, 1992).

Основными хроноиндикаторами здесь служат комплексы с колчанными наборами, содержащими втульчатые двулопастные наконечники стрел С-2, С-4 (Кузьминых, 1983, с. 103–105). Они происходят из погребений Ананьинского (п. 20), Мурзихинского II (п. 143, 145 (2 экз.), 176; сборы, 6 экз.), Першинского (п. 7), Тетюшского (п. 242, 270) могильников и сборов с территории Новомордовского I могильника (рис. 3: 1–12) (Халиков, 1977, рис. 77, 1, 6; Кузьминых, 1983, табл. XLIII, 1, 3; Беговатов, Марков, 1992, рис. 3, 1–6; Голдина, 2004, рис. 82, 9; Чижевский, 2008, рис. 32, 3, 9; 42, 27; Патрушев, 2011, рис. 65, 6; 95, 2–6). Волго-Камские наконечники стрел этих типов соотносятся с раннекочевническими новочеркасского типа. Судя по находкам на Северном Кавказе (клад на горе Бештау, могильники КМФ I, п. 34 и Индустрия, п. 2 1971 г.), а также в «классическом» новочеркасском погребении у с. Зольное в Крыму и в других памятниках, данные наконечники датируются серединой VIII – началом VII в. до н.э. (Тереножкин, 1976, с. 134, 135; Козенкова, 1995, с. 11; Дударев, 1999, с. 87, 88; Махортых, 2005, с. 129, 137). Примечательно, что наконечники С-2 и С-4 встречены и в ранних постмаклашеевских поселенческих комплексах («Курган», стоянка им. Касьянова) (Кузьминых, 1983, табл. XLIII, 2, 4).

К этому же этапу относятся некоторые (в основном средневожские) наконечники С-10 (рис. 3: 13–20), соотносимые с наконечниками жаботинского типа. Известно около 15 экземпляров ранних наконечников С-10, в том числе в Гулькинском (п. 1), Старшем Ахмыловском (п. 383 – 2 экз., 856, кв. 3-6 1962 г. и Р-7 1965 г.),

Тетюшском (п.126) и других могильниках (Кузьминых, 1983, табл. XLIII, 19–28, 30, 31). Несколько наконечников происходит из средневожских поселений Малахай и Мари-Луговское I (Халиков, 1960, табл. 65, 6; Кузьминых, 1983, табл. XLIII, 29).

Наконечники с удлинненно-ромбовидным пером С-10, иногда с боковым шипом, имеют аналогии среди стрел типа Енджи-Жаботин: Жаботинское поселение финала горизонта Жаботин-2 (не позднее середины VIII в. до н.э.), курганы № 524 у с. Жаботин и № 9 у хутора Красное Знамя и др., датирующиеся по разным оценкам серединой/концом VIII – началом/серединой VII в. до н.э. (Ильинская, Тереножкин, 1986, с. 34; Махортых, 2005, с. 120; Рябкова, 2005, с. 240–242; 2009, с. 351; 2012, с. 346; Дараган, 2011, с. 571–577).

Клиновое оружие на этом этапе представлено бронзовыми (2 экз.), биметаллическими (8 экз.) и железными (4 экз.) кинжалами.

На этапе I-2 на смену мечам К-14 и кинжалам К-12 и К-18 приходят биметаллические кинжалы К-34 (Кузьминых, 1983, с. 130, 131). Они известны в могильниках: Морквашинском (п. 33), Мурзихинском II (п. 76) (рис. 4, 7), Полянском 2 (п. 1) (рис. 4: 4), Старшем Ахмыловском (п. 26, 36, 67, 124, 226а) (рис. 4: 6) (Халикова, 1967, табл. III, 4; Патрушев, Халиков, 1982, табл. 3, 5а; 5, 3з; 10, 1к; 22, 1з; Кузьминых, 1983, табл. LIV; Патрушев, 1990, рис. 8, 20; Чижевский, 2008, рис. 33, 3-5). Это кинжалы с рамочной рукоятью, на которой пуансоном симитирована двурядная кольчатая структура литого орнамента кинжалов этапа I-1. Иногда вокруг них прочерчена кольцевая линия, используемая, вероятно, для

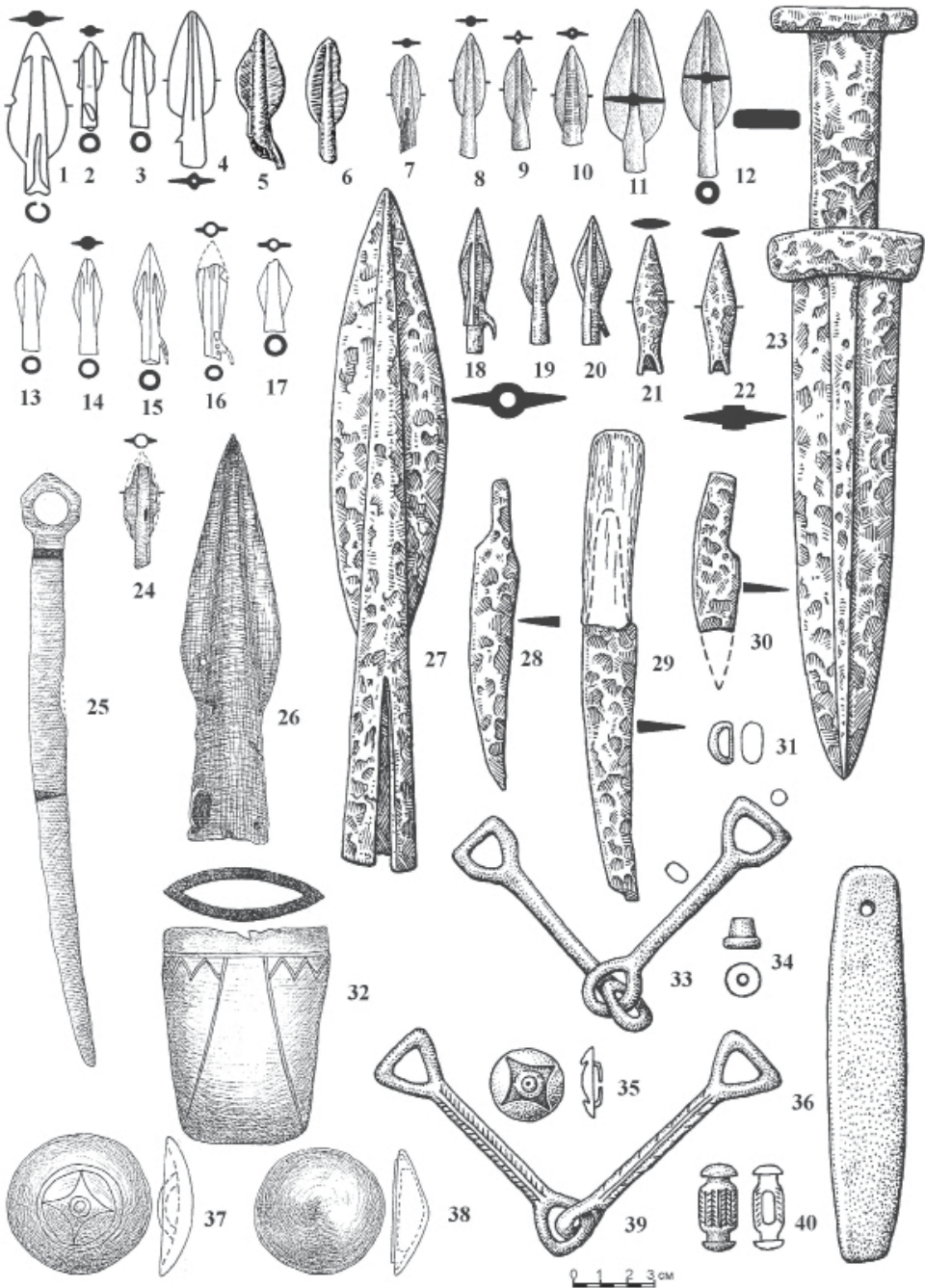

Рис. 3. 1 – стоянка им. Касьянова; 2 – Новомордовский I м-к; 3 – пос. Курган; 4 – Ананьинский м-к, п. 20 П.В. Алабина; 5, 6 – Мурзихинский II м-к, п. 143, 176; 7–12, 17 – Тетюшский м-к, п. 242 (7) 270 (8–12; по: Патрушев, 2011), 126 (17; по: Халиков, 1977); 13–16, 18–23, 27–31, 33–36, 39, 40 – Ст. Ахмыловский м-к, уч.3-6 1962 (13), п. 383 (14, 15, 18–23, 27–31, 33–36, 39, 40), 856 (16) (по: Патрушев, Халиков, 1982); 24–26, 32, 37, 38 – Першинский м-к (п. 7) (по: Голдина, 2004).

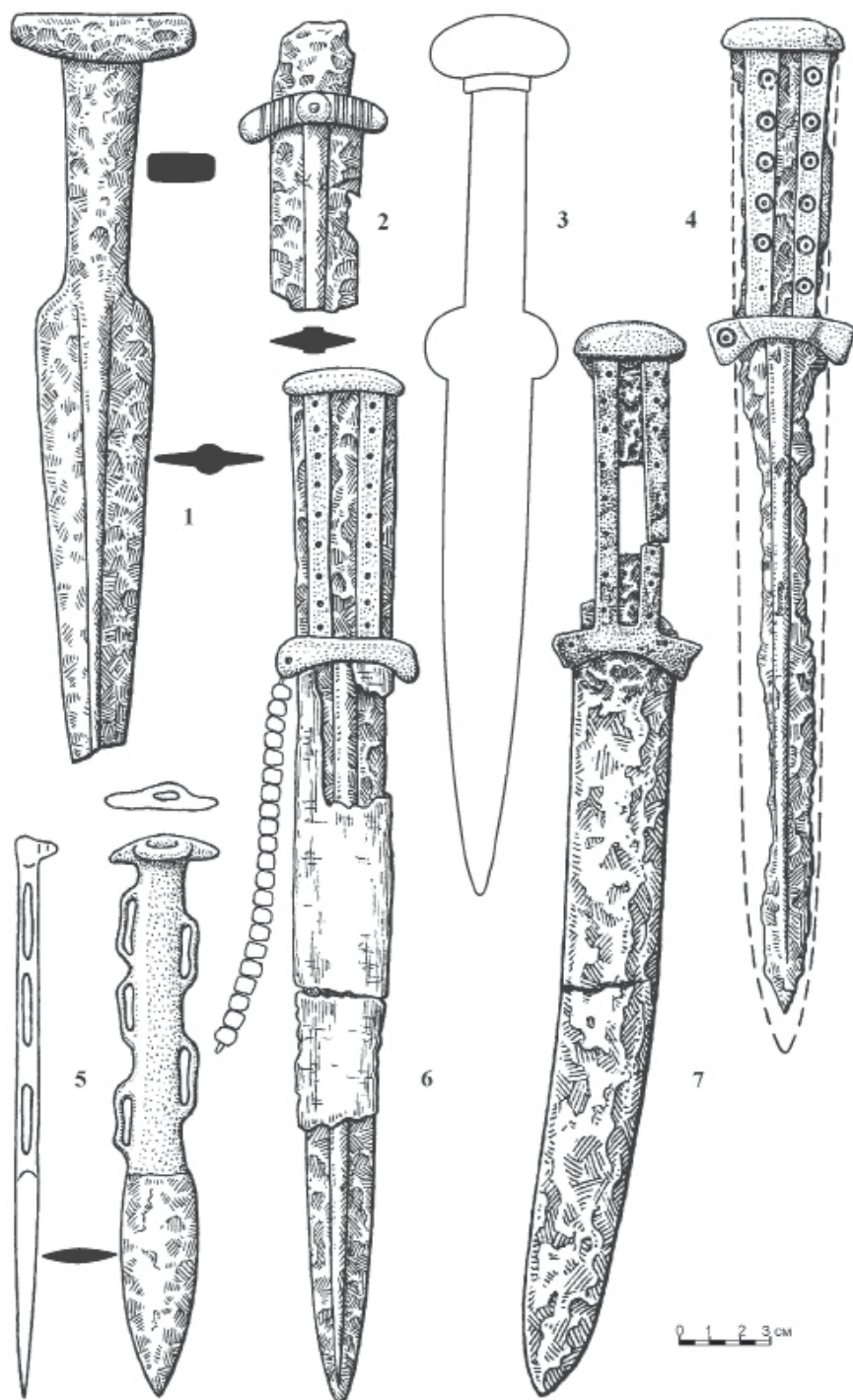

Рис. 4. 1, 2, 6 – Ст. Ахмыловский м-к, п. 711, 226а, 36) (по: Патрушев, Халиков, 1982);
 3 – Ананьинский м-к (по: Невоструев, 1871); 5 – Акозинский м-к, п. 86
 (по: Патрушев, 1982); 4 – Полянский II м-к, п. 1 (по: Халикова, 1967);
 7 – Мурзихинский II м-к, п. 76.

передачи большего сходства орнамента с литыми кольцами, иногда ее нет, а в одном случае эти отверстия отсутствуют вовсе. Вероятно, кинжалы типа К-34 являются местным подражанием кавказским кинжалам К-18. Волго-Камское производство оружия К-34 следует из исследования технологии их изготовления: она заметно отличается от кавказской (Шрамко и др., 1977, с. 67; Завьялов и др., 2009, с. 70). Это позволило Б.А. Шрамко утверждать, что Волго-Камье являлось одним из центров производства биметаллических кинжалов киммерийского времени (Шрамко и др., 1977, с. 74). А.Х. Халиков (1969, с. 278) и А.И. Тереножкин (1975, с. 23) также высказывались за местное производство кинжалов К-34. Ближайшими аналогиями данному типу являются кинжал из Каменноостского могильника (погребение 1921 г.) и находка рукояти из окрестностей Кисловодска. С.Л. Дударев (1999, с. 109, 110, рис. 26, 4) и С.Б. Вальчак (2005, с. 146), опираясь на данные спектрального анализа рукояти из Кисловодска, рассматривают этот кинжал как импорт из Волго-Камья.

Кинжалы К-34 являются наиболее поздними среди кинжалов с кольчатыми рукоятями и датируются второй половиной VIII – первой половиной VII в. до н.э. О поздней дате их существования свидетельствует комплекс погребения 1921 г. Каменноостского могильника с бляхой для уздечных ремней, выполненной в стилистике скифского звериного стиля (Дударев, 1999, с. 110; Махортых, 2014).

Близок к биметаллическим кинжалам К-34 цельножелезный кинжал из Морквашинского могильника (п. 26) (Патрушев, 1990, рис. 6, 1). Он полно-

стью имитирует форму биметаллических аналогов как в оформлении рукояти, так и лезвия. На рукояти не выявлена имитация кольчатого орнамента, однако она могла быть утрачена в результате коррозии. В комплекс данного погребения, кроме того, входили кельт КАН-26, железные наконечник копья и нож с горбатой спинкой, бронзовые пронизки-спирали, различные накладки, в том числе и штампованные «восьмерковидные», круглые бляхи с петлей (Патрушев, 1990, рис. 6). На одной из этих блях сформован 4-х-лучевой (солярный) орнамент, характерный для новочеркасского культурного комплекса второй половины VIII – первой половины VII в. до н.э. (Тереножкин, 1976, с. 186–215). Оформление клинка морквашинского кинжала аналогично экземпляру Высокой Могилы (п. 2), датированному концом VIII – первой половиной VII в. до н.э. (Козенкова, 1975, с. 101; Махортых, 2005, с. 140, рис. 11).

К кинжалам К-34 типологически близки изображения кинжалов с грибовидным навершием и изогнутым «луновидным» перекрестием на стелах постмаклашеевских могильников: №2, 3, 4, 6 Новомордовского I, №1 Мурзихинского I, №20, 22, 30, 32 Мурзихинского II (рис. 5: 2–10). Все они датируются второй половиной VIII–VII вв. до н.э. На новомордовской стеле №2 (рис. 5: 2) есть, кроме того, изображение топора-секиры с 4-х-лепестковой розеткой (Чижевский, 2009, рис. 2, 1).

По бляхе с аналогичным орнаментом датируется и биметаллический кинжал К-32 (рис. 4: 5) из Акозина (п. 86) с железным клинком и бронзовой рукоятью с небольшим брусковидным

навершием, петлей под ним и непарными скобками на держаке (Халиков, 1977, рис. 61, 9; Патрушев, 1982, рис. 17, 18; Кузьминых, 1983, с. 130) – вторая половина VIII – первая половина VII в. до н.э.

Кинжал К-36 из Старшего Ахмылова (п. 226 а) представлен обломком железного клинка и рукоятью (рис. 4: 2), на которую была надета бронзовая обойма из орнаментированного перекрестия с приподнятыми концами и проходящих по средней части рукояти с обеих сторон полос (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 38, 3а; Кузьминых, 1983, табл. ЛШ, 8). Кроме того, в состав вещевого комплекса входили кресальный кремь и фрагмент бронзовой гривны из круглого дрота (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 38, 3б). Невыразительный инвентарь и фрагментарность кинжала затрудняют датировку этого комплекса. Тем не менее конструктивные особенности рукояти указывают на то, что данный кинжал представляет местную модификацию кинжалов К-34 и может быть датирован в рамках второй половины VIII – первой половины VII в. до н.э.

Железные кинжалы этапа I-2, кроме упоминавшегося ранее кинжала из Морквашинского могильника (п. 26), представлены оружием из Старшего Ахмыловского могильника: с прямым брусковидным навершием и прямым коротким перекрестием (п. 383, тип I, 2Б, по А.Х. Халикову) (рис. 3: 23) и с длинным массивным навершием, суженной книзу рукоятью, переходящей через скошенные плечики к подтреугольному клинку (п. 711, тип I, 2Е) (рис. 4: 1) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 63, 1к; 104, 9б).

Дата кинжала из п. 383 определяется по сопровождающему его комплексу предметов (Патрушев, Халиков, 1972, табл. 63). Наконечники стрел с удлинено-ромбовидной головкой С-10 (рис. 3: 18–20) бытовали в середине VIII – середине VII в. до н.э. Круглые бляхи с 4-х-лепестковой розеткой (рис. 3: 35) датируются тем же временем. Кроме того, в этом комплексе есть две пары бронзовых удил (рис. 3: 33, 39) со стремевидными окончаниями (один комплект с насечками), которые датируются концом предскифского и раннескифским временем (Вальчак, 2009, с. 31, 32; Дараган, 2011, с. 577–596). Здесь же находились предметы, не имеющие самостоятельного датирующего значения, а именно: железные наконечники копья (рис. 3: 27) и три однолезвийных ножа с горбатой спинкой (рис. 3: 28–30), бронзовая фурнитура разной формы (рис. 3: 31, 34, 40) и оселок (рис. 3: 36).

Тем же временем (серединой VIII – серединой VII в. до н.э.) можно датировать кинжал из п. 711 (рис. 4: 1), морфологически сходный с экземпляром из п. 383, но без перекрестия.

Бронзовый однолезвийный нож со слабоизогнутой спинкой, прямым лезвием и навершием в виде кольца-пятиугольника из п. 7 Першинского могильника (Коренюк, 2000, рис. 1, 3) выявлен вместе с наконечником стрелы новочеркасского типа (рис. 3: 24), круглыми бляхами с солярным орнаментом и без него (рис. 3: 37, 38), наконечником копья КД-12 (рис. 3: 26) и кельтом КАН-32 (рис. 3: 32). Комплекс датируется второй половиной VIII – серединой VII в. до н.э.

Бронзовый кинжал К-6 из Аналинского могильника (рис. 4: 3) ха-

рактируется овальным перекрестием и полуовальным ассиметричным навершием с выступом под ним (Невоструев, 1871, с. 613, табл. I, 6; Вауе, 1897, р. 21, pl. XIII). Аналогичные образцы оружия с выступом-перехватом на рукояти известны в Казахстане и Сибири (Киселев, 1951, табл. XXII, 3; XXV, 5; XXX, 11; Акишев, 1959, рис. 15; Членова, 1967, табл. 2, 17–20 (по горизонтали); Кызласов, 1972, рис. 2, 1). Наиболее близок с ананьинским кинжал из кургана 50 могильника Уйгарак, который встречен в комплексе с бронзовыми трехмуфтовыми псалями и стремевидными удилами, орнаментированными шипами, трехдырчатými псалями, трехлопастными черешковым и втульчатым наконечниками стрел (Вишневская, 1973, табл. III, 10). Колчаный набор из кургана 50, судя по сочетанию втульчатого и черешкового (с длинным плоским черешком) наконечников стрел, датируется VII в. до н.э. (Медведская, 1972, с. 89). Конская упряжь этого комплекса позволяет ограничивать его датировку первой половиной VII в. до н.э. Вероятно, этим же временем датируется кинжал из Ананьинского могильника.

Следующей категорией хроноиндикаторов являются бронзовые топор-секира из окрестностей Билярска и серия кобано-колхидских топоров: из-под пос. Малахай (2 экз.), из собрания Строгановых с территории б. Пермской губ., из сел Чувашские Отары Республики Марий Эл и Грязнуха Ульяновской области (Штукенберг, 1901, табл. III, 3; Халиков, 1962, с. 100, табл. XIX, 4, 5; 1977, рис. 68, 1; 69, 1–5, с. 179, 181; Кузьминых, 1983, с. 155, 156).

Топор-секира из-под Билярска (рис. 6: 15) – с опущенным лезвием, плоским, немного расширяющимся к окончанию обухом, массивными нащечниками на уровне проуха; на них с обеих сторон сформована 4-лепестковая розетка новочеркасского типа. Морфологически близкий экземпляр найден между районным центром Сергиевск и с. Суходол в Самарской области. Он несколько меньших размеров и с более упрощенным изображением розетки на нащечниках. Подобная же розетка есть на изображениях топора-секиры на стелах № 1 и 2 Новомордовского I могильника (рис. 5: 1, 2).

Датировка этой серии оружия основывается на аналогиях из Предкавказья – могильники КМФ-I (п. 14) и у хутора Кубанского (п. 50), где подобные розетки украшают нащечники секиры-скипетра и топора-секиры. Они входят в состав вещевых комплексов, которые причислены к классическим новочеркасским древностям и датированы второй половиной VIII – первой четвертью VII в. до н. э. (Анфимов, 1975, с. 42, рис. 2, 4; Дударев, 1999, с. 159–169).

Топоры кобано-колхидского типа с опущенным (3 экз.) и прямым (2 экз.) расширяющимся к окончанию закругленным лезвием, найденные в ареале АКЮ, не является продукцией местных мастеров. Они отлиты из высокосурьмянистой бронзы, характерной для кавказских производящих центров (Кузьминых, 1983, с. 156).

Топоры с опущенным лезвием происходят из-под пос. Малахай (рис. 6: 19), б. Пермской губ. (рис. 6: 18) и с. Чувашские Отары (рис. 6: 16) (Халиков, 1962, с. 100, табл. XIX, 4). Для них характерен прямой закруглен-

ный, иногда с выраженной шляпкой обух, по бокам две-три глубоких параллельных каннелюры. На Северном Кавказе и в Закавказье подобные орудия являются этнокультурными маркерами кобанской и колхидской культур (Джапаридзе, 1953, рис. 1, 2; Воронов, 1975, рис. 4, 6, 7; Козенкова, 1996, рис. 36, 6). Примечательна находка топора этого типа в Новочеркасском кладе (Иессен, 1953, рис. 1, 1), датированного четвертой четвертью VIII – первой четвертью VII в. до н.э., т.е. временем классических новочеркасских древностей. Но, судя по вещевым комплексам Тлийского могильника (п. 68, 129, 130) с кинжалами с брусковидным навершием и почковидным перекрестием, а также наконечника стрелы с шипом С-10 (в п. 129), топоры этого типа могли существовать вплоть до второй половины VII – начала VI вв. до н.э. (Техов, 1980, рис. 2, 2, 9, 14; 10, 19; Козенкова, 1996, рис. 39).

Топоры с прямым туловом и расширяющимся к окончанию округлым лезвием являются случайными находками из-под пос. Малахай (рис. 6: 17) и с. Грязнуха (рис. 6: 20). На боковой части тулова малахайского топора отмечены каннелюры, которых нет на грязнухинском экземпляре. Обух первого закругленный, второго – неровный, с углублением в средней части.

О.М. Джапаридзе относил эти орудия к I типу колхидских топоров, которые датируются по кладу из с. Сурмуши (1953, рис. 6). В его состав, помимо прочих предметов, входила удила с двукольчатыми окончаниями конца VIII – начала/первой половины VII в. до н.э., т.е. предскифского времени. В.И. Козенкова датирует такие топоры периодом Кобан III с верхней

границей вплоть до начала VII в. до н.э. (1996, рис. 36, 8). Верхнюю границу их бытования уточняют находки из Тлийского могильника (п. 68) (Техов, 1980, рис. 2). Среди них, кроме топора I типа, – удила со стремевидными окончаниями, кинжал с брусковидным навершием и почковидным перекрестием, а также трёхдырчатые роговые псалии с «копытцем» на конце. Сочетание всех этих предметов в одном комплексе позволяет ограничить время их существования п. 68 второй четвертью – серединой VII в. до н.э., т.е. временем, когда вещи предскифских типов встречаются вместе с раннескифскими. Видимо, в этих же пределах (конец VIII – первая половина VII в. до н.э.) датируются топоры с прямым туловом и расширяющимся к окончанию округлым лезвием и в Волго-Камье.

Значительная часть датирующих предметов этапа I-2 АКЮ относится к конской упряжи.

Бронзовые псалии встречены в могильниках – Морквашинском (п. 42), Мурзихинском I (п. 5, 7, 14, жертвенный комплекс №9) и Мурзихинском II (п. 153 и сборы В.Н. Маркова).

Стержневые изогнутые трехплетчатые псалии со шляпками на концах из п. 42 (2 экз.) Морквашинского могильника (рис. 6: 2, 3) относятся к редкому типу «Березовский», распространенному на Северном Кавказе (могильники Березовский I, п. 26; Клинь-Яр III, п. 23; «Отстойник» I) (Махортых, 2004, с. 304–307, рис. 4, 1–4) и датированному серединой – второй половиной VIII в. до н.э. (Вальчак, 2009, с. 93). В п. 42 среди большого количества инвентаря наиболее интересны, кроме псалиев,

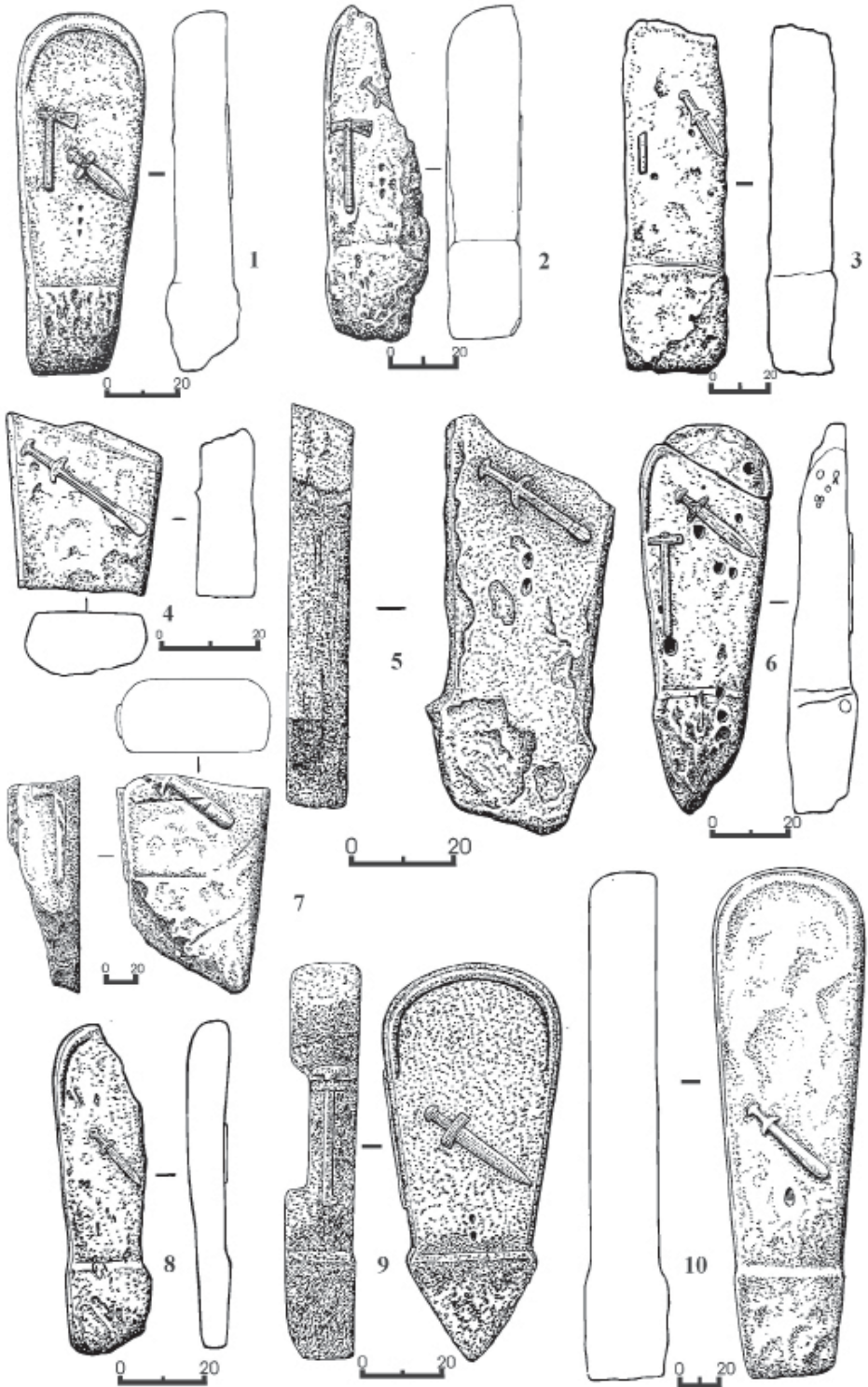

Рис. 5. 1–3, 6, 8 – стелы №1–4, 6 Новомордовского I м-ка; 4, 5, 7 – стелы №1, 20, 32 Мурзинского I м-ка; 9, 10 – стелы №22, 30 Мурзинского II м-ка.

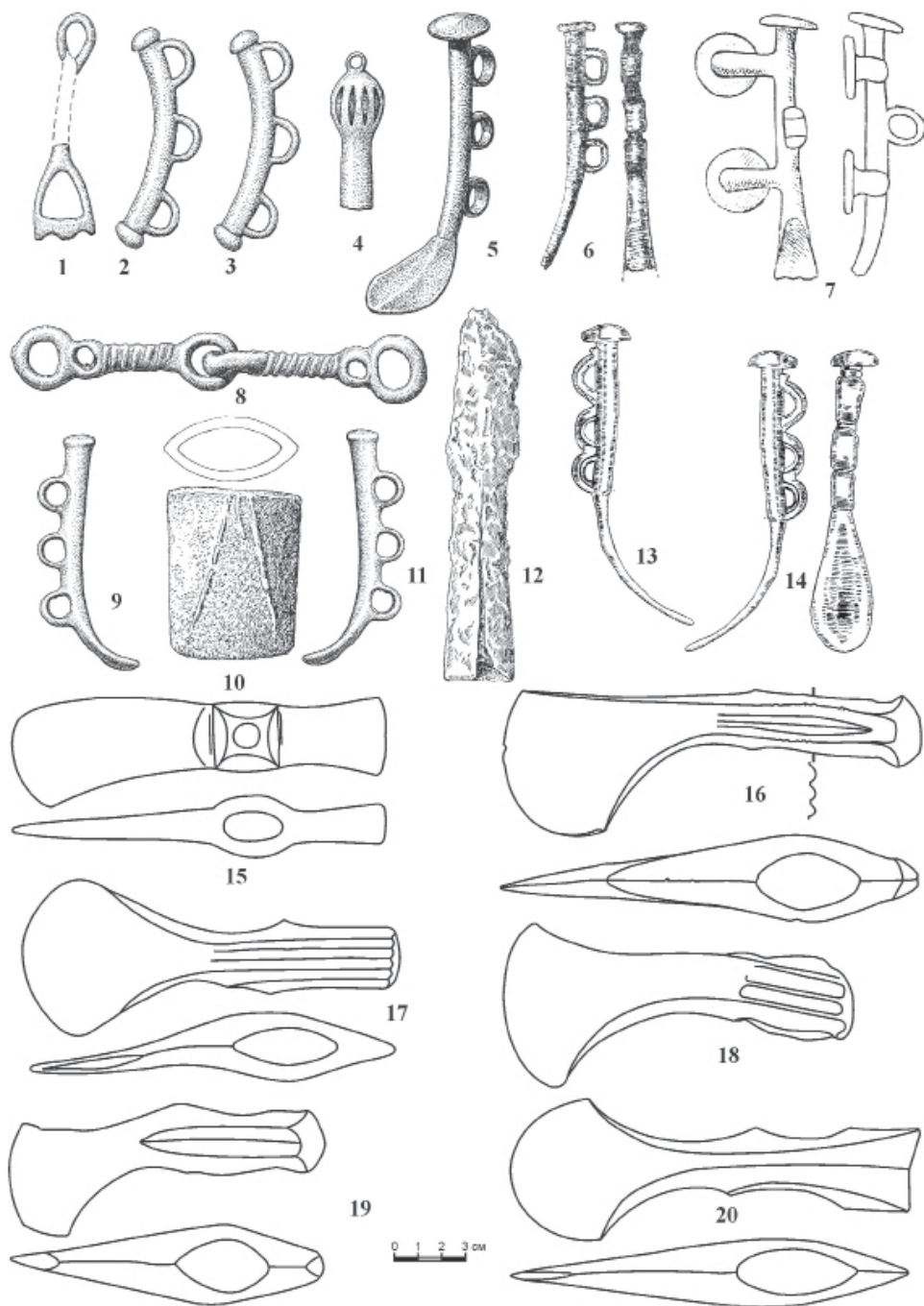

Рис. 6. 1–4 – Морквашинский м-к, п. 42 (по: Пагрушев, 1990); 5, 6, 13, 14 – Мурзинский I м-к, п. 5 (5), сборки (6; по: Беговатов, Марков, 1992), ЖК №9 (13, 14); 7, 15 – из-под Билярска (по: Халиков, 1977); 8–12 – Мурзинский II м-к, п. 153); 16 – с. Чувашские Отары (по: Халиков, 1977); 17, 19 – близ пос. Малахай (по: Халиков, 1977); 18 – б. Пермская губ. (по: Халиков, 1977); 20 – с. Грязнуха (по: Халиков, 1977).

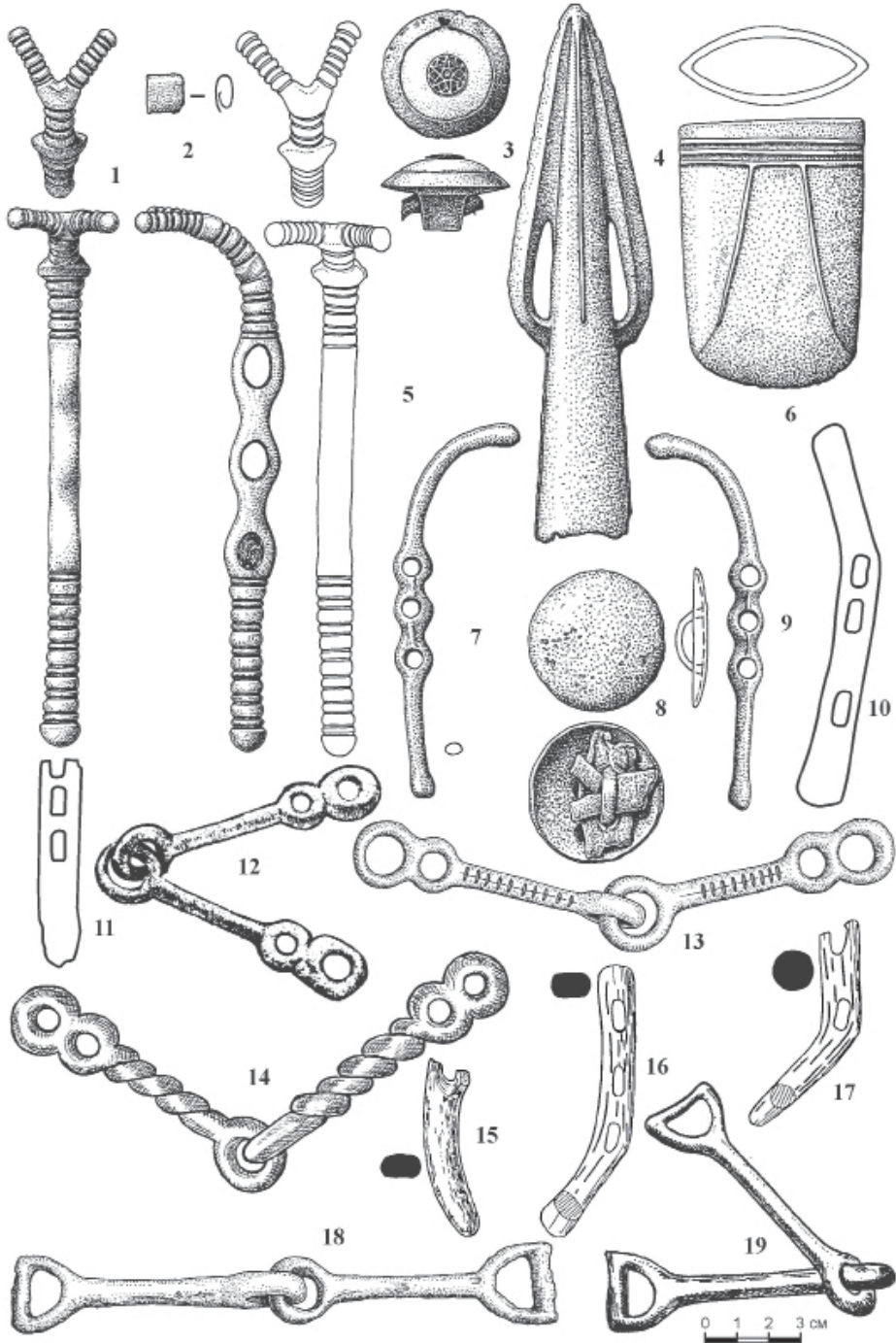

Рис. 7. 1–9, 15, 18 – Мурзихинский I м-к, п. 14 (1–6), 7 (7–9), 20 (15), ЖК №8 (18); 3, 14, 19 – Ст. Ахмыловский м-к, п. 136, 509, 524 (по: Патрушев, Халиков, 1982); 10 – Сорочьи Горы (по: Халиков, 1977); 11, 12 – Акозинский м-к, п. 51 (по: Халиков, 1962); 16, 17 – г-ще Гремячий Ключ (по: Марков, 2007).

Рис. 8. 1, 2, 4–12, 20, 23–25, 28 – Старший Ахмыловский м-к, п. 605 (1, 2, 4–6, 11, 12), 465 (7), 840 (8, 9), 150 (10), 362 (20), 800 (23, 24), 218 (25, 28) (по: Патрушев, Халиков, 1982); 3, 27 – Морквашинский м-к, п. 2, 4 (по: Збруева, 1952); 13, 26, 29 – Мурзихинский I м-к, п. 32 (13, 26, 29), 13 (30); 14–19, 21, 22 – Мурзихинский II м-к, п. 186; 31 – Старший Ахмыловский м-к (погр.68).

фрагмент стремевидных удил (рис. 6: 1) и навершие-флагшток (рис. 6: 4).

Стержневые трехпетельчатые псалии со шляпкой на одном конце и слабо раскованной лопастью на противоположном из п. 153 Мурзихи II (2 экз.) (рис. 6: 9, 11) зафиксированы в одном комплексе с двукольчатыми удилами с ложновитым рельефом (рис. 6: 8), кельтом КАН-28 (рис. 6: 10) и железным наконечником копья (рис. 6: 12). Аналогии этим псалиям выявлены исключительно на Северном Кавказе – тип «Новочеркасск», варианты «Зандак-38» или «Кочипэ-5». В уздечном комплексе 1904 г. из Майкопа псалии данного типа сочетаются с удилами с ложновитым рельефом (Иессен, 1953, рис. 7, 2), аналогичными(?) удилам из погр. 153. Псалии этого варианта датируются на Северном Кавказе серединой – второй половиной VIII в. до н.э. (Дударев, 1999, с. 155–159, 169; Вальчак, 2009, с. 93), но некоторые образцы (п. 38 Зандакского могильника) – более ранним временем (конец IX – первая половина VIII в. до н.э.) (Махортых, 1992, с. 27).

Псалии типа «Новочеркасск», вариант «классический», происходят из п. 5 (рис. 6: 5) и жертвенного комплекса №9 (2 экз.) (рис. 6: 13, 14) могильника Мурзиха I, а также из сборов В.Н. Маркова (рис. 6: 6) в Мурзихе II (Беговатов, Марков, 1992, рис. 3, 23; Беговатов и др., 1993; Чижевский, 2008, рис. 32, 13). По всей вероятности, к данному типу относится и своеобразный псалий из-под Билярска (рис. 6: 7), выполненный в виде стержня со шляпкой на одном конце и лопастью (в настоящее время обломанной) – на другом. Сбоку располагаются два Г-образных стержня со шляпками, между ними стандартная

петля для крепления (Иессен, 1953, рис. 28; Халиков, 1977, рис. 81, 7). Псалии варианта «классический» являются наиболее распространенными среди древностей предскифского периода Восточной Европы. Они датируются четвертой четвертью VIII – началом VII в. до н.э. (Махортых, 2004, с. 306) или же концом VIII – первой половиной VII в. до н.э. (Вальчак, 2009, с. 94).

Псалии из п. 7 Мурзихинского I могильника (2 экз.) (Чижевский, 2008, рис. 42, 3) относятся к т.н. трехмуфтовым типа Жаботин или Уашхиту-Жаботин (рис. 7: 7, 9). Их основной ареал на Северо-Западном Кавказе и Днепровском Правобережье (Мелюкова, 1989, табл. 35, 8; Махортых, 2003, с. 48; Вальчак, 2009, с. 67). Псалии из Мурзихи – стержневые, изогнутые, с тремя отверстиями в утолщениях-муфтах в центральной части, на концах отмечены каплевидные утолщения-шишечки. В петлях уздечных блях из этого комплекса сохранились элементы крепления упряжи, изготовленные из ремня (рис. 7: 8). Наиболее полные аналоги мурзихинским псалиям известны в комплексах могильников Хаджох I (курган 2), грунтового Келермесского (п. 27), Жаботин (курган 524) (Иессен, 1953, рис. 24; Вальчак, 2009, с. 67). Мурзихинские псалии этого типа датируются по аналогиям второй половиной – концом VIII в. до н.э. (Дараган, 2011, с. 572).

Своеобразный вариант псалиев типа «Жаботин» представляют два стержневых рифленых трехмуфтовых псалия (рис. 7: 1, 5) из п. 14 Мурзихинского I могильника с оформлением одной из сторон в виде рогов, концы стержня завершаются каплевидными утолщениями (Чижевский, 2006,

с. 55–57, рис. 1, 2; 2008, рис. 35, 5). Прямые аналоги неизвестны, тем не менее датировку псалиев типа «Жаботин» правомерно распространить и на псалии из п. 14.

Их датировку могут уточнить найденные вместе с ними бронзовые бляхи (рис. 7: 3) с массивным ушком и золотой вставкой с перегородчатой эмалью (3 экз.) (Чижевский, 2006, с. 55–57, рис. 1, 1; 2008, рис. 35, 9). Прототипы блях с золотыми вставками появляются в Закавказье еще на рубеже бронзового – раннего железного веков. Так, в кургане №91 Карабулакского могильника были найдены бронзовые бляхи со вставками из слоновой кости (?); в центр вставки вбит бронзовый гвоздик со шляпкой, обложенной золотом (Ивановский, 1911, с. 163, табл. XV, 3, 4, 8, 9). Памятник относится к развитому этапу ходжалы-кедебекской культуры и датируется в широких рамках XI–IX вв. до н.э. (Минкевич, 1961, с. 11). Аналогичные образцы блях известны в Грузии, в Цинцаройском могильнике (п. 21). Но на этой бляхе золотая вставка была утрачена еще в древности (Куфтин, 1941, табл. XXXIII, 1). Б.А. Куфтин отнес данный могильник к Ванской эпохе, IX–VII вв. до н.э. (1941, с. 50–64). Аналогичные бляхи имеются и в могильнике Калакент в Западном Азербайджане (Kohlmeyer, 1983; Эрлих, 1994, табл. 22, 9, 10), который датируется IX–VIII вв. до н.э. (Погребова, Раевский, 1997, с. 86). Остальные предметы из п. 14 не имеют датирующего значения (рис. 7: 2, 4, 6).

Погребение 14 в Мурзихе I перекрыто п. 13, в котором найдены украшения, сделанные из фрагментов кавказских боевых поясов. Они, безусловно, связаны с классическим но-

вочеркасским периодом и являются закавказскими импортами. Появление их вместе с «рогатыми» псалиями, как и остальных предметов закавказского облика, связано с «киммерийскими» и «скифскими» походами в Переднюю Азию в конце VIII – середине VII в. до н.э. Таким образом, дата п. 14 определяется серединой/второй половиной VIII – серединой VII в. до н.э.

Кроме бронзовых, в памятниках АКИО отмечены и роговые – трехдырчатые – псалии: п. 51 Акозинского (2 экз.) и п. 20 Мурзихинского I могильников, городища Гремячий Ключ (2 экз.) и Сорочьи Горы (Халиков, 1962, табл. VIII, 2, 3; 1977, рис. 81, 5, 6; Марков, 2007, рис. 44, 2, 3).

Акозинские псалии (рис. 7: 11) – стержневые, с овально-подчетыреугольными отверстиями – встречаются вместе с двукольчатыми, с гладким стержнем удилами (рис. 7: 12). Такой комплекс правомерно датировать в рамках конца VIII – первой половины VII в. до н.э. Схожим образом оформлены псалии из Гремячего Ключа (рис. 7: 16, 17) и Сорочьих Гор (рис. 7: 10), которые, вероятнее всего, датируются тем же временем.

Фрагмент псалия из Мурзихи I (рис. 7: 15) датирован в широких пределах всего этапа I-2 (вторая половина VIII – первая половина VII в. до н.э.) по круглой бляхе с 4-х-лепестковой розеткой, присутствующей в данном комплексе.

Другим элементом конской упряжи были бронзовые и железные удила. Бронзовые двукольчатые удила происходят из Акозинского (п. 51), Мурзихинского II (п. 153), Старшего Ахмыловского (п. 136, 509) могильников, а также из находок близ д. Чирки б. Тютюшского у. Казанской губ. (Штукен-

берг, 1901, табл. I, 2; Халиков, 1977, с. 220, рис. 81, 1; Патрушев, Халиков, 1982, табл. 24, 4д; 77, 1а).

Наиболее ранним типом, выявленным на памятниках АКИО, являются экземпляры с имитацией обмотки из п. 153 Мурзихи II (рис. 6: 8), датирующиеся второй половиной – концом VIII в. до н.э. (Дударев, 1999, с. 123, 152–159; Махортых, 2014). Датировка данного комплекса, учитывая сочетание двукольчатых удил с псалиями типа «Зандак» или «Кочипэ» (рис. 6: 9, 11), – середина – вторая половина VIII в. до н.э. В этих же пределах датируются другие ахмыловские удила: с ложновитым орнаментом (п. 509) (рис. 7: 14) и с имитацией ложновитой обмотки (п. 136) (рис. 7: 13). Более широкая дата (вторая половина VIII – начало VII в. до н.э.) у находки из Чирков с гладкой поверхностью стержней.

Сочетание в п. 51 Акозинского могильника удил с гладким стержнем (рис. 7: 12) и трехдырчатых роговых псалий может свидетельствовать о более поздней дате этого погребения, так как в комплексах АКИО с металлическими удилами VIII в. до н.э. роговые псалии не известны. Наиболее поздние двукольчатые удила Северного Кавказа датируются концом VIII – первой половиной VII в. до н.э. (Дударев, 2009, с. 165, 166), причем как орнаментированные шипами или квадратами, так и неорнаментированные, с гладким стержнем. Упряжь из п. 51, вероятно, того же времени.

Бронзовые удила со стремевидными окончаниями выявлены в Ананьинском (сборы, 3 экз.), Старшем Ахмыловском – п. 383 – 2 экз. (рис. 3: 33, 39), 524 (рис. 7: 19), Мурзихинском I (жертвенный комплекс №8)

(рис. 7: 18), Морквашинском (п. 42; фрагмент звена, Р. I, кв. Д-4) (рис. 6: 1) могильниках и в фондах Чистопольского краеведческого музея (случайная находка) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 63, 1р, 1с; 82, 1в). Лишь в одном случае они сопровождалась псалиями.

Наиболее ранние двучастные треугольно-конечные удила относятся еще к позднебронзовому времени (курган №34 могильника Гордеевка) и датированы XIII–X вв. до н.э. (Махортых, 2005 а, с. 269, рис. 1, 16). Форму, совпадающую со стремевидными образцами АКИО, треугольно-конечные удила приобретают позже. Подобные экземпляры отмечены в кургане №1 могильника Черногоровка, где они сопровождалась роговыми псалиями черногоровского типа с овальными равновеликими отверстиями, датированными IX – первой половиной VIII в. до н.э. (Махортых, 2005, с. 130, рис. 151, 13–15). По оформлению выделяются собственно треугольно-конечные удила с насечкой подтипа 1-1 (по С.Б. Вальчаку) из п. 383 Старшего Ахмылова (рис. 3: 39); остальные удила АКИО, в том числе и второй комплект из п. 383 (рис. 3: 33), относятся к группе со стремевидными внешними окончаниями (подтип 3-1, по Вальчаку). По северокавказским аналогиям те и другие удила из памятников АКИО датируются второй половиной VIII – первой половиной VII в. до н.э. (Махортых, 1994, с. 72; Эрлих, 1994, с. 62, 63; Дударев, 1999, с. 152–169; Вальчак, 2009, с. 31, 32). Удила из п. 42 Морквашинского могильника (рис. 6: 1) по псалиям березовского типа (рис. 6: 2, 3), возможно, имеют более узкую дату, в пределах второй половины VIII в. до н.э. Заметим, что поздние вари-

анты стремевидных удил второй половины VII в. до н.э. (Вальчак, 2009. С.31–32) не известны в Волго-Камье – у них выразительно оформленное окончание с выделенной подножкой и закраинами.

Железные однокольчатые удила отмечены в Мурзихинском II (п. 186) (рис. 8: 14) и Старшем Ахмыловском (п. 605) могильниках. Происхождение псалиев из п. 186 с овальными внешними петлями (рис. 8: 14) С.В. Махортых связывает с центральноевропейскими бронзовыми удилами с овальными кольцами, которые получили распространение и на юге Восточной Европы в VIII в. до н.э. (2003, с. 36; 2014). По набору предметов – железные наконечник копья (рис. 8: 16) и нож с горбатой спинкой (рис. 8: 18), бронзовые кельт КАН-14 (рис. 8: 19), лунница (рис. 8: 15) и три круглые бляхи с 4-лепестковым орнаментом (рис. 8: 17, 21, 22) – дату этого комплекса можно ограничить второй половиной VIII в. до н.э.

Значительный интерес представляют, вероятно, трехчастные удила с одной петлей из п. 605 Старшего Ахмылова (рис. 8: 2). Подобные, но бронзовые образцы известны из покупок в Билярске, оказавшихся в дореволюционной коллекции В.И. Заусайлова (Халиков, 1977, рис. 81, 9). С.Б. Вальчак относит их к средневековью (2009, с. 39). Аналогии железным трехчастным удилам известны на памятниках Передней Азии, Ирана и Закавказья. Здесь они встречены с удилами сиалковского типа, датированными концом VIII – первой половиной VII вв. до н.э. или исключительно второй половиной VIII в. до н.э. (Эрлих, 1994, с. 66–68, табл. 25, 7; Медведская, 2005, с. 109, 110; Вальчак, 2009, рис. 19, 4,

5). Однако входящие в комплекс п. 605 железные черешковые наконечники стрел (рис. 8: 11, 12) могут указывать на более позднее время – VII в. до н.э., так как именно в этот период распространяются наконечники с длинным и уплощенным черешком, подобно выявленному в данном погребении (Медведская, 1972, с. 89). Остальные вещи комплекса – железный нож с горбатой спинкой (рис. 8: 6), аказино-меларский кельт КАМ-20 (рис. 8: 1) и костяные наконечники стрел (рис. 8: 4, 5) – не имеют датирующего значения. Исходя из аналогий и датировки черешковых наконечников стрел, время существования трехчастных удил из п. 605 Старшего Ахмыловского могильника может быть ограничено концом VIII – первой половиной VII в. до н.э. или же только первой половиной VII в. до н.э.

К элементам конской упряжи относятся упомянутые ранее круглые бронзовые бляхи с 4-лепестковым солярным орнаментом. Они происходят из могильников: Аказинского (п. 21, 86), Измерского VII (из сборов, с плакировкой серебром – 3 экз.), Морквашинского (п. 7, 26), Мурзихинского I (п. 15, 20, 35), Мурзихинского II (находка 1995 г., п. 186) (рис. 8: 17, 21, 22), Першинского (п. 7) (рис. 3: 37), Старшего Ахмыловского (п. 7, 55, кв. Е-12 1962 г., 383, 465, кв. Б-11 п. 1 1968 г., 798) (рис. 3: 35), Тетюшского (п. 260) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 2, 5, 8, 1з; 18, 7; 63, 1е; 76, 1о; 84, 6; 114, 1в; Казаков, 1994, рис. 4, 1, 9; Патрушев, 2011, рис. 79, 3; и др.).

Ранние аналогии данному типу блях встречены в могильнике Поповка (курган 13). Они составляли один комплект с золотыми бляшками-апликациями из строенных кружков,

благодаря чему комплекс датирован второй половиной VIII в. до н.э. (Дараган, 2011, с. 599, рис. 59, V, 3, V, 74). Но чаще эти бляхи как часть новочеркасского культурного комплекса датируются второй половиной VIII – первой половиной VII в. до н. э. (Тереножкин, 1976, с. 186–215; Козенкова, 1996, с. 98, рис. 36). Бляхи с солярным орнаментом продолжают существовать на протяжении всего VII в. до н.э. Свидетельством тому находки в Келермесских курганах. Наиболее поздние образцы блях с солярными розетками датируются VI в. до н.э., и они уже сильно отличаются от новочеркасских (Иллінська, 1961, с. 56).

Ромбовидные 4-лепестковые (солярные) знаки присутствуют также на нащечниках бронзового топора-секиры из-под Билярска (рис. 6: 15) и аналогичных изображениях на стелах №1 и 2 Новомордовского I могильника (рис. 5: 1, 2). Подобные знаки известны в могильниках Северного Кавказа: на секире-скипетре из КМФ-I (п.14) и на секире из хутора Кубанского (п. 50), которые происходят из поздних (классических) новочеркасских комплексов четвертой четверти VIII – первой четверти VII в. до н.э. (Анфимов, 1975, с. 42, рис. 2, 4; Дударев, 1999, с. 159–169).

Не менее важное датирующее значение имеют некоторые украшения костюма. В их числе – бронзовая поясная подвеска с ажурным орнаментом из п. 465 Старшего Ахмыловского могильника (рис. 8: 7). Г. Парцингер отнес ее к фазе Ахмылово-1 (Parzinger, 1998, s. 234). Некоторое сходство с этой подвеской имеют ажурные бронзовые футляры из Суворовского курганного могильника, а также серия подобных предметов из Венгрии, датированных

IX–VIII вв. до н.э. (Тереножкин, 1976; Бруяко, 2005, с. 269, рис. 70). Однако с учетом находки в комплексе п. 465 круглой бляхи с 4-лепестковым орнаментом (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 76, 1) эту дату можно сузить до второй половины VIII в. до н.э.

Важнейшими хроноиндикаторами являются украшения, отражающие связи с Закавказьем. Это, прежде всего, предметы женского костюма: детали налобных венчиков, изготовленные из урартийских боевых поясов, и поясные бляхи из Морквашинского (п. 2, 6) (рис. 8: 3, 27), Мурзихинского I (п. 13, 32) (рис. 8: 13, 26, 29, 30), Старшего Ахмыловского (п. 150, 218, 362, 800, 840) (рис. 8: 8–10, 20, 23–25, 28) могильников и уже упоминавшиеся бляхи с перегородчатой эмалью от конской упряжи (Мурзиха I, п. 14) (рис. 7: 3) (Збруева, 1952, с. 309, 311, рис. 55а, 58; Патрушев, 1982, с. 192, 193, рис. 4, 1–6; Чижевский, 2006, с. 55–57).

На основании этих комплексов ряд исследователей пришел к выводу, что в Среднее Поволжье в основном поступали пояса из Центральной Грузии (Патрушев, 1984, с. 117, 118, рис. 18, 1–6; Погребова, Раевский, 1997, с. 62), Юго-Восточного Закавказья и Северо-Западного Азербайджана (Чижевский, 2006, с. 55), хотя пластины налобного венчика из п. 800 Старшего Ахмыловского могильника с изображениями крылатых львов и священного дерева, безусловно, характерны для искусства Урарту и других переднеазиатских государств (Кузьминых, 1983, с. 175; Погребова, Раевский, 1997, с. 59).

Подробный анализ закавказских поясов уже предпринимался ранее (Чижевский, 2006). Отметим, что их

датировка по закавказским аналогиям ограничивается второй половиной/концом VIII – первой половиной VII в. до н.э. (Там же, с. 57).

С Северным Причерноморьем связана плакированная золотой фольгой в виде закрученных «бараньих» рогов («улитковидная») бронзовая подвеска (рис.8: 31) из Старшего Ахмыловского могильника (п. 68) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 11, 1d). Наиболее ранние аналоги относятся к переходу от бронзового века к железнному, когда они изготавливались целиком из золота (Высокая могила, курган 5). Подвески, плакированные фольгой (курганы Димитрово 1-1, Львово 14-2, Целинное 16-3), распространяются позже, в середине – второй половине VIII в. до н.э. (Махортых, 2005, с. 69, 70, 105, рис. 73, 40; 79, 6, 7; 109, 2, 3; 2014).

Таким образом, второй этап раннего периода АКИО является временем наиболее интенсивных контактов с Северным Кавказом, Закавказьем и Северным Причерноморьем. Эти контакты продолжались на протяжении всего периода (середина VIII – первая четверть/первая половина VII в. до н.э.) и наложили сильнейший отпечаток на материальную культуру ананьинской культурно-исторической области. На основании этих контактов можно говорить о включенности ананьинского мира в систему международной торговли и внешнего товарного обмена с культурами юга Восточной Европы, Кавказа и Закавказья. В целом могильники раннего периода АКИО синхронизируются, прежде всего, с предскифскими погребальными памятниками степной зоны Восточной Европы и Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акишев К.А.* Памятники старины Северного Казахстана // Тр. ИИАЭ. – Т. 7. – Алма-Ата, 1959. – Т. 7. – С. 3–31.
2. *Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии. – СПб.: Петербургкомстат, 2003. – 416 с.
3. *Андреева М.В., Козенкова В.И.* Комплекс начала I тысячелетия до н.э. из урочища Клинь-Яр (Кисловодская котловина) // СА. – 1986. – №1. – С. 253–258.
4. *Анфимов Н.В.* Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья // Новое в советской археологии. – М.: Наука, 1965. – С. 196–198.
5. *Анфимов Н.В.* Новый памятник древнемеотской культуры (могильник у хутора Кубанского) // Скифский мир. – Киев: Наукова думка, 1975. – С. 35–51.
6. *Ахмеров Р.Б.* Археологические памятники Башкирии ананьинского времени // КСИИМК. – Вып. 48. – Ленинград, 1952. – С.25–35.
7. *Беговатов Е.А., Марков В.Н.* Мурзихинский II могильник // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. – Казань: ИЯЛИ, 1992. – С. 57–72.
8. *Беговатов Е.А., Истомин К.Э., Марков В.Н., Руденко К.А., Чижевский А.А.* Новые находки ананьинского времени с Мурзихинского могильника // Финно-угры России. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. – Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. – Вып.1. – С. 126–157.

9. *Бруяко И.В.* Ранние кочевники в Европе X–V вв. до н.э. – Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2005. – 358 с.
10. *Вальчак С.Б.* Классификация, вопросы происхождения, развития и хронологии некоторых кинжалов и мечей предскифского периода // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 138–160.
11. *Вальчак С.Б.* Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. – М.: Таус, 2009. – 292 с.
12. *Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V в. до н.э.: по материалам Угайрака // Тр. ХАЭЭ. – Т. VIII. – М.: Наука, 1973. – 160 с.
13. *Воронов Ю.Н.* Вооружение древнеабхазских племен в VI–I вв. до н.э. // Скифский мир. – Киев: Наукова думка, 1975. – С. 218–234.
14. *Дараган М.Н.* Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной лесостепи. – Киев: КНТ, 2011. – 848 с.
15. *Джеспаридзе О.М.* Бронзовые топоры Западной Грузии // СА. – 1953. – № 18. – С. 281–300.
16. *Дубовская О.Р.* Вопросы сложения инвентарного комплекса черноговровской культуры // Археологический альманах. – Донецк: ДОКМ, 1993. – №2. – С. 137–160.
17. *Дударев С.Л.* Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII вв. до н.э.). – Армавир: Международная академия информатизации, Краснодарское регион. отделение, 1999. – 402 с.
18. *Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / МИА. – №30. – Москва, 1952. – 326 с.
19. *Ивановский А.А.* По Закавказью // МАК. – Т. VI. – Москва, 1911. – С.84–185.
20. *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР // СА. – 1953. – № 13. – С. 49–110.
21. *Іллінська В.А.* Скіфські сокири // Археологія. – Т. XII. – Київ: Наукова Думка, 1961. – С. 27–52.
22. *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Киммерийское время (9 – первая половина 7 вв. до н.э.) // Археология Украинской ССР. – Киев: Наукова думка, 1986. – Т. 2. – С. 8–43.
23. *Казаков Е. П.* Измерский VII могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. – Казань: ИЯЛИ, 1994. – С.104–123.
24. *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 643 с.
25. *Клочко В.И., Мурзин В.Ю.* О хронологии древностей черноговровско-новочеркасского типа // Проблемы археологии Приднепровья. – Днепропетровск: ДГУ, 1989. – С. 61–71.
26. *Козенкова В.И.* К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа // Фрако-скифские культурные связи / Studia Thracica. – Т. 1. – София, 1975. – С. 91–102.
27. *Козенкова В.И.* Оружие и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. Т. 4 / САИ. – Вып. В2-5. – М., 1995. – 166 с.

28. *Козенкова В.И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). – М.: ИА РАН, 1996. – 163 с.

29. *Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен (орудия труда, украшения, предметы культа, посуда: систематизация и хронология). Западный вариант. Т. 5 / САИ. – Вып. В2-5ю – М., 1998. – 200 с.

30. *Коренюк С.Н.* О находках изделий сакского типа в Пермском Прикамье // Пермское Прикамье в истории Урала и России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Березники: Изд-во Пермского ун-та, 2000. – С. 33–35.

31. *Коренюк С.Н.* К вопросу о датировке начального этапа ананьинской культуры Волго-Камья // Изв. Самарского научного центра РАН. – Т.11. – Вып. 2. – Самара, 2009. – С. 265–270.

32. *Кузьминых С.В.* Об ананьинской обработке бронзы // АЭМК. – Вып. 2. – Йошкар-Ола, 1977. – С. 126–166.

33. *Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). – М.: Наука, 1983. – 257 с.

34. *Кузьминых С.В.* Финал бронзового и ранний железный век севера Европейской России // II Северный Археологический Конгресс: Доклады. – Екатеринбург: Чароид, 2006. – С. 226–240.

35. *Кузьминых С.В.* Этно- и культурогенетические процессы на севере Восточной Европы в финале бронзового и раннем железном веке // Пермские финны: археологические культуры и этносы: Материалы I Всероссийской научной конференции. – Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2007. – С. 41–47.

36. *Кузьминых С. В., Чижевский А. А.* О Владимире Николаевиче Маркове и его книге // В.Н. Марков. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху: (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности). – Казань: ИИ АН РТ, 2007. – С. 3–6.

37. *Куфтин Б.А.* Археологические раскопки в Триалети. Т.1. Опыт периодизации памятников. – Тбилиси: ИИ АН ГрузССР, 1941. – 491 с.

38. *Кызласов Л.Р.* Сакская коллекция с Иссык-Куля // Новое в археологии. – М.: МГУ, 1972. – С. 102–107.

39. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху: (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. – Вып. 4. – Казань, 2007. – 136 с.

40. *Махортых С.В.* Происхождение и хронология бронзовых ножей Северного Кавказа X–VIII вв. до н.э. // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / МИАР. – № 1. – М.: ИА РАН, 1997. – С. 4–13.

41. *Махортых С.В.* Пам'ятки типу Новочеркаського скарбу // Археологія. – №1. – Київ: Наукова Думка, 1992. – С. 23–30.

42. *Махортых С.В.* Киммерийцы на Северном Кавказе. – Киев: ИА АН Украины, 1994. – 94 с.

43. *Махортых С.В.* О предскифских шлемовидных бляхах // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). – Запорожье: ИА НАНУ, Изд-во Запорожского ун-та, 1999. – С. 166–171.

44. *Махортых С.В.* Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. – Киев: Шлях, 2003. – 140 с.

45. *Махортых С.В.* Классификация бронзовых предскифских псалиев Восточной и Центральной Европы // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. – Вип. XVIII. – Запоріжжя: Просвіта, 2004. – С. 300–321.
46. *Махортых С.В.* Киммерийцы Степного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 2005. – 380 с.
47. *Махортых С.В.* О генезисе предскифских стремечковидных удил Восточной Европы // На пошану Софії Станіславівни Березанської. – Київ: Шлях, 2005а. – С. 269–274.
48. *Махортых С.В.* Киммерийцы и население Волго-Камья в раннем железном веке // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. – Казань, 2014. – В печати.
49. *Медведская И.Н.* Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. – 1972. – № 3. – С. 76–89.
50. *Медведская И.Н.* Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. – 1992. – № 3. – С. 88–107.
51. *Медведская И.Н.* Сялк V и Хасанлу IV: вопросы хронологии // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 107–127.
52. *Мелюкова А.И.* Оружие, конское снаряжение, повозки, наверхия // Степи европейской части СССР в скифо–сарматское время / Археология СССР. – М: Наука, 1989. – С. 92–100.
53. *Минкевич Н.В.* Ходжалы-кедабекская археологическая культура: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. – Баку: ИИ АН АзербССР, 1961. – 18 с.
54. *Невоструев К.И.* Ананьинский могильник // Труды I Археологического Съезда. – Т. II. – М., 1871. – С. 595–632.
55. *Патрушев В.С.* Исследования Акозинского могильника в 1971–1972 годах // Вопросы этнической истории в первобытную эпоху. – Йошкар-Ола: МарГУ, 1982. – С. 19–56.
56. *Патрушев В.С.* Марийский край в VII–VI вв. до н.э.: (Старший Ахмыловский могильник). – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1984. – 230 с.
57. *Патрушев В.С.* Новые исследования Пустоморквашинского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – Йошкар-Ола: МарГУ, 1990. – С. 25–74.
58. *Патрушев В.С.* Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени / Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования. – Вып. 2. – Казань, 2011. – 276 с.
59. *Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). – М.: Наука, 1982. – 278 с.
60. *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями. – М: Вост. лит., 1997. – 152 с.
61. *Полин С.В.* О хронологии раннескифской культуры (по И.Н. Медведской) // РА. – 1998. – №4. – С. 50–63.
62. *Пишеничнюк А.Х.* Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. – Т. V. – Уфа, 1973. – С. 162–243.

63. *Рябкова Т.В.* Курган 524 у с. Жаботин // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. – Краснодар: КубанГУ, 2005. – С. 240–243.
64. *Рябкова Т.В.* Бронзовый сосуд из кургана 524 у с. Жаботин // Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого. – Киев–Полтава: ИА НАНУ, 2009. – С. 351–354.
65. *Сазонов А.А.* Относительная и абсолютная хронология протомеотского могильника Пшиш I // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. (XIX Крупновские чтения): Тезисы докладов. – М.: ИА РАН, 1996. – С. 132–134.
66. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / МИА. – № 28. – М.: АН СССР, 1952. – 278 с.
67. *Тереножкин А.И.* Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир. – Киев: Наукова думка, 1975. – С. 3–34.
68. *Тереножкин А.И.* Киммерийцы. – Киев: Наукова думка, 1976. – 224 с.
69. *Техов Б.В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н.э.: (По материалам Тлийского могильника). – М.: Наука, 1980. – 94 с.
70. *Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / ТМАЭ. – Т. 1. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. – 188 с.
71. *Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // ТМАЭ. – Т. 2. – Йошкар-Ола, 1962. – С. 7–187.
72. *Халиков А.Х.* Железные кинжалы с бронзовыми рукоятками из Волго-Камья // МИА. – №169. – М.: Наука, 1969. – С. 275–290.
73. *Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). – М.: Наука, 1977. – 264 с.
74. *Халикова Е.А.* II Полянский могильник // УЗ ПГУ. – № 148. – Пермь, 1967. – С. 116–132.
75. *Чижевский А.А.* Е.А. Халикова и проблема хронологии маклашеевского этапа приказанской культуры // Вопросы историко-культурного наследия Волго-Камья. – Казань: Мастер Лайн, 2002. – С. 30–37.
76. *Чижевский А.А.* Комплекс вещей кавказского происхождения из Мурзихинского IV (I) могильника (вопросы хронологии и происхождения) // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне: Тезисы докладов. – М.: Нумизматическая литература, 2006. – С. 55–57.
77. *Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. – Вып. 5. – Казань: ИИ АН РТ, 2008. – 172 с.
78. *Чижевский А.А.* Проблема генезиса и хронологии ананьинских (постмаклашеевских) стел // РА. – 2009. – №1. – С. 81–90.
79. *Чижевский А.А.* К вопросу о начале раннего железного века в Волго-Камье // Российский археологический ежегодник. – 2012. – №2. – С. 383–400.
80. *Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.
81. *Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А.* Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период) // СА. – 1977. – №1. – С. 57–74.

82. Штукенберг А.А. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России // ИОАИЭ. – Т. XVII. – Вып. 4. – Казань, 1901. – С. 165–213.
83. Щукин М.Б. Готский путь. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 576 с.
84. Эрлих В.Р. У истоков раннекифского комплекса. – М.: ГМБ, 1994. – 196 с.
85. Яровой Е.В., Каиуба М.Т., Махортых С.В. Киммерийский курган у пгт. Слободзея. – Тирасполь: Изд-во Приднестровского ун-та, 2002. – 343 с.
86. Baye le baron J. de. La nécropole d'Ananino (Gouvernement de Viatka, Russie). In: *Memoires de la Societe nationale des Antiquaires de France*. Paris: Librairie nilsson, 1897, vol. LVI (1895), p. 1–26.
87. Kohlmeyer K., Saherwala G. Frühe Bergvolker in Armenien und im Kaukasus. Berlin, 1983, 84 p.
88. Kuzminykh S.V. Final Bronze Age and Early Iron Age in the North of Eastern Europe. In: *Arkeologian lumoa synkkyyteen. Artikkeleita Christian Carpelanin juhlapäiväksi*. Helsinki: Yliopistopaino, 2006, p. 75–84.
89. Parzinger H. Das Gräberfeld von Achmylovo und die relative Chronologie der frühen Ananino-Kultur. In: *Eurasia Antiqua*, 1998, Bd. 4, p. 209–245.

Информация об авторах:

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов, Институт археологии РАН, чл.-корр. Германского археологического института (г. Москва, Российская Федерация), kuzminykhsv@yandex.ru

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Российская Федерация); chijevski@mail.ru

CHRONOLOGY OF THE EARLY PERIOD OF THE ANANYINO CULTURAL AND HISTORICAL AREA

S.V. Kuzminykh, A.A. Chizhevskiy

Problems related to the chronology of the early period in the Ananyino cultural and historical area development are discussed in the article. The chronology is based upon the objects imported from the Black Sea region, Northern Caucasus and Transcaucasia and their Ananyino replicas or imitations. Radiocarbon dates have also been taken into account. The period under consideration is divided into two stages (I-1 and I-2). They are characterized by differing technological facilities that had determined the appearance of a differing set of material culture objects. The first stage, the transition from the Bronze Age to the Early Iron Age, is dated within the 9th to mid-8th century BC. The second phase (mid-8th to first quarter/first half of the 7th century BC) is associated with the spread of Caucasian imports in the Volga-Kama area and mostly in the post-Maklasheevka culture sites. On the basis of these imports it is possible to claim that the Ananyino area was included into the international trade and exchange system of Eastern Europe, the Caucasus and Transcaucasia. Monuments of the

Supported by the Russian Foundation for Humanities (Project 14-01-00348a) and the Russian Foundation for Fundamental Research (Project 14-06-00287).

early period of the Ananyino cultural and historical area are primarily synchronized with the pre-Scythian funeral monuments of the steppe zone of Eastern Europe and the Caucasus.

Keywords: the Volga River area, the Kama River area, the Early Iron Age, the Ananyino cultural and historical area, chronology, periodization, chronological indicators, trade contacts.

REFERENCES

1. Akishev, K. A. 1959. In *Trudy Instituta Istorii, arkheologii i etnografii Akademii Nauk Kazakhskoi SSR (Proceedings of the Institute for the History, Archaeology and Ethnography, Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 7. Alma-Ata, 3–31 (in Russian).
2. Alekseev, A. Yu. 2003. *Khronografiia Evropeiskoi Skifii VII—IV vekov do n. e. (The Chronography of European Scythia in 7th—4th Centuries BC)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
3. Andreeva, M. V., Kozenkova, V. I. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 253–258 (in Russian).
4. Anfimov, N. V. 1965. In *Novoe v sovetskoj arkheologii (New Discoveries of the Soviet Archaeology)*. Moscow: “Nauka” Publ., 196–198 (in Russian).
5. Anfimov, N. V. 1975. In *Skifskii mir (Scythian World)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 35–51 (in Russian).
6. Akhmerov, R. B. 1952. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material’noi kul’tury (Concise Bulletins of the Institute for the History of Material Culture)* 48. Leningrad, 25–35 (in Russian).
7. Begovatov, E. A., Markov, V. N. 1992. In *Arkheologicheskie pamiatniki zony vodokhranilishch Volgo-Kamskogo kaskada (Archaeological Sites in the Area of Water Reservoirs in the Volga-Kama Cascade)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 57–72 (in Russian).
8. Begovatov, E. A., Istomin, K. E., Markov, V. N., Rudenko, K. A., Chizhevskii, A. A. 1993. In *Finno-ugry Rossii. Pamiatniki s nitochno-riabchatoi keramikoi (The Finno-Ugric People of Russia. Sites with Spun-and-Speckled Ceramics)* 1. Yoshkar-Ola: Mari State University, 126–157 (in Russian).
9. Bruiako, I. V. 2005. *Rannie kochevniki v Evrope. X—V vv. do R. Kh. (Early Nomads in Europe (10th — 5th Centuries BC))*. Kishinev: High Anthropological School University (in Russian).
10. Val’chak, S. B. 2005. In Guliaev, V. I., Kuz’minykh, S. V., Val’chak, S. B. (eds.). *Drevnosti Evrazii: Ot rannei bronzy do rannego srednevekov’ia: Pamiati V. S. Ol’khovskogo (Antiquities of Eurasia: from the Early Bronze to the Early Middle Ages: in Memory of V. S. Ol’khovsky)*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology, 138–160 (in Russian).
11. Val’chak, S. B. 2009. *Konskoe snariazhenie v pervoi treti I tys. do n. e. na iuge Vostochnoi Evropy (Horse Garment in the First Third of the I Millennium BC in the South of Eastern Europe)*. Moscow: “Taus” Publ. (in Russian).
12. Vishnevskaiia, O. A. 1973. *Kul’tura saskikh plemen nizov’ev Syrdar’i v VII—V vv. do n. e. (po materialam Uigaraka) (The Culture of the Saka Tribes in the Lower Syr*

Darya Region in 7th—5th Centuries BC (after the Materials from Uygarak)). Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of Khwarazm Archaeological and Ethnographic Expedition) VIII. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

13. Voronov, Yu. N. 1975. In *Skifskii mir (Scythian World)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 218–234 (in Russian).

14. Daragan, M. N. 2011. *Nachalo rannego zhelezного века v Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi (The Beginning of Early Iron Age in the Forest-Steppe Zone of the Right Bank of Dnieper)*. Kiev: "KNT" Publ. (in Russian).

15. Dzhaparidze, O. M. 1953. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (18), 281–300 (in Russian).

16. Dubovskaia, O. R. 1993. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 2. Donetsk: Donetsk Regional Museum of Local Lore, 137–160 (in Russian).

17. Dudarev, S. L. 1999. *Vzaimootnosheniia plemen Severnogo Kavkaza s kochevnikami Iugo-Vostochnoi Evropy v predskifskuiu epokhu (IX — pervaiia polovina VII v. do n. e.) (Relations of the Tribes of Northern Caucasus with the Nomads of South-Eastern Europe in the Pre-Scythian Time (9th – first half of 7th c. BC))*. Armavir: International Informatization Academy, Krasnodar Regional Department (in Russian).

18. Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama Basin in the Ananyino Epoch)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology) 30. Moscow (in Russian).

19. Ivanovskii, A. A. 1911. In *Materialy po arkheologii Kavkaza (Materials on Archaeology of the Caucasus)* VI. Moscow, 84–185 (in Russian).

20. Iessen, A. A. 1953. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (13), 49–110 (in Russian).

21. Illins'ka, V. A. 1961. In *Arkheolohiia (Archaeology)* XII. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 27–52 (in Ukrainian).

22. Il'inskaia, V. A., Terenozhkin, A. I. 1986. In *Arkheologiia Ukrainskoi SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)* 2. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 8–43 (in Russian).

23. Kazakov, E. P. 1994. In *Pamiatniki drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Monuments of Ancient History of the Volga-Kama Rivers region)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, 104–123 (in Russian).

24. Kiselev, S. V. 1951. *Drevniaia istoriia Iuzhnoi Sibiri (Ancient History of the Southern Siberia)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

25. Klochko, V. I., Murzin, V. Yu. 1989. In *Problemy arkheologii Pridneprov'ia (Issues on Archaeology of the Dnieper River Region)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 61–71 (in Russian).

26. Kozenkova, V. I. 1975. In *Frako-skifskie kul'turnye sviazi. Studia Thracica (Thracian – Scythian Cultural Relations. Studia Thracica)* 1. Sofia, 91–102 (in Russian).

27. Kozenkova, V. I. 1995. *Oruzhie, voinskoe i konskoe snariazhenie plemen kobanskoi kul'tury (sistemizatsiia i khronologiia). Zapadnyi variant (Armament, Warrior and Horse Garment of the Tribes of Koban Culture (Systematization and Chronology). Western Variant)* 4. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V2-5. Moscow (in Russian).

28. Kozenkova, V. I. 1996. *Kul'turno-istoricheskie protsessy na Severnom Kavkaze v epokhu pozdnei bronzy i v rannem zheleznom veke (Uzlovye problemy proiskhozhde-*

niia i razvitiia kobanskoi kul'tury) (*Cultural-Historical Processes in Northern Caucasus in Late Bronze and Early Iron Age (Key Problems of Origin and Development of the Koban Culture)*). Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology (in Russian).

29. Kozenkova, V. I. 1998. *Material'naia osnova byta kobanskikh plemen (orudiia truda, ukrasheniia, predmety kul'ta, posuda: sistematizatsiia i khronologiia). Zapadnyi variant (Material Basis of the Everyday Life of Koban Tribes (tools, decorations, cult items, utensil: systematisation and chronology). Western Variant)* 5. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V2-5. Moscow (in Russian).

30. Koreniuk, S. N. 2000. In *Permskoe Prikam'e v istorii Urala i Rossii (Perm Kama River Region in the History of the Urals and Russia)*. Berezniki: Perm State University, 33–35 (in Russian).

31. Koreniuk, S. N. 2009. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN (Bulletin of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* 11 (2). Samara, 265–270 (in Russian).

32. Kuzminykh, S. V. 1977. In *Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land)* 2. Yoshkar-Ola, 126–166 (in Russian).

33. Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiiia Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

34. Kuzminykh, S. V. 2006. In *II Severnyi Arkheologicheskii kongress. Doklady (2nd Northern Archaeological Congress. Reports)* Yekaterinburg: "Charoid" Publ., 226–240 (in Russian).

35. Kuzminykh, S. V. 2007. In *Permskie finny: arkheologicheskie kul'tury i etnosy (The Perm Finns: Archaeological Cultures and Ethnoses)*. Syktyvkar: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Komi Scientific Center, Institute for Language, Literature and History, 41–47 (in Russian).

36. Kuzminykh, S. V., Chizhevskii, A. A. 2007. In Markov, V. N. *Nizhnee Prikam'e v anan'inskuiu epokhu (ob etnokul'turnykh komponentakh anan'inskoii obshchnosti) (The Lower Kama Region in the Ananiyno Time (On Ethno-Cultural Components of the Ananiyno Community))*. Series: Archaeology of Eurasian Steppes 4. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 3–6 (in Russian).

37. Kuftin, B. A. 1941. *Arkheologicheskie raskopki v Trialeti (Archaeological Excavations in Trialeti)* 1. *Opyt periodizatsii pamiatnikov (An Attempt of Periodization of the Sites)*. Tbilisi: Institute for History, Academy of Sciences of the Georgian SSR (in Russian).

38. Kyzlasov, L. R. 1972. In *Novoe v arkheologii (New Archaeological Discoveries)*. Moscow: Moscow State University, 102–107 (in Russian).

39. Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikam'e v anan'inskuiu epokhu: Ob etnokul'turnykh komponentakh anan'inskoii obshchnosti (Lower Kama River Region during the Ananiyno Time: on the Ethnocultural Components of the Ananiyno Community)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 4. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

40. Makhortykh, S. V. 1997. In *Pamiatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na iuge Vostochnoi Evropy (Pre-Scythian and Scythian Sites in the South of Eastern*

Europe). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Research of Russian Archaeology) 1. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology, 4–13 (in Russian).

41. Makhortykh, S. V. 1992. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1). Kyiv: “Naukova dumka” Publ., 23–30 (in Ukrainian).

42. Makhortykh, S. V. 1994. *Kimmeriitsy na Severnom Kavkaze (Cimmerians in the Northern Caucasus)*. Kiev: Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

43. Makhortykh, S. V. 1999. In *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Problems of Scythian and Sarmatian Archeology of the Northern Pontic Region)*. Zaporizhzhya: Archaeology Institute of the Ukraine National Academy of Sciences; Zaporizhzhya National University, 166–171 (in Russian).

44. Makhortykh, S. V. 2003. *Kul'turnye kontakty naseleniia Severnogo Prichernomor'ia i Tsentral'noi Evropy v kimmeriiskuiu epokhu (Cultural Contacts between the Population of Northern Black Sea Area and of Central Europe one during the Cimmerian Age)*. Kiev: “Shlyakh” Publ. (in Russian).

45. Makhortykh, S. V. 2004. In *Naukovi pratsi Istorychnoho fakul'tetu ZDU (Scientific Works of the Historical Department of the Zaporizhia State University)* XVIII. Zaporizhzhya: “Prosvita” Publ., 300–321 (in Russian).

46. Makhortykh, S. V. 2005. *Kimmeriitsy Stepnogo Prichernomor'ia (The Cimmerians of the Steppe Black Sea Region)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

47. Makhortykh, S. V. 2005. In Otroshchenko V. V. (ed.). *Na poshanu Sofii Stanislavivny Berezans'koï. Zb. nauk. prats' (In Honor of Sofia Stanislavovna Berezanskaia)*. Kiev: “Shlyakh” Publ., 269–274 (in Russian).

48. Makhortykh, S. V. 2014. In Kuzminykh S. V., Chizhevskii A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The Ananyino world: origin, development, connections, historical destiny)*. Kazan: Institute for Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences; “Otechestvo” Publ., in print (in Russian).

49. Medvedskaia, I. N. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 76–89 (in Russian).

50. Medvedskaia, I. N. 1992. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 88–107 (in Russian).

51. Medvedskaia, I. N. 2005. In Gulyaev, V. I. (ed.). *Drevnosti Evrazii: ot pozdnei bronzy do rannego srednevekov'ia (Antiquities of Eurasia: from the Late Bronze to Early Medieval Age)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 107–127 (in Russian).

52. Meliukova, A. I. 1989. In *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the European Part of USSR in Scythian-Sarmatian Time)*. Series: Archaeology of the USSR 11. Moscow: “Nauka” Publ., 92–100 (in Russian).

53. Minkevich, N. V. 1961. *Khodzhal'y-kedabekskaiia arkheologicheskaiia kul'tura (The Khodzhal'y-kedabekskaya Archaeological Culture)*. PhD Thesis. Baku: Institute of History, Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR (in Russian).

54. Nevostruev, K. I. 1871. In *Trudy I Arkheologicheskogo S"ezda (Proceedings of the 1st Archaeological Convention)* II. Moscow, 595–632 (in Russian).

55. Patrushev, V. S. 1982. In *Voprosy etnicheskoi istorii v pervobytnuiu epokhu (Issues on Ethnic History during Prehistory)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 19–56 (in Russian).

56. Patrushev, V. S. 1984. *Mariiskii krai v VII–VI vv. do n.e. (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (The Mari Land in the 7th – 6th centuries B.C. (The Older Akhmylovo Burial Ground))*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

57. Patrushev, V. S. 1990. In *Novye istochniki po etnicheskoi i sotsial'noi istorii finno-ugrov Povolzh'ia I tys. do n.e. – I tys. n.e. (New Sources on Ethnic and Social History of the Finno-Ugrians of the Volga River Region in the I Millennium B.C. – I Millennium A.D.)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 25–74 (in Russian).

58. Patrushev, V. S. 2011. *Mogil'niki Volgo-Kam'ia ranneananyinskogo vremeni (Burial Grounds of the Volga-Kama Rivers Region in the Early Ananyino Time)*. Series: Arkheologiya Povolzh'ia i Urala. Materialy i issledovaniia (Archaeology of the Volga River region and the Urals. Materials and research 2. Kazan (in Russian).

59. Patrushev, V. S., Khalikov, A. Kh. 1982. *Volzhskie anan'intsy (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (The Volga Ananyino People (The Elder Akhmylovo Burial Ground))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

60. Pogrebova, M. N., Raevskii, D. S. 1997. *Zakavkazskie bronzovye poiasa s gravirovannymi izobrazheniiami (Transcaucasian Bronze Belt with Engraved Images)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).

61. Polin, S. V. 1998. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 50–63 (in Russian).

62. Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In *Arkheologiya i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* V. Ufa, 162–243 (in Russian).

63. Riabkova, T. V. 2005. In *Chetvertaia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia (Fourth Kuban Archaeological Conference)*. Krasnodar: Kuban State University, 240–243 (in Russian).

64. Riabkova, T. V. 2009. In *Epokha rannego zheleza (Early Iron Age)*. Kiev; Poltava: Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 351–354 (in Russian).

65. Sazonov, A. A. 1996. In *Aktual'nye problemy arkheologii Severnogo Kavkaza. XIX Krupnovskie chteniia (Actual Problems of the Northern Caucasus Archaeology. 19th Krupnov Readings)*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology, 132–134 (in Russian).

66. Smirnov, A. P. 1952. *Ocherki drevnei i srednevekovoi istorii narodov Srednego Povolzh'ia i Prikam'ia (Essays on the Ancient and Medieval History of the Middle Volga-Kama Rivers Region Peoples)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology) 28. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

67. Terenozhkin, A. I. 1975. In *Skifskii mir (Scythian World)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 3–34 (in Russian).

68. Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeriitsy (Cimmerians)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

69. Tekhov, B. V. 1980. *Skify i Tsentral'nyi Kavkaz v VII–VI vv. do n.e. (Po materialam Tliiskogo mogil'nika) (Scythians and Central Caucasus in 7th — 6th Centuries BC (based on Materials from Tli Cemetery))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

70. Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k izucheniiu istorii naseleniia Srednego Povolzh'ia i Nizhnego Prikam'ia v epokhu neolita i bronzy (Materials on the Research of the History of Population of the Middle Volga and Lower Kama in the Neolithic and Bronze Age)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Mari Archaeological Expedition) 1. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

71. Khalikov, A. Kh. 1962. In *Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Mari Archaeological Expedition)* 2. Yoshkar-Ola, 7–187 (in Russian).

72. Khalikov, A. Kh. 1969. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology)* 169. Moscow: "Nauka" Publ., 275–290 (in Russian).

73. Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza (VIII–VI vv. do n.e.) (Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

74. Khalikova, E. A. 1967. In *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 148. Perm, 116–132 (in Russian).

75. Chizhevskii, A. A. 2002. In *Voprosy istoriko-kul'turnogo naslediiia Volgo-Kam'ia (Issues of Historic and Cultural Legacy of the Volga-Kama Rivers Region)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 30–37 (in Russian).

76. Chizhevskii, A. A. 2006. In *Gorod i step' v kontaktnoi evroaziatskoi zone (The Town and the Steppe in the Contact Eurasian Zone)*. Moscow: "Numizmaticheskaia literatura" Publ., 55–57 (in Russian).

77. Chizhevskii, A. A. 2008. *Pogrebal'nye pamiatniki naseleniia Volgo-Kam'ia v finale bronzovogo — rannem zheleznom vekakh: Predanan'inskaia i anan'inskaia kul'turno-istoricheskie oblasti (Funerary Sites of the Volga-Kama Population in the Finale of the Bronze – Early Iron Age: Pre-Ananyino and Ananyino Cultural-Historical Areas)*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 5. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

78. Chizhevskii, A. A. 2009. In *Rossiiskaia Arkheologiiia (Russian Archaeology)* (1), 81–90 (in Russian).

79. Chizhevskii, A. A. 2012. In *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* 2, 383–400 (in Russian).

80. Chlenova, N. L. 1967. *Proiskhozhdenie i ranniaia istoriia plemen tagarskoi kul'tury (Provenance and Early History of the Tribes of Tagar Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

81. Shramko, B. A., Fomin, L. D., Solntsev, L. A. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (1), 57–74 (in Russian).

82. Shtukenberg, A. A. 1901. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University)* XVII (4). Kazan, 165–213 (in Russian).

83. Shchukin, M. B. 2005. *Gotskii put' (goty, Rim i cherniakhovskaia kul'tura) (The Gothic Way (Goths, Rome and the Culture of the Chernjakhov-Sintana de Mures))*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, Faculty of the Philology (in Russian).

84. Erlikh, V. R. 1994. *U istokov ranneskijskogo kompleksa (At the Origins of Early Scythian Complex)*. Moscow: The State Museum of Oriental Art (in Russian).

85. Iarovoi, E. V., Kashuba, M. T, Makhortykh, S. V. 2002. *Kimmeriiskii kurgan u pgt. Slobodzeia (The Cimmerian Mound near the Slobodzeya Urban-type Settlement)*. Tiraspol: State University of Transdnistria “T. G. Shevchenko” (in Russian).

86. Baye, baron J. de. 1897. La nécropole d’Ananino (Gouvernement de Viatka, Russie). In *Memoires de la Société nationale des Antiquaires de France*. Paris: Librairie Nilsson, vol. LVI (1895), 1–26.

87. Kohlmeyer K., Saherwala G. 1983. *Frühe Bergvölker in Armenien und im Kaukasus*. Berlin.

88. Kuzminykh, S. V. 2006. Final Bronze Age and Early Iron Age in the North of Eastern Europe. In *Arkeologian lumoa synkkyyteen. Artikkeleita Christian Carpelanin juhlapäiväksi*. Helsinki: Yliopistopaino, 75–84.

89. Parzinger H. 1998. Das Gräberfeld von Achmylovo und die relative Chronologie der frühen Ananino–Kultur. In *Eurasia Antiqua* 4, 209–245.

About the Authors:

Kuzminykh Sergei V. Candidate of Historical Sciences. Correspondent Member of the German Archaeological Institute, Eurasian Department. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; Kuzminykhsv@yandex.ru

Chizhevsky Anrdei A., Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chizhevski@mail.ru

УДК 902/904 (018)

**АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ЭТНИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И
МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ БУЛГАРИИ)**

© 2104 г. И.Л. Измайлов

Статья посвящена проблемам сопоставления археологической культуры и этноса на примере средневековой Булгарии. По мнению автора, в последнее время стало очевидно, что традиционные концепции и методики изучения этногенеза и этнической истории булгар пришли в противоречие с накопленными фактами. Методика «археологической этногенетики», когда для решения проблем этногенеза древнего населения археологические культуры прямо сопоставлялись с этносом, в настоящее время подвергается критике. Согласно современным представлениям об этносе и этничности, основой этничности является идентичность, имеющая сложный иерархический характер. Современная методика требует перейти к комплексному изучению проблем этногенеза на основании данных археологии и этнологии. Основой для подобного анализа является изучение средневековой болгарской ментальности как источника сведений о ключевых аспектах этнополитических представлений. Рассмотрение аутентичных исторических источников, элементов историографической традиции и фольклорных материалов позволяет реконструировать основные, значимые для этноса, представления. В археологической культуре населения Булгарии явно выделяются два взаимосвязанных элемента – общая мусульманская и элитарная военно-дружинная культура. Эти элементы непосредственно характеризуют болгарскую этнополитическую общность. Такие теоретические построения, а также практические исследования на примере этногенеза средневековых булгар показывают продуктивность методики этнологического синтеза на междисциплинарной основе.

Ключевые слова: Волжская Булгария, средневековье, болгарский этнос, этногенез, этноархеология, археологическая культура, «археологическая этногенетика», военно-служилая элита, мусульманская культура.

Этногенетические исследования: политическая и научная актуализация. Изучение древней и средневековой истории народов Волго-Уральского региона и их этногенез в течение многих лет было одним из приоритет-

ных направлений отечественной науки. В последние годы интерес к этой теме не только не уменьшился, но и возрос. Причем актуализация данной темы идет по двум направлениям – серьезному вниманию к ней со стороны

ученых различных специальностей от лингвистов до археологов и за счет политизации, обращения к ней людей весьма и весьма далеких не только от археологии и истории, но часто вообще от науки.

Вместе с тем в изучении этой проблемы существуют коллизии чисто научного свойства, которые проистекают вследствие противоречивости самого процесса познания этнических процессов, конкуренции различных теорий, сложности методик анализа этнических процессов и их реконструкции, несоответствия словаря понятий различных поколений ученых. Особенно это заметно на фоне переживаемой гуманитарными, в первую очередь историческими, науками смены парадигм и конкретных этногенетических концепций. После безраздельного господства в гуманитарных науках исторического материализма и марксизма в их вульгарно-догматическом, «советском» варианте, основанных на историцизме и панлогизме (Гуревич, 1991, с. 21–36), наступил период кризиса, который может быть преодолен только за счет внедрения новых концепций. История все более осознает себя антропологически ориентированной наукой – *исторической антропологией*, а наиболее распространенным исследовательским принципом становится меж- и полидисциплинарность, которая позволяет не следовать за источником, отражая его сведения, не довольствоваться «внешним» описанием, изображением событий, а ставить проблему, вести активный диалог с людьми прошлого, пытаться проникать в строй их мыслей и чувств, в тайны их сознания (см.: Гуревич, 1988; Гуревич, 2014;

Кром, 2004; Репина, 1990, с. 167–18; 2011).

Для археологии данная проблема всегда являлась одной из важнейших направлений исследований, которая в условиях дисперсности письменности источников, фактически аккумуляировала и концентрировала в своем ведении изучение этногенеза народов Евразии. Долгое время единственным теоретическим методом изучения этногенеза была археолого-этнологическая концепция. В основе ее лежит уверенность, что можно прямо экстраполировать данные первичного археологического анализа на историю и культуру общества в целом, в частности, реконструировать древнюю этнокультурную ситуацию. Часто главным методом подобного исследования служили и служат обыденные представления исследователя, которые часто основывались на «материалистических» формулах определения понятий «племя» и «народность» и на постулате, что некоторые элементы материальной культуры (например, бытовая посуда) определяли этническое сознание. Нередко, исходя из этих посылок, археологи, вместо скрупулезного анализа своих источников, пытаются создавать свои «археологические истории этноса». Абсурдность и ущербность подобных методов очевидна, но, к сожалению, не всегда осознается, поскольку эвристический потенциал данного подхода требует более строгих методических оснований, чем кажущаяся очевидность явлений и фактов археологии. Более того, часто подобные методы трактуются как общепризнанные постулаты исследования, требующие не доказательств, а защиты от нападков досужих критиков. В последнее

время проблемы этногенеза и методов его археологического изучения стали объектом специального теоретического рассмотрения и попыток переосмысления (Шнирельман, 1993; Клейн, 1998; 2013).

Обычно историю каждого народа начинают с вопроса о его происхождении. Между тем такая постановка проблемы представляется несколько некорректной. Более логичным являлся бы вопрос о том, какой древний этнос и по каким параметрам можно сопоставить или связать с современным народом цепочкой этногенетической преемственности, а потом определить когда, где и из каких компонентов он сложился (или из какой общности выделился). Становление и эволюция болгарского этноса является одним из важнейших этапов формирования татарского этноса. Именно в болгарском обществе сложились и развивались важнейшие элементы самосознания, связанные с исламом и городской культурой. Поэтому можно сказать, что татарский средневековый этнос не только базируется на болгарском, но и представляет в определенной степени его развитие, разумеется, с учетом всех других этнических компонентов и соответствующих изменений в сознании и самосознании. Теоретическая значимость постановки данной проблемы связана с тем, что она позволяет изучить соотношение сведений о средневековой этнической общности и сопоставить ее с данными археологии, выявить закономерности и перспективы подобного сопоставления, а также построить теоретическую модель этногенеза средневекового этноса, зафиксировать закономерности его формирования, эволюции и трансформации.

При этом, поскольку одним из основных источников по этнокультурной истории болгар считается археология, то все концепции основываются именно на данных материальной культуры. Проблема, таким образом, лежит в корректном подходе к соотношению археологической культуры и средневекового этноса.

Парадигма лингвистики и этногенетической археологии: становление научных подходов. Данная концепция истории и теории этноса возникла еще на заре развития этнологии, когда проблемой этногенеза занимались в основном лингвисты и этногенез рассматривался просто как аспект истории глоттогенеза.

Основой для реконструкции этнических процессов в тот период развития науки считались лингвистические данные, а язык признавался объективным и определяющим элементом, самой главной сущностью этноса. Теоретические основания этого подхода были выработаны в трудах немецких философов и лингвистов (В. фон Гумбольдт, братья Гримм, И.Г. Фихте). Так, В. фон Гумбольдт, в частности, подчеркивал неразрывную связь между *языком* и *духом народа*, считая, что «язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» (Гумбольдт, 1985, с. 370–381). Эта идея была подхвачена интеллектуалами в разных уголках мира и явно или подспудно присутствует во многих исследованиях по этногенезу до сих пор.

Неудивительно, что в период бурных революционных процессов нацистроительства и нового лингвистического пространства язык стал

считаться основной сущностью нации (см.: Хобсбаум, 1998, с. 81–100). Поскольку единственным разработанным и успешно применяемым тогда сравнительно-историческим методом, позволявшим через сравнение языков и выявление в них регулярных языковых соответствий обнаруживать между ними отношения языкового родства и реконструировать формы праязыка, а следовательно, восстанавливать происхождение и древнейшую историю современных народов. Метод, делавший лингвистику в значительной мере исторической наукой, как тогда казалось, давал в то время, когда этнология и археология делали свои первые шаги в области научного познания древних обществ, единственный надежный материал для реконструкции этнических процессов и взаимодействий.

К концу XIX – началу XX в. в гуманитарные науки стали проникать идеи материализма и позитивизма, все отчетливее начал проявляться кризис эволюционной теории с их вниманием к явлениям материального мира. Как ответ на недостатки эволюционизма, отрицавшего миграции и абсолютизировавшего абстрактно-исторический способ изучения культуры, в мировой науке была выработана теория миграций, ставшая основой всех школ и направлений диффузионизма. Сформулированная в антропогеографических трудах Ф. Ратцеля, она приобрела вид последовательной концепции с особой методикой сбора, анализа и изложения материала в работах Ф. Гребнера, впервые разработавшего теорию «культурных кругов». В самом общем виде ее можно сформулировать как идею пространственного перемещения явлений культуры. Все

теории диффузионизма объединяет не только общая основа (философский индетерминизм в форме неокантианских концепций Г. Риккерта), но и общее понимание этнологии как науки о культурах, которые рассматривались сами по себе в отрыве от их творцов и носителей – народов, а также неоромантическое представление об органичном единстве всех элементов культуры этноса как проявлениях «национального духа». Метод Гребнера основывался на изучении и картографировании различных форм материальной и духовной культуры, ареалы которых, в первую очередь вещей, образовывали «культурные круги», свидетельствуя, по мысли автора, о перемещении этих явлений во времени или пространстве. Отсюда отрыв явлений культуры от их создателей, игнорирование активной роли человека и народа и представление о культуре как наборе мертвых, но «саморазвивающихся» вещей (Токарев, 1978, с. 134–168).

Усилиями германского этнолога Г. Коссины, и особенно его учеников, эти идеи были внедрены в археологию (особенно этногенетику) и нашли немало сторонников, например, в первой половине XX в. этот подход отстаивал Г. Чайлд. По их мысли, картографирование элементов древних культур, которые должны были, проходя сквозь исторические катаклизмы, держаться вместе, не разделяясь на части, указывать исследователям ядро этнических культур прошлого. Им представлялось весьма логичным, что племенное родство и единство языка облегчали культурный контакт и конвергенцию, а их отсутствие – затрудняло, то, следовательно, этническая граница большей частью

должна была служить препятствием для распространения типов вещей, а их совпадение – показателем этнической (языковой) общности (см.: Клейн, 2013, с. 128–240). На практике это позволяло исследователям при совпадении границ распределения типов вещей, объектов и других культурных явлений рассматривать их совокупность в качестве проявления этнической (что на практике признавалось тождественной языковой) общности. Это признание того факта, что культурная группа и есть народ, а культурные области – территории определенного народа (Клейн, 2013, с. 200–206). Основой данного метода стало картографирование сходных явлений культуры (чаще всего керамической посуды или женских украшений) и конструирование на этой базе культурно-этнических общностей. Недаром критики этого принципа еще в начале века суть подобного подхода иронично сформулировали как «*ein Volk – ein Topf*» («один народ – один горшок») (Клейн, 1991, с. 147), то есть, более определенно, – «каждому народу – свой горшок». Подобный подход давал теоретические основания к созданию концепции *безусловного совпадения* этноса с археологической культурой и выработке «ретроспективного метода» – стремления проследить этническую преемственность по генетическим связям в материальной культуре (Клейн, 2013, с. 200–205). Декларирование же комплексности при этом мыслилось часто как механическое соединение различных источников для взаимной компенсации пробелов.

Справедливости ради надо все же отметить, что Коссина и его последователи, если и предлагали его, то

скорее как операционный принцип, не защищая открыто и, тем более, не возводя в теорию. В послевоенный период подобный подход на Западе был подвергнут серьезной критике, а Г. Чайлд в 1950-е гг. предпочел своим ранним взглядам более взвешенный подход.

Становление советской археологии: от палеоэтнологии к «археологической этногенетике».

Своеобразным преломлением идей диффузионизма стала советская школа археологической палеоэтнологии (подробнее об этом направлении см.: Генинг, 1982, с. 77–87). Становление ее совпало по времени с внедрением в гуманитарные науки марксизма, которому это направление во многом обязано своими базовыми положениями. После бурных и жестоких дискуссий 1930-х гг. в них утвердился так называемый *принцип историзма*, понимаемый как возможность на основе данных археологии, то есть остатках прошлой материальной культуры, при использовании определенных постулатов исторического материализма и сопоставлений с данными лингвистики, этнографии и письменных источников, реконструировать во всей полноте историю общества как в синхронном, так и диахронном отношении. В силу целого ряда объективных и субъективных обстоятельств идеи диалектического и исторического материализма воплотились в конкретные исследования в крайне вульгарной схематичной форме. Сущность его сводилась к методу «восхождения»: от изучения отдельных предметов и объектов к анализу культур и от него к созданию полноценной картины истории, в том числе и этнической. Иными словами, его сторонники при-

знавали вслед за квазимарксистской идеологией, что все общественные процессы и явления детерминируются социально-экономическим развитием общества, которое определяется, в свою очередь, производственными отношениями, а в конечном счете, орудиями труда. Этот вульгарно-материалистический теоретический постулат позволял марксистским археологам считать, что, изучая орудия труда и предметы быта, они могут, используя несколько простых схем соответствия, получить представление о древнем обществе, его социальном строе и духовной культуре. Отсюда в значительной мере увлечение палеоэтнологов формальными сторонами культуры, особенно ее материальной частью и картографированием различных ее элементов, а также разработкой набора схематизированных процедур подобного «восхождения». Разумеется, при таком подходе история этносов и этнокультурных процессов в древности и средневековье подменялась взаимодействием различных культурно-археологических комплексов.

При декларировании комплексности подхода к познанию этноса, в конкретных исследованиях источником всех этногенетических реконструкций, как правило, становилось изучение материальной культуры, то есть, применительно к прошлому – данных археологии. Именно древности служили основой для этнических реконструкций, а процедуры их создания привели к становлению особого направления – археологической этногенетики (Клейн, 1993, с. 43–44; Ганжа, 1987, с. 137–158). Концептуально она сводится в конечном счете к тем же положениям, что и традици-

онная «археологическая история», но для нее конечным объектом изучения является не социально-экономическое состояние древнего общества, а этнокультурная общность. Характерно, что сторонники данного подхода не единодушны в конкретных схемах интерпретаций и часто полемизируют по их деталям. Однако все они едины в одном: каждой археологической культуре в идеале должен соответствовать определенный и единственный древний этнос, а предметом изучения служат некие «этнические признаки» (как правило, керамическая посуда, украшения и элементы погребального обряда).

У этого подхода есть несколько *ахиллесовых пят*, например таких, как представление об этносе как некой эссенциальной данности (гумбольдтовский «народный дух») или применение для культурных общностей, реконструируемых по данным археологии, терминов «этнос» или «этноязыковая» группа, хотя в большинстве случаев не существует никаких объективных данных ни об их этносе, ни о языке. Эта логическая цепочка неизбежно вела к отождествлению археологической культуры с этносом и позволяла исследователям с помощью синхронного и диахронного картографирования явлений археологических культур – реконструировать то, что они называли «этногенетическими процессами в древности». Неудивительно, что этот подход был воспринят повсюду, где политически ориентированные ученые пытались напрямую связать древние этнокультурные (археологические) сообщества с современными народами (Шнирельман, 1995, с. 3–13; 1996, с. 100–113; Яблонский, 2010, с. 52–63).

Однако надо отметить, что популярный в Европе, особенно в Германии, в довоенные годы, этот метод после войны перестал использоваться западной наукой, будучи дискредитирован связями с идеями нацизма («дух нации» и «культурное превосходство»). Следует отметить, что советские авторы еще в 1920 – начале 1930-х гг. указывали на прямую связь подобного метода с расизмом, этноцентризмом и территориальной экспансией, хотя эта критика и была густо приправлена автохтонистскими идеями марризма и «теории стадиальности» (Шнирельман, 1993а, с. 52–68).

Но в начале 1940-х гг. в СССР произошёл поворот к «советскому патриотизму», за которым скрывался прежний русский национализм и державность. Завершающим аккордом этого перехода стала уничтожающая критика марристского «нового учения о языке» и автохтонизма (Алпатов, 1991, с. 181–200), которая была признана антинаучной *вульгаризацией марксизма*. С этого момента в изучении этногенеза наступил новый этап. Основные его положения очерчены в ходе дискуссии в Институте истории материальной культуры по «преодолению влияния теорий Марра в археологии», когда ведущие археологи СССР, критикуя «теорию стадиальности», формировали новую концепцию этногенеза. Показательно выступление П.Н. Третьякова, который считал, что «нашей задачей является выяснение роли каждого из предков в этногенетическом процессе, определение главного предка или главных предков – носителей языка будущего народа. Полное разрешение этой проблемы достижимо лишь совместными усилиями археологов, лингвистов

и представителей других смежных дисциплин, но именно археологи могут воссоздать конкретную историческую картину далекого прошлого... Применительно к этим эпохам только археологи могут определить состав племен в тот или иной период и указать, какие из них были носителями языка будущей более крупной этногенетической единицы». Хотя далее он подчеркнул, что ошибка Марра, «обусловленная смешиванием языка и культуры, заключается в стремлении отождествить глоттогенез и этногенез, в то время как эти понятия, хоть и тесно связаны между собой, все же не являются тождественными... Происхождение народов нельзя сводить к возникновению языка. Полная картина этногенеза может быть дана не одними языковедами, а лишь их совместными усилиями с историками и археологами» (Федоров, 1951, с. 230–233), однако на практике все эти достаточно верные утверждения свелись в конечном итоге к определению языка и этноса на основе тех же данных археологии.

Развернутая характеристика и процедура этногенетических исследований была сформулирована в конце 1940-х гг. в ходе дискуссии об этногенезе (см.: Токарев, 1949, с. 12–36). На состоявшемся обсуждении М.И. Артамонов, в частности, выдвинул тезис о соответствии определенных археологических культур конкретному этническому образованию: «этнические особенности не ограничиваются языком, а распространяются на другие стороны культуры как духовной, так и материальной», а археологическая культура рассматривалась им как «совокупность признаков этнографического порядка: в рамках

каждой культуры в узком значении этого термина заключается особое этническое образование – племя или народ» (Артамонов, 1949, с. 10–11). С тех пор этногенетические исследования, основанные на методике археологической этногенетики, стали одним из самых популярных направлений в советской науке и в основных чертах развивались в трудах тех или иных авторов с большей или меньшей степенью научности.

В 1960–1990-е гг. стала более многоступенчатой только процедура выявления древнего языка, в основе которой был положен ряд внешне убедительных методов – «ретроспективный» (движение от современного этноса путем поисков культурно близких предшественников к древнему) и «тождества подобия» (сходное означает единообразное). Однако в конечном итоге смысл всех процедур и схем состоял в определении языка на основании сходства явлений материальной культуры сложной цепочки в той или иной степени близких археологических культур, что и означало, таким образом, на взгляд сторонников этого подхода, установление этноса. Торжество этого подхода привело к появлению на страницах археологических трудов фантомов вроде «славянский этнос», «гунно-сарматы», «тюркизированные угры», когда этническая характеристика носителей определенной археологической культуры давалась на основании сопоставления керамики, украшений и деталей погребального обряда, без какого-либо анализа языковых данных.

Можно сказать, выработана особая методика этногенетических исследований. Как бы ни был этот метод противоречив и методически беспо-

мошен, можно сказать, что он играл и играет важнейшую операционную роль в отечественной палеоэтнологии, признается научным значительной частью археологического сообщества и используется до сих пор, хотя и без ссылок на истоки его происхождения от пресловутого косиннизма.

Археологическая культура и этнос: возможности сопоставления. Ключевым элементом методики изучения этнокультурных процессов в древности и средневековье является вопрос об идентификации археологической культуры (или некой совокупности археологических объектов) с соответствующими этносами и их культурами. Как остроумно заметил по этому поводу один археолог-теоретик, «большинство археологов думают, что культура соответствует этносу. И уж во всяком случае все исходят из этого допущения в своей практической работе, даже те, кто выступал и выступает против такого отождествления» (Каменецкий, 1970, с. 35). Но есть ли для такого оптимизма научное основание?

Археологоэтногенетические построения, основанные на этих вполне «рассудочных» и «очевидных» постулатах, базировались на убеждении в безусловной исконности и некой *изначальной данности* этнической группы и ее основные характеристики развивались исключительно в рамках примордиалистских, эссенциальных подходов. Несмотря на все ухищрения, они постоянно кружили в логическом лабиринте, попадая в безвыходные тупики и ловушки. Самый простой пример подобного тупика это попытка, взяв из учебника по историческому материализму

характеристику древней и средневековой *народности*, найти соответствие ей в археологическом материале. А поскольку эту нехитрую процедуру проделывали все, то скоро «археологическая этногенетика» погрязла в бесконечных спорах об «этноте» той или иной культуры.

Бессмысленность подобных операций, прежде всего, стала очевидна этнологам. Именно поэтому большинство из них этот подход отвергают, указывая, что он не выдерживает проверки данными этнографии, и особенно этноархеологии. Многочисленные факты, собранные этнографами при изучении реально функционировавших *живых культур*, продолжающих жить в допромышленную эпоху, наглядно свидетельствуют, что соотношение орудий труда и предметов быта с социальной и этнокультурной общностью чаще всего не имеет такого однозначного соответствия, как представляется некоторым археологам (подробнее см.: Арутюнов, Хазанов, 1979, с. 79–89; Шнирельман, 1982, с. 207–252; 1984, с. 100–113; Арутюнов, 1989, с. 41–50; 1993; Крадин, 2009, с. 23–27). Ссылаясь на многочисленные примеры, они подчеркивают, что теоретически наиболее корректным было бы связывать археологические культуры не с этносами, а с различными хозяйственно-культурными типами или историко-этнографическими областями (Арутюнов, 1989, с. 49; Барт, 2006, с. 9–48), которые лишь в редких случаях совпадают с языковыми подразделениями.

Постепенно, под давлением фактов, отечественные археологи также оказались вынужденными признать реальность миграций и культурных контактов, существования расплывча-

тых культурных границ, наличие переходных и контактных зон, смешанных культур и т.д. Но, отказываясь от признания полного совпадения этноса со всей археологической культурой, сторонники «археологической этногенетики» стремились сохранить главное – соответствие археологической культуры этносу, прибегая для этого к выделению элементов, имеющих этническое значение – «этнических признаков» (или «археологоэтнических типов»). Изучение теоретических постулатов и методических недостатков данной схемы выявило ряд теоретических и логических ошибок, в частности, отсутствие регулярного совпадения произвольно выбранных признаков (керамика и технико-технические способы ее изготовления, форма и типы ее орнаментации, устройство жилищ, украшения, способ погребения и т.д.) с древним этносом, поскольку для каждой эпохи, региона и этнокультурной общности эти характеристики будут оригинальными. Иными словами, древние и средневековые этнические общности и их совпадение с ареалами археологических культур оказываются гораздо более сложными и несводимы к априорно выбранному набору признаков (Кнабе, 1959, с. 243–257; Клейн, 1991, с. 145–153; Шнирельман, 1993; 1995).

Строго говоря, отождествление этноса и археологической культуры базируется на двух постулатах, которые сами требуют обоснования. Во-первых, еще требуется доказать, что конструируемые исследователем археологические культуры представляют собой гомогенные целостности (и явления одного и того же таксономического порядка), четко различающиеся между собой. Поскольку на

практике для вычленения археологических культур ученые нередко опираются не на все их элементы, а лишь на отдельные, так называемые *руководящие (или этнокультурные) типы*, которые якобы и несут этническую нагрузку. Между тем неизвестны не только их вес и значение в живой культуре древнего народа, но и степень их *этничности*, поскольку они встречаются и в других комплексах, а ареалы их распространения довольно часто прорезают границы соседних археологических культур. Во-вторых, в доказательстве нуждается и другой постулат, согласно которому археологическая культура является отражением только определенной социальной реальности, иначе говоря, этнической группы, а не, скажем, более общих этнографических реалий – хозяйственно-культурных типов или историко-этнографических областей. Как свидетельствуют данные, накопленные мировой этноархеологией, и этот постулат весьма отдаленно напоминает встречающуюся сплошь и рядом этнокультурную картину. Все это дискредитирует схематизированные процедуры соотнесения археологической культуры и этноса.

Свидетельством определенно-го кризиса этого направления могут служить некие «теоретические» разработки, еще более затуманивающие суть археологии, как отдельной прикладной науки и окончательно смешивающие ее методы со смежными науками – историей и этнологией. Это проявляется во все более частом декларировании «полиэтничности» археологических культур (например, черняховской культуры или салтово-маяцкой и т.д.). Также явно проявляется тенденция отказаться от

использования для эпохи древности и средневековья понятия «археологическая культура» (иными словами, без должных теоретических выкладок и обоснований ограничивается сфера применения базового понятия археологии как науки) и замена его неопределенными паллиативами типа *скифское время, сарматский культурный горизонт, культура Древней Руси, культура ранней Волжской Булгарии* и т.д. или псевдонаучными конструктами, путающими различные таксономические единицы, например *булгаро-салтовская культура*, которая является частью (или элементом?) *булгарской культуры* и т.д. Все эти попытки ясно показывают желание избежать решения сложных проблем, законсервировать методологическую и методическую нечеткость и расплывчатость, свойственную отечественной археологии в решении проблем этногенеза.

Следует ли из этого, что, как считают некоторые историки и этнологи, сопоставление археологической культуры и этноса в принципе невозможно? Или прав И.С. Каменецкий, что с таким отождествлением следует *условно согласиться*? Представляется, что выход из такой тупиковой ситуации есть. Но состоит он в новом подходе к интерпретации материалов и этнологии, и самой археологии.

Археология как прикладная наука, изучающая материальные остатки и следы деятельности человека (вещественные источники) с целью извлечения информации о прошлом для истории и других наук, несомненно, играет в познании этнических процессов прошлого огромную роль, поскольку в основе ее лежит система методик выявления, сбора и об-

работки археологических источников и преобразование полученной в результате исследований информации. Стало быть, ее задача – извлечь из археологических источников информацию, сделать ее доступной для сопоставления с данными других наук (см.: Клейн, 1978; 2001). При этом только обработанная и преобразованная в ходе археологического исследования информация (т.е. переведенная *с языка вещей на язык исторического источника*) может быть сопоставлена с данными других наук (этнология, антропология, источниковедение, лингвистика и др.) для исследования в рамках древней и средневековой истории. Любые же попытки археологов вывести свои специфические методы за пределы особого предмета своей науки и прямо экстраполировать их на поприще истории – несостоятельны. Особенно это следует подчеркнуть применительно к этническим процессам в древности. Иными словами, данный подход отвергает традиционный упрощенный подход к эвристическим задачам археологии, позволявший археологии вторгаться со своими методами в историю и этнологию, не утруждаясь каким-либо ограничением своих выводов кооперацией с другими дисциплинами.

Рассмотрим подробнее традиционные процедуры соотнесения археологической культуры населения Волжской Булгарии и этноса булгар.

Археологическая культура и этнос волжских булгар: поиски концепции сопоставления. Впервые детальная историко-археологическая концепция происхождения и развития волжских булгар в рамках парадигмы «археологической этногенетики» была создана А.П. Смирновым.

К сожалению, нет возможности отразить весь путь формулирования им своих взглядов на проблему этнической истории волжских булгар, тем более что с первых его работ по этой проблеме до фундаментальных трудов они изменялись и оттачивались, претерпевая порой довольно существенную коррекцию (Смирнов, 1946, с. 37–50; 1951, с. 75–86, 153–166; 1964, с. 3–17; 1968, с. 63–71).

Говоря о населении Волжской Булгарии, А.П. Смирнов подчеркивал его многоэтничность и многокомпонентность, оставляя, впрочем, так и не проясненным вопрос об археологической культуре волжских булгар. Поскольку он являлся сторонником «этнокартографического направления» (Клейн, 1993, с. 145–148), то считал, что археологическая культура (по его мнению, ею можно считать совокупность «памятников одного времени, расположенных на строго очерченной территории и отличающихся своеобразными чертами материальной культуры» (Смирнов, 1964, с. 6), могла быть определена на основании изучения лепной посуды и, с некоторыми оговорками, погребального обряда, с помощью картографирования сходных типов, и отражает реалии этноса и языковые границы. Применяемое в отношении памятников первобытного общества, это понятие было, по его мнению, неприложимо к памятникам периода средневековья (Смирнов, 1964, с. 3–14; 1968, с. 63–71, прим. 38). В его концепции, таким образом, возрождался и обосновывался метод Косинны. Подобный негативизм в отношении теоретических оснований базового понятия археологии, присущий всем сторонникам теории «восхождения», приводил к фактическому

отказу от целостного анализа археологических реалий периода средневековья и нарушению самой процедуры изучения этноса на основе археологических данных, даже в узких и схематичных рамках советской «археологической этногенетики».

Новое, более логичное, полное и последовательное, изложение «булгаро-татарской» концепции осуществил в ряде своих трудов А.Х. Халиков. Он не только описал основные параметры болгарской материальной культуры (хотя и не распространял на средневековую Болгарию понятия «археологической культуры»), но и связал ее с болгарской «народностью» (Халиков, 1989; 2012). Суть его концепции, развивавшейся в рамках типичной методологии «археологической этногенетики» и, принятого в советской науке, строго говоря, примордиалистского понимания сущности этноса, выражалась в основной посылке: «Обязательным условием сложения этнических общностей высокого порядка типа народности или нации следует считать наличие общей территории, единого государства, установление тесных экономических связей между отдельными районами этой страны, сходство или однотипность быта и культуры сливающихся в народность этнических групп, и наличие общего или, по крайней мере, понятного всему народу языка. Побочными факторами, способствовавшими этнической консолидации, могут служить такие надстроечные категории, как религия, система письменности и т.п.» (Халиков, 1989, с. 87). Исходя из такого понимания сущности этноса, методика определения характерных черт «средневековой народности» была им сведена, по сути дела, к поиску в источниках

несистемных доказательств единства материальной культуры, территории, языка и самосознания. На этом теоретическом основании автор постулирует возникновение *болгарской народности*.

По мере углубленного изучения болгарских древностей стало понятно, что единство археологической культуры и ее сопоставление с этносом требует специального изучения. В последнее время болгароведами взят курс на усложнение этого анализа. Но в реальной практике данная стратегия привела лишь к фрагментации и дроблению единого пространственно-временного континуума культуры на отдельные сегменты. В результате отдельные фрагменты болгарской культуры стали эксплицитно приобретать статус «культур». То есть термин «археологическая культура», который в отношении всей территории Волжской Булгарии отвергался, на практике применялся к ее элементам (иногда под видом *типа керамики*, форм украшений или погребального обряда). Одновременно к этим сегментам единой болгарской культуры стала применяться, когда открыто, а чаще неявно, этническая характеристика.

Концепция «археологической этногенетики» в современных исследованиях по археологии Булгарии, стала приобретать все более шаблонный и формальный характер в определении *атрибутов и признаков* «феодальной болгарской народности» при сложившейся «единой общеполитической материальной и духовной культуре» (см.: Хузин, 1997; Хузин, 2006, с. 50–53). Так, постулируемая «единая общеполитическая культура», в полном соответствии с этой же самой методикой,

оказывается на деле многокомпонентной и не соответствует какому-либо определенному этносу. Однако в таком случае, разрушается не только единство болгарской народности, конструируемой на основе *объективных* археологических данных, но и теоретическая монолитность теории «этногенетики», которая постулирует соответствие каждой археологической культуре только одного и единственного этноса. Расплывчатый, неоправданно широкий и зависящий от контекста употребления, термин «болгарская народность», используемый сторонниками «археоэтногенетики», таким образом, можно понимать двояко: и как все население страны, и как особую этническую общность. Но при такой постановке проблемы исчезает внятность изложения и теоретическая определенность самого метода «восхождения». Ведь, если на территории Булгарии сохранялась «этническая пестрота», но при этом археологическая культура населения страны оставалась *достаточно единообразной*, то остается неясным, как этот факт примирить с многословными доказательствами, что именно сложение этой единой культуры и является одним из решающих доказательств формирования болгарской народности. Этот логический порочный круг авторы стараются не замечать, закрывая глаза на его противоречия.

Теоретическую небрежность и недостатки методики «восхождения» можно продемонстрировать, в частности, на примере конструирования некоего «финно-угорского этноса» на территории Булгарии. Этот «этнос» не только якобы постоянно пополнялся за счет регулярной инфильтрации угров и финнов из Прикамья и Зауралья (Ка-

заков, 1997, с. 33–53), но и составлял в якобы Булгарии определенный массив языческого населения (Руденко, 1998, с. 17). Наиболее четко и определенно эту мысль сформулировал Е.П. Казаков, утверждая, что «на болгарских поселениях в массе фиксируются новые группы круглодонной керамики, появившейся в Среднем Поволжье от носителей петрогромской культуры из районов Среднего Урала. Тесное взаимодействие постпетрогромского и болгарского населения очень скоро привело к возникновению гибридных групп керамики. Последняя сохраняет прежнюю форму и орнаментальную композицию, но оттиски веревочки и гребенки заменяются характерными для посуды болгар резными линиями. На многих болгарских поселениях постпетрогромская керамика и ее болгаризированные гибридные варианты существуют до XIV в. Это объясняется, скорее всего, не столько стойкостью этнографических проявлений уральского населения, участвующего в этногенезе болгар, сколько постоянными контактами волжских болгар с огромным миром их восточных соседей» (Казаков, 1992, с. 314). В другой статье он, упоминая об этой же керамике прямо связывает ее с некими этноязыковыми общностями Булгарии: «... группа новообразованной посуды отмечается практически на всех памятниках волжских болгар... По форме и композиции орнамента она сохраняет черты постпетрогромской посуды среднеуральских угров, переселившихся в Волжскую Болгарию в конце X в., однако исчезновение в тесте примеси из толченых раковин, замена веревочно-гребенчатой орнаментации резной, применение иногда ручного круга в формовке и т.д.)

свидетельствует об изготовлении ее болгаризирующимися уграми (sik! – И.И.)» (Казаков, 1999, с. 227). Довольно четкое, ясное и исчерпывающее изложение метода «археологической этнологии» в научной практике. Автор прямо и без излишних теоретических изысков, которые в таких случаях довольно обычны для советских археологов, на основе изменений деталей оформления керамической посуды *определяет* нюансы освоения зауральскими уграми тюркского языка. Из этого пассажа с очевидностью следует, что автор считает, что создатель указанной средневековой посуды по мере освоения тюркской лексики все меньше и меньше добавлял в тесто сосуда толченую раковину, демонстрируя изменение своей идентичности. Следовательно, по Е.П. Казакову существует какая-то связь между раковинной в посуде и угорским языком, а поскольку этнос в первую очередь характеризует не язык, а самосознание, то, видимо, раковина в посуде определяет и этническое самосознание неких «угров». Неясно только какое. Ведь о нем ничего не известно. Не говоря уже о том, что для целого ряда «угорских этносов» она вообще не характерна (критику подобной интерпретации см.: Хузин, 2008, с. 11–22; Белых, 2013, с. 100–105).

Таким образом, основываясь на факте наличия среди материала болгарских памятников некоторых «финно-угорских находок», авторы пытаются сконструировать некую *общность* финно-угорского населения, якобы компактно проживавшего на территории Булгарии и имевшего свою культурно-археологическую специфику (типа, например, фантомной «постпетрогромской культуры»).

Чаще всего в качестве доказательства указывают на некоторые украшения и детали одежды, восходящие к финно-угорским прототипам, наличие среди керамической посуды определенного процента сосудов с некоторыми чертами финно-угорского гончарства (чаще всего отмечается наличие примеси пресловутой раковины в тесте или специфические элементы орнаментации), а также, отмечая «прикамское» происхождение ряда антропологических серий из болгарских могильников. По сути дела, все авторы, следующие этой гипотезе, с разной степенью определенности постулируют отсутствие единой болгарской археологической культуры или представляют ее в виде конгломерата (разной степени единства и общности) культур, носители которых проживали на территории Булгарии.

Достаточно ли весомы эти свидетельства, чтобы признать доказанным факт «этнической пестроты» населения Булгарии, не говоря уже об «этнической метизации» болгар финно-уграми? Бронзовые украшения и детали одежды действительно являются важной частью этнографического костюма и могут служить одним из способов этнической идентификации, но не всегда, не везде и не каждая вещь. Для того чтобы уверенно относить все зооморфные или шумящие подвески, привески или бронзовые пронизки именно к костюму какого-либо финно-угорского племени, необходимо предпринять более строгий и детальный их совокупный анализ с выделением этноопределяющих элементов костюма. Пока же ссылки исследователей на наличие некоторых предметов «небулгарского» происхождения *в целом* не убедитель-

ны (подробнее см.: Измайлов, 2007, с. 5–17).

Можно привести гораздо больше примеров подобных методических допущений и ошибочных доводов в отношении керамического комплекса, данных антропологии и т.д., но и без этого ясно, что методика «археологической этногенетики» достаточно односторонне трактует археологические факты в этническом аспекте. «Квадратура круга» теоретических и методических положений «археологической этногенетики» связана, в первую очередь, с некорректностью терминологии и нечеткостью метода. Отсутствие четко определенного понятия «археологическая культура» и ее соотношения с этносом (например, болгарская археологическая культура = культура населения Волжской Булгарии = болгарский этнос), а также непротиворечивое описание метода их сопоставления, ведет к весьма расплывчатым характеристикам, которые, как правило, не являются ни чисто археологическими, ни строго этнологическими. Нечеткость определений, в свою очередь, ведет к произволу в рассуждениях и амбивалентности доказательств, а в конечном счете и к сомнительным, некорректным выводам.

Можно констатировать, что традиционные методики теории «восхождения», ставшие основой для концепции «археологической этногенетики» не в состоянии дать убедительного решения вопроса о параметрах и характеристиках средневекового этноса. Несомненно, что на этапе становления науки концепция «археологической этногенетики» сыграла важную роль в деле разработки проблем этногенеза народов, не имевших своей письмен-

ной истории, но по мере развития этнологии стали все отчетливее видны ее изъяны. Упрощенное понимание процедур реконструкции древнего этноса и выстроенная на этом понимании методика археологических исследований вступила в противоречие с современными представлениями об этносе и этнических процессах.

Открытие все большего количества новых фактов, которые не укладывались в старые теории, уточнение и усложнение терминологии и методики (особенно этнологической и археологической) – все это требует применения передовых научных концепций и создания новых объяснительных моделей. Предполагается, что новая парадигма становления и развития болгарской этнополитической общности, не отбрасывая накопленную более ранними теориями фактологическую базу, синтезирует ее и, вырабатывая свои подходы к решению конкретных проблем, устранит свойственные прежним моделям противоречия, а также даст последовательное и методически единообразное объяснение всей совокупности фактов. Отправной точкой данного исследования должно стать изучение сведений о болгарском этносе, а не данных археологии. Но для этого следует определить, что понимается под термином «этнос».

Этничность: **ключевое определение этноса.** Проблема определения этноса и его критериев одна из самых актуальных и спорных в этнологии. Особенно активно проходит этот процесс в отечественной науке. Здесь еще недавно господствовала парадигма, четко устанавливавшая градации этнических общностей по социально-экономическим формациям и

постулирование определенных элементов, присущих им. Это так называемая советская «этническая триада» («племя-народность-нация»), каждый элемент которой был жестко закреплен за определенным общественно-экономическим строем. Из-засвоения схематизма и шаблонности эта триада активно использовалась в работах палеоэтнологов, при этом часто отнесение какого-либо этноса к периоду феодализма уже позволяло конструировать общность на основе методологии исторического материализма. Безраздельно господствовавшая в советской науке эта *триада*, так и не нашла подтверждения ни в реальном этнографическом материале (Шнирельман, 1982, с. 207–252), ни поддержки в современных теоретических разработках (Smith, 1986; *Nationalism*, 1994; Хобсбаум, 1998; Коротева, 1999; Смит, 2004).

Работы теоретиков этнологии (Э. Ренана, М. Вебера, Э. Геллнера, Э. Смита, Э. Хобсбаума, Б. Андерсона и др.) убедительно демонстрируют, что сущность этничности лежит в области коллективного сознания, оно изменчиво, многопланово и структурировано; оно определяется результатами социальной практики, а не задано изначально, как некая эссенциальная данность (Дробижева, 1985, с. 3–16; Хобсбаум, 1998; Смит, 2004; Барт, 2006, с. 9–48).

Тем не менее современная наука не выработала единой генерализирующей точки зрения на сущность этноса и этничности. Есть довольно много концепций и их классификаций. Одно из наиболее удачных определений, очевидно, дал Э. Смит, который считал, что этнос – это «группа людей,

имеющая имя, мифы об общих праотцах, общие исторические воспоминания, один или несколько элементов общей культуры, связь с родиной и определенную степень солидарности, по крайней мере, среди элиты» (Smith, 1981, p. 66). Иными словами, в современном научном сообществе растет понимание того, что ключевым критерием в определении этноса является его самосознание. Именно этническая идентификация, противопоставляющая себя всем другим народам, и делает некий коллектив людей общностью, а отнюдь не пресловутое единство языка, территории и культуры, которое является лишь необходимым, но далеко не достаточным условием этого.

В ряде этнологических трудов принято разграничивать, с одной стороны, этнообразующие факторы, обуславливающие само появление этноса (общая территория, государственность, властвующие сословные корпорации, язык, письменность и т.д.), а с другой – собственно этнические признаки. Этничностью, тем самым, является осознание определенной группой своей идентичности, своих отличий от других коллективов и формой взаимодействия с подобными группами (Крюков, 1976, с. 42–63; Крюков и др., 1993, с. 376). Именно такое представление о структуре свойств этноса, заставляет считать, что, вопреки мнению ряда историков и археологов, говорить о завершении процесса формирования этноса позволяет не возникновение тех или иных культурных особенностей определенной этнокультурной группы, а появление отчетливого самосознания своей общности и отличия от других. В самом общем виде, таким об-

разом, процесс возникновения этноса можно представить как под влиянием некоторых внешних факторов (государственность, хозяйственные и культурные связи и т.д.) из нескольких (нередко разнородных) этнических (часто имеющих родовые связи) компонентов формируется новая культурно-историческая общность. В период ее сложения постепенно и не одновременно возникают признаки, объективно отличающие ее от других синхронно существующих этносов. Наконец, когда эти черты отличия становятся достаточно ощутимыми, они осознаются социумом, формируя представления о своем внутреннем единстве и общности, которые в самом общем виде формулируются в самоназвании (этнониме).

Теоретические исследования показывают сложный, иерархический характер этнического самосознания, которое определяется, хотя и достаточно опосредованно, факторами, формирующими этнос и его признаки, одновременно являясь осознанием сообществом совокупности своих национальных (этнических) признаков (культуры, языка, территории, истории, религии, государственности, образе жизни и обычаях) и интересов, а также оценочным к ним отношением. В самой структуре этнического самосознания исследователи выделяют целый ряд элементов: этническое самоопределение (в средние века чаще всего неотделимое от этнополитической, этносоциальной или конфессиональной идентификации), которое часто рассматривается как важнейший, чуть ли не единственный индикатор (Козлов, 1974, с. 79–92; Дробужева, 1985, с. 3–16), поскольку он (хотя и опосредованно, и выборочно)

опирается на базовые ментальные категории социума, такие как «картина мира», представления о типичных чертах собственной общности и ее свойствах, осознание общей исторической судьбы, а также понятия о «родной земле», государственном (и/или этнополитическом, этносоциальном, конфессиональном) единстве и специфических интересах своей общности, ее месте в мире и «образе других». Все эти структуры ментальности на уровне этноса являются на просто суммой образов и понятий, а представляют собой целостное явление и одновременно выражают ценностное к ним отношение. Результатом всех этих представлений, идентифицирующей всех членов общности, и является этноним – своеобразное безотчетное обозначение себя («Мы»), разграничение себя среди и от других («Они») (Крюков, 1976, с. 60–63). В теории социального конструирования именно идентичность (как личная, так и коллективная) является ключевым элементом в разграничении и выделении себя от других и в этом качестве является частью более общего ментального универсума с его архетипами сознания и теоретическими легитимациями действительности (реальной, либо воображаемой), изменяясь вместе с ним.

Несомненно, что идентичности формируются социальными процессами. Однажды выкристаллизовавшись, они поддерживаются, видоизменяются или даже переформируются социальными же отношениями. В этой связи процесс этногенеза выглядит как постепенное приобретение общностью характерных признаков, дифференцирующих ее от других этносов, и осознание своей идентич-

ности через особый этноним. Самоназвание (эндоэтноним), которое не всегда совпадает с именем, данным ему соседями (экзоэтноним), является не только символом внутреннего единства этноса, но и важнейшим внешним проявлением этнического самосознания (идентификации). Именно анализ этнонима и стоящего за ним самосознания, а не бессодержательная лингвистическая эквивалистика различными названиями, дает исследователю ключ к пониманию последовательной эволюции этноса, как его постепенной трансформации или череду «взрывов» этничности, ведущих к коренной их смене и формированию нового этноса (Крюков, 1976, с. 42–63; Дробижева, 1985, с. 3–16; Коротеева, 1999).

Следует подчеркнуть одну особенность средневекового общества – оно было сословно-классовым. Культура этого общества также носила не всеобщий («общенародный»), сословный и стратифицированный характер. В принципе, даже религиозные верования под сенью мировых религий были многоуровневой системой. То же можно сказать соответственно об одежде, бытовой культуре и даже языке. Очевидно, что и идентичность в средневековом обществе имела сословный характер (например, см.: Элита, 1993; Социальная идентичность, 2007). Элита общества (военно-служилая элита и духовенство) имела в основании своей идентичности общегосударственные, надобщинные и цивилизационные аспекты. Монархи и знать, связанные между собой системой родства, были единой корпорацией, владевшей территорией своего государства и часто идентифицировала свое государство как свое

владение. Соответственно родовое имя правителя становилось названием государства (владения), определяя идентичность всей элиты. «Картина мира» феодальной элиты наиболее близко подходит по всем параметрам к тому, что современные историки именуют «этническим самосознанием». Податное сословие, как правило, имело общинную и религиозную идентичность. За редким исключением оно не поднималось до осознания своей государственной общности и ограничивалось осознанием своей религиозной принадлежности, противостоящей другим верованиям.

Отсюда можно сделать вывод, что в современной этнологической науке ведущим и наиболее важным показателем этноса считается идентичность (для средневековья – это этносоциальная самоидентификация), позволяющая судить о процессе трансформации данной этнической общности. Применительно к исторической этнологии (или палеоэтнологии) это требует, следовательно, на основе тщательного изучения всего комплекса источников исследовать ментальность древнего и средневекового населения, выявляя элементы и символы его этничности и создания модели этнического самосознания (примеры подобного анализа см.: Литаврин, 1982, с. 49–82; Наумов, 1987, с. 107–116; Литаврин, Наумов, 1991, с. 285–313; Крюков и др., 1979; 1984; 1993).

Этот вывод одновременно означает, что в случае отсутствия собственных нарративных источников, на основании которых можно реконструировать основные элементы и символы ментальности древнего общества, мы вообще не вправе судить об эле-

ментах и символах его этничности. Но поскольку в большинстве случаев письменные источники появляются в сравнительно поздние периоды истории (античность или средневековье), то характер более ранних по времени этнических процессов может быть восстановлен на основе комплекса иных источников только в самом общем виде, причем результаты этих исследований иногда невозможно соотнести с выводами, сделанными посредством анализа письменных памятников. Поэтому, строго говоря, этническая история народа может быть с уверенностью реконструирована лишь на отрезке, соответствующем хронологической глубине нарративных источников. Оптимизм археологов и этнографов, порой уверенных в возможности изучения этнических процессов бесписьменных периодов истории народов, представляется в очень значительной мере преувеличенным (Крюков и др., 1993, с. 372–374; Арутюнов, 1982, с. 49).

Этническая археология: структура метода. Увлекаясь этническими сопоставлениями и придавая преувеличенное значение этническим чертам, сторонники «археологической этногенетики» часто обедняют само представление об археологической культуре, как отражении различных сторон жизни древнего общества (не уделяя внимания, например, социально-экономическим процессам, влияющим на смену культур; роли в древних обществах субкультур, таких как дружинная культура; конфессиональному фактору и т.д.). Соответственно они не отдают себе отчета в сложности соотношения между этносом (этничностью древнего населения) и его отражением в археологических (мате-

риальных) следах и остатках, требующих специальной процедуры сопоставления и моделирования, которая разрабатывается этноархеологией (Binford, 1962, p.217–225; Trigger, 1978; Gould, 1980; Шнирельман, 1984, с. 100–113; 1988, с. 95; 1993; 1995, с. 141–152). Исследования этноархеологов доказывают, что необходимо отказаться от прежнего упрощенного взгляда на процедуру реконструкции древних обществ. Методика подобного анализа должна включать изучение этничности реально функционировавшего общества и выявлять определяющие параметры, которые сохранились или могли сохраниться в археологических следах и остатках, в выделенной исследовательским путем археологической культуре.

Обычно этноархеология имеет дело с археологическими остатками «живых» культур и обществ, изучение которых позволяет проверить и уточнить выводы, разрабатывать модели возможного сопоставления и реконструкций этнокультурной ситуации. Между тем чаще всего археологи сталкиваются с изучением древних обществ, чья культура имеет ископаемый, фрагментированный и условно динамический характер, и не имеют подобных проверочных данных. Это ведет, с одной стороны, к произвольной трактовке выбранных исследователем «археолого-этнических» критериев, определение которых часто основано на индукции и пресловутом «здравом смысле», своего рода «шаблонном» подходе к изучению древних этносов, а с другой – к отказу части ученых от использования археологических источников как материала для этнических интерпретаций. Вопрос о возможности и соот-

ответственно корректности процедур этнополитического моделирования на основе данных археологии для периодов древности и средневековья может быть решен только при использовании специальной методики, близкой к этноархеологической. Появившиеся в последнее время добротные исследования, построенные с учетом данного подхода и демонстрирующие его эпистемологические возможности, позволяют пересмотреть традиционную методику историко-археологических исследований по этнической истории древних и средневековых народов (Петрухин, Раевский, 1998; Напольских, 1997).

Основой для подобной системной этноархеологической методики является изучение средневековой ментальности как источника сведений о ключевых аспектах этнополитических представлений. Распознав этнический контекст, можно выделить в нем элементы, имеющие этнокультурную и этносоциальную значимость, а среди них те признаки и артефакты, которые могли бы быть зафиксированы археологически. Только после этого становится целесообразным обратный путь рассмотрения типологизации этнокультурных явлений археологической культуры, но только под углом зрения выявленного этнического контекста и как способ его уточнения. Теоретически это означает определение архетипов прошлой культуры, которые могли и должны были найти отражение в археологической культуре и восхождение от них, используя правила и методы соотнесения, к реконструкции прошлой этнокультурной ситуации. Подобная стратегия является адаптацией, применительно к археологии и палеоэтнологии, методики, разра-

ботанной Л.С. Клейном для выявления архетипов культуры и уточнения группировки археологического материала (Клейн, 1991, с. 223–231, 344–347; 2013, с. 353–382).

После осознания всех этих теоретических сложностей специфика изучения собственно средневековой этничности даже при явном дефиците полноценных источников представляется вполне разрешимой. Требуется только отказаться от монологического исследования и перейти к комплексному изучению проблем этногенеза.

Средневековые болгары: конфессиональная и этнополитическая общность. Основой для подобного анализа является изучение средневековой болгарской ментальности как источника сведений о ключевых аспектах этнополитических представлений. Рассмотрение аутентичных исторических источников, элементов историографической традиции и фольклорных материалов позволило реконструировать основные, значимые для этноса, представления. Можно считать, что анализ различных аспектов этнополитического самосознания волжских болгар X–XIII вв., сохранившихся в исторической традиции (историографической и фольклорной), показывает их связь с реалиями существования народа, а также уровнем его политических притязаний. Рассмотрение их позволило сделать вывод о явных интеграционных тенденциях, причем на новой основе – исламского государства. Подтверждение этому можно найти в практически полном игнорировании в сохранившейся традиции языческих и племенных элементов, а фигурирующие в них реминисценции (эпонимы, элементы архетипичных представле-

ний и т.д.) не более чем вкрапления в структуру исламских представлений. Одновременно на первый план в них вышли такие компоненты новой политической системы, как осознание своей связи с правящей династией, которая распространяется на все население, связи с территорией страны – понимаемой как отечество для всего населения, единство которого осознавалось не просто как кровное (от единого предка, причем на первый план в этих традиционных архаичных образах выходит коранический, а не общетюркский пантеон), а как духовное. Оно явно понималось как общность, возникшая в прошлом благодаря «перерождению» народа после принятия ислама и становления государства (обретение независимости в борьбе, появлении новой династии и т.д.) и осознания своего места в исламском мире. Это означает, что этнополитическое единство осознавалось не в категориях родо-племенных, а наоборот, резко противостояло им, делая упор на новую религиозную и социальную общность (Измайлов, 1996, с. 97–113; 2001, с. 93–119).

Подобное осмысление истории народа означает понимание принятия ислама как «рубежного» события, оказавшего влияние на все стороны его жизни. Дело даже не столько в признании единственными лишь исламских предков, а в представлении о том, что с тех пор все народы, вошедшие в государство булгар, потеряли свою этническую специфику. Они как бы «переплавились», получив себе в правители булгарских царей, приняв ислам и участвуя в борьбе за отчизну, в новую «булгарскую» общность. Весьма вероятно при этом, что на уровне обыденного сознания термины

«булгар» и «мусульманин» выступали в качестве синонимов, причем как у самих булгар, так и у их соседей. Отсутствие других генеалогических версий, возможно, также свидетельствует о ее общепринятости (во всяком случае, в официальном историописании) и укорененности в сознании народа в «узловых» моментах (принятие ислама, единая историографическая традиция, династия и т.д.). Анализ различных аспектов этнополитического самосознания волжских булгар X–XIII вв., сохранившихся в исторической традиции (историографической и фольклорной) показывает их связь с реалиями существования народа, а также уровне его политических притязаний. Рассмотрение их позволило сделать вывод о явных интеграционных тенденциях, причем на новой основе – исламского государства. Ведущими элементами этой новой политической системы, стали представления, связанные с этносоциальным и этнополитическим единством элиты общества. Данная система представлений и ценностей являлась не патриархальной и родовой, а надобщинной и государственной. Носителями ее были, несомненно, наиболее социально и политически активные члены нового общества: феодальная элита – военно-служилая знать, духовенство и городской нобилитет. Именно появление и становление этих слоев общества символизировало интеграционные процессы в политике, хозяйстве и культуре в эпоху развития феодального государства, роста городов, складывания литературного (общепонятного) языка. Самоидентификация выразивших эти тенденции новых слоев общества нашла концептуальное отражение в трудах, обслуживаю-

ших их культуру философов и хронистов, основные концепции которых, в свою очередь, оказывали определяющее, хотя и опосредованное влияние на характер ментальности широких народных масс (см.: Измайлов, 2000, с. 99–105).

Следует особо подчеркнуть некоторые важные моменты. Хотя этнополитические воззрения «безмолвствующего большинства» народа известны довольно плохо, судя по генеалогиям XII–XIX вв., они не выходили за пределы представлений о единстве своего рода (совокупности семей, населения определенной местности и т.д.) и в них уже заметно влияние официальной исторической традиции (осознание себя как выходцев из болгарских городов, связь с правящей династией – введение в шеджере именно болгарских правителей и т.д.). Кроме того, следует учесть, что для оценки средневековым человеком своего индивидуального духовного и практического опыта важно было обращение к традиции, то есть детерминация своего опыта в категориях коллективного сознания, освященном в социальном ритуале, в образцах поведения и литературной традиции. Точно также для проверки собственного понимания своего места в социуме (государстве) отдельный род или семья обращалась к официальной исторической традиции, освященной религией. Понятно, что это не происходило путем приобщения к историографическим текстам, видимо, гораздо чаще это были более адаптированные для восприятия народом формы (легенды, сказания, притчи и т.д.), но при этом они определенно следовали единой концептуальной схеме. Разумеется, самосознание на-

рода и социальных верхов общества нельзя считать полностью идентичным. Говоря о менталитете населения Волжской Булгарии, в том числе и этнополитических его аспектах, следует помнить, что оно было многоступенчатым и парадигмальным. При этом уровень понимания своего единства во многом зависел от социального статуса его носителей: общеполитическое общегосударственное мышление было более характерно для социальных верхов, тогда как местное, общинное – для низов общества. Иными словами, народное сознание играло активную роль в определении местного социума, для которого органичны были идеи родства, связей и отличий от соседних общин («общинный микрокосм»), тогда как в сфере знати, религиозных деятелей, купечества основное влияние имели официальные (профессиональные) общегосударственные концепции. И именно на них равнялось местное простонародное сознание, а лейтмотив этнополитического единства болгар, составляя основу идейного арсенала интеграционных тенденций в обществе, пронизывал все компоненты общеполитического мировоззрения. Все это позволяет с уверенностью говорить, что выявленные в результате анализа аспекты этнополитических автостереотипов (связь с династией, представление о едином прошлом и своей миссии и исламском мире и т.д.) в той или иной мере были распространены в среде населения средневековой Булгарии, особенно ее наиболее социально активной части.

Отсюда можно сделать вывод, что рассмотренные выше аспекты сознания, несомненно, достаточно точно характеризуют данную общность че-

рез призму ее собственных взглядов. Можно считать доказанным, что часть населения Среднего Поволжья X–XIII вв., осознавая себя связанной определенными обязательствами с правящей династией и подвластная ей, исповедующая ислам и следующая своей особой миссии в мусульманском мире, жившее в пределах одного государства и считавшее его землей для себя отчизной, – именно это средневековое население Волго-Уральского региона определенно называло себя «булгарами». Эти черты, характеризующие общеповолжское сознание, и были зафиксированы в официальной историографической традиции. Особо следует подчеркнуть, что другие объективные элементы общности, выявленные археологически и исторически, такие как общность языка, бытовой культуры, погребальной обрядности, хозяйственной деятельности, скорее всего, не создавались или же не считались дифференцирующими. Проведенный анализ показал, что ведущим в этом вопросе само население Булгарии (в первую очередь элита) в домонгольский период считало единство династии, населения и родной земли, а также религии и рассматриваемого через ее призму прошлого. Таким образом, данная модель показывает, что «булгарская идентичность» была сложным многослойным явлением.

Археология Булгарии: изучение конфессиональной и этносоциальной общности. Кроме письменных источников в нашем распоряжении есть чрезвычайно важные археологические материалы, которые позволяют судить о распространенности ислама и его ритуалов у булгар. Достаточно отметить два факта. Для

булгарских памятников X–XIII вв. характерно практически полное отсутствие костей свиньи. Например, среди остеологических материалов из Билярского городища за время раскопок 1967–1971 гг. (всего обнаружено 9606 костей) их вообще не выявлено, нет костей свиньи и на других памятниках (Петренко, 1976, с. 228–239; 1979, с. 124–138; 1984, с. 66–69). Высокая статистически представительная выборка материалов и ее поразительная стерильность в отношении костей свиньи как среди материалов городских, так и сельских поселений, учитывая факт широкого распространения свиноводства в более ранний исторический период и в соседних с Булгарией регионах, позволяет сделать вывод о повсеместном и строгом следовании булгарами предписаний и запретов ислама.

Еще более выразительно о распространении и характере ислама позволяют судить могильники волжских булгар, погребения которых совершены по мусульманскому погребальному обряду. Булгарские могильники были скрупулезно и всесторонне проанализированы Е.А. Халиковой, что позволяет опираться на ее выводы по этой проблеме (Халикова, 1986, с. 43–132). Мусульманский погребальный обряд населения Булгарии X–XIII вв., по ее данным, можно реконструировать так: глубина могильной ямы до 1 м, могильная камера без ляхда, стенки ямы отвесные или с небольшим наклоном, иногда на дне ямы фиксировался подбой, погребенный был ориентирован головой на запад, запад-северо-запад или запад-юго-запад, иногда умерший хоронился в гробу или деревянном ящике с перекрытием, умерший, как правило, клался в могилу с некоторым

поворотом туловища на правый бок, лицом, обращенным в сторону Мекки (редко на спине и лицом вверх), руки умершего лежали: правая вдоль тела, левая сдвинута на таз (реже обе вытянуты вдоль тела или полусогнуты), ноги чаще вытянуты (реже согнуты, полусогнуты или одна из них полусогнута). Вещи в погребениях, как правило, отсутствуют, хотя иногда встречаются, но не как элемент одежды, а, очевидно, как поминальный дар. Этот «классический» (канонический для Булгарии) обряд начал распространяться в Булгарии в конце IX – начале X вв., в первой половине X в. он господствовал в среде горожан, а в отдельных регионах – уже в начале XI в. (Халикова, 1986, с. 137–152). Можно подчеркнуть, что с рубежа X–XI вв. языческие могильники на территории Булгарии уже не известны (Халикова, 1986, с. 150). Выводы эти в основном выдержали испытание временем и дополнены изучением представлений о смерти у болгар и их влияния на формирование болгарского погребально-го обряда (Измайлов, 2008, с. 4–41).

В настоящее время известно примерно 59 могильников по всей территории Булгарии (Предволжье, Предкамье, Западное и Центральное Закамье и бассейн р. Малый Черемшан), на которых вскрыто более 970 погребений, совершенных по мусульманскому обряду и при этом не обнаружено ни одного не только могильника, но даже и единственного языческого погребения. Все эти факты весьма ярко и недвусмысленно свидетельствуют о повсеместном распространении ислама и глубине его проникновения в народную культуру (Измайлов, 2010, с. 87–100).

Важность этих материалов в том, что они позволяют оценить реальность представлений, выраженных в исторической традиции. По сути дела, полное господство ислама и исчезновение разнообразных языческих культов, распространенных в предшествующий период, а также строгое следование мусульманским запретам (отсутствие костей свиньи и т.д.) свидетельствует о растворении различных этнокультурных групп в единой мусульманской среде.

Рассмотрение культуры болгарской элиты имеет много гносеологических сложностей. Методика изучения этносоциальной общности слабо разработана. Примитивные социологические схемы анализа, как выяснилось, весьма не продуктивны для анализа средневековых обществ. Требуются иные подходы, чтобы проанализировать социальную реальность в этих условиях. Для Волжской Булгарии подобный анализ был выполнен на основе наиболее репрезентативных комплексов находок. Был изучен комплекс вооружения и выявлен элитарный набор оружия. Динамика его развития позволяет говорить о постепенной его эволюции до формирования контингентов конных латных копейщиков, которые характерны для рыцарской кавалерии других средневековых государств Восточной Европы (см.: Измайлов, 1997, с. 131–149).

Анализ археологических материалов позволил сделать вывод, что в Булгарском государстве выявляется целый ряд важнейших для ее государственности символов власти, подчеркивавших его суверенность и самостоятельность (Измайлов, 2009, с. 18–34). Среди всех находок выявляется группа знаков-тамг (в виде графемы

рунического алфавита – «А-тамги»), которые встречаются как на социально престижных предметах (монеты, оружие) и межевых (пограничных) знаках, так и на массовых изделиях (гончарная посуда) в виде клейм и прочерченных знаков. Подобные знаки определенно являлись символами правящего в Булгарии рода, маркируя его собственность и символизируя свой суверенитет. Это заставляет считать, что Булгария имела развитую систему государственных символов, включая владельческий знак корпорации родовой булгарской знати.

Выявление совокупности престижных предметов, характеризующих субкультуру булгарской элиты, продолжается. Например, среди украшений выделяются золотые и серебряные височные трехбусинные подвески. Они известны в виде драгоценных дорогих изделий, украшенных подвесками и птицами. Подражаниями им можно считать более простые латунные и медно-цинковые украшения, распространенные по всей территории Булгарии. Тем самым можно сделать вывод о ведущем характере элитарной культуры.

В целом в археологической культуре населения Булгарии явно выделяются два взаимосвязанных элемента – общая мусульманская и элитарная военно-дружинная составляющие. Эти элементы археологической культуры отличают ее от других культур, а также самым непосредственным образом характеризуют булгарскую этнополитическую общность.

Археологическая культура Булгарии и булгарская этнополитическая общность: динамика соотношения. Рассмотрев все материалы, можно сделать вывод, что в нашем

распоряжении находится значительный материал (начиная от предметов с арабскими надписями и предметами культа до остатков мечети и отсутствия костей свиньи в костных остатках), позволяющий сделать вывод о широком распространении ислама в X–XIII вв. на территории Волго-Уральского региона. Важнейшим же доказательством распространения мусульманства являются могильники с территории Волжской Булгарии, о которых можно определенно сделать вывод, что те из них, где выполнены основные требования джаназы (ориентация умершего по кыбле), являются мусульманскими. Ареалы всех этих археологических явлений совпадают с другими вполне определенными культурно-археологическими параметрами (красно-коричневая круговая посуда, крупные городища, развитые земледельческие орудия и ремесленное производство, своеобразные украшения, особый комплекс вооружения и т.д.), которые очерчивают территорию булгарской археологической культуры (см. Фахрутдинов, 1975, с. 26–49). Отсутствие костей свиньи в памятниках этой культуры и мусульманские могильники, которые пока выявлены и изучены не повсеместно, но, тем не менее, равномерно представлены во всех основных регионах Волго-Камья. Это позволяет констатировать сопряженность элементов мусульманской культуры с ареалом распространения булгарской культуры, тем самым подтверждая данные письменных источников. Сопряженность культуры булгар с исламскими элементами культуры, делает именно их важнейшим этнокультурным показателем, поскольку, как удалось выяснить, именно с исла-

мом и мусульманской государственностью связывали свою этническую (этнополитическую) идентичность болгары. Иными словами, все мусульмане, которые, судя по данным археологических источников (болгарская археологическая культура), составляли абсолютное большинство населения Болгарии X–XIII вв., и могут считаться болгарами. Поскольку же нет оснований считать доказанным наличие языческих или немусульманских погребений в мусульманских могильниках, или массива языческого населения, носителя болгарской культуры, то и в такой четкой и однозначной трактовке материала нет особых сомнений. Другие элементы быта и хозяйственной деятельности (лепная керамика, украшения и т.д.), видимо, не осознавались самим населением как этнодифференцирующие и не несли в тот период этническую нагрузку.

Данное положение не означает, что эти элементы не могут использоваться для характеристики особенностей археологической культуры населения Болгарии, речь в данном случае идет только о том, чтобы очистить эти аспекты культуры от несвойственной ей этничности. Характерные материальные древности болгар, действительно определяли облик ее культуры, но при этом надо иметь в виду, что эти же предметы (круговая гончарная посуда, украшения, бронзовая и серебряная посуда, бытовые и хозяйственные изделия и т.д.) могли использоваться и использовались соседними этносами. Например, болгарская керамика в массе встречается на средневековых памятниках Сурско-Свияжского междуречья (Каховский) и Верхнего Прикамья, а украшения и ювелирные изделия были широко известны вплоть до Северо-восточной Европы и Зауралья.

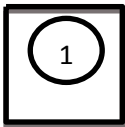

Рис.1

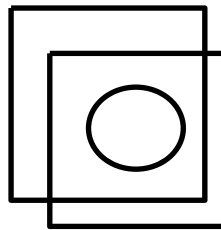

Рис.2

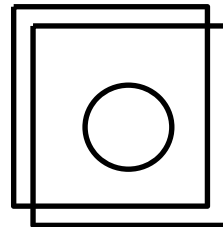

Рис.3

- – болгарская археологическая культура
- – мусульманское население Болгарии
- – болгарская элита

Вместе с тем, поскольку становление государственных институтов и внедрение ислама происходило в течение определенного периода, то и археологические параметры болгарского этноса не оставались неизменными, а претерпевали значительные изменения, как и качественные параметры этничности. На раннем этапе становления Булгарского государства (VIII – начало X вв.) болгары составляли только определенную группу среди тюркских и угорских племен, имеющих достаточно сходную в археологическом отношении культуру, на что оказывали нивелирующее влияние и образ жизни, и способ хозяйствования, и салтово-маяцкие традиции и культурные импульсы (рис.1). Несовпадение квадратов связано с тем, что значительная часть носителей данной археологической культуры (условно ее можно назвать болгарской, хотя есть и другие термины – «раннебулгарская» или «протобулгарская») не считала себя булгарами (племена сувар, эсгиль/чигиль и др.). Булгары составляли один из родов, который постепенно начинает объединять под своей властью другие племена. В свою очередь, поскольку значительная часть болгар продолжала жить в Подонье и даже в Дунайской Болгарии, то не все болгары были носителями этой культуры.

Новый этап связан со становлением Булгарского государства и распространением мусульманской религии в Поволжье. Ислам, как свидетельствует имеющийся в нашем распоряжении материал, начинает проникать в среду болгарского общества на рубеже IX–X вв. На городских некрополях исламская обрядность превалирует уже с первой половины X в., а в сель-

ской округе ислам распространяется во второй половине X в. Отдельные группы населения, оставаясь на периферии исторического развития, сохраняют языческий обряд погребения. Одновременно в городах начинает формироваться новая археологическая культура (распространяется гончарная круговая посуда, появляются новые социально-престижные оружие, украшения, предметы быта и т.д.). Визуально данную ситуацию (рис.2) можно представить как взаимодействие трех элементов: археологической культуры, мусульманского населения и подданных болгарского правителя и военно-служилой элиты, имевшей болгарскую идентичность. Взаимное перекрывание трех квадратов дает мусульманское население Булгарского государства, элитой которого являлась знать, именовавшая себя булгарами, но на новых этнополитических основаниях. Скорее всего, в реальности общности мусульман и болгарской элиты совпадали, хотя теоретически существование некоторых групп болгар, сохранявших верность прежним традициям, по крайней мере, до середины X в., исключить полностью нельзя. За пределами болгаро-мусульманской общины находились группы других тюрко-болгарских племен, использовавших в быту прежние формы культуры и погребальной обрядности.

Распространение ислама и нового этнополитического сознания наталкивалось на сопротивление отдельных племенных объединений, придерживавшихся традиционного мировоззрения и погребальной обрядности, которое уже к середине X в. было сокрушено. Формируется новая этнополитическая ситуация. Во вто-

рой половине X в. все группы тюрко-болгарских племен были включены в состав Булгарского эмирата, входят в болгарскую этнополитическую систему и обращаются в ислам. Анализ всех материалов, позволяет сделать вывод, что с рубежа X–XI вв. на территории Болгарии не зафиксировано ни одного языческого погребения или элемента обряда, а на основных археологических памятниках категорически не встречаются кости свиньи. Сопоставляя данные выводы с выявленными и систематизированными элементами этнополитической ментальности болгар, можно сделать вывод, что утверждение и распространение ислама происходило одновременно и что ведущими узлами социальной, этнополитической и религиозной активности являлись города и их ближайшая округа, где формировались новые социальные отношения и военно-служилая элита. Более того, на всей территории страны устанавливается довольно единообразный погребальный обряд, который безраздельно господствует вплоть до второй половины XIII в. Графически новую ситуацию, установившуюся с рубежа X–XI вв., можно отразить как почти полное перекрытие археологической культуры населения Волжской Болгарии, мусульманского населения и болгарской элиты, идентифицировавших себя с исламским государством. Можно сказать определенно, что болгарская идентичность проникла в среду населения именно как религиозная. Можно только подчеркнуть, что в окружающих ближних и дальних странах население страны именовалось «булгарами» (см.: Измайлов, 1999, с. 69–75).

Неполное совпадение археологической и этнополитической общностей определяются тем, что группы соседних с Булгарией племен использовали в быту элементы болгарской археологической культуры (Верхнее Прикамье, Зауралье, Северо-Восток Европы, Сурско-Свияжское междуречье и т.д.) (см.: Каховский и др., 1993, с. 32–46; Белавин, 2000), в то время как часть жителей Болгарии, использовало в быту некоторые предметы иноземного происхождения или традиционные формы посуды и украшений (не исключено, что группы болгар жили на Руси и пользовались древнерусской материальной культурой) (см.: Полубояринова, 1993).

Все иноэтничные мигранты как отдельные люди, так и целые группы, входя в болгарскую среду и принимая ислам, становились мусульманами, а для соседей – булгарами. Возможно, в жизни все было несколько сложнее и не так однозначно, но пока отдельные нюансы, как и микроэтнонимы и местные элементы самосознания не поддаются определению, тем более они никак не фиксируются археологически. Другие общины, живущие в Болгарии, имели свои кладбища (разумеется, за исключением язычников, которые вряд ли могли составить устойчивую общину, поскольку подлежали обязательной и непреломной исламизации). Так, например, в письменных источниках фиксируется русское христианское кладбище, возможно, к иноконфессиональным общностям относятся и некоторые другие некрополи из Болгара (Яблонский, 1987, с. 124–142).

Данный вывод заставляет обратить пристальное внимание на такой мощный интегрирующий фактор, как

государство во главе с военно-служилой аристократией и встроеной в его институты религий. Сплоченное в единое владение корпорацией военно-служилой знати оно формирует новую реальность, новую общность людей, где ведущими уже становятся не этноязыковые и хозяйственные, а социально-политические и религиозные категории родства, переработанные общественным сознанием в виде исторических и актуальных стереотипов. Аристократическая элита осознает себя особой этносоциальной общностью, с единым этнонимом, который становится самоназванием только после того, как пройдет стадию переосмысления в коллективном сознании и приобретя набор определенных этнополитических стереотипов, закрепляемых за ним. По этому этнониму называется и сама страна в глазах соседей. В свою очередь, изменение самоназвания свидетельствует не о «чуждом влиянии», а о переменных в обществе, вызвавших смену политической ситуации и этносоциальных элит. Механизм этих изменений, в частности в эпоху Улуса Джучи (Золотой Орды) в определенной мере выяснен (Измайлов, 2002, с. 244–262).

При этом основная масса населения отличала себя по конфессиональному признаку. Свидетельствует об этом ортодоксальность погребального обряда болгар, которая, несомненно, связана с их представлениями о своей «избранности», вследствие «пограничности» своего положения на краю обитаемой ойкумены и на северной границе исламского мира (Измайлов, 2000, с. 99–105). Вполне возможно, что этим объяснялась их непримиримость в отношении язычников и язычества. Как бы то ни было, но

каноничность и единообразие погребального обряда на всей территории государства свидетельствуют о силе религиозных норм, которые явно не просто поддерживались авторитетом государства, а прямо насаждались в обществе. Несомненно, что это во многом способствовало быстрому и бесследному «растворению» в котле своего этноконфессионального сознания небольших групп переселенцев из соседних регионов.

В этой ортодоксии была сила болгар, но в ней крылась и их слабость. Будучи основой этнополитической консолидации и становым хребтом этноконфессиональной идентификации болгар, в условиях ослабления ислама в период монгольского завоевания и становления Улуса Джучи, строгие нормы болгарской ортодоксии были во многом размыты и сглажены. Следствием этого стал кризис прежней исламской идентификации и ее постепенная модернизация.

Подводя итог, следует отметить, что как теоретические построения, так и практические исследования на примере этногенеза средневековых болгар показывают продуктивность методики этнологического синтеза, который отвергает руководящую роль одной единственной науки и заменяет ее всесторонней и сбалансированной междисциплинарной интеграцией. Он, наконец, позволит вместо простых «схем» и банального «здорового смысла» археологической этногенетики приблизиться к сложной и многоступенчатой процедуре этнологических исследований, с использованием данных различных наук. Разумеется, при этом, как справедливо писал Л.С. Клейн: «такая смена подхода сделает исследования по этногенезу

более трудными для эмпириков, вовсе недоступными для дилетантов и совершенно непривлекательными для энтузиастов априорных идей о том, откуда «должны» происходить те или иные народы. Что ж, это обычная и не слишком высокая плата за приближение к истине и становление науки» (Клейн, 1988, с. 23).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
3. Артамонов М.И. К вопросу об этногенезе в советской археологии // КСИ-ИМК. – № 29. – Л., 1949. – С. 2–16.
4. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – 247 с.
5. Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Проблема археологических критериев этнической специфики // СЭ. – 1979. – № 6. – С. 79–89.
6. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. – М.: Новое издательство, 2006. – С. 9–48.
7. Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Изд-во ПГПУ, 2000. – 200 с.
8. Белых С.К. Этнос и археологические «этномаркеры» (полемиические заметки) // Вестник Удмуртского университета. – 2013. – Сер. 5. – Вып. 1. – С. 100–105.
9. Ганжа А.И. Этнические реконструкции в советской археологии 40–60 гг. как историко-научная проблема // Исследование социально-исторических проблем в археологии. – Киев: Наукова думка, 1987. – С. 118–158.
10. Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов). – Киев: Наукова думка, 1982. – 225 с.
11. Гумбольдт В. Характер языка и характер народа (Отрывок) // Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Наука, 1985. – С. 370–381.
12. Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. – 1988. – № 1. – С. 56–70.
13. Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. – 1991. – № 2/3. – С. 21–36.
14. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – 2-е изд. – М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. – 432 с.
15. Дробижеева Л.М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // СЭ. – 1985. – № 5. – С. 3–16.
16. Измайлов И.Л. Этнополитические аспекты самосознания болгар X–XIII вв. // Панорама-Форум. – 1996. – № 1 (4). – С. 97–113.
17. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X–XIII в. – Казань; Магадан: Изд-во СВНИЦ ДВО РАН, 1997. – 212 с.
18. Измайлов И.Л. «Безбожные агаряне»: Волжская Булгария и болгары глазами русских (X–XIII вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты,

зоны контактов и контактные зоны: XI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы к конференции. – М.: ИВИ РАН, 1999. – С. 69–75.

19. *Измайлов И.Л.* «Начала истории» Волжской Булгарии в предании и исторической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. – М.: Наука, 2000. – С. 99–105.

20. *Измайлов И.Л.* Средневековые булгары: этнополитические и этно-конфессиональные аспекты идентификации // Диалог культур Евразии. Вопросы средневековой истории и археологии. – Вып. 2. – Казань: Изд-во Татарский государственный гуманитарный институт, 2001. – С. 93–119.

21. *Измайлов И.Л.* Формирование этнополитического самосознания населения Улуса Джучи: некоторые элементы и тенденции развития тюрко-татарской исторической традиции // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. – Казань: Мастер Лайн, 2002. – С. 244–262.

22. *Измайлов И.Л.* Булгарская этнополитическая общность: к методике этноархеологического определения средневекового этноса // Вестник Новосибирского государственного университета. – Сер. История, филология. – 2006. – Т. 5. – Вып. 3. – С. 75–83.

23. *Измайлов И.Л.* Мусульманин на пороге вечности: представления о смерти и особенности джаназы в Волжской Булгарии // Минбар (Казань). – 2008. – Вып. 1. – С. 4–41.

24. *Измайлов И.Л.* Булгарский средневековый этнос: критика традиционных методик определения // Этнологические исследования в Татарстане: Материалы итоговой конференции ИИ АН РТ, посвященной 10-летию Ин-та. – Вып. I. – Казань: ИИ АН РТ, 2007. – С. 5–17.

25. *Измайлов И.Л.* «Зеленых не сочтешь там шелковых знамен... (Символы болгарской государственности X – первой трети XIII в.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2009. – № 2. – С. 18–34.

26. *Измайлов И.Л.* Волжская Булгария: ислам и археологическая культура // Наследие ислама в музеях России: изучение, атрибуция, интерпретация: Материалы научно-практической конф. 3–4 декабря 2009 г. – Казань: Изд-во Министерства образования и науки Республики Татарстан, 2010. – С. 87–100.

27. *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии. – М.: Наука, 1992. – 335 с.

28. *Казаков Е.П.* Волжская Булгария и финно-угорский мир // Finno-Ugrica. – 1997. – № 1. – С. 33–53.

29. *Казаков Е.П.* О роли миграций в формировании этноса и культуры волжских болгар // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Материалы науч. конф. – М.: Изд-во ГИМ, 1999. – С. 224–231.

30. *Каменецкий И.С.* Археологическая культура: ее определение и интерпретация // СА. – 1970. – № 2. – С. 18–36.

31. *Каховский Б.В., Каховский В.Ф.* Изучение болгарских памятников на территории Чувашии // Археология Волжской Булгарии: Проблемы, поиски, решения. – Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1993. – С. 32–46.

32. *Клейн Л.С.* Археологические источники. Учебное пособие. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 119 с.

33. *Клейн Л.С.* Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу // Советская этнография. – 1988. – № 4. – С. 13–23.

34. *Клейн Л.С.* Археологическая типология. – Л.: АН СССР, 1991. – 448 с.

35. *Клейн Л.С.* Феномен советской археологии. – СПб.: Фарн, 1993. – 118 с.
36. *Клейн Л.С.* Археология и этнография: проблема сопоставлений // *Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума.* – Новосибирск: Наука. Сиб. Предприятие РАН, 1998. – С. 29–66.
37. *Клейн Л.С.* Принципы археологии. – СПб.: Бельведер, 2001. – 152 с.
38. *Клейн Л.С.* Этногенез и археология. – Т. 1. – СПб.: Евразия, 2013. – 528 с.
39. *Кнабе Г.С.* Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе // *СА.* – 1959. – № 3. – С. 243–257.
40. *Козлов В.И.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // *СЭ.* – 1974. – № 2. – С. 79–92.
41. *Коротеева В.В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. – М.: Изд-во РГГУ, 1999. – 140 с.
42. *Крадин Н.Н.* Археологические культуры, этнические общности и проблема границы // *Социогенез в Северной Азии: Материалы 3-й научно-практической конференции (Иркутск, 29 марта – 1 апреля, 2009 г.).* – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – С. 23–27.
43. *Кром М.М.* Историческая антропология. – 2-е изд. – СПб.: Дмитрий Булаин, 2004. – 168 с.
44. *Крюков М.В.* Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // *Расы и народы.* – 1976. – № 6. – С. 42–63.
45. *Крюков М.В., Малявкин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков. – М.: Наука, 1979. – 327 с.
46. *Крюков М.В., Малявкин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). – М.: Наука, 1984. – 336 с.
47. *Крюков М.В., Малявкин В.В., Софронов М.В.* Этническая история китайцев в XIX – начале XX века. – М.: Наука, 1993. – 413 с.
48. *Литаврин Г.Г.* Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII – первая четверть X в.) // *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья.* – М.: Наука, 1982. – С. 49–82.
49. *Литаврин Г.Г., Наумов Е.П.* Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе и особенности формирования раннефеодальных славянских народностей // *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.).* – М.: Наука, 1991. – С. 285–313.
50. *Напольских В.В.* Введение в историческую уралоистику. – Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 1997. – 268 с.
51. *Наумов Е.П.* К вопросу о разных уровнях этнического самосознания у южных славян (эпоха раннего средневековья) // *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей.* – М.: Наука, 1987. – С. 107–116.
52. *Петренко А.Г.* Изучение костных остатков животных из раскопок Билярского городища в 1967–1971 гг. // *Исследования Великого города.* – М.: Наука, 1976. – С. 228–239.
53. *Петренко А.Г.* Билярские остеологические материалы из раскопок 1974–1977 гг. // *Новое в археологии Поволжья.* – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. – С. 124–138.
54. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. – М.: Наука, 1984. – 174 с.

55. *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. – М.: Языки славянских культур, 1998. – 383 с.

56. *Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. – М.: Наука, 1993. – 123 с.

57. *Репина Л.П.* Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 1990. – С. 167–181.

58. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.

59. *Руденко К.А.* К вопросу о взаимодействии болгар с поволжскими и прикамскими финнами в XII–XIV вв. (по материалам селищ) // Finno-Ugrica. – 1998. – № 1 (2). – С. 15–29.

60. *Смирнов А.П.* К вопросу о происхождении татар Поволжья // СЭ. – 1946. – № 3. – С. 37–50.

61. *Смирнов А.П.* Волжские болгары / Труды ГИМ. – Вып. XIX. – М.: Изд-во ГИМ, 1951. – 273 с.

62. *Смирнов А.П.* К вопросу об археологической культуре // СА. – 1964. – № 4. – С. 3–17.

63. *Смирнов А.П.* Об археологических культурах Среднего Поволжья // СА. – 1968. – № 2. – С. 63–71.

64. *Смит Э.Д.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. – М.: Праксис, 2004. – 464 с.

65. Социальная идентичность средневекового человека. – М.: Наука, 2007. – 327 с.

66. *Токарев С.А.* К постановке проблем этногенеза // СЭ. – 1949. – № 3. – С. 12–36.

67. *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. – М.: Высшая школа, 1978. – 352 с.

68. *Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. – 220 с.

69. *Федоров Г.Б.* За преодоление влияния «теорий» Марра в археологии (Заседания Ученого совета ИИМК в декабре 1950 г.) // ВДИ. – 1951. – № 2. – С. 229–244.

70. *Халиков А.Х.* Татарский народ и его предки. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. – 220 с.

71. *Халиков А.Х.* Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. – Казань: «Фолиантъ»; ИИ АН РТ, 2011. – 336 с.

72. *Халикова Е.А.* Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. – Казань: Изд-во КГУ, 1986. – 160 с.

73. *Хузин Ф.Ш.* Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII веков). – Казань: Мастер-Лайн, 1997. – 183 с.

74. *Хузин Ф.Ш.* Ранние болгары и Волжская Булгария (VIII – начало XIII в.). Учебное пособие. – Казань: «Фолиантъ», 2006. – 583 с.

75. *Хузин Ф.Ш.* К вопросу о так называемой «постпетрогромской культуре» // Камский торговый путь. – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. – С. 11–22.

76. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. – М.: Алетейя, 1998. – 306 с.

77. Шнирельман В.А. Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. – М.: Наука, 1982. – С. 207–252.

78. Шнирельман В.А. Этноархеология – 70-е годы // СЭ. – 1984. – № 2. – С. 100–113.

79. Шнирельман В.А. Этноархеология // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. – М.: Наука, 1988. – С. 95.

80. Шнирельман В.А. Археологическая культура и социальная реальность (Проблема интерпретации керамических ареалов). Препринт. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 1993. – 39 с.

81. Шнирельман В.А. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 3. – С. 52–68.

82. Шнирельман В.А. Археология и этнография: проблемы корреляции // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». – Барнаул: Изд-во АлГУ, 1995. – С. 141–152.

83. Шнирельман В.А. Националистический миф: основные характеристики // Славяноведение. – 1995. – № 6. – С. 3–13.

84. Шнирельман В.А. Борьба за аланское наследие (Этнополитическая подоплека современных этногенетических мифов) // Восток. – 1996. – № 5. – С. 100–113.

85. Элита и этнос средневековья. – М.: Институт всеобщей истории, 1995. – 276 с.

86. Яблонский Л.Т. Некрополи Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М.: Наука, 1987. – С. 124–142.

87. Яблонский Л.Т. Осторожно: этническая археология (Спички детям не игрушка) // XVIII Уральское археологическое совещание: Культурные области, археологические культуры, хронология. – Уфа: Изд-во Башкирского государственного педагогического университета, 2010. – С. 52–63.

88. Binford L.R. Archaeology as anthropology // American Antiquity. – 1962. – Vol. 28. – № 1. – P. 217–225.

89. Gould R.A. Living archaeology. New Studies in Archaeology. – Cambridge: Cambridge Univ. press, 1980. – 270 p.

90. Nationalism. Ed. By J. Hutchinson and A.D. Smith. – Oxford; New York, 1994. – 378 p.

91. Smith A.D. The Ethnic Revival. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981. – 240 p.

92. Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. – Oxford: Basil Blackwell, 1986. – P. 366.

93. Trigger B.G. Time and Tradition: Essay in archaeological interpretation. – Columbia: Columbia Univ. press, 1978. – 273 p.

Информация об авторе:

Измайлов Искандер Лирунович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ismail@inbox.ru

**ARCHAEOLOGICAL CULTURE AND MEDIEVAL ETHNIC UNITY:
THE RATIO OF THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS
(A CASESTUDY FROM MEDIEVAL BULGARIA)**

I.L. Izmailov

Problems related to archaeological culture and ethnos comparison in the case of medieval Bulgaria are discussed in the article. According to the author, in recent years it has become evident that the traditional concept and methodology of the study of the Bulgars' ethnogenesis and ethnic history are in contradiction with the facts accumulated. The methods of "archaeological ethno-genetics", which dictated solving problems of ethnogenesis of the ancient population belonging to an archaeological culture in direct correlation with ethnicity, are currently being criticized. According to modern ideas about ethnos and ethnicity, ethnicity is based upon identity with a complex hierarchical nature. Contemporary methodology requires proceeding with the integrated study of the problems of ethnogenesis on the basis of archaeology and ethnology. This kind of analysis is based upon the study of the medieval Bulgar mentality as a source of information on key aspects of ethno-political ideas. The analysis of authentic historical sources, historiographical tradition elements and folklore materials makes it possible to reconstruct the basic ideas that were significant for an ethnic group. The archaeological culture of the population of Bulgaria is characterized by two clearly distinguished and interconnected elements – the common Muslim culture and that of the elite military "druzina" (squad). These elements directly characterize the Bulgar ethno-political community. These theoretical conclusions and empirical research concerning the case of the medieval Bulgars' ethnogenesis attest to the productivity of ethnological synthesis techniques on an interdisciplinary basis.

Keywords: Volga Bulgaria, the Middle Ages, the Bulgar ethnos, ethnogenesis, ethno-archaeology, archaeological culture, "archaeological ethno-genetics", military-service elite, Muslim culture.

REFERENCES

1. Alpatov, V. M. 1991. *Istoriia odnogo mifa: Marr i marrizm (History of a Myth: N. Ya. Marr and Marrizm)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Anderson, B. 2001. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma (Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism)*. Moscow: "KANON-press-Ts; Kuchkovo pole" Publ. (in Russian).
3. Artamonov, M. I. 1949. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Concise Bulletins of the Institute for the History of Material Culture)* 29. Leningrad, 2–16 (in Russian).
4. Arutiunov, S. A. 1989. *Narody i kul'tury: razvitie i vzaimodeistvie (Peoples and Cultures: Development and Interaction)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

5. Arutiunov, S. A., Khazanov, A. M. 1979. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (6), 79–89 (in Russian).
6. Barth, F. 2006. In *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy (Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference)*. Moscow: "Novoe izdatel'stvo" Publ., 9–48 (in Russian).
7. Belavin, A. M. 2000. *Kamskii torgovyi put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh i etnokul'turnykh svyaziakh (Kama Trade Route: Medieval Cis-Urals in its Economic and Cultural Relations)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
8. Belykh, S. K. 2013. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of Udmurt University)* 5 (1), 100–105 (in Russian).
9. Ganzha, A. I. 1987. In *Issledovanie sotsial'no-istoricheskikh problem v arkheologii (Research in Socio-historical Issues on Archaeology)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 118–158 (in Russian).
10. Gening, V. F. 1982. *Ocherki po istorii sovetskoi arkheologii (Iz istorii formirovaniia marksistskikh teoreticheskikh osnov sovetskoi arkheologii. 20-e — pervaiia polovina 30-kh godov) (Essays on the History of Soviet Archaeology: From the History of the Theoretical Bases of the Soviet Archaeology, 1920s — First Half of 1930s)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
11. Humboldt, W. v. 1985. In Humboldt, W. v. *Iazyk i filosofiia kul'tury (Language and Culture Philosophy)*. Moscow: "Nauka" Publ., 370–381 (in Russian).
12. Gurevich, A. Ya. 1988. In *Voprosy filosofii (Issues of Philosophy)* (1), 56–70 (in Russian).
13. Gurevich, A. Ya. 1991. In *Voprosy istorii (Questions of History)* (2–3), 21–36 (in Russian).
14. Gurevich, A. Ya. 2014. *Istoricheskii sintez i Shkola "Annalov" (Historical Synthesis and School of Annals)*. Moscow; Saint Petersburg: "Tsentr gumanitarnykh initsiativ" Publ., "Universitetskaia kniga" Publ. (in Russian).
15. Drobizheva, L. M. 1985. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (5), 3–16 (in Russian).
16. Izmailov, I. L. 1996. In *Panorama-forum (Panorama-Forum)* 4 (1), 97–113 (in Russian).
17. Izmailov, I. L. 1997. *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniia Volzhskoi Bulgarii X–XIII v. (Armament and Warfare of the Population of Volga Bulgaria in 10th — 13th Centuries)*. Kazan; Magadan: North-Eastern Scientific Center, Far East Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).
18. Izmailov, I. L. 1999. In *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Kontakty, zony kontaktov i kontaktnye zony (Eastern Europe in the Antiquity and Middle Ages. Contacts, Zones of Contacts and Contact Zones)*. Moscow: Institute for Universal History, Russian Academy of Sciences, 69–75 (in Russian).
19. Izmailov, I. L. 2000. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy (The Earliest States of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 99–105 (in Russian).
20. Izmailov, I. L. 2001. In Burkhanov, A. A. (ed.). *Dialog kul'tur Evrazii: Voprosy srednevekovoi istorii i arkheologii. Izuchenie i sokhranenie istoriko-kul'turnogo nasle-*

diia (Dialogue of Eurasian Cultures. Issues of Medieval History and Archaeology. Study and Conservation of the Historical and Cultural Heritage) 2. Kazan: Tatar State Institute for Humanities, 93–119 (in Russian).

21. Izmailov, I. L. 2002. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istochnikovovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoi Ordya). Ot Kalki do Astrakhani. 1223—1556 (Source Study of the Jochid Ulus (Golden Horde) History: from Kalka to Astrakhan. 1223—1556)*. Kazan: “Master-Line” Publ., 244–262 (in Russian).

22. Izmailov, I. L. 2006. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istorii, filologiya (Bulletin of Novosibirsk state University. History, Philology series)* 5 (3), 75–83 (in Russian).

23. Izmailov, I. L. 2008. In *Minbar (Kazan) (Minbar (Kazan))* 1, 4–41 (in Russian).

24. Izmailov, I. L. 2007. In *Etnologicheskie issledovaniia v Tatarstane (Ethnological Researches in Tatarstan)* I. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 5–17 (in Russian).

25. Izmailov, I. L. 2009. In *Gasırlar avazı = Ekho vekov (Echo of Centuries)* 2, 18–34 (in Russian).

26. Izmailov, I. L. 2010. In *Nasledie islama v muzeiakh Rossii: izuchenie, atributsiia, interpretatsiia (Islam Heritage in the Museums of Russia: Studying, Attribution, Interpretation)*. Kazan: Ministerstvo obrazovaniia i nauki Respubliki Tatarstan, 87–100 (in Russian).

27. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (Culture of Early Volga Bulgaria)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

28. Kazakov, E. P. 1997. In *Finno-Ugrica* 1, 33–53 (in Russian).

29. Kazakov, E. P. 1999. In *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A. P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology)*. Moscow: State Historical Museum, 224–231 (in Russian).

30. Kamenetskii, I. S. 1970. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 18–36 (in Russian).

31. Kakhovskii, B. V., Kakhovskii, V. F. 1993. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologiya Volzhskoi Bulgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Problems, Research, Answers)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 32–46 (in Russian).

32. Klejn, L. S. 1978. *Arkheologicheskie istochniki (Archaeological Sources)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).

33. Klejn, L. S. 1988. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (4), 13–23 (in Russian).

34. Klejn, L. S. 1991. *Arkheologicheskaia tipologiya (Archaeological Typology)*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

35. Klejn, L. S. 1993. *Fenomen sovetskoi arkheologii (Phenomenon of Soviet Archaeology)*. Saint Petersburg: “Farn” Publ. (in Russian).

36. Klejn, L. S. 1998. In *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma (Ethnographical and Archaeological Complexes: the Issues of Culture and Society)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 29–66 (in Russian).

37. Klejn, L. S. 2001. *Printsiipy arkheologii (Principles of Archaeology)*. Saint Petersburg: "Bel'veder" Publ. (in Russian).
38. Klejn, L. S. 2013. *Etnogenez i arkheologiya (Ethnic Genesis and Archaeology)* 1. *Teoreticheskie issledovaniia (Theoretical Studies)* Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).
39. Knabe, G. S. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 243–257 (in Russian).
40. Kozlov, V. I. 1974. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (2), 79–92 (in Russian).
41. Koroteeva, V. V. 1999. *Teorii natsionalizma v zarubezhnykh sotsial'nykh naukakh (Theory of Nationalism in Foreign Social Sciences)*. Moscow: Russian State University for the Humanities (in Russian).
42. Kradin, N. N. 2009. In *Sotsiogenez v Severnoi Azii (Sociogenesis in Northern Asia)*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University, 23–27 (in Russian).
43. Krom, M. M. 2004. *Istoricheskaia antropologiya (Historical Anthropology)*. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).
44. Kriukov, M. V. 1976. In *Rasy i narody (Races and Nations)* 6, 42–63 (in Russian).
45. Kriukov, M. V., Maliavin, V. V., Sofronov, M. V. 1979. *Kitaiskii etnos na poroge srednikh vekov (The Chinese Ethnos on a Threshold of the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
46. Kriukov, M. V., Maliavin, V. V., Sofronov, M. V. 1984. *Kitaiskii etnos v srednie veka (VII–XIII vv.) (The Chinese Ethnos in the Middle Ages (7th–13th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
47. Kriukov, M. V., Maliavin, V. V., Sofronov, M. V. 1993. *Etnicheskaia istoriia kitaitsev v XIX – nachale XX veka (Ethnic History of the Chinese in the 19th – Beginning the 20th Century)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
48. Litavrin, G. G. 1982. In *Razvitie etnicheskogo samosoznaniia slavianskikh narodov v epokhu rannego srednevekov'ia (Development of Ethnical Identity of Slavic People in the Early Middle Age)*. Moscow: "Nauka" Publ., 49–82 (in Russian).
49. Litavrin, G. G., Naumov, E. P. 1991. In *Rannefeodal'nye gosudarstva i narodnosti (iuzhnye i zapadnye slaviane VI–XII vv.) (Early Feudal States and Nationalities (the Southern and Western Slavs in the 6th–12th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ., 285–313 (in Russian).
50. Napol'skikh, V. V. 1997. *Vvedenie v istoricheskuiu uralistiku (Introduction in the Historical Uralic Studies)*. Izhevsk: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Udmurt Institute for History, Language and Literature (in Russian).
51. Naumov, E. P. 1987. In *Etnosotsial'naiia i politicheskaia struktura rannefeodal'nykh slavianskikh gosudarstv i narodnosti (Ethno-social and Political Structure of the Early Feudal Slavic States and Nationalities)*. Moscow: "Nauka" Publ., 107–116 (in Russian).
52. Petrenko, A. G. 1976. In *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 228–239 (in Russian).
53. Petrenko, A. G. 1979. In *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the*

Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement)). Kazan: Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 124–138 (in Russian).

54. Petrenko, A. G. 1984. *Drevnee i srednevekovoe zhivotnovodstvo Srednego Povolzh'ia i Predural'ia (Ancient and Medieval Cattle Breeding in the Middle Volga River Region and the Cis-Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

55. Petrukhin, V. Ya., Raevskii, D. S. 1998. *Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e (Essays on History of the Peoples of Russia in Prehistory and the Early Middle Ages)*. Moscow: "Iazyki slavianskikh kul'tur" Publ. (in Russian).

56. Poluboiarinova, M. D. 1993. *Rus' i Volzhskaia Bolgariia v X–XV vv. (Rus' and Volga Bulgaria in 10th–15th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

57. Repina, L. P. 1990. In *Odissei. Chelovek v istorii (Odysseus: Man in History)*. Moscow: "Nauka" Publ., 167–181 (in Russian).

58. Repina, L. P. 2011. *Istoricheskaia nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaia praktika (Historical Science on Boundary of the 20th–21st centuries: social theories and historiographical practice)*. Moscow: "Krug" Publ. (in Russian).

59. Rudenko, K. A. 1998. In *Finno-Ugrica* 1 (2), 15–29 (in Russian).

60. Smirnov, A. P. 1946. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (3), 37–50 (in Russian).

61. Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

62. Smirnov, A. P. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4) 3–17 (in Russian).

63. Smirnov, A. P. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 63–71 (in Russian).

64. Smith, A. D. 2004. *Natsionalizm i modernizm: Kriticheskii obzor sovremennykh teorii natsii i natsionalizma (Nationalism and Modernism. A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism)*. Moscow: "Praksis" Publ. (in Russian).

65. *Sotsial'naia identichnost' srednevekovogo cheloveka (Social Identity of Medieval Person)*. 2007. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

66. Tokarev, S. A. 1949. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (3), 12–36 (in Russian).

67. Tokarev, S. A. 1978. *Istoriia zarubezhnoi etnografii (History of Foreign Ethnography)*. Moscow: "Vysshiaia shkola" Publ. (in Russian).

68. Fakhruddinov, R. G. 1975. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territorii (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

69. Fedorov, G. B. 1951. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (2), 229–244 (in Russian).

70. Khalikov, A. Kh. 1989. *Tatarskii narod i ego predki (The Tatar people and its ancestors)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

71. Khalikov, A. Kh. 2011. *Osnovy etnogeneza narodov Srednego Povolzh'ia i Priural'ia (Basics of Ethnogenesis of the Middle Volga and Cis-Urals Peoples)*. Kazan: "Foliant" Publ.; Tatarstan Academy of Sciences, Institute for History (in Russian).
72. Khalikova, E. A. 1986. *Musul'manskie nekropoli Volzhskoi Bulgarii X — nachala XIII vv. (Muslim Necropolises in Volga Bulgaria in 10th — early 13th Centuries)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
73. Khuzin, F. Sh. 1997. *Volzhskaiia Bulgariia v domongol'skoe vremia (X — nachalo XIII vekov) (Volga Bulgaria during the pre-Mongol Period (the 10th — beginning of the 13th centuries.))*. Kazan: "Master-Line" Publ. (in Russian).
74. Khuzin, F. Sh. 2006. *Rannie bulgari i Volzhskaiia Bulgariia (VIII — nachalo XIII v.) (Early Bulgars and Volga Bulgaria (8th — Early 13th Centuries))*. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).
75. Khuzin, F. Sh. 2008. In *Kamskii torgovyi put' (Kama Trade Way)*. Yelabuga: Yelabuga State Pedagogical University, 11-22 (in Russian).
76. Hobsbawm, E. 1998. *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda (Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality)*. Moscow: "Aleteiia" Publ. (in Russian).
77. Shnirel'man, V. A. 1982. In *Etnos v doklassovom i ranneklassovom obshchestve (Ethnos in the Pre-Class and Early Class Society)*. Moscow: "Nauka" Publ., 207–252 (in Russian).
78. Shnirel'man, V. A. 1984. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union) (2)*, 100–113 (in Russian).
79. Shnirel'man, V. A. 1988. In *Etnografiia i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny. Shkoly i napravleniia. Metody (Ethnography and Related Subjects. Ethnographic Sub-disciplines. Schools and Directions. Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ., 95 (in Russian).
80. Shnirel'man, V. A. 1993. *Arkheologicheskaiia kul'tura i sotsial'naia real'nost' (Problema interpretatsii keramicheskikh arealov) (Archaeological Culture and Social Reality (Interpretation of pottery areas))*. Preprint. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, History Institute and Archaeology (in Russian).
81. Shnirel'man, V. A. 1993. In *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review) (3)*, 52–68 (in Russian).
82. Shnirel'man, V. A. 1995. In "Moia izbrannitsa nauka, nauka, bez kotoroi mne ne zhit'..." («My Darling a Science, a Science without which me not to live...»). Barnaul: Altai State University, 141–152 (in Russian).
83. Shnirel'man, V. A. 1995. In *Slavianovedenie (Slavonic Studies) (6)*, 3–13 (in Russian).
84. Shnirel'man, V. A. 1996. In *Vostok (Orient) (5)*, 100–113 (in Russian).
85. *Elita i etnos srednevekov'ia (Elite and Ethnos in the Middle Ages)*. 1995. Moscow: Institute for Universal History, Russian Academy of Sciences (in Russian).
86. Iablonskii, L. T. 1987. In *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 124–142 (in Russian).
87. Iablonskii, L. T. 2010. In *XVIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: Kul'turnye oblasti, arkheologicheskie kul'tury, khronologiia (18th Ural archaeological*

Conference: Cultural Areas, Archaeological Cultures, Chronology). Ufa: Bashkir State Pedagogical University, 52–63 (in Russian).

88. Binford, L. R. 1962. Archaeology as anthropology. In *American Antiquity* 28 (1), 217–225.

89. Gould, R. A. 1980. *Living archaeology. New Studies in Archaeology*. Cambridge: Cambridge Univ. press.

90. Hutchinson, J., Smith, A. D. (eds.). 1994. *Nationalism*. Oxford; New York.

91. Smith, A. D. 1981. *The Ethnic Revival*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

92. Smith, A. D. 1986. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Basil Blackwell.

93. Trigger, B. G. 1978. *Time and Tradition: Essay in archaeological interpretation*. Columbia: Columbia Univ. press.

About the Author:

Izmaylov Iskander L. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru.

УДК 930. 2

ТЮРКСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ ЛЕСОСТЕПНОЙ ХАЗАРИИ

© 2014 г. В.В. Колода

Статья посвящена введению в научный оборот тюркской рунической надписи, сделанной в технике граффити на диске из цветного металла (вероятно, нашивном украшении). Артефакт был найден в разрушенном кремационном погребении близ пос. Эсхар в Змиевском районе Харьковской области Украины. Надпись содержит 34 знака, большинство из которых относится к донской разновидности средневековых тюркских алфавитов евразийских степей. находка датируется временем существования салтовской археологической культуры в лесостепной зоне Северского Донца – серединой VIII–IX вв.

Ключевые слова: евразийская степь, Северский Донец, раннее средневековье, салтовская археологическая культура, тюркская руническая письменность.

Тюркское руническое письмо – одна из важнейших культурных составляющих раннесредневекового мира кочевых и полукочевых народов Евразии. Этот феномен находится в сфере постоянного внимания не одного поколения исследователей, что выражается, прежде всего, в сборе информации (фиксации отдельных знаков и текстов), их атрибуции и попытках прочтения. Исходя из этого, введение в научный оборот новых памятников тюркской письменности является важной задачей по накоплению корпуса источников, что в дальнейшем, надеемся, станет (после дешифровки) базой для углубленного понимания социально-экономических и этнополитических процессов у народов евразийских степей и их соседей.

Данная работа посвящена публикации текста, выполненного рунами в стиле граффити на предмете из цветного металла. находка выявлена на

расстоянии около 1 км к западу от пгт. Эсхар Харьковской обл. в Украине (рис. 1). По сообщениям находчиков, обломки предмета обнаружены металлоискателем в отвалах уже разграбленного грунтового кремационного погребения, каких известно немало в девственных лесных окрестностях к юго-востоку от поселка. Каких-либо сопутствующих материалов, кроме редких мелко фрагментированных кальцинированных косточек и крошек древесного угля, не выявлено, что несколько затрудняет культурно-хронологическую интерпретацию рассматриваемой находки. И все же с большой долей вероятности мы склоняемся к мысли, что ее следует отнести к кругу древностей салтовско-маяцкой археологической культуры (далее СМК). Прямые доказательства будут изложены при анализе надписи. Однако предварительно заметим, что находка выявлена в довольно густо заселенном районе салтовской

лесостепи между городищами Кабаново и Мохнач (рис. 1: 1). Каждое из них является центром самостоятельного микрорегиона (гнездо поселений) (Горбаненко, Колода, 201, с. 23, рис. 5; Свистун, 2006, рис. 1; 2013, с. 107–116). Косвенными доказательствами отнесения комплекса и самой находки к кругу древностей СМК могут быть и следы погребального обряда.

Предмет представлял собой остатки округлой тонкой ($\approx 0,1$ см) пластины из медесодержащего сплава диаметром $\approx 8,5$ см.¹ От него сохранилось 3 разновеликих фрагмента, которые по изломам частично подходили друг к другу (рис. 2). На краю предмета выявлено аккуратно сделанное круглое отверстие (диам. $\approx 0,2$ см). Это позволяет предположить, что артефакт относится к категории нашивных, скорее всего, нагрудных украшений. Все графические знаки расположены на одной стороне. Визуальные наблюдения свидетельствуют о некоторой потертости диска, что, однако, не мешает выделить линии и знаки, преднамеренно нанесенные острым предметом с разной силой нажатия. По месту нанесения их можно разделить на те, что расположены в центральном поле, и те, что нанесены по дуге на краю изделия.

Граффити центральной части (рис. 2) в своем большинстве представляют собою условно прямые неглубокие одиночные линии различной длины и направленности, в

одном случае можно говорить о двух условно параллельных линиях. В случае выявления таких линий на монетах, исследователи трактуют их чаще всего как метки для разрезания изделия (Арендарь, Мельникова, 1995, с. 16, рис. 1: 6, 7, 17 4; Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 126–127, рис. 52; Колода, Лебедев, Енуков, 2014, с. 18, приложение 1, илл. 4–13). Однако в данном случае мы такую интерпретацию отрицаем. Причина этого в том, что метки для разрезания монет, как правило, составляют значительную часть их диаметра и начинаются обычно от края (для удобства резания). На изделии из Эсхара мы этого не прослеживаем. И в целом какая-либо интерпретация этих линий в данный момент крайне затруднительна.

Наряду с хаотично прочерченными линиями в центральной части (ближе к отверстию) есть 2 знака диаметрами до 0,5 см. Один из них представляет собою дугу с небольшим прямым отростком с одной стороны (рис. 2 а), второй – дугу с хордой, с одним разомкнутым краем (рис. 2 б).

Первый упомянутый знак имеет близкие по начертанию аналогии в исключительных случаях. Как самостоятельный он встречен на дирхеме в комплексе (не ранее 805 г.) на ст. Петергоф Ленинградской обл. (1941 г.) – (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 140, каталог граффити, № 89 на с. 168).² Как первый в надписи из 6 знаков (скорее всего, подражание восточной) он известен на восточной монете, что была найдена в Новгороде (не ранее 865 г.) (До-

¹ В данный момент предмет находится в частной коллекции. В наше распоряжение были предоставлены лишь многочисленные фотографии как отдельных его фрагментов, так и частично реставрированного изделия.

² Публикаторами комплекса высказано мнение, что сопоставим с буквой "кяф" арабского алфавита (Мельникова Е.А., Никитин А.Б., Фомин А.В., 1984, с. 35).

1

2

Рис. 1. Местоположение находки с рунической надписью: 1 – место находки в системе салтово-маяцких городищ, 2 – окраины пгт. Эсхар с местом находки (детально).

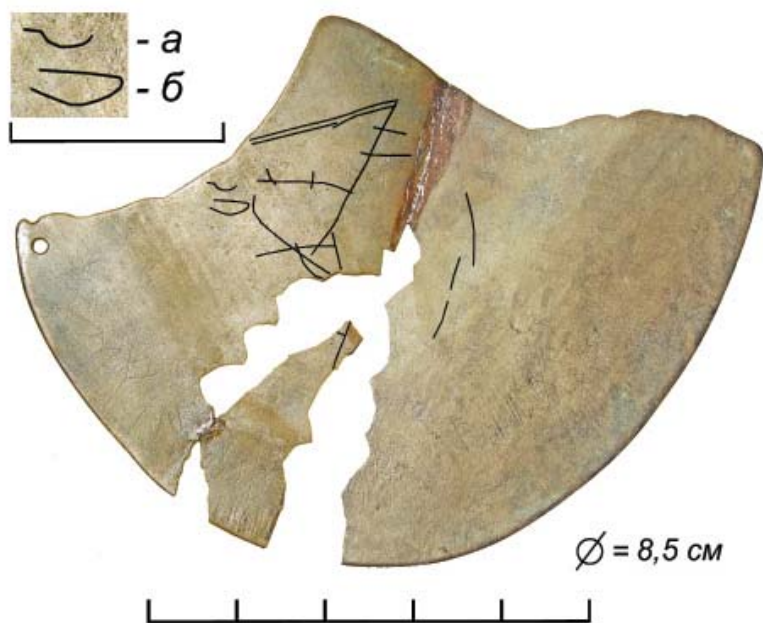

Рис. 2. Фрагментированные находки пластины с надписью (общий вид) с выделением граффити на центральном поле.

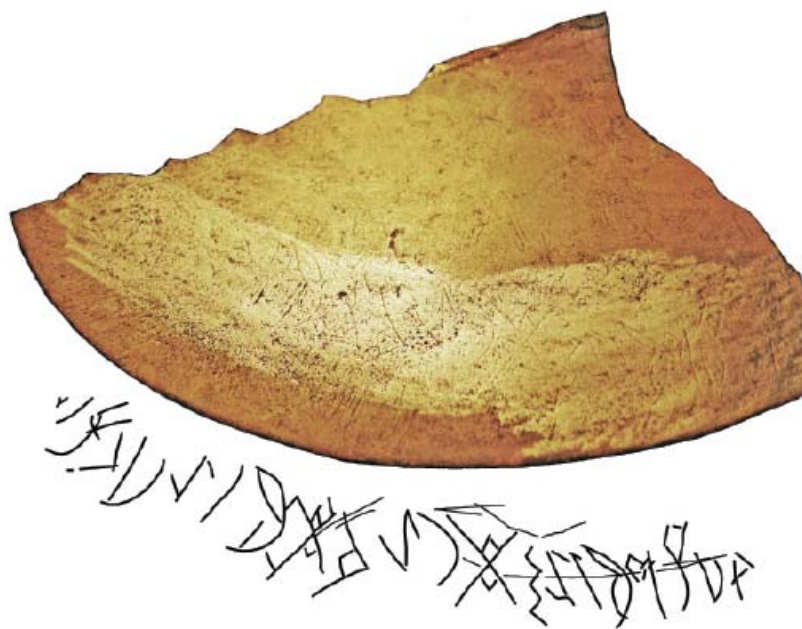

Рис. 3. Фрагмент № 1 с надписью.

бровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 139, каталог граффити, № 75 на с. 167). Аналогичный знак изображен в составе графической композиции на одной из арабских монет комплекса середины X в., что выявлен в с. Козьянки в Витебской обл. Беларуси (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 138, каталог граффити, № 63 на с. 167). Близкий знак – дуга с дополнительной прямой короткой линией (но уже – наружу от центра) известен на куфическом дирхеме одного из каталогов граффити (Нахапетян, Фомин, 1994, рис. 20: 394). По нашему мнению, данное граффити вполне возможно соотнести со знаком № 42 евразийских и азиатских рунических алфавитов (Кызласов И.Л., 1994, с. 71, табл. XXIII) в качестве одного из аллографов.³

Второй знак (рис. 2: б) имеет практическое тождество с граффити на одном из дирхемов 806/807 гг. неизвестного происхождения, который хранится в систематической коллекции отдела нумизматики Государственного Эрмитажа под № 376 (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 143, каталог граффити, № 141 на с. 171). Близкие по начертанию знаки известны также на иных арабских монетах: в безлюдовском кладе третьей четверти X в. (Колода, Лебедев, Енуков, 2014, с. 28, приложение 1, илл. 6: 388), монета из комплекса (не ранее 865 г.), выявленная близ с. Большое Тимерево 376 (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 136, каталог

граффити, № 22 на с. 165). Допускаем, что это граффити можно соотнести со знаком № 36 большинства евразийских и всех азиатских рунических алфавитов (Кызласов И.Л., 1994, с. 70, табл. XXIII). Единственное (возможно, что лишь аллографическое) отличие нашего знака состоит в том, что у него с одной из сторон дуга и хорда не соединены.

Судя по начертанию рунических знаков, текст был нанесен таким образом, чтобы его можно было читать, располагая предмет краем вниз. Исходя из того, что тюркские руны читаются справа налево, мы условно пронумеровали фрагменты пластины: № 1 – тот, что имеет наибольшую дугу и наибольшее количество знаков (рис. 3), № 2 – наименьший и № 3 – тот, что с отверстием (рис. 4). Надпись, скорее всего, представляла собою связный текст, однако мы не можем утверждать, что до нас надпись дошла целиком. Более того, имеющиеся лакуны в сохранившейся части диска позволяют предположить и частичную утрату имеющегося отрывка текста, особенно между фрагментами № 1 и № 2 (рис. 2). Судя по размерам надписи, в этой лакуне могли быть еще 2–3 знака. Скорее всего, утрачен знак между фрагментами № 2 и № 3. Отметим также, что отсутствие возможности работать непосредственно с находкой “вживую”, не позволяет уверенно утверждать, одним ли автором сделана надпись и одним ли инструментом. Наблюдение над имеющимися фотоматериалами позволяет сделать лишь предположение, что знаки на фрагментах № 2 и 3 имеют несколько большую глубину и ширину в сравнении с фрагментом № 1.

³ Дополнительная прямая на конце дуги могла быть и своеобразным “отпятнышем”, по терминологии Л.Р., Кызласова (1960, с. 106–107; 1965, с. 44–45), что могло придавать знаку новый смысловой оттенок .

Исходя из анализа изображения, можно говорить о том, что первый фрагмент (с наибольшей дугой) содержит как минимум 21 знак, второй фрагмент – 4 знака, третий – минимум 8 (рис. 3–5)⁴. Заметим, что в левой части первого фрагмента (близ лакуны) прослеживаются V-образные остатки еще одного знака, выпавшего вместе с частью диска. Таким образом, можно говорить о 34 знаках. Обратим также внимание: на «повреждении» текста на фрагменте 1 – отчетливо читаются 2 сопряженные ломаные линии над знаками № 7–10, прослеживается двойная линия, перечеркивающая 13-й знак, начальная (правая часть) текста имеет черту, которая «перечеркивает» часть текста из 9 знаков. Если первые два повреждения мы затрудняемся интерпретировать, то явное перечеркивание части текста связано, по нашему мнению, с изменением смысловой нагрузки текста в целом, что, однако, станет ясно лишь при дешифровке самого текста.

Для выяснения вопросов происхождения надписи считаем необходимым сравнить ее знаки с известными руническими алфавитами Евразии, для чего воспользуемся таблицей известных евразийских и азиатских рунических алфавитов (Кызласов, 1994, с. 69–72, табл. XXIII). Всего из 34 знаков надписи из Эсхара идентифицируются 26 (рис. 5: 2, таблица). Наибольшее число знаков (24) совпадает с донским письмом, что составляет 92,3% всех знаков. Наиболее близкое ему кубанское письмо имеет несколько меньшее сходство – 21 знак (80,1%). Южноенисейский, ачикташ-

ский и исфаринский алфавиты имеют еще меньшее сходство. Формально, по номинальным знакам тюркских алфавитов, надпись из Эсхара имеет довольно значительное сходство с группой азиатских алфавитов – 21–22 знака (80,1–84,6%). Однако начертание пяти знаков (№№ 3, 4, 13, 19 и 24) имеют иное начертание, чем аналогичные знаки евразийских алфавитов, аллографически отличающиеся по направленности элементов или присутствию дополнительных черт. Исключив эти знаки, мы получаем более низкое сходство текста нашей находки с азиатскими алфавитами – 16–17 знаков из 26, что составляет 61,5–65,4%.

Большинство идентифицированных знаков эсхаровского текста полностью соотносятся с известными руническими алфавитами евразийских степей (рис. 5: 2, таблица). Однако есть и исключения в виде дополнительных черт. Так, наши знаки № 3 и 20, которые уверенно ассоциируются с известной руной № 50 (Кызласов, 1994, с. 71, табл. XXIII), имеют косую дополнительную линию. Эсхаровский знак № 14, несмотря на то, что имеет сходства с рунами № 2, 38 и 53 известных рунических алфавитов (Кызласов, 1994, с. 69–71, табл. XXIII), все же имеет отличия с ними как по количеству дополнительных концевых отростков, так и по их направленности. Наш знак № 25 подобен известной руне № 28 (Кызласов, 1994, с. 70, табл. XXIII), до дополнен косой линией слева снизу. Все эти отличия могут свидетельствовать о том, что это аллографы уже известных упомянутых тюркских рун, но могут и придавать какой-либо дополнительный смысл, понятный читателю того времени, но пока не известный науке.

⁴ Считаем необходимым выразить признательность И.Л. Кызласову за советы, высказанные им в личной переписке.

Рис. 4. Фрагменты № 2 и № 1 с надписью.

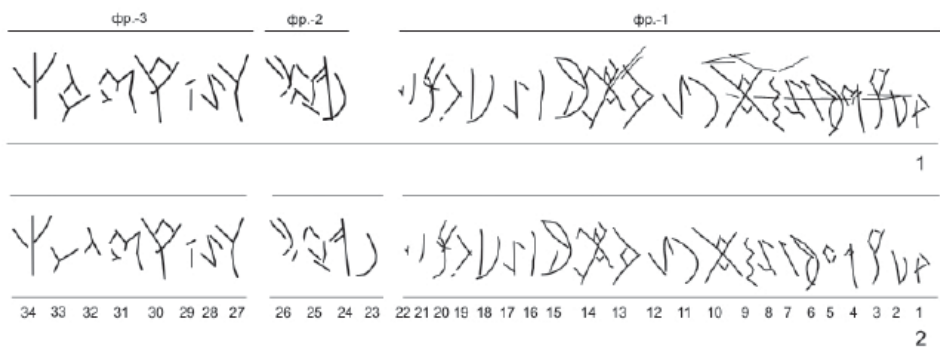

Рис. 5. Развернутая прорисовка надписи: 1 – факсимильная прорисовка, 2- прорисовка с разбивкой по знакам.

ТАБЛИЦА

соответствия рун эсхаровской находки со знаками степных рунических алфавитов евразийской и азиатской групп: донской (Д), кубанский (К), южно-енисейский (Ю), ачикташский (А), исфаринский (И), енисейский (Е), орхонский (О), таласский (Т)

(по Кызласов И.Л., 1994, табл. XXIII)

№ знака (Эсхар)	изображение знака	№ знака (Кызласов)	ЕВРАЗИЙСКИЕ					АЗИАТСКИЕ		
			Д	К	Ю	А	И	Е	О	Т
1		?								
2		36 ?	Д	Д	Д	Д		Д	Д	Д
3		50	ƒƒ	ƒ				ƒƒƒ	ƒ	ƒ
4		41	ƒƒ	ƒƒ	ƒƒ	ƒ	ƒ	ƒ	ƒ	ƒ
5		28	◇	◇				◇		◇
6		10 ?		Ɔ	Ɔ	Ɔ				
7		47		┌	┌	┌	┌	┌	┌	┌
8		43	└	└└	└└		└└	└└	└	└
9		11			≡≡≡	≡≡				
10		2	⊗							
11		42))))))))
12		43	└	└└	└└		└└	└└	└	└
13		33	▷	▷	▷	▷		▷	▷	▷

Рис. 6 (а). Таблица соответствия рун на пластине из Эсхара известным тюркским руническим алфавитам Евразии.

ТАБЛИЦА (продолжение)

№ знака (Эсхар)	изображение знака	№ знака (Кыласов)	ЕВРАЗИЙСКИЕ					АЗИАТСКИЕ		
			Д	К	Ю	А	И	Е	О	Т
14		2	⌘							
		38	⌘	⌘⌘	⌘	⌘		⌘	⌘	⌘
		53			⌘	⌘				⌘⌘
15		10		⊖	⊖	⊖				
		?								
16		45								
17		43	┘	┘┘	┘		┘	┘	┘	
18		36 ?	D	D	D	D	D	D	D	
19		40	>	>	>	>	>	>	>	
20		50	ƒ	ƒ			ƒ	ƒ	ƒ	
21		45								
22		?								
23		42)))))))	
24		41	ƒ	ƒ	ƒ	ƒ	ƒ	ƒ	ƒ	
25		28	◇	◇			◇		◇	
26		68 ?					^	^	^	

Рис. 6 (б). Таблица соответствия рун на пластине из Эсхара известным тюркским руническим алфавитам Евразии.

ТАБЛИЦА (продолжение)

№ знака (Эсхар)	изобра- жение знака	№ знака (Кызласов)	ЕВРАЗИЙСКИЕ					АЗИАТСКИЕ			
			Д	К	Ю	А	И	Е	О	Т	
27		34	Y Y	Y	Y Y	Y		Y	Y	Y	
28		43	√	∩∩	∩√		∩√	∩√	√	√	
29		44	1	1	1	1	1	1	1	1	
30		5	Y	∅							
31		? (32)	∩∩	∩∩	∩∩	∩∩		∩∩	∩	∩	
32		30	∩∩		∩∩			∩	∩	∩	
33		34	Y Y	Y	Y Y	Y		Y	Y	Y	
34		3	Y	Y					Y		
Всего идентиф. знаков			26	24	21	19	14	13	22/17	21/16	22/17
%			100	92,3	80,1	73,1	53,8	50	$\frac{84,6}{65,4}$	$\frac{80,1}{61,5}$	$\frac{84,6}{65,4}$

Рис. 6 (в). Таблица соответствия рун на пластине из Эсхара известным тюркским руническим алфавитам Евразии.

Кроме нечитаемого 22-го знака (рис. 5: 2), в эсхаровской надписи есть еще несколько не определяемых пока знака, которые не вписываются ни в один из известных на сегодня тюркских рунических алфавитов или соотносятся условно (рис. 5: 2, таблица).

Первый знак надписи – «флажок вправо» – не известен ни в одном

тюркском руническом алфавите (Кызласов, 1994, с. 69–72, табл. XXIII). В азиатском ареале тюркского рунического письма он встречен лишь однажды (Васильев, 1983, с. 148. табл. 36, ряд 1, знак 5). Он не известен и среди средневековых надписей на Кавказе (Турчанинов, 1971, табл. XXXI–XXXIII).

Знаки № 2 и 18 представляют собою прямую линию и дугу справа, не сомкнутую сверху. Нам представляется, что эти руны по своему начертанию близки к знаку № 36 известных рунических алфавитов. Он присущ практически всем системам письма, за исключением исфаринской (Кызласов, 1994, с. 70, табл. XXIII).

Следующая пара знаков, близких по начертанию, № 6 и 15 – «дуга вправо и две дуги (?) влево» – имеют отдаленное графическое сходство со знаком № 10 таких евразийских рунических алфавитов, как кубанский, южноенисейский и ачикташский (Кызласов, 1994, с. 69, табл. XXIII). Возможно, что написание этого знака на металлической пластине не позволило автору сделать острым предметом по твердому материалу округлые линии и начертание руны выполнено схематично. Не исключено, что рассматриваемые знаки нашей находки являются аллографом упомянутой руны № 10 степных рунических алфавитов.

Знак № 26 эсхаровской находки малопонятен, в самых общих чертах он отдаленно напоминает руны № 68 азиатских алфавитов (Кызласов, 1994, с. 72, табл. XXIII).

Знак № 31 своей ломаной линией с тремя углами можно было бы отождествить с широко распространенной в известных тюркских алфавитах руной № 32, но мешают несколько обстоятельств – короткая линия-отросток от центрального угла и более длинная линия-отросток на краю. Кроме того, рядом со знаком с противоположной от длинного отростка стороны четко прослеживается знак в виде угла из двух не прямых расходящихся лучей. Такое значительное отличие не по-

зволяет нам признать данный знак эсхаровской находки аллографом руны № 32. Не исключено, что здесь мы имеем дело с новым руническим знаком (или даже двумя).

Таким образом, имеющиеся данные – место находки, следы погребального обряда и начертания знаков – свидетельствуют в пользу того, что данный текст относится к донской разновидности тюркского рунического алфавита.⁵ Надеемся, что публикация и предварительный анализ этой интересной находки с наиболее длинной надписью на предмете с территории салтовской лесостепи вызовет интерес специалистов и займет свое место в корпусе рунических надписей народов евразийских степей и их соседей. Датировка этой неординарной находки определяется рамками существования салтовских лесостепных древностей на Северском Донце – середина VIII – IX вв. н.э.

⁵ Считаю возможным высказать еще одну осторожную мысль. Изначально грабители, явно пользуясь металлодетектором, полностью забрав все целые изделия из погребения, не взяли (выбросили) куски зеркала, которые не представляли коллекционного или товарного интереса. Эти обстоятельства впоследствии и способствовали находке этих обломков, которые были выявлены разными людьми и в разное время после тщательных обследований территории вокруг комплекса. Надпись была выявлена случайно (после очистки предмета). Из этого напрашивается вывод, что предмет в комплексе находился не целым, а в виде обломка (обломков). Следовательно, ценностью для создателей комплекса была сама надпись.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арендарь А.П., Мельтникова Е.А.* Граффити на восточных монетах из собрания Черниговского исторического музея им. В. Тарновского // Матеріали історико-археологічного семінару. – Чернігів: Сіверньська думка, 1995. – С. 15–17.
2. *Васильев Д.Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала (опыт систематизации). – М.: Наука, 1983. – 146 с.
3. *Горбаненко С.А., Колода В.В.* Сільське господарство на слов'яно-хазарському порубіжжі. – Київ.: Інститут археології НАН України, 2013. – 236 с.
4. *Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К.* Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – 192 с.
5. *Колода В.В., Лебедев В.П., Енуков В.В.* Безлюдовский клад и его место в денежной системе Северской земли // Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования. Серия «Археология евразийских степей». – Вып. 18. – Казань: Отечество, 2014. – С. 6–160.
6. *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. – М.: Восточная литература РАН, 1994. – 327 с.
7. *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. – 1960. – № 3. – С. 93–120.
8. *Кызласов Л.Р.* О датировке памятников енисейской письменности // СА. – 1965. – № 3. – С. 38–49.
9. *Мельникова Е.А., Никитин А.Б., Фомин А.В.* Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 год. – М.: Наука, 1984. – С. 26–47.
10. *Нахаметян В.Е., Фомин А.В.* Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991 год. – М.: Наука, 1994. – С. 139–208.
11. *Свистун Г.Е.* Чугуевское «гнездо поселений» салтово-маяцкой культуры // Археологическое изучение Центральной России. Тез. докл. науч. конф. – Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т, 2006. – С. 281–285.
12. *Свистун Г.Е.* Кабаново (Старопокровсакое) городище // Салтово-маяцка культура: проблеми та дослідження. Вип. 3. – Харків: ОКЗ «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини», 2013. – С. 107–117.
13. *Турчанинов Г.Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. – Л.: Наука, 1971. – 120 с.

Информация об авторе:

Колода Владимир Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий археологической лабораторией, Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды (г. Харьков, Украина); koloda_v@mail.ru; koloda_v@rambler.ru

TURKIC RUNIC INSCRIPTION FROM FOREST-STEPPE KHAZARIA

V.V. Koloda

The article is devoted to the introduction into scientific use of an Old Turkic runic inscription made in graffito technique on a non-ferrous metal disk (probably a sewn-on decorative element). The artifact was found in a destroyed cremation burial near Eskhar village in Zmiev district of Kharkov Oblast, Ukraine. The inscription contains 34 characters, the majority of which refer to the Don variety of medieval Turkic alphabets of the Eurasian steppes. The find dates back to the time of existence of the Saltov archaeological culture in the forest-steppe zone of the Seversky Donets River – the mid-8th to the 9th century AD.

Keywords: Eurasian steppe, the Seversky Donets River, the Early Middle Ages, the Saltov archaeological culture, Old Turkic runic script.

REFERENCES

1. Arendar', A. P., Mel'tnikova, E. A. 1995. In *Materialy istoriko-arkheolohichnoho seminaru (Proceedings of Historic and Methodological Workshop)*. Chernihiv: "Siveryans'ka dumka" Publ., 15–17 (in Russian).
2. Vasil'ev, D. D. 1983. *Graficheskii fond pamiatnikov tiurkskoi runicheskoi pis'mennosti aziatskogo areala (opyt sistematzatsii) (Graphic Fund of Significant Sites of Turkic Runic Script of Asian Area (an attempt of systematization))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Horbanenko, S. A., Koloda, V. V. 2013. *Sil's'ke hospodarstvo na slov'yanokhozars'komu porubizhzhii (Agriculture on the Slavic-Khazar Borderland)*. Kiev: Archaeology Institute of the Ukraine National Academy of Sciences (in Ukrainian).
4. Dobrovolskii, I. G., Dubov, I. V., Kuz'menko, Yu. K. 1991. *Graffiti na vostochnykh monetakh: Drevniaia Rus' i sopedel'nye strany (Graffiti on Eastern Coins: Ancient Russia and Neighboring Countries)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
5. Koloda, V. V., Lebedev, V. P., Eukov, V. V. 2014. In *Bezliudovskii klad X v.: materialy i issledovaniia (Buried Treasure from Bezlyudovka: Materials and Research. Collected scientific works)*. Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 18. Kazan: "Otechestvo" Publ., 6–160 (in Russian).
6. Kyzlasov, I. L. 1994. *Runicheskie pis'mennosti evraziiskikh stepei (Runic Scripts of Eurasian Steppes)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., Russian Academy of Sciences (in Russian).
7. Kyzlasov, L. R. 1960. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (3), 93–120 (in Russian).
8. Kyzlasov, L. R. 1965. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (3), 38–49 (in Russian).
9. Mel'nikova, E. A., Nikitin, A. B., Fomin, A. V. 1984. In *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. 1982 g. (The Most Ancient States in the USSR Territory: Materials and Investigations in 1982)*. Moscow: "Nauka" Publ., 26–47 (in Russian).

10. Nakhapetian, V. E., Fomin, A. V. 1994. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 1991 god (The Earliest States of Eastern Europe. 1991)*. Moscow: "Nauka" Publ., 139–208 (in Russian).

11. Svistun, G. E. 2006. In *Arkheologicheskoe izuchenie Tsentral'noi Rossii (Archaeological Survey of Central Russia)*. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 281–285 (in Russian).

12. Svistun, G. E. 2013. In *Saltovo-mayats'ka kul'tura: problemy ta doslidzhennya (Saltovo-Mayaki Culture: problems and research)* 3. Kharkiv: Kharkiv scientific methodic center of cultural heritage protection, 107–117 (in Russian).

13. Turchaninov, G. F. 1971. *Pamiatniki pis'ma i iazyka narodov Kavkaza i Vostochnoi Evropy (Ancient Manuscripts of Caucasus and East Europe Ethnic Groups)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Koloda Vladimir V. Candidate of Historical Sciences, docent. Kharkiv National Pedagogical University "G. S. Skovoroda". Artem St., 29, Kharkiv, 61002, Ukraine; koloda_v@mail.ru; koloda_v@rambler.ru

УДК 930.24; 006.92

ПЛИСКА В VIII ВЕКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ДОСТИЖЕНИЯ

© 2014 г. П. Георгиев

В статье рассматриваются дискуссионные в болгарской исторической и археологической литературе вопросы о хронологии и характере самых ранних памятников в Плиске. По мнению автора, нет оснований считать Плиску столицей Дунайской Болгарии начиная со времени Аспаруха. Вопреки мнению Р. Рашева и ряда других болгарских археологов, нет никаких свидетельств существования Плиски как старого (прото) болгарского центра Дунайской Болгарии в период с конца VII до конца VIII в. Все постройки и другие археологические материалы, обнаруженные в Плиске, датируются не ранее конца VIII – начала XI вв. Единственное письменное свидетельство об основании Плиски Аспарухом содержится в летописи более позднего времени (конца XI – начала XII в.) и не может считаться достоверным. Таким образом, аргументируется, что Плиска становится ведущим центром государственной и культурной жизни Болгарского государства лишь в конце VIII в., причем ее основные памятники и материалы относятся к IX в. По имеющимся историческим, археологическим и нумизматическим данным, государственный центр Дунайской Болгарии в конце VII – VIII вв. находился в районе современной Варны.

Ключевые слова. Дунайская Болгария, раннее средневековье, Плиска, (прото)болгары, Аспарух, Крум, Омуртаг, фортификация, некрополь, археологические данные.

В болгарской историографии, еще на заре ее утверждения в конце XIX в., укрепилось мнение о Плиске как главном центре (прото)болгар и как первом центре Дунайской Болгарии, созданном при Аспарухе в конце VII в. Еще до первых археологических исследований братья Шкорпил были уверены, что руины при селе Абоба – это руины „римской станции”, которую болгары превратили в свой лагерь и столицу „*Аспаруха, Крума, Омуртага и Маламера*” (Шкорпил, 1898, с. 153). Найденные еще тогда в ее окрестностях надписи на греческом языке владельцев первой половины IX в. послужили основой отождествления руин при селе Абоба (нынешний город Плиска) с резиденцией вышеупомянутых владельцев, но без Аспаруха. Существенную роль

как доказательство того, что Плиска – его резиденция, сыграло сведение „Болгарской апокрифной летописи”. В ней указано, что царь Испор (= Аспарух) „создал и Плюска град” (Иванов, 1970, с. 282). Результаты раскопок в 1899 и 1900 гг. подтвердили тезис о более раннем, чем Преслав, болгарском государственном центре, но не представили доказательства того, что его начало следует относить к концу VII и всего VIII в. Вопреки предупреждениям одного из первых исследователей летописи, Константина Иречека, что его текст недостаточно надежный, Карел Шкорпил, а вслед за ним и Ф. Успенский утверждали, что руины при селе Абоба – это остатки „древнеболгарского селения или аула” (Успенский, 1905, с. 3). Резервированное отношение к тезису

о существовании селения Абоба – Плиска до начала IX в. выразили ряд болгарских и иностранных исследователей (Баласчев, 1913, с. 326; Васильев, 1917, с. 160). Даже Геза Фехер, один из самых убежденных сторонников тезиса о Плиске как о памятнике протоболгарской культуры, отдавал себе отчет в том, что есть „*большой недостаток*” в памятниках в период между „*появлением протоболгар на Балканском полуострове вплоть до Омуртагового времени*”. Вместе с тем он еще в 1925 г. выразил надежды нескольких поколений археологов и историков в Болгарии: „*Но нет никакого сомнения, что памятники этой эпохи будут обнаружены, так как до сих пор слишком маленькая часть из них была раскрыта в этих местах в результате раскопок...*” (Фехер, 1925, с. 48). Сегодня немало медиэвистов у нас питают эти надежды и в каждом археологическом сезоне ожидают открытия материалов, которые могли бы обосновать выдвинутую братьями Шкорпил точку зрения. Периодически разжигаемые такими открытиями, как так называемый Крумовый дворец (Миятев, 1942, с. 105–130) или остатки деревянных строений под монументальными строениями во владетельской резиденции (Рашев, 2008, с. 55, 60–62), эти надежды исключительно витальные и затуманивают трезвую научную оценку хронологии и характера ряда стационарных памятников и материалов из Плиски. Фактически они единственная основа, на которой продолжает оставаться тезис о Плиске как о центре зарождающегося государства с конца VII до последних одного-двух десятилетий VIII в.

Однако реальность совсем другая. Вот уже сто лет с лишним после

начала археологических раскопок в Плиске у нас нет никаких данных о жизни и строительстве до конца VIII в. (Георгиев, 2003, с. 175–182). Хотя многие современные исследователи признают эту проблему, они продолжают лелеять надежды Г. Фехера, В. Бешевлиева, Ст. Ваклинова, Ст. Бояджиева и ряда других знаменитых исследователей на то, что все-таки такие данные будут найдены.

Другие исследователи, с более современными методами, пытаются „разрешить” имеющийся хронологический „хиатус” с помощью откровенной казуистики (Рашев, 2003, с. 145–167), некоторые же, с помощью немотивированных опытов стремятся оттянуть дату некоторых памятников и структур к более раннему времени (Дончева-Петкова, 1999, с. 7–17; Аладжов, 2010, с. 153–158; Димитров, 1999, с. 24–25; Атанасов, в печати). Аргументы, которыми оперируют упомянутые выше и не упомянутые здесь авторы, базируются на несомненных полевых и теоретических достижениях Рашо Рашева. За последние два десятилетия своей работы, до своей кончины в 2008 году, он сделал слишком много, чтобы поставить на современную основу тезис о Плиске как о „первой столице” Нижнедунайского „ханства Болгария”. Именно поэтому критический взгляд на аргументы Рашо Рашева о структуре, памятниках и развитии Плиски в первом веке существования Дунайской Болгарии более чем необходим. Непосредственным поводом для настоящей работы послужила вышедшая недавно в Казани его публикация в материалах Учредительного конгресса по „Средневековой археологии Евразийских степей” (Рашев, 2007, с.

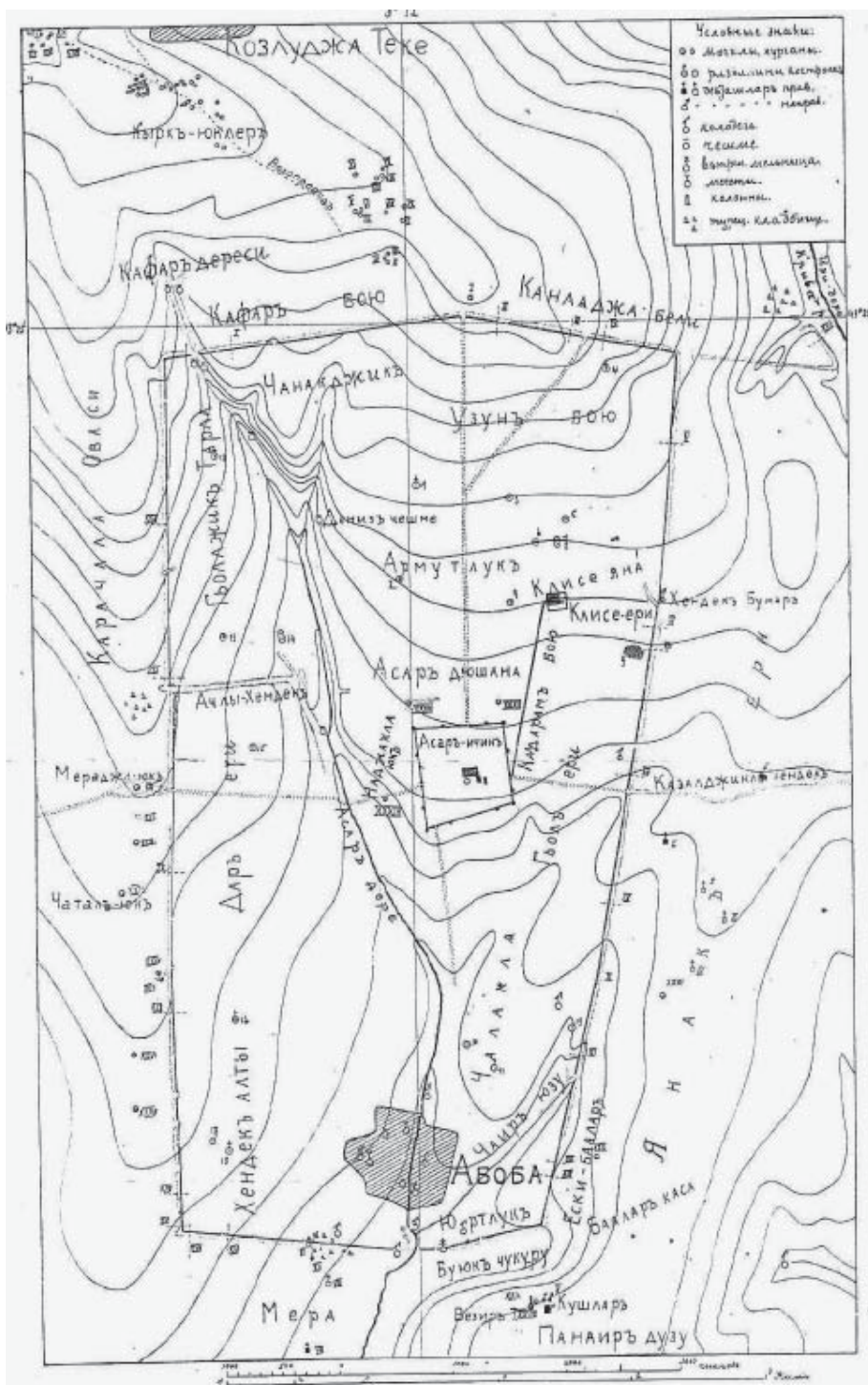

Рис. 1. Первоначальный план древностей в окрестностях дер. Абобы (соврем. г. Плисква) с тюркоязычными названиями местностей, автор Карел Шкорпил, 1899-1905 гг.

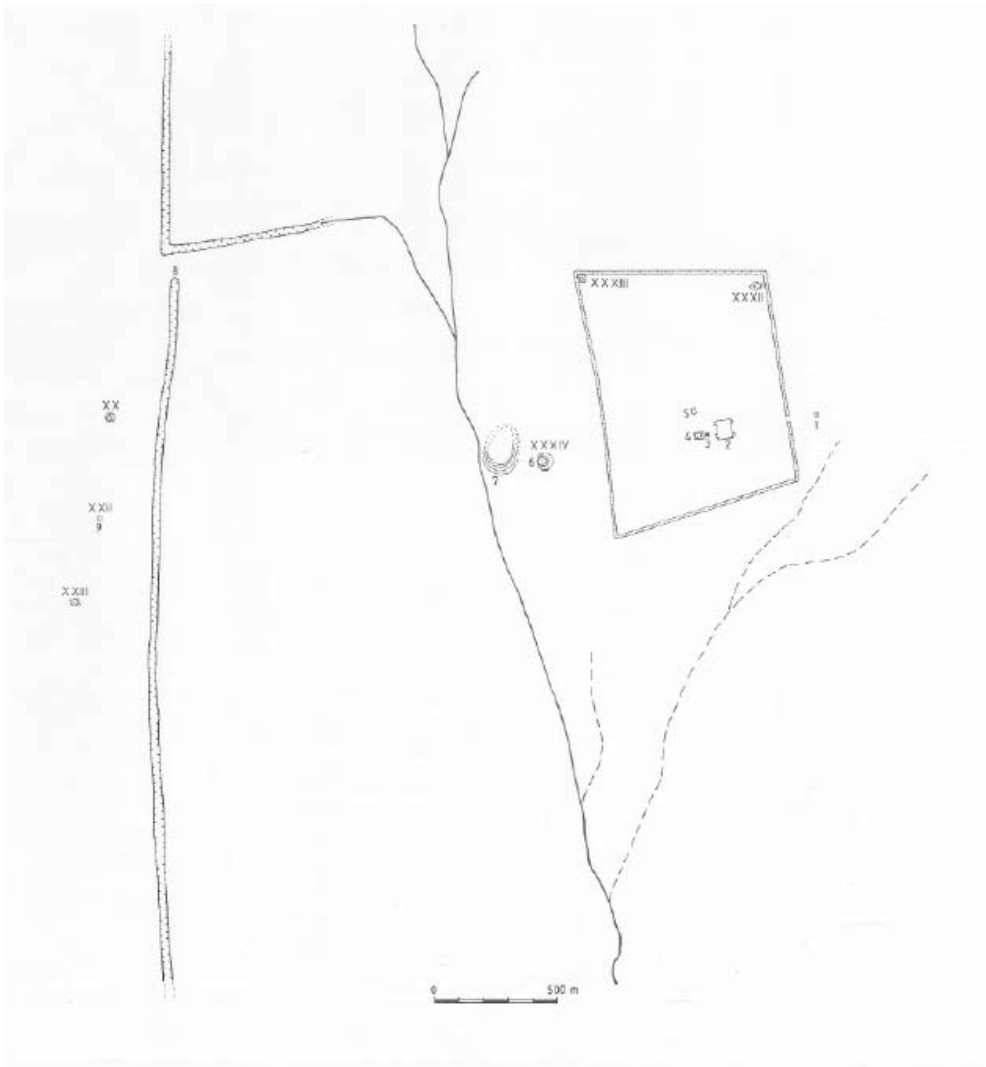

Рис. 2. Ситуационный план Внутреннего земляного укрепления: вместе с: А. Первоначальное земляное укрепление-югозападный угол; Б. Локальное укрепление террасы р. Асар дере; В. Западное добавление Большого (Внешнего) укрепления; XXXII – XXXIV – Поминальные курганы (нач. IX в.); XX – XXII – Фракийские курганы (II тыс. до н. э.) с впускными средневековыми сооружениями; 1-4 и 9 – Поминальный комплекс из разных строений и сооружений в одной оси, нач. десятилетия IX в.: 1. Жилое строение (дворец?) № 32; 2. Т. наз. Дворец Крума; 3. Поминальная юрта; 4. Большой языческий храм; 6. Курган XXXIV; 9. Курган XXII с шахтовой могилой (кенотаф); 5. Первоначальный дворец с цистерной и двумя банями; 7. „Курган” из остатков ремесленного производства, конец VIII – первая половина IX вв.; 8. Вход с запада (между Первоначальным и Большим рвах) к резиденции. Автор П. Георгиев.

105–107). Указанный доклад резюмирует убеждения автора об археологической ситуации в ранней Плиске и болгарской культуре, выраженные в его монографии о культуре „языческой“, т.е. дохристианской Болгарии (Рашев, 2008, с. 45–104). Отстаивая традиционные точки зрения, автор не указывает на альтернативные позиции в прошлом и в настоящие дни. Таким образом теза Рашева формирует односторонний взгляд русскоязычной медиавистики на раннюю болгарскую историю и культуру.

Именно поэтому в этой статье я попробую дать свою оценку хронологии и характера самых ранних известных памятников и материалов из Плиски. В отчетах или публикациях их продолжают ставить в обобщенные хронологические границы и толковать (прямо или косвенно) как отражение „процесса седентаризации и формы традиционной культуры“ (прото) болгар из восточноевропейских степей (Рашев, 2007, с. 104).

Существуют многочисленные и неоспоримые данные о существовании владетельской резиденции и большой селищной агломерации в Плиске с конца VIII и до конца IX в. Чтобы объективно оценить, не начинают ли они свое развитие приблизительно на столетие раньше, необходимо иметь в виду все наличные источники. Только комплексный анализ данных может представить верную картину о начальном периоде в жизни эмблематичного для болгарской и евразийской археологии центра.

А. Исторические, ономастические и другие нарративные данные

Их приоритетное значение сохраняется и сегодня, так как археологические материалы раннего средневе-

ковия в принципе трудно поддаются точной и достаточно убедительной датировке и атрибуции. Практически об „Аспаруховой“ Плиске существует одно-единственное прямое свидетельство – указание на ее „созидание“ „царем Испором“. Все так же серьезным к историчности апокрифной летописи остается резервированное отношение выдающихся исследователей, таких как К. Иречек, Й. Иванов, а в более современном периоде и Ив. Билярски (Билярски, 2011, с. 30–54). Идет речь об источнике, сохранившемся в единственной рукописи XVII в. Специалисты считают, что он написан не раньше 70-х годов XI в., но некоторые из них допускают и значительно позднюю дату. В результате недавно проведенного анализа, преимущественно конца летописи, я пришел к выводу, что она создана во времена первых Комниных, т.е. в начале XII в. (Георгиев, 2014, в печати). Ее историческую значимость нельзя отбрасывать по презумпции, вопреки своеобразию личных и селищных имен и названий исторических фактов. Но при их использовании надо иметь в виду их генезис, источники и мотивацию анонимного автора. Его сообщения о созидании Плиски Аспарухом, как и о „созидании“ тем же самым владетелем „презида от Дуная до моря“, или города Дрыстра на Дунае, основываются на поздних источниках и содержат в значительной степени легендарный элемент. Их корреляция с археологическими данными показывает, что Аноним визирует факты и явления IX и X в., которые он относит, в силу близким к его времени представлениям о болгарской политической и культурной истории, к царю Испору. Он, по дан-

ным апокрифа, является преемником легендарного „царя Слава” – это общепризнанный эпоним „славянской”, и точнее, „федератской” предыстории Дунайской Болгарии (Георгиев, 2010, с. 63–67). Имя Аспаруха представлено также и под специфической формой – „Испор”, т.е. владетель, пришедший с Кимерийского Боспора (Георгиев, 2005, с. 77–82). Созданный им город был назван „Плюска град”. Это имя – славянская версия аутентичного названия резиденции хана Омуртага (814–831) (см. ниже), но в семантическом отношении совпадает с древнеболгарским значением прилагательного „шумный”, так что, возможно, автор начала XII в. имел в виду расположенный недалеко от заброшенной в то время Омуртаговой столицы, современный ему „град Шумен”. Тем более что его ранневизантийская крепость и окрестности и без того были частью того, что в первой половине IX в. включал в себе военно-политический центр Крума (после 796–814) и хана Омуртага (Георгиев, 2014, в печати). Так что мы должны принять как исторически недостоверное утверждение автора об „Аспаруховой Плюскае”. Принятие этого вывода стирает противоречие между историческими и археологическими данными о ранней Плиске.

Б. Археологические данные

Они, как и следует ожидать, имея в виду исторически утвержденный центр в европейском юго-востоке, очень разнородны, и их следует рассматривать согласно их специфическим характеристикам. Генерализированный взгляд на них позволяет разграничить две группы памятников: 1) традиционной культуры на огромном по площади „городище” и 2) представи-

тельной культуры во владетельской резиденции.

1. Памятники традиционной культуры: селища, некрополи, бытовая керамика, домашний и производственный инвентарь. Площадь, на которой открыты эти структуры и изделия, включает в себя неравномерно изученные остатки не только в огражденной (Внешним и Большим) рвом и валом территории размером в почти 2 300 га, но и вне ее пределов. До сих пор, однако, на структуры конца VII – конца VIII в. мы не попадали. Самые ранние из них можно датировать, по археологическим данным, концом VIII в., но их ставят обычно в широкие границы: VIII–X или VIII–IX вв., без возможности для разграничения. По этому поводу Р. Рашев признает: *„Археологический материал представлен только столовой керамикой домашнего производства и византийского типа. До выработки соответствующих надежных критериев пока его можно датировать в широких границах VIII в.”* (Рашев, 2007, с. 105). В своих болгарских публикациях автор, как и все современные исследователи, оставляет датировку в еще более широких границах (Рашев, 2008, с. 101–102; Димитров, 2004, с. 169, 195–196; Donceva-Petkova, 2007, с. 293–314; Григоров, 2014, в печати, и др.). Вместо того чтобы искать „надежные критерии”, Рашев ставит проблему в контексте своего тезиса об отсутствии материалов с конца VII в. и в VIII в. не только в Плиске, но и на территории Дунайской Болгарии (Рашев, 2007, с. 107–108). По этому поводу он предлагает: *„До выработки убедительных критериев датировки массового бытового материала, и прежде всего керамики, как*

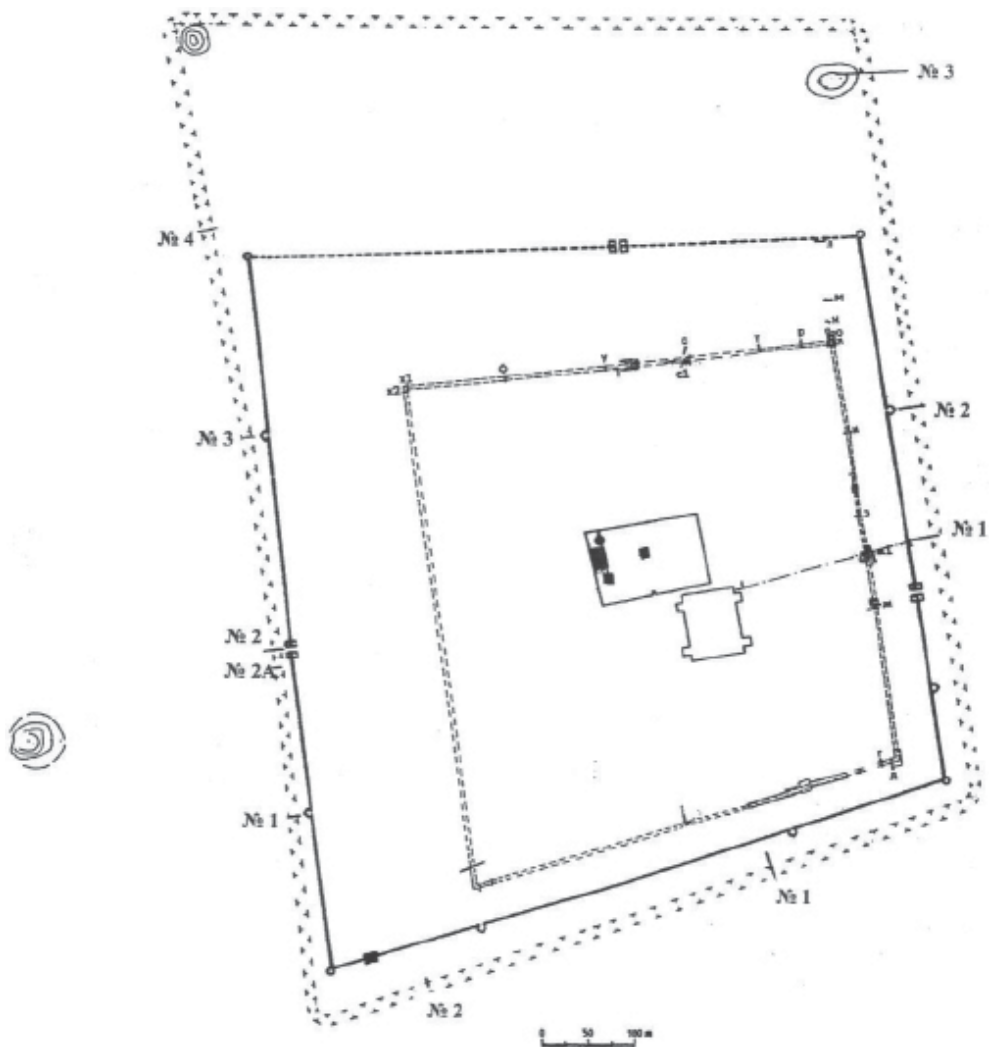

Рис. 3. Фортификация Плиски с конца VIII до конца X в.: 1. Внутренний ров и вал и 2. Большое деревянное укрепление, с конца VIII-го до начальных десятилетий IX в.; 3. Крепость из тесаных каменных блоков (в середине), первая половина IX в.
Автор П. Георгиев.

мне представляется, надо считать, что действительно был небольшой период в начале истории Дунайской Болгарии, когда еще окончательно не оформились те характерные особенности культуры, которую теперь мы называем болгарской". Я могу согласиться с тем, что существовал период „складывания" раннесредневековой культуры среди основной части населения в римско-византийских провинциях Вторая Мизия и Малая Скифия. Вопрос в том, каково его содержание. Категорически не могу согласиться с тем, что этот процесс включал использование только деревянной и кожаной посуды, „так что в самых ранних напластованиях поселений, в погребениях и в ранних сооружениях Плиски гончарная керамика могла просто отсутствовать. Это можно назвать „докультурное" или „догончарное" болгарское раннее средневековье". В противовес этим объяснениям я напому, что опыт определения керамического профиля позднего VII или раннего VIII в. есть, например, в изучаемых в последнее время Л. Дончевой некрополях при Балчике и Тополе (Дончева-Петкова, 2009, с. 90; Дончева-Петкова и др., 2011, с. 381), а также в отношении металлических изделий (Тотев, Пелевина, 2007, с. 11–124; 2010, с. 58–77). Поиск „догончарной фазы" в Плиске, и не только там, лишен основания. Установленный там самый ранний керамический комплекс сложный по своей структуре, но единый, и не меняется существенно с момента своего появления вплоть до второй половины или конца IX в. (обобщение у Рашева, см.: 2008, с. 99–101, табл. I). В Плиске он появляется уже сформированным, так что его генезис и источники следует

искать в других, более ранних центрах. В нем параллельно существует посуда, выработанная на медленном гончарном круге, как и такая с более совершенными технологическими параметрами. Эти две группы продукции прослеживаются во всех известных ранних структурах и, по всей видимости, не начинаются отсюда. Такова же картина и при немногочисленных находках предметов из художественного металла. Они местного „провинциально-византийского" или „аварского" происхождения, и трудно будет оттянуть их к периоду до конца VIII в. (Станилов, 1997, с. 211–215; 2006, passim).

Особенно важен вопрос, связанный с некрополями. На территории Внешнего города до сих пор не обнаружен некрополь с могилами, оформленными согласно языческим верованиям и обрядности. Это дало право исследователю „языческих" некрополей Нижнего Дуная признать Плиску „столицей без могил" (Фидлер, 1992, с. 83–89; Fiedler, 1992, passim). Ближе всего к ней расположен знаменитый некрополь при Новом Пазаре, а также при селе Вурбяне. Но они по праву считаются не принадлежащими Плиске (Рашев, 2008, с. 68). Первый остается в широких границах VIII в. (Рашев, 2003, с. 147–153), а второй – после начала IX в. Они (вместе с другими подобными некрополями: при селах Правенци, Велино, Кюлевча, Дибич, Дивядово и др.) показывают, что селения VIII и IX вв. в Абобском и Шуменском полях располагают своим двубрядным некрополем (Fiedler, 1992, S. 363). На фоне этого факта отсутствие языческих некрополей в „укрепленной Плиске" ставит под дополнительное сомнение

тезис о продолжительном, постоянном и устойчивом существовании ее агломерации как языческом центре на протяжении 150 лет с лишним. С этой точки зрения нужно посмотреть и на владетельские или аристократические могилы и поминальные сооружения (девташлары, поминальные могильные насыпи и шахты), которые вынесены за пределы центра, недалеко или подальше от него (Рашев, 2007, с. 106). Они являются современниками первых фортификаций и строений в резиденции, так что их нижнюю хронологическую границу следует поставить после конца VIII в. Датированных предметов из ранних комплексов на территории Плиски нет. До сих пор там не найдены византийские или другие монеты до начальных десятилетий IX в. (Йорданов, 2000, с. 137). Художественный металл в них в незначительном количестве и его датировка до конца VIII в. невозможна и не принимается даже приверженцами „Аспаруховой Плиски”. По этой причине находки получают датировку в широких границах VIII–IX вв., притом нижняя дата является теоретически допустимой, но практически не доказуемой. Это относится и к раннему комплексу посуды. До сих пор ни один исследователь Плиски не осмелился определить керамическую группу или отдельный сосуд временем до конца VIII в.

Эта ситуация не исключает возможности традиционного образа жизни на территории Большой Плиски до этого периода. Напротив, косвенные свидетельства ориентируют на поиск ранних поселений в крайних северо-западных и юго-восточных частях так называемого Внешнего города, но они практически не исследованы

(Георгиев, 2000, с. 11–30). Их идентификация как предшествующие структуры в центре возможна, но лишь тогда, когда в них будет обнаружен керамический или другой материал и признаки, отличающиеся от тех, которые находят при стройках владетельской резиденции и ее укреплениях. Различия в особенностях материальной культуры в Центре и Периферии носят социальный характер и позволяют разграничение, прежде всего, в области строительства. Низовое, традиционное по своему облику, жилищное строительство в Периферии характеризуется преимущественно типом полуземляночного жилища. В VIII–IX вв. оно представлено в поселениях только Внешнего города. Их расположение показывает, что они появляются в период, когда его огромная площадь получает свои первые укрепления – Внешний ров и вал и предполагаемая его начальная фаза: так называемое Первоначальное земляное укрепление. Оно включает две линии, образующие северо-западный угол Внешнего (Большого) земляного укрепления, как и две естественные преграды: большой и глубокий овраг и основной водоисточник Плиски, Асар дере. Защищенная ими площадь – 350 с лишним га – включает все необходимые для традиционного быта условия и особенно наличие ключевой воды в достаточном количестве. По своей характеристике это „первичное” укрепление типологически приближается к ранним формам фортификационного строительства в Восточной Европе (Георгиев, 2000, с. 19–30).

На территории Внешнего города обнаружен и другой тип раннего укрепления. Оно снова находится в поречье Асар дере, южнее от „перво-

начального земляного укрепления”. Представляет собой ров, который с севера ограждает небольшую полуостровную террасу. С типологической точки зрения укрепление „с напольной стороны” раскрывает ранние особенности, но более вероятно, что оно является современником первоначальной защиты населения от верхнего течения Асар дере, а, может быть, возникло как „локальная фортификация” к „первоначальному”. Керамика, обнаруженная во рву, как и на террасе, которую он защищает, аналогична керамике в резиденции и в производственном центре, расположенном в нескольких сотнях метров под ним (Дончева-Петкова и др., 2002, с.113). Это дает нам основание высказать гипотетичное пока утверждение, что маленькая укрепленная терраса с севера производственного центра в Плиске могла принадлежать поселению ремесленников с конца VIII и первой половины IX в. (Henning, 2007, p. 216–220).

Ограждения локального характера получают в это время и другие значимые селищные структуры, как та, что в юго-западной части (недалеко от церкви № 11), при Большой базилике и объект № 31 (Георгиев, 2000, с. 19–30). Это двойные или единичные деревянные ограды (палисады), у них четырехугольная форма, и в этом отношении они являются проекцией деревянных стен владетельского двора („аул” в византийских источниках) до 811 г.

Традиционные жилищные и селищные структуры во Внутреннем городе (Плетнева, 1992, с. 49–51; Димитров, 1994, с. 47, обр. 10; Рашев, 2008, с. 64) очень трудно датировать убедительно временем раньше конца IX в. Наши исследования по трассе

деревянного укрепления, как и исследования Р. Рашева, Ст. Станилова, А. Аладжова и В. Григорова в центральной и соседних с резиденцией частях, как и в юго-восточной и юго-западной перифериях Внутреннего земляного укрепления (раскопки Я. Димитрова и Л. Дончевой-Петковой), охватывают площадь размером в 10 га приблизительно, но нигде не была обнаружена землянка или юрта, которую можно отнести к периоду до середины IX в.

Исключением является только обнаруженная в 1981 г. Р. Рашевым слегка вкопанная юрта перед большим языческим храмом. Своими деталями она скорее всего напоминает поминальное, чем настоящее жилище, и представляет собой неразрывную часть поминального комплекса владельца, по всей вероятности, умершего в 814 г. в Плиске Крума (Георгиев, 2012, с. 76). Самый категоричный довод против соотношения этой уникальной (в прямом и переносном смысле!) юрты с „круглыми деревянными строениями жилого и представительного назначения” (Рашев, 2007, с. 105) – это факт, что она остается в совершенной изоляции в ареале по меньшей мере 3–4-х га. Надежно установленные юртообразные жилища отсутствуют и во Внешнем укреплении. Это доказывает, что традиционный быт населения Плиски отличается от ожидаемых некоторых русских и болгарских археологов – „куреней” и „аилов”. Надежно установленные ранние строения во Внутреннем укреплении имеют деревянные конструкции, заложенные в траншеи, ямы или в комбинацию из двух видов котлована. Они хронологически близки фортификации вокруг них.

Рис 4. Внутренний ров и вал с деревянной галереей (диаватика) к Дворцу Крума, реконструкция П. Георгиева и Св. Русева.

Рис. 5. Деревянная крепость дворца Крума, реконструкция Св. Русева и П. Георгиева.

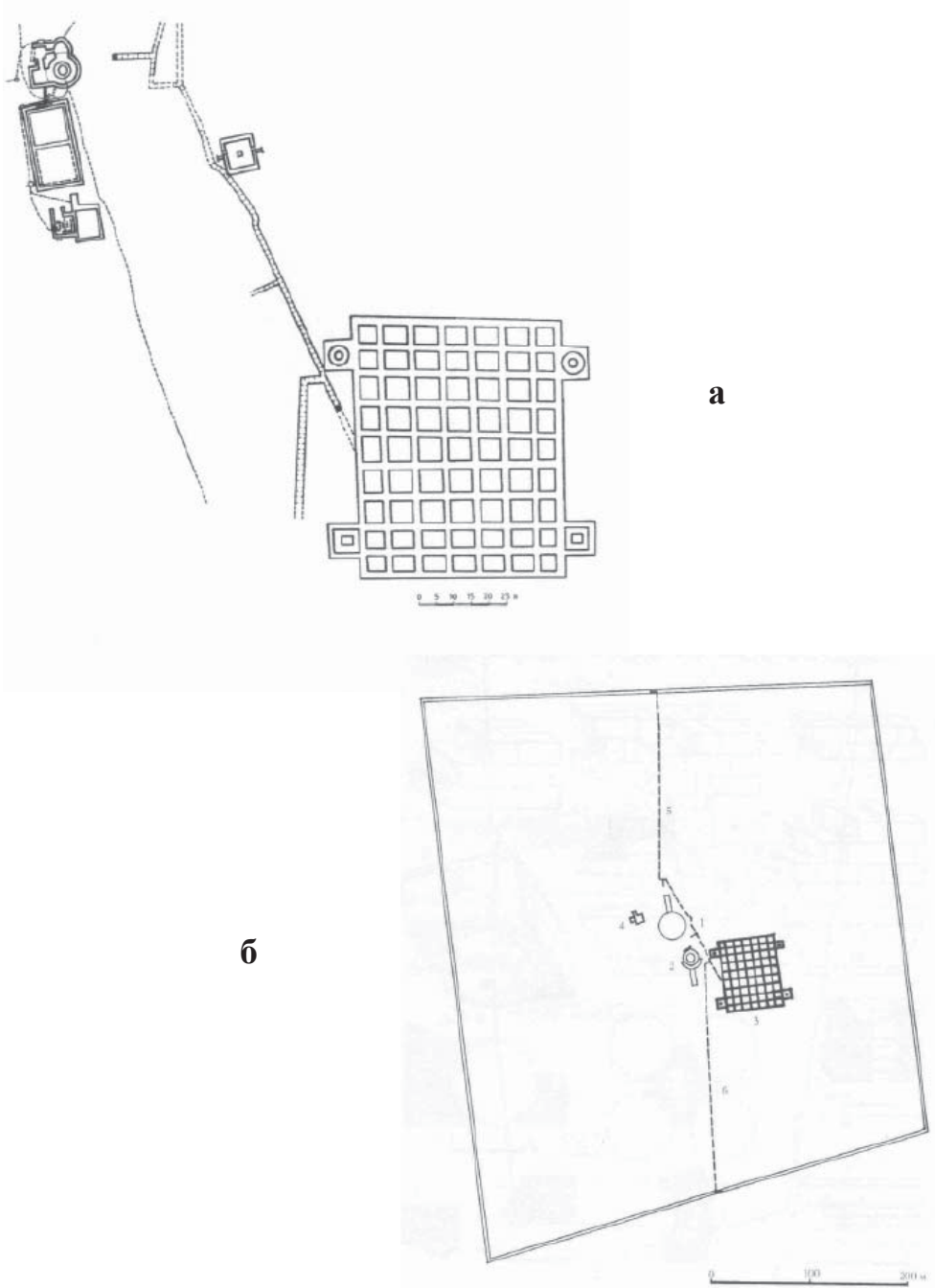

Рис. 6.а. План резиденции с конца VIII-го до 811 год: а. По П. Георгиеву; б. По Р. Рашеву (трассе деревянного укрепления „занято” из исследований П. Георгиева): 1. Большое деревянное здание; 2. Малое деревянное здание; 3. Т. наз. Дворец Крума; 4. Малая баня из благоустроенного комплекса возле дворца с цистерной; 5. Подземная галерея, связующая Дворец Крума, Первоначальный (благоустроенный) дворец и северную стену деревянного укрепления; 6. Подземная галерея к южной стене деревянного укрепления.

Предложенный Р. Рашевым и получивший популярность в Болгарии и Восточной Европе тезис о первоначальном селении из традиционных юрт, больших и представительных круглых (юртообразных) деревянных строений не находит подтверждения ни при раскопках, ни при кабинетном анализе. В очертаниях резиденции только два „круглых представительных строения”, и они относятся к различным периодам создания резиденции: до и после 811 г. Тогда Плиска была разграблена и сожжена войсками византийского императора Никифора I. Описание этого события так называемым Ватиканским Анонимом дает неопровержимые доказательства того, что „*дул (= двор с дворцом) Крума*” состоял из солидных представительных и обслуживающих строений, огороженные „*оградой из связанных между собой деревьев*” (палисады) (ГИБИ, 1961, с. 358). Описание событий 811 г. подтверждает, что настоящие жилищные структуры в Плиске были расположены вне укрепления резиденции. Его защищала элитная военная часть, в то время как ее периферию обороняло многочисленное и, по всей вероятности, плохо экипированное „ополчение”.

2. Памятники представительного строительства

Фортификация до 811 г. В результате целенаправленных полевых исследований экспедиции под моим руководством в Плиске за последние 15 лет были доисследованы или обнаружены не известные до сих пор несколько оборонительных линий. Благодаря этому взгляд на этапы развития раннесредневековой агломерации существенно изменился.

Прежде всего, установленное Шкорпиллом-Рашевым мнение, что Внешнее (Большое) земляное укрепление построено еще до Аспаруха или несколько десятилетий позднее, надо отвергнуть (Рашев, 2003, с. 157). Как было упомянуто выше, укрепление, которое охватывает площадь в размере 2 300 га и огораживает все важнейшие селищные структуры в Плиске, появилось не ранее начальных десятилетий IX в. (Георгиев и др., 2014, с. 436–438).

Первое укрепление владетельской резиденции – это Внутреннее земляное. Оно было прослежено и изучено во время исследований, руководимых мной, вне, но в непосредственной близости или недалеко от каменной крепости IX в. (Георгиев, 2000, с. 19–30; Георгиев, Иванов, 2015, в печати). У этого укрепления форма трапеции, которая повторяется и в построенной вместо него каменной крепости. Его площадь на одну треть больше этой крепости (т.н. Внутренний город) и составляет приблизительно 83 га. Ров шириной до 11 м и глубиной около 7 м. Этими своими параметрами укрепление представляет значительно более серьезное препятствие по сравнению с рвом Внешнего (Большого) укрепления. Вал сохранился только в своих самых нижних частях. Там впервые в земляной фортификации на юге от Дуная было установлено, что конструкция включала и деревянную „арматуру”, подобно валам в Центральной и Восточной Европе. Р. Рашев утверждает, что это внушительное фортификационное сооружение было построено, чтобы защищать обитателей легких наземных жилищ, следы которых он находит на уровне участка

в резиденции, и интерпретирует как жилища первых ее обитателей с „догончарной” культурой (Рашев, 2008, с. 55, 59). Однако Внутреннее укрепление – самое раннее и основное защитное кольцо военного лагеря (канпона) с постоянной резиденцией для владельца с момента его создания к концу VIII века до документированного в письменных источниках и археологическим путем захвата и сжигания „Крумового аула” в 811 г.

В черте этой очень мощной фортификации построено второе укрепление: двойная и полая внутри деревянная стена, чьи две палисады были облицованы глиной или материалом в виде необожженного кирпича (сырца). Ее открытию мы обязаны экспедиции под руководством С.А. Плетневой (1992, с. 35–63), но она была полностью прослежена и заново изучена под моим руководством и с дополнительной „помощью” других исследователей Плиски. Мы назвали ее условно „Деревянная крепость”. У нее тоже форма трапеции, и она охватывает площадь в 24 га. При строительстве крепость интегрировала аналогичное своей форме и близкое по конструкции укрепление площадью около 2 (после расширения – 3) га, которое мы назвали Малое деревянное укрепление. Вместе с ним площадь „Деревянной крепости” составляет 27 га. Ее очертания, как и места ворот, указывают, что это ограда просторного „двора” со всеми строениями владетельской резиденции, которая занимает почти целиком только юго-восточный сектор площади земляного укрепления. Со своей стороны Малое деревянно-кирпичное укрепление огораживало площадь с деревянными строениями, принадлежащими,

вероятно, гарнизону, чья задача была охранять деревянно-земляной вал, резиденцию, а также расположенный недалеко ремесленный производственный центр. Мнение, что Деревянная крепость возникла после того, как было покинуто Внутреннее земляное укрепление и была единственной преградой около владетельской резиденции (Рашев, 2008, с. 59–60; 2007, с. 105), входит в противоречие с рядом археологических фактов, чье изложение здесь кажется нам излишним. Неприемлемо также считать, что стена первоначально огораживала только деревянные строения мнимого „деревянного периода” резиденции. Позиция оставленных на ней входов показывает, что при ее строительстве так называемый Крумовый дворец был уже построен или по меньшей мере началась его постройка. А более ранняя, чем он, монументальная постройка, так называемый Большой бассейн, была возведена в соответствии с основными линиями (осями) земляно-деревянного укрепления.

Две укрепительные линии: земляно-деревянная и расположенная в ее рамке деревянно-кирпичная, обеспечивали основную защиту Плиски со дня ее формирования до времени после пожара 811 г. Последний довел Деревянную крепость до полного уничтожения и, по-видимому, нанес серьезный ущерб и деревянным конструкциям над валом. Поэтому в следующие одно или несколько десятилетий пришлось заменить две оборонительные линии трассированной между ними и с аналогичной формой Каменной крепостью, чья площадь ровно в два раза больше по сравнению с деревянной оградой резиденции до 811 г.

Рис. 7. Владетельская резиденция конца VIII – конца IX в.
Аэрофото после раскопок Р. Рашева.

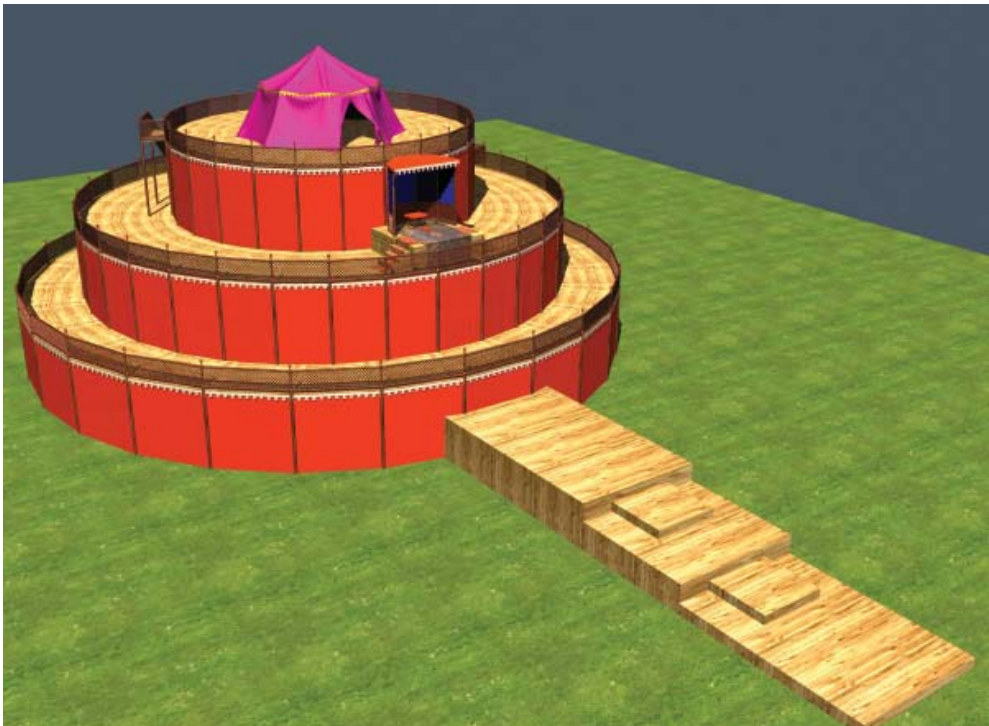

Рис. 8. Большое деревянное здание из раскопок Р. Рашева – реконструкция
как трибуна П. Георгиева и Св. Русева.

Владетельская резиденция

Здесь сосредоточены основные строения Плиски, характеризующие ее необычный для раннесредневековой Европы облик. Несомненно, самый существенный факт в исследовании этих строений – открытие остатков деревянных построек, которые в ряде случаев (но не всегда!) более ранние, чем даже первые монументальные здания там. Заслуга в этом принадлежит исключительно Рашо Рашеву. Мои разногласия с ним связаны с тем, что он относит все деревянные строения к обособленному „деревянному периоду” оформления резиденции (Георгиев, 1993, с. 83–93). Хронологию каждого из них следует решать в отдельности, так как они, вместе взятые, принадлежат к двум разным периодам (у каждого несколько этапов).

Здесь я вкратце расскажу только о двух круглых деревянных строениях: Большое и Малое. Они занимают пустые места среди солидных зданий резиденции. Большое – более раннее. Оно расположено между двумя архитектурными ансамблями, оформляющими резиденцию до 811 г. Первоначальный из них составлен из дворцового здания с вкопанной в сутерен, т.е. подвальный этаж, цистерной (так называемый Большой бассейн), двух бань по соседству и еще одного или двух зданий. Этот ансамбль был благоустроенной частью резиденции. Занимает специфическое для военного лагеря римско-византийского образца место принципии (Георгиев, 2006, с. 83–95). Наличие в нем бань с гипокаустом и централизованным водоснабжением показывает, что он обеспечивал роскошную жизнь для своих обитателей. В стороне от них и,

вероятно, дополнительно был построен так называемый Крумовый дворец. Он расположен на площади почти 5 000 кв. м и представляет собой солидное здание типа позднеантичного „палациума”. „Крумовый дворец” по своему характеру – цитадель, расположенная в юго-восточной четверти защищенного деревянно-земляным укреплением лагеря. Его сложная и трудная для убедительной реконструкции архитектура продолжает вызывать дискуссии. Существенно в нем то, что это здание без централизованного водоснабжения и нет никаких данных о каком бы то ни было благоустройстве. Так что „палат” имел подчеркнуто военное предназначение. Об этом свидетельствует и его связь с Деревянной оградой, осуществленная с помощью подземных проходов, которые заканчиваются в полости между ее палисадами. На севере галерея соотносится с восточными очертаниями Большого деревянного строения. Два ее выхода ведут к ее круглой и к выступающей вперед части. Третий выход приводит к благоустроенному архитектурному ансамблю бань. Эти связи и соотношения показывают, что большое деревянное строение – это не самостоятельное здание, а представительное сооружение. Плановые и конструктивные особенности характеризуют его как трибуна-анабатрон для демонстрации владетеля перед многочисленными собраниями при участии войск и народа (Георгиев, 2013, с. 495–519). Такое описывает Шуменская надпись хана Маламира (831–836), где речь идет о „подаренном” хану кавханом Исбулом „анабрутоне” (= фонтане) (Бешевлиев, 1979, № 58, с. 209–211). Эта надпись не сохранилась, вполне возможно, что данное

слово было ошибочно переписано в 1831 г. австрийским офицером, не владеющим греческим языком: „*анабрутоне*” вместо „*анабатрон*”. Большая деревянная трибуна обладает всеми характеристиками сооружений этого типа в военных лагерях Римской империи и Византии.

Трибуна была воздвигнута после сооружения находящихся приблизительно в 100 м друг от друга „благоустроенной” части резиденции и ее цитадели – „Крумового дворца”. Таким образом, она занимала почти точно геометрический центр лагеря в пределах земляного укрепления. В ямах-основах для ее около 150 деревянных подпор (креплений), и здесь не обнаружены бытовые и строительные останки, за исключением двух стеклянных аппликаций, по всей вероятности, из украшений во время проводимых здесь церемоний. Строительство здания выполнено с умением, вероятно, византийскими мастерами до сжигания резиденции в 811 г. Сама трибуна, однако, не горела, так как ее, по-видимому, демонтировали до этого, может быть, пребывающие в „*ауле Крума*” войска Никифора I. В этой связи у Феофана Исповедника находим сведение об интересном эпизоде в болгаро-византийских отношениях при предшественнике Крума – Кардаме. В 792 г. его войска нанесли тяжелое поражение Константину VI и взяли в плен императорскую палатку со всеми ее дорогами принадлежностями и вместе с прислугой (ГИБИ, 1960, с. 277). Следовательно, в 90-е годы VIII в. Кардам в своей резиденции располагал ценным трофеем, символом византийского поражения и болгарской гордости. Вместе с тем он имел в своем распоряжении

специалистов, способных построить специальную платформу для возвышения императорской палатки, как это было характерно для трибуны-анабатрона в Византии. В таком случае строительство большого деревянного здания в резиденции в Плиске можно отнести ко времени между 792 и 796 г. или в следующие несколько лет, когда место „престарелого” Кардама было занято амбициозным Крумом.

Маленькое деревянное строение по своему характеру аналогично большому. Оно возвышается в северной части оформленной после пожара 811 г. площади, по соседству с построенной на месте Крумового дворца Тронной палатой. Относительная хронология постройки позволяет отнести ее к первой половине IX в., вероятнее всего, к периоду хана Маламира (Георгиев, 1997, с. 296–312). В таком случае она и есть анабатрон (в перепись – „*анабрутон*”), о котором говорит надпись этого владельца. Датировку – 30-е гг. IX в. – позволяет принять разнообразный бытовой и прочий материал, обнаруженный в ямах для вколачивания столбов, в том числе и три мозаичных кубика из смальты. Ее конструкция была абсолютно схожей с конструкцией большого деревянного строения, но ее исполнение уступает по качеству строительных работ более ранней стройке. Она ее поздняя реплика.

Канпон с аулом Пл(и)ск оба (Плиска)

В Чаталарской надписи хана Омуртага от 821/2 гг. Его резиденция названа „*тис Плкас тон канпон*”, а в более ранней Тырновской надписи того же самого владельца определяется как его „*старый дом*” (Бешевлиев, 1979, № 56, с. 192–200). Речь идет о

постоянной резиденции Омуртага, где он „обитал” (как и его близкие предшественники). Имея в виду данные ее археологического исследования, эта информация показывает, что Плиска в это время не обыкновенное „поле” с названием протекающей через него реки, как утверждают в последнее время (Рашев, 2008, с. 49–50), а укрепленный „военный лагерь”, обозначенный римско-византийским термином „кампос”, как понимала это большая часть предшествующих исследователей. Это не правда, что в греческом языке с начала IX в. слово „кампос” не носило значение „военный лагерь”. Как латинский термин из „военного жаргона” она фигурирует в языке Феофановой „Хронографии” о событиях с конца VIII в. (Афиногенов, 2006, с. 604–606; ГИБИ, 1960, с. 267).

Следовательно, определение Плиски как „канпон” означает, что имеется в виду укрепленная площадь с особенностями постоянного лагеря войск и наличием резиденции в нем. Не может быть сомнения в том, что в данном случае речь идет о Внутреннем земляном укреплении с рассмотренными выше в самом общем плане монументальными, деревянно-кирпичными и деревянными строениями.

Словосочетание „*каннос Плиска*” представляет собой название Омуртаговой резиденции. Оно состоит из двух частей: существительное нарицательное со значением „лагерь” и его имя собственное. У византийских авторов X–XII вв. оно записано как *Pliskouba*, *Pliskoba*. Наличие элемента „-оба” показывает, что византийские писатели воспроизводят аутентичное (прото)болгарское название их главного политического центра.

Византийское слово „кампон” точный коррелят тюркского слова от названия болгарской столицы IX в., так что Чаталарская надпись передает, хотя и „в переводе”, ее необычное для греков имя, чтобы объяснить смысл тюркоязычного понятия „оба”. Оно сохранилось и после конца существования Плиски во второй половине XI в., так как единственное новое поселение, возникшее в черте огромной агломерации, имеет название „Абоба”, т. е. Аб-оба „селение предков” (Симеонов, 1979, с. 137–139). В связи с этим интересно отметить, что в 1801 г. тюркоязычные жители этой деревни сообщали английскому путешественнику, что их деревня „оук будан (вместо будун)” т. е. населенное „потомками народа”, или старого (прото)болгарского населения из юго-восточной части Внешнего города. В найденной там краткой надписи первой половины IX в. оно определяется как „оук окто”, т. е. „восьмая (часть) потомства” (Георгиев, 2009, с. 52–66). Так что, как и в тюркских языках, форма „оба” использована для Плиски со своим значением „(степное) селение” (Севортыян, 1974, с. 99 и сл.; Мурзаев, 1984, с. 401). В надписи-граффити XI в. это слово, но в форме „она”, использовано многократно наряду с другим тюркским словом „огли”, в значении „престольный град” (Георгиев, 2002, с. 87 и сл.). Кажется, в данном случае мы имеем дело с традицией, согласно которой имя, сопровождающее слово „оба” („она”), используется как родо-племенное, владетельское или как название связанного с ними селения (Golden, 2003, p. 33–46; Кляшторный, 2009, с. 203–207).

Что касается имени „*Пл(и)ск*”, то оно ни в коем случае не славянско-

го происхождения, как считали до сих пор (Рашев, 2008, с. 50–51), несмотря на отсутствие каких бы то ни было следов славянского поселения в Абобской равнине (Георгиев, 2009, с. 131–141). По нашему мнению, оно сохраняет древнюю ирано-тюркскую традицию именовать большие центры степных империй в Евразии: Баласагун, Паласака, Плисков и др. (Георгиев, 1999, с. 12–31).

Итак, Плиск-оба (=Плиска) – это аутентичное тюркско-болгарское название Омуртаговой резиденции, однако она в это время считалась уже „старой”. Означает ли это, что селение более древнее, чем период правления владетелей Кардам и Крум (приблизительно до и после 796 г.)? Как название – да, но не как селение, так как это противоречит не только вышеуказанным фактам, но и историческим, археологическим и нумизматическим данным. Они свидетельствуют, что в конце VII в. и на протяжении почти всего VIII в. государственный центр Дунайской Болгарии находился в районе современной Варны, в равнине между большими античными городами Марцианопол (ныне Девня) и Одесос (ныне Варна) (Георгиев, 2004, с. 7–35). Вопрос о точном местонахождении и облике этого центра продолжает оставаться спорным в болгарской литературе (Плетньов, 2008), но надо подчеркнуть, что ис-

торическая „Варна” – единственное селищное название, которое византийские авторы упоминают в связи с установлениями Аспаруха в 680 г., как и с событиями, связанными с двусторонними отношениями в VIII в. Здесь находится и самая большая концентрация языческих некрополей, как и редких для VII–VIII вв. византийских и других монет (Георгиев, 2007, с. 7–35; 2011, с. 87–107).

Несмотря на различные проблемы, связанные с археологической идентификацией Варны как первого государственного и культурного центра средневековой Болгарии, несомненно одно – что агломерация под этим именем была постоянным зимовьем (прото)болгар с конца VII до конца VIII вв.

Плиск оба – Плиска вырастает из племенного военного центра в альтернативный политический центр, расположенный недалеко от культового места при Мадарских скалах лишь после середины VIII в. О его существовании византийские авторы намекнули, рассказывая о событиях около 765 г. (Георгиев, 2002, с. 63–77). Оно утвердилось лишь несколько десятилетий позднее как новый династический центр болгарской аристократии „аварского” происхождения в лице таких владетелей, как Кардам, Крум и Омуртаг (Георгиев, 2011, с. 74–84; 2013, с. 27–43).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аладжов А. Византийският град и българите VII–IX век (по археологически данни) / Дисертации, 4. – София, 2009. – 211 с.
2. Атанасов Г. Градището до село Цар Асен, Силистренско – от укрепено селище към градска агломерация // Градът в българските земи (по археологически данни). В памет на Вера Антонова. – Търново, 2014. – в печати.

3. Афиногенов Д.Е. Источник рассказа о крымских событиях 705 и 711 гг. В „Хронография” Феофана Исповедника // МАИЭТ. – Вып. XII. – Симферополь, 2006. – С. 602–614.
4. Баласчев Г. Заемането на върховната власт у старите българи // Минало, II. – Кн. 7–8. – София, 1913. – С. 325–340.
5. Бешевлиев В. Първобългарски надписи. – София, 1979. – 253 с. и 197 обр.
6. Билярски Ив. Сказание за Исаяя пророка и формирането на политическата идеология на ранносредновековна България. – София, 2011. – 266 с.
7. Васильев А.А. История Византийской империи, 1: Время до крестовых походов до 1081 г. – Петроград, 1917.
8. Георгиев П., Иванов Ст. Вътрешното землено укрепление // Плиска-Преслав. – 11. – Шумен, 2014. – в печати.
9. Георгиев П. „Плюска град” и ”град Шумен” – езиково тъждество и историческа реалност // Градът в българските земи (по археологически данни. В памет на В. Антонова. В. Търново, 2014. – в печати.
10. Георгиев П. „Седем племена” (hepta geneai) – самоназвание или административен термин? // Годишник на Софийския университет. Център за славяно-византийски проучвания „Иван Дуйчев”. – Т. 95 (14), 2006. – София, 2010. – С. 63–75.
11. Георгиев П. Varna historica et protobulgarica. Опит за характеристика // Проблеми на прабългарската история и култура. – Т. 4, 2. – София, 2007. – С. 7–35.
12. Георгиев П. Асеновци в Плиска // Юбилеен сборник в чест на проф. Димитър Овчаров. Велико Търново, 2002. – С. 87–92.
13. Георгиев П. Големият дървен строеж в резиденцията на Плиска – предназначение и хронология // Известия на археологическия институт. – Т. 41. In honorem Георги Кузманов. София 2013. – С. 495–519.
14. Георгиев П. Древнетюркское наследие в культуре Дунайской Болгарии // История и культура средневековых народов степной Евразии. Материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей, Барнаул 2012 г. – Барнаул, 2012. – С. 75–78.
15. Георгиев П. Землените укрепления на Абоба-Плиска // Плиска-Преслав. – 8. – Шумен, 2000. – С. 19–30.
16. Георгиев П. и другие. Вътрешно и Външно землени укрепления на Плиска // Археологически открития и разкопки през 2013 г. – София, 2014. – С. 436–438.
17. Георгиев П. Изгубеното монетно съкровище от района на Варна и неговото историко-археологическо значение // Нумизматика, сфрагистика и епиграфика. – Т. 7. – София, 2011. – С. 87–107.
18. Георгиев П. Ис тис Плскас тон канпон. – градът Плисков (произход и значение на името) // Трудове на катедрите по история и богословие към Шуменския университет. – Т. 3. – Шумен, 1999. – С. 12–31.
19. Георгиев П. Кръглата дървена постройка в Плиска (Принос към изучаване на на българския дворцов церемониял) // Проблеми на прабългарската история и култура. – Т. 3. – Шумен, 1997. – С. 296–312.

20. *Георгиев П.* Късносредновековно свидетелство за ранносредновековна Плиска (из нематериалното наследство на старата столица) // Приноси към българската археология. – Т. V. – София, 2008. – С. 52–66.
21. *Георгиев П.* Митът за детището Испор и неговите културно-исторически реалии // Черно море между Изтока и Запада: митове, идеология, история. – Варна, 2005. – С. 77–82.
22. *Георгиев П.* Митът за славянското начало на Плиска // Приноси към българската археология. – Т. VI. София, 2009. – С. 131–141.
23. *Георгиев П.* Началото на Абоба-Плиска // *Studia protobulgarica et mediaevalia europensia*. В чест на проф. Веселин Бешевлиев. – София, 2003. – С. 175–182.
24. *Георгиев П.* Периодизация на дървеното строителство в Плиска // Традиции и приемственост в България и на Балканите през средните векове. – Велико Търново, 2003. – С. 83–93.
25. *Георгиев П.* Принципията-дворец в кампуса Плиска // Херсонесский сборник. – Вып. 15. – Севастополь, 2006. – С. 83–95.
26. *Георгиев П.* Раждането на столица Абоба-Плиска // *Polihronia*. Сборник в чест на проф. Иван Божилов. – София, 2002. – С. 63–77.
27. *Георгиев П.* Селищната структура на Абоба-Плиска // Археология. – 2000. – 3–4. – С. 16–30.
28. *Георгиев П.* Тервеловите „чичовци в Солунско и Кисиниите“ (към интерпретацията на Мадарския надпис I, с) // Приноси към българската археология. – Т. VII. – София, 2013. – С. 27–43.
29. *Георгиев П.* Унно-болгары в Карпатском бассейне V–IX вв. (Опыт исторической характеристики) // Болгарский Форум, I. Материалы Международного Болгарско Форума, Болгар, 2010. – Казань, 2011. – С. 74–84.
30. *Георгиев П.* Царете Арев и Тургий, печенежкото нашествие и краят на Българския апокрифен летопис // Историкии. – Т. 9. – Шумен, 2014. – в печати.
31. *ГИБИ (=Гръцки извори за българската история).* – Т. IV. – София, 1961. – 358 с.
32. *ГИБИ (=Гръцки извори за българската история).* – Т. III. – София, 1960. – 329 с.
33. *Григоров В.* Керамичен комплекс от Плиска // Плиска-Преслав. – Т. 11. – Шумен, 2014. – в печати.
34. *Димитров Я.* Градоустройство // Първопрестолна Плиска. 100 години археологически проучвания. – Франкфурт на Майн, 1999. – С. 23–35.
35. *Димитров Я.* Керамиката от разкопките на руската експедиция (1977–1980, 1983 г.) // Плиска-Преслав. – Т. 10. – Шумен, 2004. – С. 169–197.
36. *Димитров Я.* Стратиграфията на Плиска и проучванията на руската експедиция през 1977–1980 г. // Археология. – 1994. – 3–4. – С. 37–51.
37. *Дончева-Петкова Л.* Некрополът при Балчик. Нови данни за прабългарите // Археология. – 2009. – 1–2. – С. 76–90.

38. *Дончева-Петкова Л. и другие* Проучвания на биритуалния некропол при с. Топола, Добричко // Археологически открития и разкопки през 2010 г. – София, 2011. – С. 379–381.
39. *Дончева-Петкова Л.* Плиска и нейната история // Първопрестолна Плиска. 100 години археологически проучвания. – Франкфурт на Майн, 1999. – 69 с., 19 табл.
40. *Дончева-Петкова, Л. и другие.* Българо-немска експедиция в Плиска // Археологически открития и разкопки през 2001 г. – София, 2002. – С. 113.
41. *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. – София, 1970. – 388 с.
42. *Йорданов Ив.* Монетите и печатите от Плиска (1899–1999) // Плиска-Преслав. – Т. 8. – Шумен, 2000. – С. 135–167.
43. *Иречек К.* Географските имена на българското Видение на пророк Исаия // Периодично списание на Българското книжовно дружество. – 1898. – Кн. LV–LVI. – С. 261–267.
44. *Кляшторный С.Г.* Раннее свидетельство славяно-тюркских контактов // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории старого света (Труды Государственного Эрмитажа, XLIX). – СПб., 2009. – С. 203–207.
45. *Миятев К.* Крумовият дворец и други новооткрити постройки в Плиска // Известия на Българския археологически институт. – Т. XIV. София, 1940–1942. – С. 73–130.
46. *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. – М., 1984. – 653 с.
47. *Плетнева С.А.* Стратиграфические исследования Плиски // Плиска-Преслав. – Т. 5. – Шумен, 1992. – С. 35–63.
48. *Плетньов В.* Варна през Средновековието. Ч. I: От VII до края на X век. – Варна, 2008. – 318 с.
49. *Рашев Р.* Българската езическа култура VII–IX век. – София, 2008. – 451 с., 145 табл.
50. *Рашев Р.* За началото на българската средновековна култура // Плиска-Преслав. – Т. 9. – Шумен, 2003. – С. 145–167.
51. *Рашев Р.* Праболгары на юго-западной окраине Евразийской степи // Средневековая археология Евразийских степей. Материалы Учредителного конгресса, Казань, 2007 г. – Казань, 2007. – С. 104–117.
52. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М., 1974. – 767 с.
53. *Симеонов Б.* Абоба (Прабългарско, а не турско название на Плиска) // Български език. – 1979. – 2. – С. 137–139.
54. *Станилов Ст.* Памятники аварского типа в староболгарской культуре // Проблеми на прабългарската история и култура. – Т. 3. – Шумен, 1997. – С. 186–232.
55. *Станилов Ст.* Художественият метал на Българското ханство на Дунав (7–9 в.). Опит за емпирично изследване. – София, 2006. – 365 с.

56. Борба между животни в коланната металоластика от езическия период на дунавските българи // Изследвания по българска средновековна археология. Сборник в чест на проф. Рашо Рашев. – В. Търново, 2007. – С. 111–124;

57. *Тотев Б., Пелевина О.* „Находките” от Велино и Златари и аристократическите гробове на дунавските българи // Археология. – 2010. – 3–4, – С. 58–77

58. *Успенский Ф.И.* Историко-археологическое значение Абобы и ее окрестностей. Раскопки. Наименование древнего поселения // Известия Русского археологического института в Константинополе. – Т. X. – София, 1905. – С. 1–15.

59. *Фехер Г.* Паметници на прабългарската култура // Известия на Българския археологически институт. – Т. III. – София, 1925. – С. 1–90.

60. *Фидлер У.* Столица без гробове? Плиска и езическото българско царство на Долния Дунав в светлината на гробните находки // Zwischen Byzanz and Abendland. Pliska, der ostliche Balkanraum und Europa im Spiegel der Frühmittelalterarchaologie. – Frankfurt am Main, 1999. – С. 83–89 (паралелно на немецком языке).

61. *Fiedler U.* Studien zu Graberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an Unteren Donau. T. I, 1–364 S.; T. II. – 365–517 S. und 117 Taf. – Bonn, 1992.

62. *Шкорпил Х. и К.* Могили. – Пловдив, 1898. – 168 с.

63. *Donceva-Petkova L.* Eighth- and ninth-century pottery from the industrial quarter of Pliska, capital of the early medieval Bulgarian kingdom // Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium. Vol. 2: Byzantium, Pliska, and the Balkans. Ed. By J. Henning. – Berlin–New York, 2007. – P. 293–314.

64. *Golden P.B.* Cumanica III: Urusoba. // P. Golden. Nomads and their Neighbours in the Russian Steppe. Turks, Khazars and Qipchaqs. Variorum reprints. – XIII. – Burlington, 2003. – P. 33–45.

65. *Henning J.* The Metropolis of Pliska or, how large does an early medieval settlement have to be called a city? // Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium. Vol 2: Byzantium, Pliska, and the Balkans. Ed. by J. Henning. – Berlin–New York, 2007. – P. 209–240.

Информация об авторе:

Георгиев Павел Петков, доктор, доцент, Национальный археологический институт Болгарской Академии Наук, Шуменский филиал (г. Шумен, Болгария); pavel-g@gbg.bg

PLISKA IN THE 8TH CENTURY: PROBLEMS AND ACHIEVEMENTS

Pavel Georgiev

Problems related to the chronology and character of the earliest monuments in Pliska, which are debatable in the Bulgarian historical and archaeological literature, are considered in the article. According to the author, there is no reason to believe Pliska capital of Danube Bulgaria from the time of Asparukh. Contrary to the opinion of R. Rashev and several other Bulgarian archaeologists, there is no evidence of the existence of Pliska as the old (proto) Bulgarian centre of Danube Bulgaria in the period from the late 7th to the end of the 8th century. All the buildings and other archaeological materials discovered in Pliska are dated to

not earlier than the late 8th – early 11th century. The only written record about the foundation of Pliska by Asparukh is contained in the annals of a later time (late 11th – early 12th century) and cannot be considered reliable. Thus, it is argued that Pliska had become the leading center of public and cultural life of the Bulgarian state only in the late 8th century, while the majority of its monuments and related materials refer to the 9th century. According to the historical, archaeological and numismatic data available, the national center of Danubian Bulgaria was situated in the vicinity of contemporary Varna in the late 7th through 8th century.

Keywords: Danube Bulgaria, the Early Middle Ages, Pliska, (proto) Bulgarians, Asparukh, Krum, Omurtag, fortification, necropolis, archaeological data.

REFERENCES

1. Aladzhov, A. 2009. *Vizantijskiyat grad i bălgarite VII–IX vek (po arkheologicheski danni)* (*The Byzantine town and the Bulgarians in the 7th–9th centuries (according to archaeological data)*). Series: Disertatsii 4. Sofia (in Bulgarian).
2. Atanasov, G. 2014. In *Gradăt v bălgarskite zemi (po arkheologicheski danni)* (*A Town in the Bulgarian Lands (according to archaeological data)*). Veliko Tarnovo, in print (in Bulgarian).
3. Afinogenov, D. E. 2006. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* (*Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria*) XII. Simferopol, 602–614 (in Bulgarian).
4. Balashev, G. 1913. In *Minalo (Past)* II. Book 7–8. Sofia, 325–340 (in Bulgarian).
5. Beshevliev, V. 1979. *Părvobălgarski nadpisi (Protobulgarian Inscriptions)*. Sofia (in Bulgarian).
6. Bilyarski, Iv. 2011. *Skazanie za Isajya proroka i formiraneto na politicheskata ideologiya na rannosednovekovna Bălgariya* (*Tale of the Isaia Prophet and the Formation of the Political Ideology of the Early Medieval Bulgaria*). Sofia (in Bulgarian).
7. Vasil'ev, A. A. 1917. *Istoriia Vizantiiskoi imperii (History of the Byzantine Empire)* 1. *Vremia do krestovykh pokhodov (do 1081 g.) (Period from the Crusades till 1081)*. Petrograd (in Russian).
8. Georgiev, P., Ivanov, St. 2014. In *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 11. Shumen, in print (in Bulgarian).
9. Georgiev, P. 2014. In *Gradăt v bălgarskite zemi (po arkheologicheski danni)* (*A Town in the Bulgarian Lands (according to archaeological data)*). Veliko Tarnovo, in print (in Bulgarian).
10. Georgiev, P. 2010. In *Godishnik na Sofijskiya universitet. Tsentăr za slavyano-vizantijski prouchvaniya „Ivan Dujchev”* (*Yearbook of the Sofia University. Center for slavico-byzantine research “Ivan Dujchev”*). Vol. 14 (95), 2006. Sofia, 63–75 (in Bulgarian).
11. Georgiev, P. 2007. In *Problemi na prabălgarskata istoriya i kultura (Issues of Pre-Bulgarian History and Culture)* 4 (2). Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 7–35 (in Bulgarian).

12. Georgiev, P. 2002. In *Yubileen sbornik v chest na prof. Dimităr Ovcharov (Anniversary Collection in honor of Prof. Dimitar Ovcharov)*. Veliko Tarnovo, 87–92 (in Bulgarian).
13. Georgiev, P. 2013. In *Izvestiya na Arkheologicheskiya institut (Reports of Archaeological Institute)* 41. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 495–519.
14. Georgiev, P. 2012. In *Istoriia i kul'tura srednevekovykh narodov stepnoi Evrazii (History and Culture of the Medieval Peoples of the Steppe Eurasia)*. Barnaul, 75–78 (in Bulgarian).
15. Georgiev, P. 2000. In *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 8. Shumen, 19–30.
16. Georgiev, P., et al. 2014. In *Arkheologicheski otkritiya i razkopki prez 2013 g. (Archaeological Discoveries and Excavations in 2013)*. Sofia, 436–438 (in Bulgarian).
17. Georgiev, P. 2011. In *Numizmatika, sfragistika i epigrafika (Numismatics, Sigillography and Epigraphics)* 7. Sofia, 87–107 (in Bulgarian).
18. Georgiev, P. 1999. In *Trudove na katedrite po istoriya i bogoslovie kăm Shumenskiya universitet (Proceedings of the Departments of History and Theology in the Shumen University)* 3. Shumen, 12–31 (in Bulgarian).
19. Georgiev, P. 1997. In *Problemi na prabălgarskata istoriya i kultura (Issues of Pre-Bulgarian History and Culture)* 3. Shumen, 296–312 (in Bulgarian).
20. Georgiev, P. 2008. In *Prinosi kăm bălgarskata arkheologiya (Contributions to the Bulgarian Archaeology)* V. Sofia, 52–66 (in Bulgarian).
21. Georgiev, P. 2005. In *Cherno more mezhdū Iztoka i Zapada: mitove, ideologiya, istoriya (Black Sea between Orient and Occident: Miths, Ideology, History)*. Varna, 77–82 (in Bulgarian).
22. Georgiev, P. 2009. In *Prinosi kăm bălgarskata arkheologiya (Contributions to the Bulgarian Archaeology)* VI. Sofia, 131–141 (in Bulgarian).
23. Georgiev, P. 2003. In *Studia protobulgarica et mediaevalia europensia*. Sofia, 175–182 (in Bulgarian).
24. Georgiev, P. 2003. In *Traditsii i priemstvenost v Bălgariya i na Balkanite prez srednite vekove (Traditions and Continuity in Bulgaria and on the Balkans in the Middle Ages)*. Veliko Tarnovo, 83–93 (in Bulgarian).
25. Georgiev, P. 2006. In *Khersonesskii sbornik (Chersonessos Collected Works)* 15. Sevastopol, 83–95 (in Bulgarian).
26. Georgiev, P. 2002. In *Polihronia. Sbornik v chest na prof. Ivan Bozhilov (Polychronia. Collection of the articles in honor of prof. Ivan Bozhilov)*. Sofia, 63–77 (in Bulgarian).
27. Georgiev, P. 2000. In *Arkheologiya (Archaeology)* (3–4), 16–30 (in Bulgarian).
28. Georgiev, P. 2013. In *Prinosi kăm bălgarskata arkheologiya (Contributions to the Bulgarian Archaeology)* VII. Sofia, 27–43 (in Bulgarian).
29. Georgiev, P. 2011. In *Bolgarskii Forum (Bulgar Forum)* I. Kazan, 74–84 (in Bulgarian).
30. Georgiev, P. 2014. In *Istoriikii (Istoriikii)* 9. Shumen, in print (in Bulgarian).
31. *Grătski izvori za bălgarskata istoriya (Greek Sources on Bulgarian History)* III. 1960. Sofia (in Bulgarian).

32. *Grätski izvori za bālgarskata istoriya (Greek Sources on Bulgarian History)* IV. 1961. Sofia (in Bulgarian).
33. Grigorov, V. 2014. In *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 11. Shumen, in print (in Bulgarian).
34. Dimitrov, Ya. 1999. In *Pārvoprestolna Pliska. 100 godini arkeologicheski prouchvaniya (The First Capital Pliska: 100 years of archaeological studies)*. Frankfurt a.M., 23–35 (in Bulgarian).
35. Dimitrov, Ya. 2004. In *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 10. Shumen, 169–197 (in Bulgarian).
36. Dimitrov, Ya. 1994. In *Arkheologiya (Archaeology)* (3–4), 37–51 (in Bulgarian).
37. Doncheva-Petkova, L. 2009. In *Arkheologiya (Archaeology)* (1–2), 76–90 (in Bulgarian).
38. Doncheva-Petkova, L., et al. 2011. In *Arkheologicheski otkritiya i razkopki prez 2010 g. (Archaeological Discoveries and Excavations in 2010)*. Sofia, 379–381 (in Bulgarian).
39. Doncheva-Petkova, L. 1999. In *Pārvoprestolna Pliska. 100 godini arkeologicheski prouchvaniya (The First Capital Pliska: 100 years of archaeological studies)*. Frankfurt a. M. (in Bulgarian).
40. Doncheva-Petkova, L., et al. 2002. In *Arkheologicheski otkritiya i razkopki prez 2001 g. (Archaeological Discoveries and Excavations in 2001)*. Sofia, 113 (in Bulgarian).
41. Ivanov, J. 1970. *Bogomilski knigi i legendi (Bogomil Books and Legends)*. Sofia (in Bulgarian).
42. Jordanov, Iv. 2000. In *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 8. Shumen, 135–167 (in Bulgarian).
43. Jireček, K. 1898. In *Periodichno spisanie na Bālgarskoto knizhovno druzhestvo (Periodical of the Bulgarian Literary Society)* LV–LVI, 261–267 (in Bulgarian).
44. Kliashtornyi, S. G. 2009. In *Slozhenie russkoi gosudarstvenosti v kontekste rannesrednevekovoi istorii Starogo Sveta (The Russian State Formation in the Context of the Early Medieval History of the Old World)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) XLIX. Saint Petersburg, 203–207 (in Russian).
45. Miyatev, K. 1940–1942. In *Izvestiya na Bālgarskiya arkeologicheski institut (Reports of Bulgarian Archaeological Institute)* XIV. Sofia, 73–130 (in Bulgarian).
46. Murzaev, E. M. 1984. *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov (Dictionary of the Folk Geographical Terms)*. Moscow (in Russian).
47. Pletneva, S. A. 1992. In *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 5. Shumen, 35–63 (in Russian).
48. Pletn'ov, V. 2008. *Varna prez Srednovekovieto (Varna in the Middle Ages)*. Part I: *Ot VII do kraya na X vek (From the 7th to the End of the 10th Century)*. Varna (in Bulgarian).
49. Rashev, R. 2008. *Bālgarskata ezicheska kultura VII–IX vek (Bulgarian Pagan Culture in the 7th – 9th Centuries)*. Sofia (in Bulgarian).

50. Rashev, R. 2003. In *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 9. Shumen, 145–167 (in Bulgarian).
51. Rashev, R. 2007. In *Srednevekovnaia arkhologiiia Evraziiskikh stepei (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes)*. Kazan, 104–117 (in Russian).
52. Sevortian, E. V. 1974. *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov. Obshchetiurkskie i mezhtiurkskie osnovy na glasnye (Etymological Dictionary of the Turkic Languages. Common Turkic and Cross-Turkic Bases of the Vowels)*. Moscow (in Russian).
53. Simeonov, B. 1979. In *B"lgarski ezik (Bulgarian language)* 2, 137–139 (in Bulgarian).
54. Stanilov, St. 1997. In *Problemi na prab"lgarskata istoriya i kultura (Problems of Pre-Bulgarian History and Culture)* 3. Shumen, 186–232 (in Russian).
55. Stanilov, St. 2006. *Khudozhestveniyat metal na B"lgarskoto khanstvo na Dunav (7–9 v.). Opit za empirichno izsledvane (Artistic Metal of the Bulgarian Khanate in Danube Region (7th–9th c.): an attempt of empirical study)*. Sofia (in Bulgarian).
56. Totev B., Pelevina, O. 2007. In *Izledvaniya po b"lgarska srednevekovna arkhologiiya (Research in Bulgarian Medieval Archaeology)*. Veliko Tarnovo, 111–124; (in Bulgarian).
57. Totev, B., Pelevina, O. 2010. In *Arkheologiya (Archaeology)* (3–4), 58–77 (in Bulgarian).
58. Uspenskii, F. I. 1905. In *Izvestiia Russkogo arkhelogicheskogo instituta v Konstantinople (Proceedings of the Russian Archaeological Institute in Constantinople)* Kh. Sofia, 1–15 (in Russian).
59. Fekher, G. 1925. In *Izvestiya na B"lgarskiya arkhelogicheski institut (Reports of Bulgarian Archaeological Institute)* III. Sofia, 1–90 (in Bulgarian).
60. Fiedler, U. 1999. In *Zwischen Byzanz und Abendland. Pliska, der ostliche Balkanraum und Europa im Spiegel der Fruhmittelalterarchäologie*. Frankfurt am Main, 83–89 (in Bulgarian and German).
61. Fiedler, U. 1992. *Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an Unteren Donau*. Bd. I; II. Bonn.
62. Škorpil, H., Škorpil, K. 1898. *Mogili (The Barrows)*. Plovdiv (in Bulgarian).
63. Donceva-Petkova, L. 2007, Eighth- and ninth-century pottery from the industrial quarter of Pliska, capital of the early medieval Bulgarian kingdom. In Henning, J. (ed.). *Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium 2: Byzantium, Pliska, and the Balkans*. Berlin; New York, 293–314.
64. Golden, P. B. 2003. Cumanica III: Urusoba. In Golden, P. *Nomads and their Neighbours in the Russian Steppe. Turks, Khazars and Qipchaqs*. Variorum reprints XIII. Burlington, 33–45.
65. Henning, J. 2007. The Metropolis of Pliska or, how large does an early medieval settlement have to be called a city? In Henning, J. (ed.). *Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium*. Vol 2: *Byzantium, Pliska, and the Balkans*. Berlin; New York, 209–240.

About the Author:

Georgiev Pavel P. Doctor of History. National Institute of Archaeology, Shumen Branch. “Gen. Toshev” St., 4, Shumen, 9700, Bulgaria; pavel-g@gbg.bg

УДК 930.24

ХРОНОЛОГИЯ ДРЕВНОСТЕЙ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МИГРАЦИЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

© 2014 г. Е.П. Казаков

На основе разработанной автором культурно-хронологической стратиграфии древностей ранних и домонгольских (VIII–XIII вв.) волжских болгар выделяются этапы их миграции из северо-восточных провинций территории салтовской культуры на Среднюю Волгу. Предполагается, что в истории Среднего Поволжья имели место две основные волны тюркизации: первая была связана с населением пост-гуннского круга (хазары, огузы, болгары), вторая – позднетюркская (кыпчакская?) тюркизация. Вместе с тем, взаимодействие Волжской Болгарии с ее прародиной в виде салтовской культуры и Хазарского каганата продолжалось несколько столетий, и в течение этого времени в Среднем Поволжье прослеживается ряд миграционных волн меньшего масштаба, в частности, после разгрома Хазарии. Длительные, почти 600-летние контакты болгары имели с уграми, поволжско-приуральскими финнами, а также славянами.

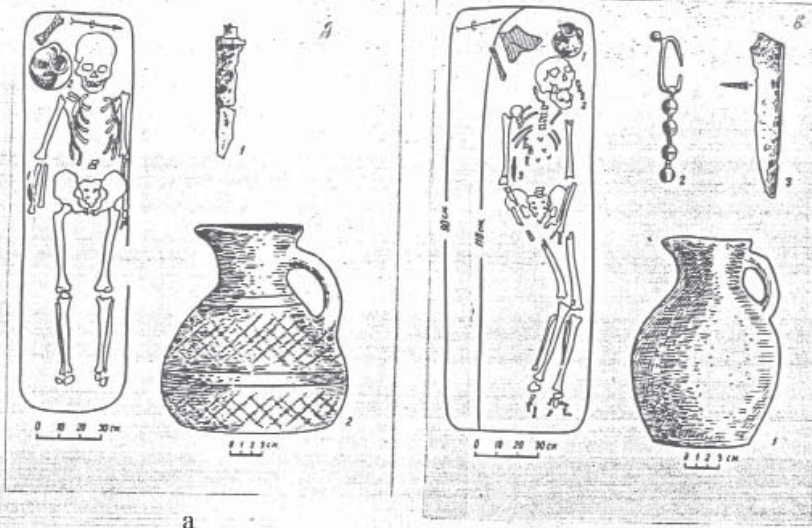
Ключевые слова: Среднее Поволжье, раннее средневековье, Волжская Болгария, ранние болгары, миграции, периодизация, салтовская культура, Хазарский каганат, тюркизация.

В истории Восточной Европы особая роль принадлежит Волжской Болгарии, которая оказывала культурное, экономическое и политическое влияние на население обширного региона. Благодаря исследованиям в основном казанских археологов распределены по особенностям культуры и времени вещевые комплексы, отмечаемые на протяжении длительного, 600-летнего, существования страны болгар. Особенно примечательны достижения в изучении ранее практически не известного раннеболгарского периода. В.Ф. Генинг, А.Х. Халиков, Е.А. Халикова, Е.П. Казаков начиная с 60-х годов XX в. обследовали более 2000 богатых материалами захоронений Большетарханского, Танкевского, Большетиганского и других некрополей, которые отнесены пре-

имущественно к кочевническому, языческому периоду истории болгар на Волге.

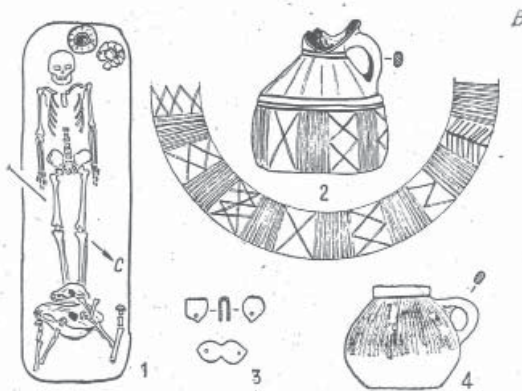
Данные материалы, а также комплексы раскопанных поселений домонгольского и золотордынского времени, позволили получить достаточно четкую культурно-хронологическую стратиграфию древностей. Определено, что их появление и формирование во многом было связано с миграциями населения на широкой европейской территории, вызванными глобальными военно-политическими событиями. Следствием миграции стало появление нового народа – волжских болгар.

Одним из важнейших цивилизационных центров Евразии была общность салтовских культур, особенно на основной их территории – юго-

а

б

в

Рис. 1 а. План комплекса Танкеевского могильника
Рис. 1б. План погребального комплекса Танкеевского могильника
Рис. 1в. Находки из раннеболгарских погребений у с. Усть-Курдюм

востоке Европы. Появившись на Волге, орда кочевых болгар принесла с собой характерные элементы салтовской культуры: лепные плоскодонные горшки и круговые сосуды с бомбовидным туловом (рис. 1). Хотя в своих истоках последние принадлежали аланам, переселенным, видимо, хазарским каганом из районов Северного Кавказа в Подонье, однако на Волге эта посуда выступает как собственно болгарская.

Продвинувшаяся на север орда кочевала в северно-восточной части основной салтовской территории. Двигалась она по правому берегу р. Волги, о чем свидетельствует локализация болгарских могильников: Усть-Курдюмского в г. Саратове, Автозаводского в г. Ульяновске, I и II Большеатарханских в Предволжье Татарстана (рис. 2). Данное направление движения подтверждается еще и тем, что болгары, видимо, долго контактировали с бургасами и шли через их территорию. От последних, они же заимствовали обряд захоронений в удлиненных глубоких ямах сложной конструкции (с заплечиками, подбоями), сопровождавшихся шкурой лошади (рис. 3). Такие захоронения, практически не известные в салтовской культуре, в массе фиксируются в могильниках волжских болгар: 62 таких погребения, или 17% всех захоронений, отмечены в Большеатарханском, более 80 (12%) – в Танкеевском могильниках.

Истоки такой обрядности выявлены в некрополях позднесарматской турбаслинско-именьковской общности VI–VII вв. н.э. Урало-Поволжья (Казаков, 1998, с. 97–150). Во второй трети VII в. они были вытеснены кушнаренковскими кочевниками

маняжского этапа в районы Саратовско-Волгоградского Поволжья, где письменные источники позднее определяют их как бургас (Казаков, 2012, с. 118). Таким образом, в Среднем Поволжье возникла общность племен, которая, как будет показано ниже, стала центром притяжения и других народов.

Во второй трети IX в. в Хазарии между партиями мусульманства и иудаизма началась “борьба за веру”, в нее были втянуты кочевые племена печенегов и мадьяр, конфронтация между которыми оказала заметное влияние на изменение этнокультурной ситуации в Европе, – достаточно отметить, что в результате ее на р. Дунай появляются венгры. Указанные процессы четко отразились и в локализации населения Урало-Поволжья: прогнав мадьяр, печенеги стали нападать на родственные последним, более северные племена угров, что вызвало новую массовую миграцию. К концу IX в., в регионе исчезают целые культуры: кушнаренковская, неволинская; пустеют южные районы ломоватовской и полемской культур (Казаков, 1997, с. 47, рис. 2; 3). Большое число носителей этих культур бежит в страну болгар: в Танкеевском, Большеатарханском и других могильниках изучены сотни захоронений с характерными элементами вышеотмеченных культур: в обряде, керамике и другом вещевом материале (погребальные маски, предметы одежды, орудия труда и т.д.). Нашедшее убежище в стране болгар население было преимущественно угорским, хотя и разноплеменным (рис. 3–6).

Лишь на позднеязыческой части Танкеевского могильника изучены несколько захоронений мешеры вто-

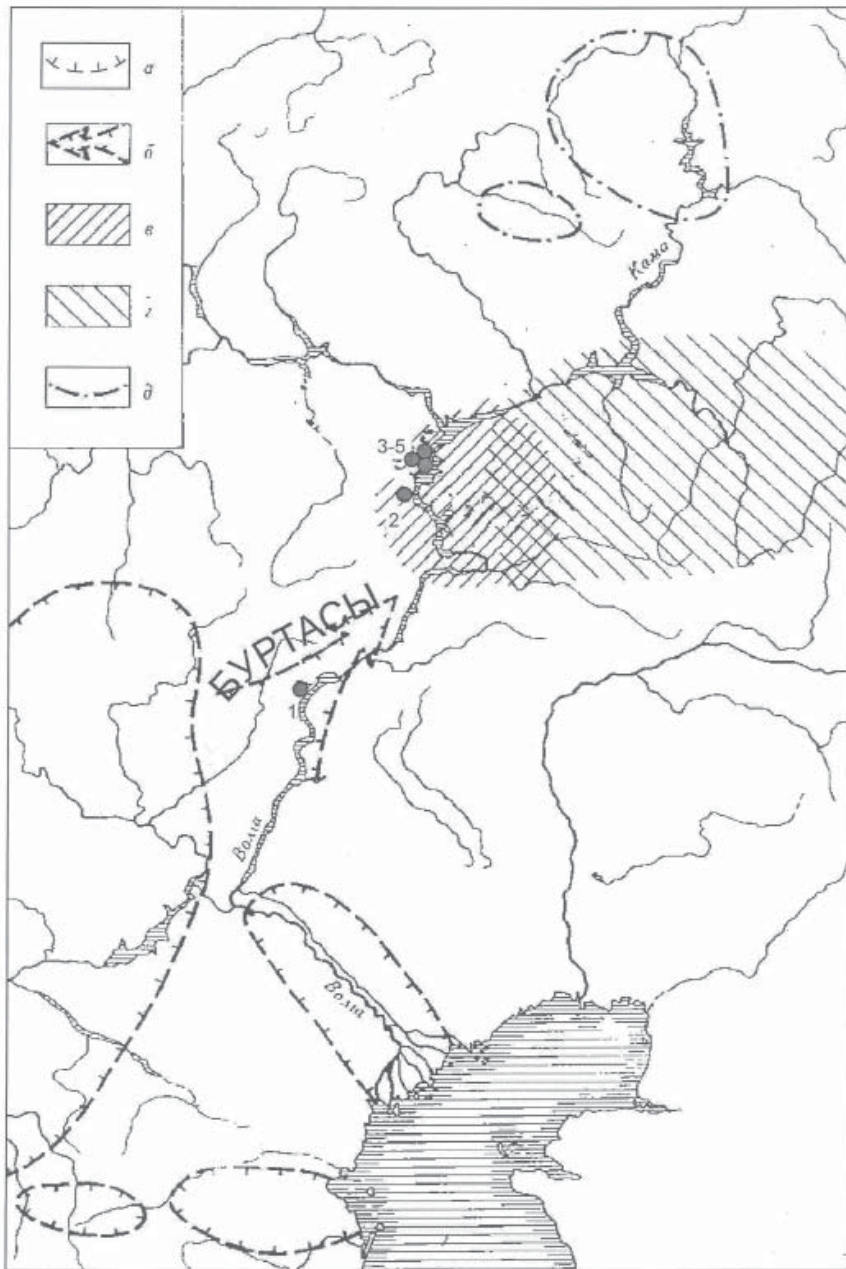

Рис. 2. Этнокультурная ситуация в Урало-Поволжье в раннеболгарский период: а – районы концентрации болгаро-салтовских памятников, б – направление движения болгаро-салтовских племен в Среднее Поволжье, в – территория ранней Волжской Болгарии, г – территория кушнаренковской общности (до мадяро-печенежской конфронтации), д – территория ломоватовской и полумской культур

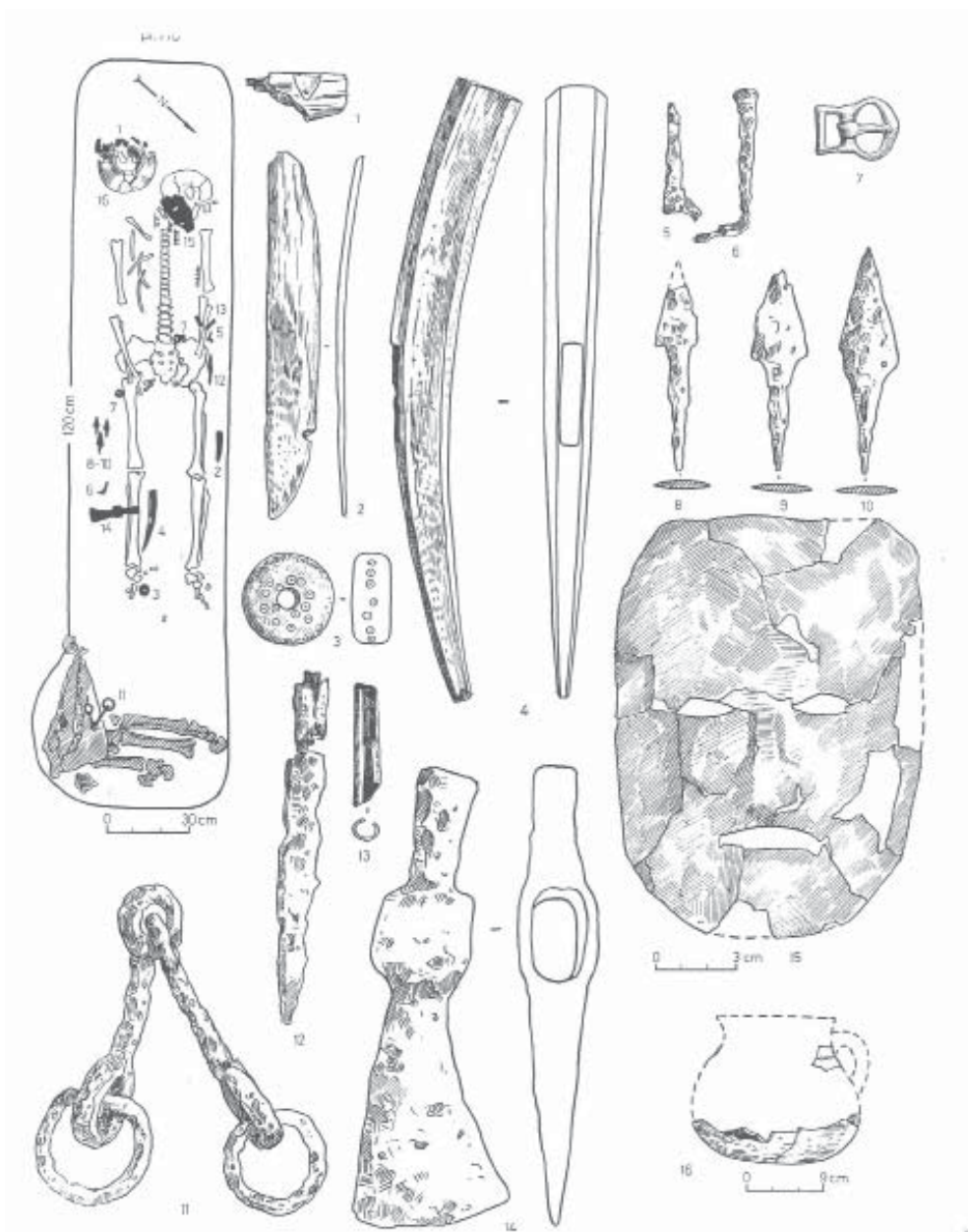

Рис.3. План и вещевой комплекс погр. 770 Танкеевского могильника.
 1 – дерево и серебро; 2,4 – кость; 3 – камень; 5,6,8–12,14 – железо; 13 – бронза;
 15 – серебро; 16 – керамика

Рис.4. План и вещевой комплекс погр. 6 Большетиганского могильника. 1-12 – серебро и цветной металл, 13-19 – железо, 20 – кость, 21 – серебро, железо, дерево, 22 – керамика (по А.Х. и Е.А.Халиковым)

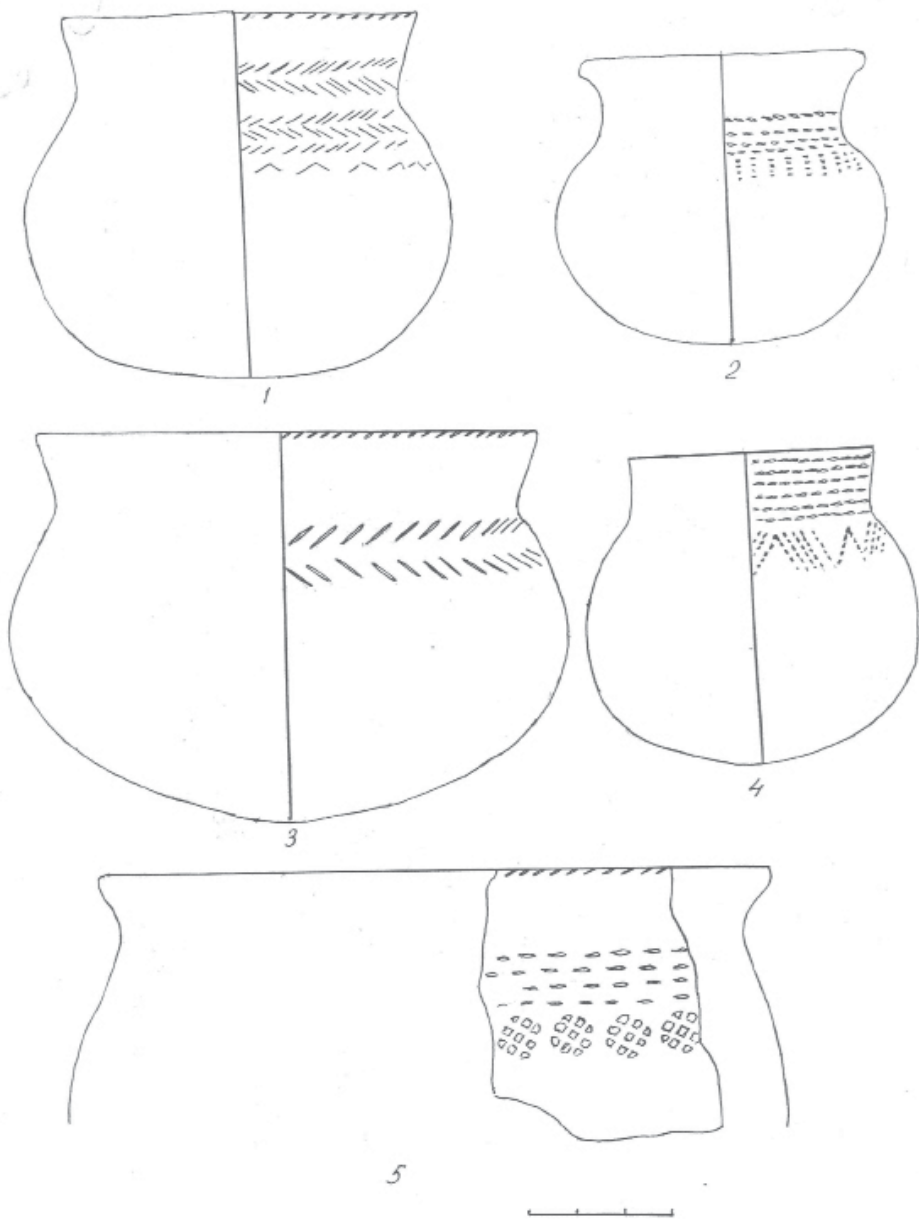

Рис.5. Керамика верхнекамских угров из Танкеевского могильника

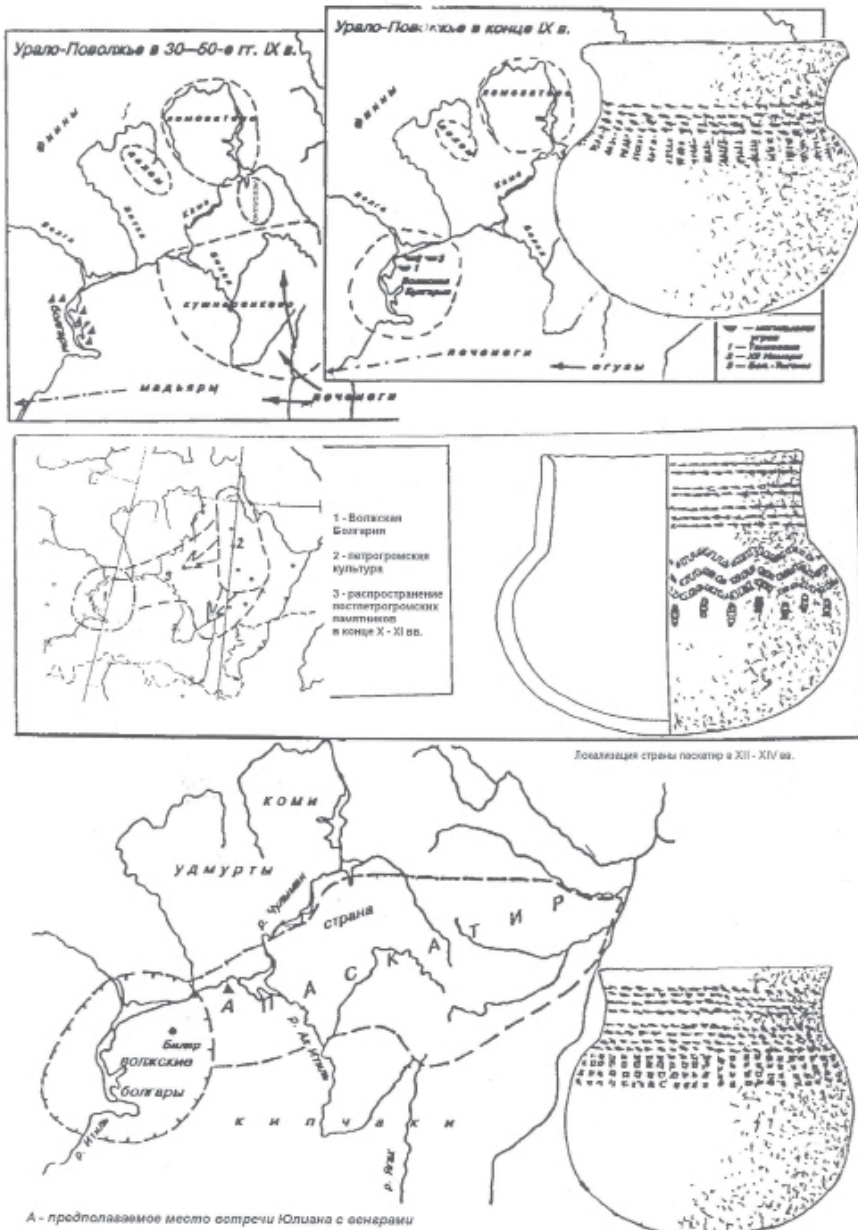

Рис.6. Миграция угорских кочевников с лепной круглодонной керамикой в Урало-Поволжье в IX–XIV вв.

рой – третьей четверти X в. (Казаков, 1992, с. 317, рис. 107). Следует отметить, что как раз в это время, происходит активная славянизация земель мешеры и муромы в бассейне р. Оки: в XI в. здесь уже существуют Рязанское и Муромское княжества.

Таким образом, мигрировавшие в Среднее Поволжье племена болгар кочевали на северо-восточной окраине салтовской общности, и не были тесно связаны с ее наиболее развитыми хозяйственными центрами. Об этом свидетельствует то, что принесенные образцы круговой посуды отслужили свой срок, и в захоронения нередко ставили экземпляры, имеющие отбитые ручки и горловины, со следами ремонта и т.п. Так, в Танкеевском некрополе 10% всей керамики представляли собой лепные кувшины, имитирующие формы салтовских круговых, но изготовленных, судя по глине с примесью толченой раковины, веревочным орнаментом местными мастерами (Казаков, 1992, с. 122, рис. 42).

Ранняя Волжская Болгария была догосударственным объединением языческих племен – болгар, сувар, эсегель, баджаров, ведущих в основном кочевой образ жизни. Только к 40-м годам X в. относятся сообщения письменных источников (Заходер, 1967, с. 36) и археологические данные (Казаков, 2008, с. 34–39), свидетельствующие о появлении, видимо на месте племенных центров, первых городов (Болгар, Сувар)¹. К этому же времени относятся и сведения о борь-

бе жителей этих городов, принявших мусульманство, с язычниками, что, в свою очередь, привело к тому, что часть полоумско-ломоватовского населения ушла в Верхнее Поволжье (Казаков, 2007, с. 88).

В 60-е годы X в. произошли масштабные военно-политические события, оказавшие большое влияние на процессы формирования Волжской Болгарии, Руси и ряда других стран. Под ударами печенегов и из-за походов Святослава пала Хазария, что привело к “великому разгону” – миграциям разноэтничного населения, имевшего развитые культуру, земледелие, ремесленное производство и торговлю.

В стране болгар в это время появляется большое число поселений – городищ с мощными культурными слоями, развитыми земледельческими орудиями: лемехами, резаками, косами-горбушами, прогрессивными формами серпов и др., которых не было у ранних болгар Поволжья, но которые с VIII в. применялись в развитых районах салтовской культуры. Разительно отличаются керамические комплексы, исчезают салтовские сосуды с наибольшим диаметром в нижней части тулова, вместо них появляется постантичная посуда высокого обжига с наибольшим диаметром в верхней или средней части тулова в виде кувшинов, горшков, стаканов и т.д., которых также не было у ранних болгар. В массе появляются круговые горшки с поверхностью, покрытой рифлением; все могильники около поселений становятся только мусульманскими.

Вместе с вышеперечисленными материалами в Волжской Болгарии появляются комплексы поздних кочевников, еще на юге тесно взаимо-

¹ Вопрос о времени появления постоянных поселений у ранних болгар является дискуссионным, см.: Хузин Ф.Ш. Исследования по болгаро-татарской археологии. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2011. – С. 29–42. (Прим. ред.).

действовавших с салтовским населением. В составе их – лепные сосуды с “гирляндами” (рис. 7), предназначенные для приготовления пищи на открытых очагах, сковородки с полочкообразной ручкой, котлы с внутренними ушками и др. (Казаков, 1991, с. 167–176).

Отмеченные материалы свидетельствуют о том, что вместе со второй волной болгар пришли и группы поздних тюркоязычных кочевников. С ними, вероятно, связаны и образцы рунической письменности, неизвестные на материалах памятников ранних болгар (Казаков, 1991, с. 155, рис. 50).

Среди пришельцев, видимо, преобладали огузы, которые находились в дружеских отношениях с волжскими болгарами еще со времени Ибн Фадлана. На поселениях болгар второй половины X в. отмечаются находки этнически специфичных для огузских женщин изделий: нагрудных подвесок в виде стилизованных изображений летящих птиц, копоушки (рис. 8: 1–5).

Со второй волной болгар приходит и часть славянского населения. С ним связано появление изделий из оловянистой бронзы, бронзовые подвески-топорики, шила, на костяной рукояти которого вырезан знак Рюриковичей (рис. 9: 2–5). Специфическим женским славянским украшением, является бронзовая височная подвеска с пятью лучами (рис. 9: 1). Такие подделки характерны для славян роменско-борщевской общности, граничащей с запада с салтовской культурой (городища Титчиха, Новотроицкое и др.). После разгрома Хазарии подобные изделия как с дрововыми, так и с лопастными пятью лучами появились

и в Саркеле – Белой Веже (Плетнева, 2006, с. 346, рис. 82: 10–15).

Подобные подвески характерны для большинства населения Руси, но со специфическими чертами для каждого племени или союза племен. Но везде они имели семь лучей, единственное исключение отмечено лишь в земле вятичей (Никольская, 1981, с. 110, рис. 40: 14–18). Следует сказать, что вятические древности этого времени: круговая керамика с рифленым орнаментом, железные земледельческие орудия, кузнечные изделия, бытовые вещи: ножи, замки, ключи и др. – во многом идентичны подобным же предметам волжских болгар. При этом совершенно ясно, что это не было заимствованием одного от другого, скорее всего, миграция населения салтовского круга коснулась и Окского региона.

Следствием распада Хазарии явилось и образование т.н. “Сурского княжества” в Пензенском крае. Здесь в XI в. появились памятники, аналогичные волжско-болгарским, но без включения урало-прикамского компонента. Кроме того, между теми и другими сохранялась “нейтральная полоса” в 100 км, где не было таких памятников. Данная сурско-мокшанская группа памятников, по-видимому, оставлена последней волной болгар, не дошедших до р. Волги (Казаков, 2007, с. 82).

Таким образом, взаимодействие Волжской Болгарии с ее прародиной в виде салтовской культуры и Хазарского каганата продолжалось несколько столетий. В течение этого времени в Среднее Поволжье происходили “выплески” миграционных волн, которые нередко меняли не только военно-политическую обстановку, но и соци-

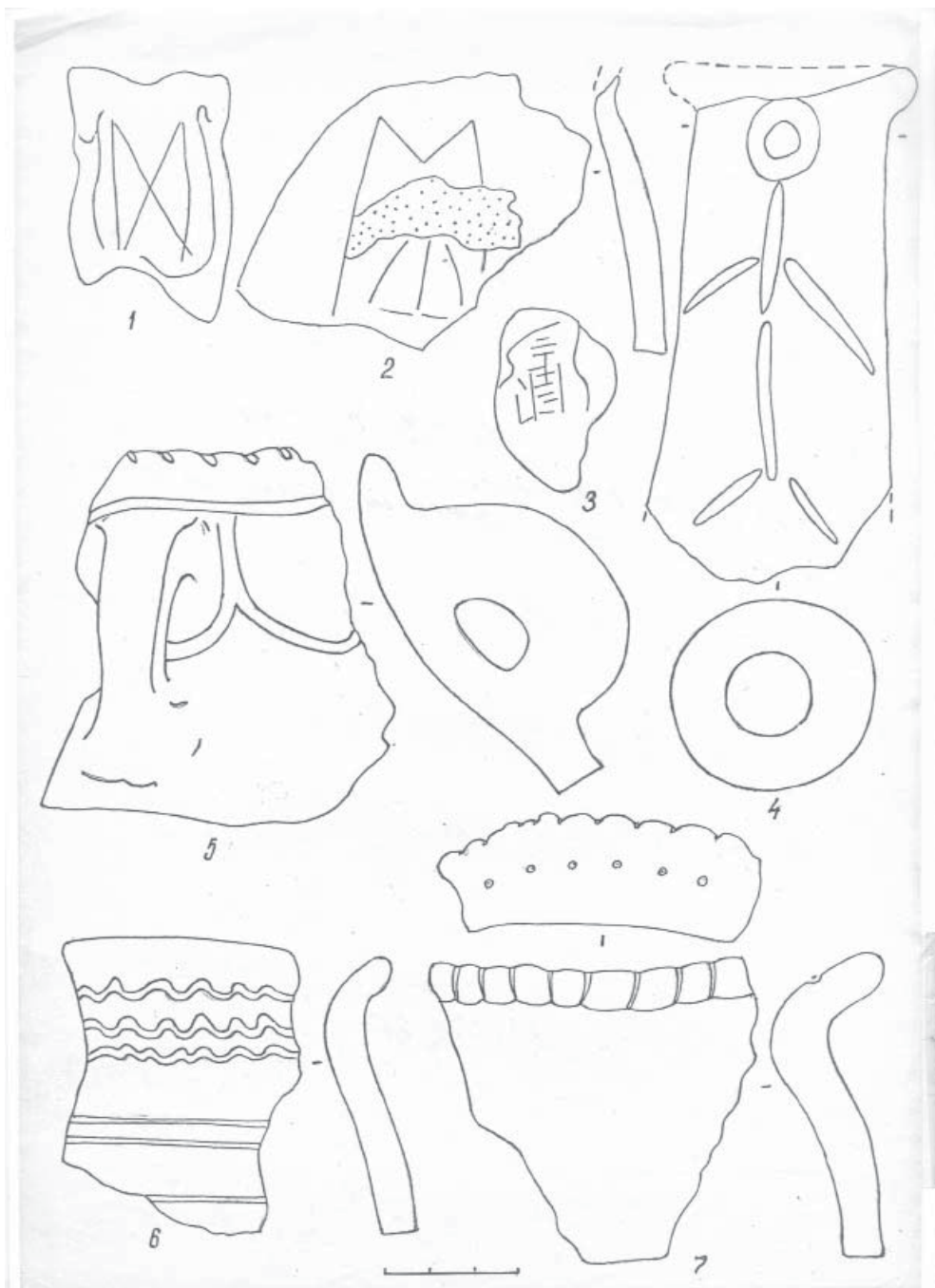

Рис. 7. Лепная керамика тюркоязычных кочевников, мигрировавших в Среднее Поволжье вместе со второй волной в последней трети X в. Измерское селище.

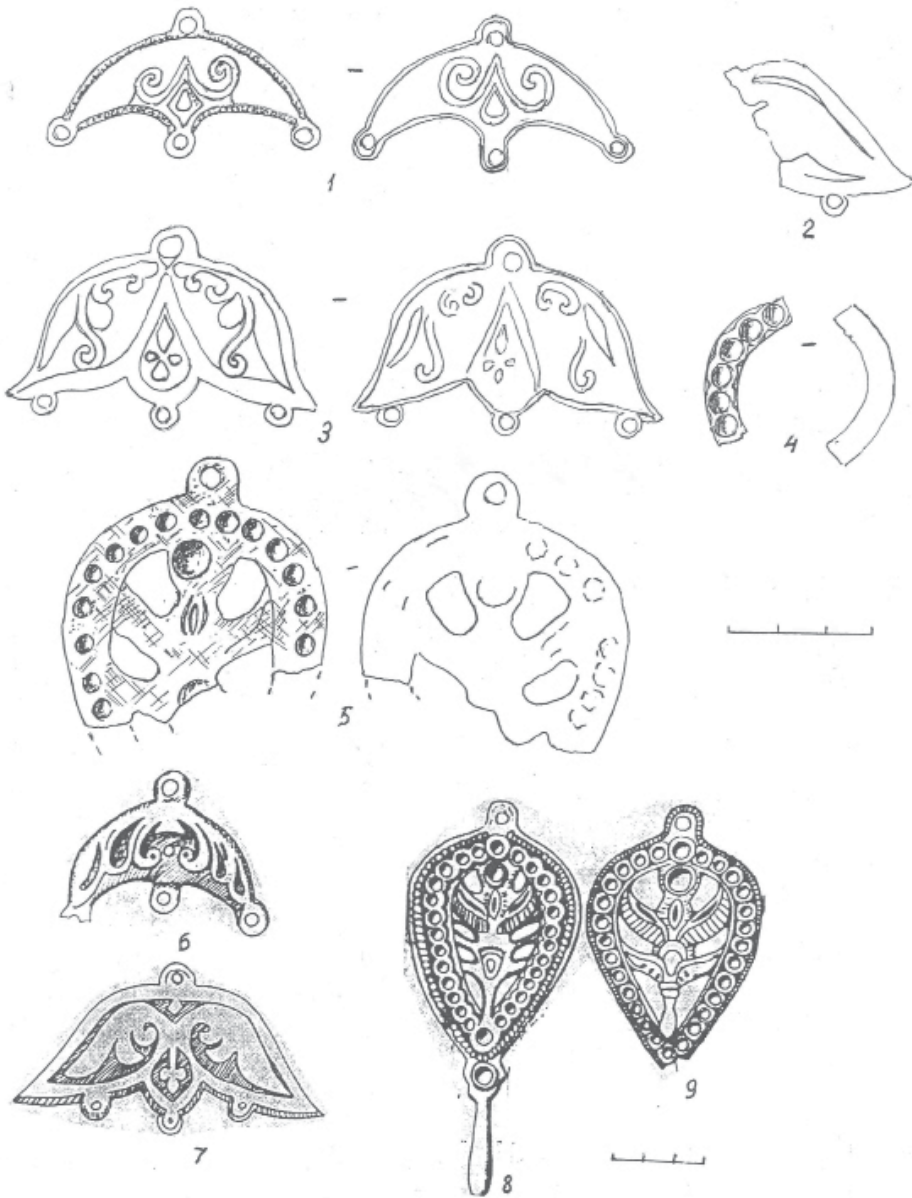

Рис.8. Бронзовые украшения женского костюма огузов из памятников Волжской Болгарии (1 – 5) и их аналогии в Нижнем Поволжье (6 – 9)

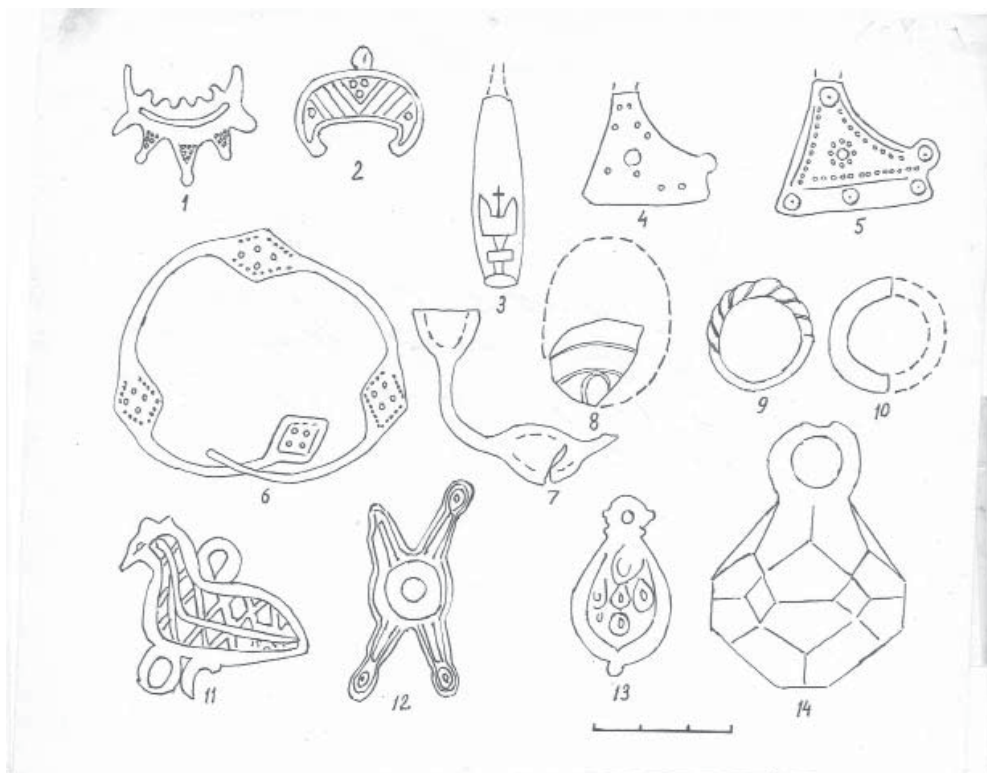

Рис.9. Изделия славян, пришедших в Среднее Поволжье вместе со второй волной болгар. Измерское селище. 1,2,4 – 7, 11 – 14 – бронза; 3 – кость; 8 – поливная керамика; 9,10 – стекло.

ально-экономические условия и даже этническую ситуацию.

Одним из примечательных достижений археологии Восточной Европы стало открытие постпетрогромской и чияликской культур домонгольского и золотордынского времени. В конце XI в. в Волжскую Болгарию из районов Среднего Урала мигрирует большая масса угорского населения с лепной, круглодонной, украшенной гребенчато-шнуровым орнаментом керамикой. Она близка к ранее рассмотренной полумско-ломоватовской керамике (рис. 10) и составляет около 1,5–3% от изученной выборки посуды Волжской Болгарии, отмеченной практически на всех, теперь уже постоянных, болгар-

ских поселениях. Под воздействием круговой посуды болгар часть ее преобразовалась в подгруппы II, а также т.н. джукетаусскую и др., в которых гребенчато-шнуровой орнамент заменяется резными линиями, вместо раковины в тесте появляется песок и пр., хотя форма и круглодонность сохраняются. Такая гибридная посуда свидетельствует об ассимиляции новых пришельцев и включении их в состав волжских болгар.

Истоки постпетрогромского населения находятся среди кочевых угров южных районов петрогромской культуры Среднего Урала. Здесь их памятники известны со второй половины VI в. н.э. (Казаков, 2007, с. 54). При

переселении на Волгу, эти племена оставили в Предуралье и Башкортостане курганные могильники – Мрясимовский, Коранаевский и др. – с материалом, в том числе и нумизматическим, конца X в. (Казаков, 2004, с. 120–128)².

Очередной этап миграции населения связан с усилением Руси в первой половине домонгольского периода. Ранее, чем на Верхней Волге, государственная власть утвердилась на р. Оке, где уже в XI в. возникли Муромское и Рязанское княжества. Как показывают события 1088 г., когда были ограблены болгарские купцы, эти княжества стремились взять под свой контроль торговые пути по Волге и Оке.

Позднее княжеская власть укрепилась и в Верхнем Поволжье. Наряду с инокультурными социально-экономическими изменениями, происходило и глубокое идеологическое воздействие, связанное с вытеснением язычества христианством. Спасаясь от этого, не только финноязычное население, но, видимо, и часть язычников-славян уходили в Волжскую Болгарию. Отмечая это, Казанский летописец, касаясь бассейна р. Казанки, писал: “Наполни такими людьми землю ту еще черемиса, зовемая отяки, тое же ростовская чернь, забежавши та от крещения русского в болгарских жилищах...” (Сказание о царстве Казанском, 1959, с. 27). Часть верхневолжского населения мигриро-

вала еще дальше на восток; так, в низовьях р. Вятки выявлен Котловский могильник с типичными бронзовыми изделиями меры (рис. 11).

В целом можно отметить, что усиление влияния Северо-Восточной Руси в XI–XII вв. на предков коми и удмуртов привело к их миграциям в восточном направлении. В свою очередь, последние оказывали давление на угорские племена, вытесняя их за Урал (рис. 12), которые западнее Уральского хребта сохранились лишь в лесостепи Урало-Повожья.

Но и здесь в золотордынский период из района макушинского круга Зауралья на бывшую постпетрогромскую территорию переселяются новые угорские племена чияликской культуры с непрочной оседлостью. Они принесли с собой характерную для угров лепную круглодонную посуду, но не с ракушечной, а с песчаной примесью в тесте. Это население, судя по Такталачукскому, Иманлеевскому и другим могильникам низовой р. Белой, исторически связанным с предками племени эней, принимает ислам и в дальнейшем входит в состав современного тюркоязычного населения данного региона. В некоторых могилах в качестве языческих пережитков встречаются вещи, в том числе серебряные монеты золотордынских ханов Узбека и Джанибека (Казаков, 2003, с. 79–87).

В это же время на основную территорию Волжской Болгарии, где с X в. проживало мусульманское население, переселяются язычники – тюркские кочевники. Они оставили более десятка курганных могильников, где погребенные сопровождались характерным для кочевников инвентарем. Такие комплексы в виде пред-

2 Вопрос о времени появления на поселениях волжских болгар т.н. «постпетрогромской» посуды является также дискуссионным, см.: Хузин Ф.Ш. Исследования по болгаро-татарской археологии. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2011. – С. 69–79. (Прим. ред.).

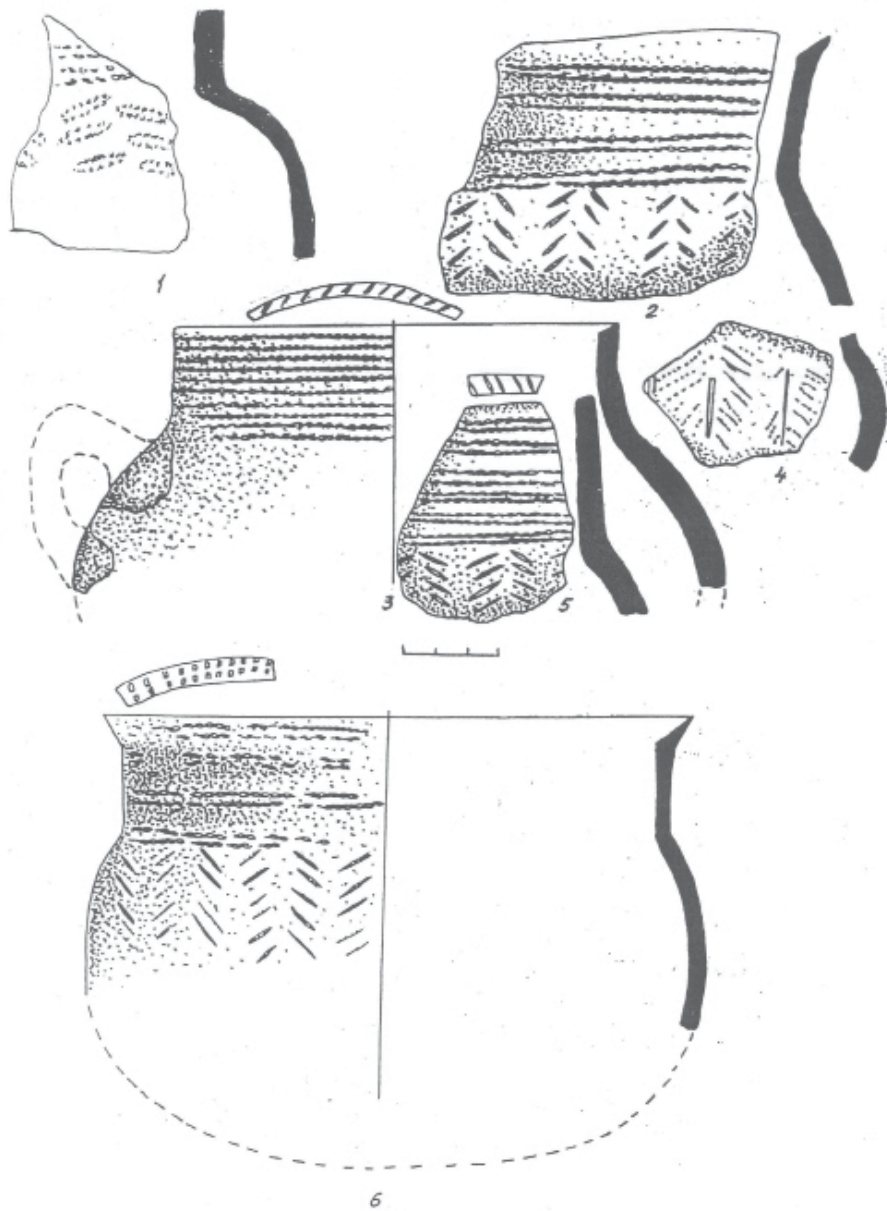

Рис. 10. Керамика постпетрогромской культуры из Измерского селища

Рис. 11. Бронзовые изделия мери из Котловского могильника

Рис. 12. Миграция финнов на восток в XI–XII вв.

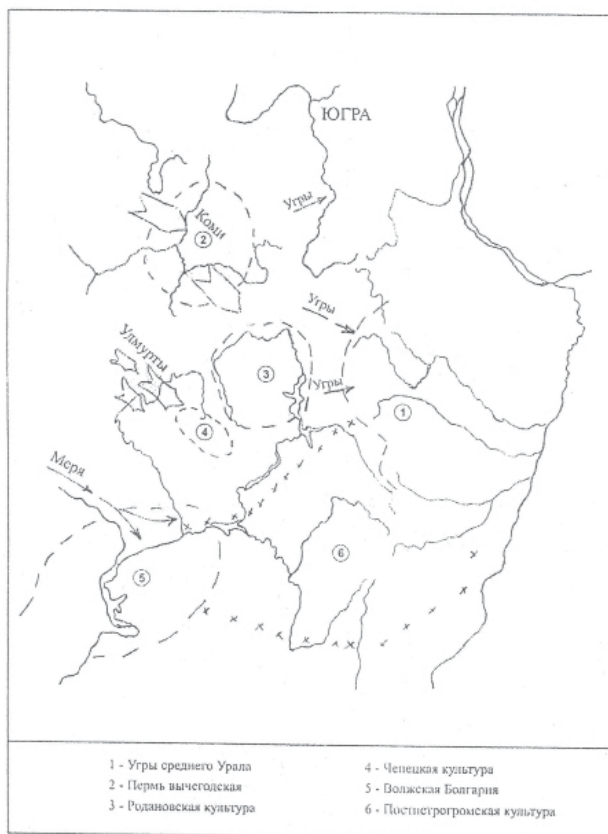

Рис. 13. Могильники тюркских кочевников в Волжской Булгарии и около нее. XIV в.

метов вооружения, бытовых вещей, конского снаряжения, зеркал и т.д. в большом числе отмечаются и на поселениях волжских болгар, особенно на торгово-ремесленных селищах в низовьях р. Актай, II Коминтерновском, V Семеновском и др. (рис. 14). На них же отмечены более мощные, чем домонгольского времени, сельскохозяйственные орудия: лемехи, резаки, косы и др. Можно полагать, что, в конечном итоге, данное население с включениями волжских болгар в политическом пространстве Казанского ханства сформировалось в новый народ – казанских татар.

В заключение следует отметить, что волжские болгары с самого начала своего формирования были подвергнуты воздействию пришлых этнических групп: тюркских, индоиранских, угорских, финноязычных. В истории Среднего Поволжья имели место две волны тюркизации: I – связанная с населением подгуннского круга (хазары, болгары), II – позднетюркская (кыпчакская?) тюркизация. Длительные, 600-летние, контакты болгары имели с уграми, культура которых на всех этапах имела четкий репер в виде лепной круглодонной керамики с веревочно-гребенчатым орнаментом.

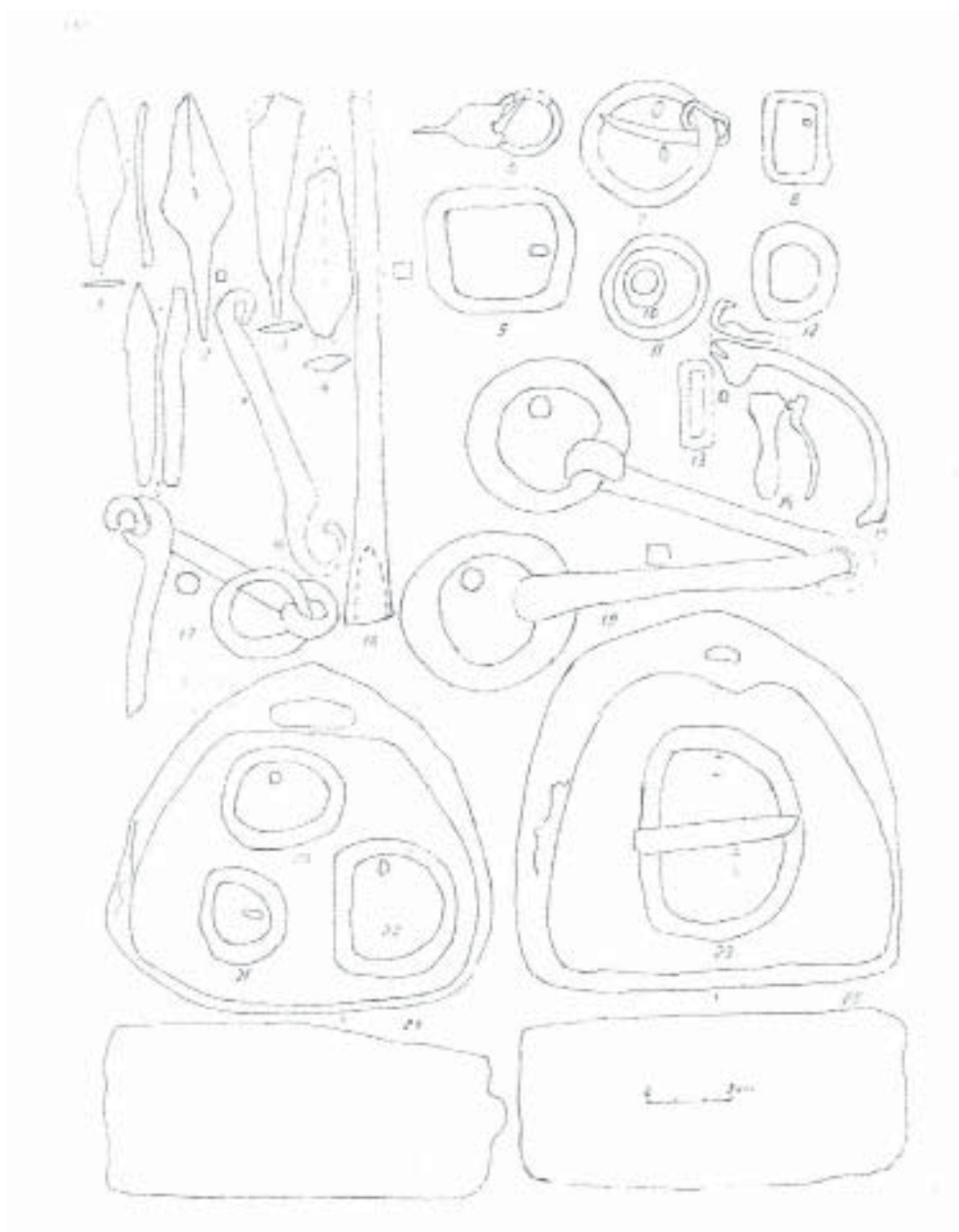

Рис.14 Железные изделия из Коминтерновского II селища. XIII–XIV вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. – М.: Наука, 1967.
2. *Казаков Е.П.* Болгарское село X–XIII веков низовий Камы. – Казань: Татаркнигоиздат, 1991. – 176 с.
3. *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). – М.: Наука, 1992. – 335 с.
4. *Казаков Е.* Волжская Болгария и финно-угорский мир // *FU*. – 1997. – № 1. – С. 33–53.
5. *Казаков Е.П.* Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии)*. – Самара, 1998. – С. 95–104.
6. *Казаков Е.П.* Чияликская культура: территория, время, истоки // *Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума*. – Тобольск, 2003. – С. 79–87.
7. *Казаков Е.П.* Постпетрогромская культура: истоки, время, территория // *Четвертые Берсовские чтения*. – Екатеринбург, 2004. – С. 120–128.
8. *Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. – 208 с.
9. *Казаков Е.П.* О ранней дате столичных городов домонгольской Волжской Болгарии // *FU*. – 2008. – № 11. – С. 34–39.
10. *Никольская Т.Н.* Земля вятичей. – М.: Наука, 1981. – С. 296 с.
11. *Плетнева С.А.* Древнерусский город в кочевой степи. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – 392 с.
12. *Сказание о царстве Казанском*. – М.: Гослитиздат, 1959. – 526 с.

Информация об авторе:

Казаков Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ncai@mail.ru

THE CHRONOLOGY OF VOLGA BULGARY ANCIENTRIES IN EASTERN EUROPE MEDIVAL MIGRATIONS SYSTEM**Ev. P. Kazakov**

Based on the author's cultural-chronological stratigraphy of the antiquities of the early and pre-Mongol Volga Bulgars in the 8th through to 13th centuries, the stages of their migration from the north-eastern provinces of the Saltov culture territory to the Middle Volga region have been singled out. It is assumed that in the history of the Middle Volga region, there were two main waves of Turkification: the first was associated with the population of the post-Hunnish circle (the Khazars, the Oghuz, the Bulgars), while the second wave was represented by the Late Turkic (Kipchak?) population. However, the interaction of Volga Bulgaria with its ancestral home in the framework of the Saltov culture and the Khazar Khaganate had lasted for several centuries, and during that time, a number of migration waves on a smaller scale, in particular after the defeat of Khazaria, occurred in the Middle Volga region. For about 600 years, the Bulgars had been maintaining contacts with the Ugrians, the Volga-Uralic Finns, and the Slavs.

Keywords: the Middle Volga region, the Early Middle Ages, Volga Bulgaria, early Bulgarians, migrations, periodization, the Saltov culture, the Khazar Khaganate, Turkification.

REFERENCES

1. Zakhoder, B. N. 1967. *Kaspiiskii svod svedenii o Vostochnoi Evrope (The Caspian Corpus of Accounts on Eastern Europe)* II. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X—XIII vekov nizovii Kamy (Bulgarian Village of the 10th—13th Centuries in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
3. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Kazakov E. 1997. In *Finno-Ugrica* 1, 33–53 (in Russian).
5. Kazakov, E. P. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 95–104 (in Russian).
6. Kazakov, E. P. 2003. In *Ugry. Materialy VI Sibirskogo simpoziuma (The Ugrians: Proceedings of the 4th Siberian symposium)*. Tobol'sk, 79–87 (in Russian).
7. Kazakov, E. P. 2004. In *Chetvertye Bersovskie chteniia (Fourth Bersov Readings)*. Yekaterinburg, 120–128 (in Russian).
8. Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX—XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (Volga Bulgarians, Ugrians and Finns in 9th – 14th Centuries: Problems of Interaction)*. Kazan: Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
9. Kazakov, E. P. 2008. In *Finno-Ugrica* 11, 34–39 (in Russian).
10. Nikol'skaia, T. N. 1981. *Zemlia viatichel. K istorii naseleniia basseina Verkhnei i Srednei Oki v IX—XIII vv. (The Land of the Vyatichi. On History of Population in the Basin of the Upper and Middle Oka in the 9th – 13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
11. Pletneva, S. A. 2006. *Drevnerusskii gorod v kochevoi stepi: istoriko-stratigraficheskoe issledovanie (Old Rus Town in the Nomads' Steppe: a Historical and Stratigraphic Study)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
12. *Skazanie o tsarstve Kazanskom (The Tale of the Kazan Kingdom)*. 1959. Moscow: Goslitizdat (in Russian).

About the Author:

Kazakov Evgeniy P. Doctor of Historical Sciences. Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ncai@mail.ru

УДК 39; 572.9

**МАТЕРИАЛЬНЫЕ СЛЕДЫ КУМАНОВ
В БОЛГАРСКИХ ЗЕМЛЯХ (КОНЕЦ XI – СЕРЕДИНА XIII В.):
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ**

© 2014 г. Г.В. Владимиров

*Посвящаю
светлой памяти матери*

В статье представлены материальные свидетельства и прослежены процессы проникновения и оседания куманов на территории Дунайской Болгарии в период с первого их появления в конце XI в. до их постепенной культурной интеграции в составе средневековой болгарской народности во второй половине XIII в. Прослежен исторический путь куманов в болгарские земли и отмечены немногочисленные археологические памятники, оставленные ими в этом регионе. Их культурная специфика прослеживается в основном по особенностям погребального обряда и некоторым типам украшений. Утверждается, что куманы как компактная этническая масса с собственной культурой существовали недолго, после своего оседания они достаточно быстро были ассимилированы местной средой. Со второй половины XIII в. их материальные следы трудно отличить от золотоордынских. Подчеркивается необходимость составления систематического и подробного компендиума находок поздних кочевников в болгарских землях XI–XIII вв.

Ключевые слова: Балканы, Дунайская Болгария, поздние кочевники, куманы, ассимиляция, христианизация, погребальные памятники.

Тема о присутствии куманов на Балканах и, в частности, в болгарских землях, относительно хорошо изучена на основе письменных источников. Значительный вклад в этом направлении внесли исследования В. Златарского (Златарский, 1994), В. Тыпковой-Заимовой (Тыпкова-Заимова, 1976), П. Дякону (Diaconu, 1978), Г. Атанасова (Атанасов, 1991, с. 75–89; 2009), Й. Андреева (Андреев, 1996, с. 108–132), А. Николова (Nikolov, 2005, pp. 223–229), В. Стоянова (Стоянов, 2005, с. 3–25), И. Вашари (Vasary, 2005, pp. 13–56), А. Узелаца (Узелац, 2008, с. 163–179) и особенно П. Павлова (Павлов, 1987, с. 629–637; 1992, с. 20–31; 2010, с. 308–337 и др.).

Значительно меньше разработана проблематика, связанная с определением материальных следов поздних кочевников в период их оседания на новых территориях. За исключением нескольких статей, имеющих научную ценность (Рашев, 1983, с. 242–252; Борисов и Шейлева, 2000, с. 247–251; Борисов, 2006, с. 391–408; Йотов, 2008, с. 216–226), отсутствует целостное, обобщающее исследование, представляющее куманов в болгарских землях в свете археологических источников. Причины имеют как объективный характер (собственно «куманские следы» являются незначительными, существует неуверенность в их

однозначной идентификации из-за гибридности позднекочевнических артефактов), так и субъективный аспект – выражение профессиональных комплексов и эгоцентрично-карьерных амбиций среди открывателей и музейных администраторов. В настоящей статье мы представим известные нам (по публикациям и информации отзывчивых коллег¹) материальные следы куманов в обозримый период – с первого зарегистрированного в письменном источнике появления их в болгарских землях до постепенной культурной интеграции в составе средневековой болгарской народности во второй половине XIII в.

Первый набег куманов в болгарские земли относится к концу XI в. Периодические контакты их с коренным населением были ограниченными. Преобладающий кочевнический способ жизни новых пришельцев препятствует выделению материальных свидетельств их присутствия. Кроме того, по мнению Р. Рашева, кочевники

Нижнего Дуная, куманы в том числе, очень недолго фигурировали в качестве компактной этнической массы с собственной культурой, после оседания среди аборигенного населения они быстро подверглись ассимиляции, приобретая характерные черты быта, культуры и религию болгар (Рашев, 1983, с. 242). В результате их материальные следы маргинализированы. Процесс формирования симбиоза культур между местным и вновь прибывшим населением более явно отражается в материалах могильников, где вместе с традиционным христианским обрядом появляются и отклонения – в ориентации и позе скелета, размещении углей, извести и тризны в могильных ямах, отмечается присутствие среди инвентаря специфических украшений (напр., серьги в виде знака вопроса – см.: Владимиров, 2014, с. 223–232). Восстановление традиции «обол Харона» можно интерпретировать также не как античный пережиток, а как привнесенный обычай. Эти «компенсаторные механизмы идентичности» заслуживают, однако, специального исследования.

Монгольское нашествие в Восточной Европе вызвало массовые миграции куманов на Нижний Дунай и ускорение их седентаризации в регионе. В 30-х – 40-х годах XIII в. в болгарскую среду проник значительный тюрко-кочевнический этнический элемент: с территорий между Волгой и Днепром и с земель Венгерского королевства. «Венгерская волна» привела большое количество христианизированных куманов (Павлов, 1987, с. 632–633). Этот факт необходимо учитывать – христианство оказалось катализатором для быстрой интегра-

1 Выражаю свою благодарность В. Йотову (Региональный исторический музей – г. Варна), Т. Тихову (Региональный исторический музей – г. Шумен), Пл. Славову (Археологический музей – Великий Преслав), Б. Борисову (Национальный историко-археологический заповедник – Мадара), О. Рачеву (Региональный исторический музей – Перник) Г. Атанасову (Региональный исторический музей – Силистра), И. Мечкову, Д. Андоновой, М. Ваклиновой (Национальный археологический институт с музеем БАН), Пл. Павлову (Великотырновский университет им. Св. Св. Кирилла и Мефодия) за идеи и предоставление визуальных и текстовых материалов для настоящего исследования.

ции мигрантов в культуру балканской среды и стимулировало исчезновение присущих им специфических черт культуры.

После середины XIII в. куманские материальные следы трудно дифференцировать от золотоордынских. Исследователи куманского наследия должны учитывать этот факт, проявляя осторожность в выводах и интерпретации находок периода после монгольского нашествия.

Исторический путь куманов к землям Нижнего Дуная оказался длинным. Известно, что в начале XI в. в результате так называемой «цепной миграции» (по выражению Л.Р. Кызласова) и внутренних центробежных процессов, распался Кимакский каганат. Началось переселение на запад части кимако-кыпчакских племен (куны-куманы и шары-половцы-кыпчаки), в первую волну которого выдвинулись куны (куманы латинской исторической традиции). Группа тюркских племен, которая заняла территорию между Волгой и Днепром, получила в русских источниках наименование «половцы», а в арабо-персидских – «кыпчаки», а между Днепром и Дунаем, видимо, куманы.

Вскоре куманы появились и в болгарских землях в той части, которая в те времена была занята Византией. В 1078 г. вместе с печенегами они опустошали окрестности Адрианополя (Michaelis Attaleiatae, 1965, с. 193). Между кочевническими народами, однако, возник конфликт, переросший в войну (Anna Comnena, 1972, с. 68). В конечном счете, куманы и ромеи разбили печенегов в битве при Левунионе (1091 г.) и уничтожили пече-

нежскую угрозу над Балканами (Anna Comnena, 1972, с. 86–92).

В следующем XII столетии куманы периодически пересекали болгарские земли, при этом их грабительские кампании, вопреки усилиям Византии, приносили разруху и опустошение (Ioannis Cinnami, 1978, с. 226–227, 247; Theodoris Scutariota, 1972, с. 228–229). При этом плененных куманов принудительно расселяли на границе со статусом стратиотов. В результате подобной политики, скорее всего, и появились первые материальные следы этих кочевников в болгарских землях (рис. 1). Присутствие куманов в окрестностях языческой столицы Плиска, например, засвидетельствовано двумя «каменными бабами», найденными еще в 20-е годы XX в. возле с. Царев Брод, западнее Плиски (Рашев, 1983, с. 246–247). Речь идет о мужской и женской фигурах (рис. 2), высеченных из крупнозернистой известняковой породы местного происхождения и поставленных на более древней могильной насыпи. Долгое время считавшиеся праболгарскими, сегодня они рассматриваются как уникальные для нижнедунайского региона культовые памятники куманов (Рашев, 1983, с. 247). После печенегов, о которых рассказывают византийские источники (Anna Comnena, 1972, с. 61), праболгарские территории около религиозного центра Мадара и христианской столицы Преслава также были заселены куманскими пришельцами. Об этом свидетельствует как найденная в 1967 г. в Преславе надпись на известняковом блоке XII–XIII вв. (рис. 3), сообщающая о куманах в районе, так и находки серег в виде знака вопроса из Шуменской крепости и из

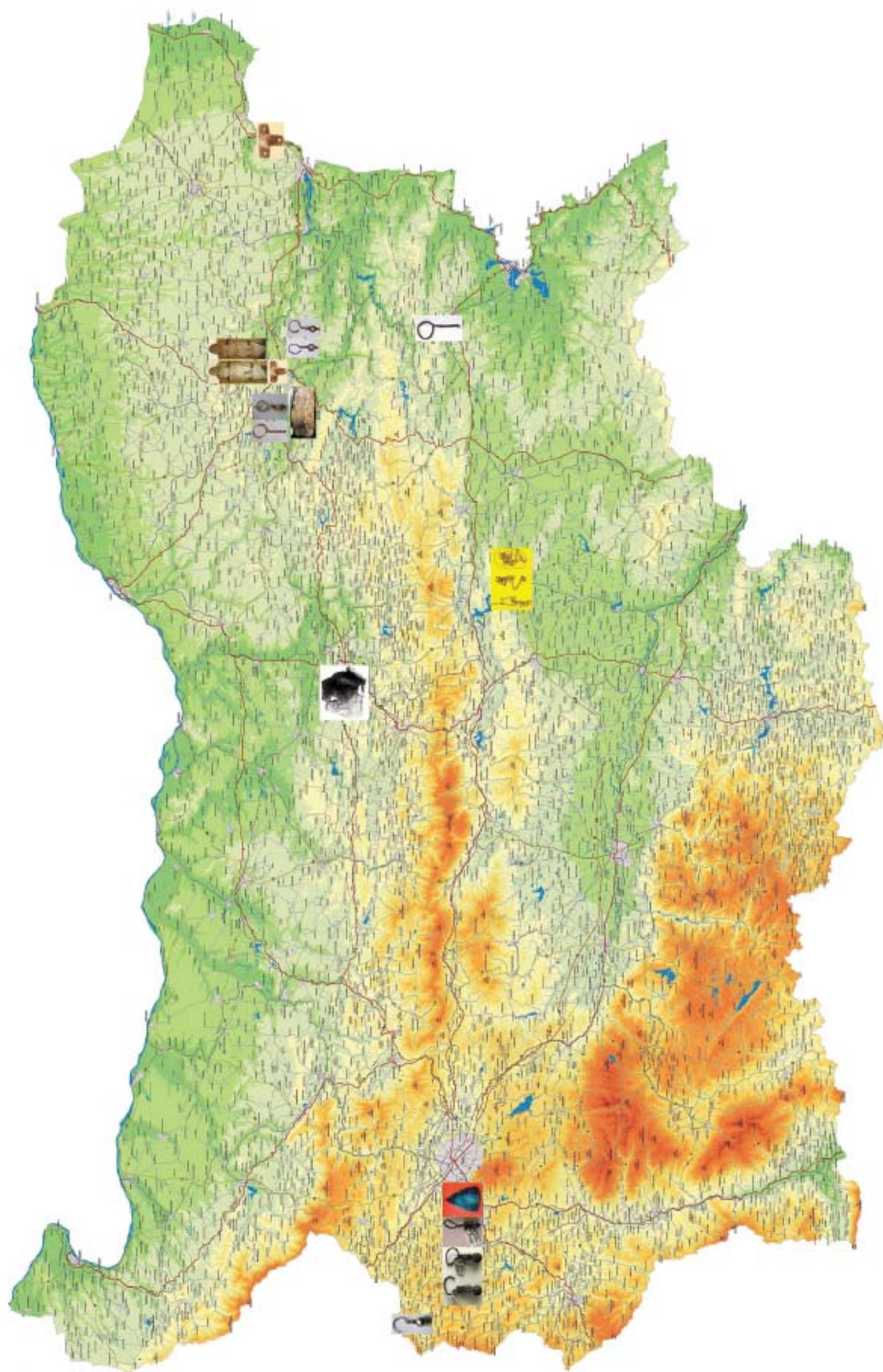

Рис. 1. Материальные следы куманов в Болгарии — ареал распространения.

а

б

Рис. 2. «Каменные бабы» возле с. Царев Брод
(Региональный исторический музей, г. Шумен):
а) мужская фигура; б) женская фигура.

Рис. 3. Каменная надпись из Преслава, повествующая о куманях (Археологический музей, Велики Преслав).

а)

б)

Рис. 4. Серьги в виде знака вопроса, XI–XIII вв.
а) Шуменская крепость (Региональный исторический музей, г. Шумен);
б) Некрополь возле Мадарского всадника (Музей – НИАР-Мадара).

Рис. 5. Кистени «куманского типа» из Северо-Восточной Болгарии, XII в.
(Региональный исторический музей, г. Варна).

средневековых некрополей Преслава и Мадары (рис. 4).

Другим активно обитаемым куманами районом был Добруджанский, особенно его дунайская и черноморская периферии, сильно обезлюженные в XII–XIII в. вследствие климатических изменений (Атанасов, 2009, с. 15). Материальные следы поздних кочевников на этих землях представлены серьгами в виде знака вопроса, небольшим количеством предметов вооружения и т.д. (рис. 5). Смещение остатков автохтонного населения и переселенцев заставило византийских летописцев говорить о неких «миксоварварах» – продукте своеобразного «вторичного этногенеза» (по определению болгарского археолога Г. Атанасова). Потомственные куманы позднее создали средневековой Добруджанской деспотат. Их культурными преемниками в регионе считаются современные гагаузы (Атанасов, 2009, с. 419 и сл.).

Взаимодействие куманов с местной средой на юге от Балканских гор (Стара-Планина) было спорадическим, но все-таки уловимым в единичных погребальных комплексах – речь идет о нескольких могилах в средневековом могильнике возле с. Дядово, недалеко от Новой Загоры, датируемых серединой XII в. (Борисов и Шейлева, 2000, с. 248–250), и могильнике возле с. Ковачево недалеко от Пазарджика (Гатев, 1985). В этом же районе обнаружена серьга в виде знака вопроса классического кочевнического типа, правда, без надежной датировки – уникальный для болгарских земель

артефакт (Владимиров, 2014, с. 229, рис. 7).

Интересным памятником, связанным, по всей вероятности, с культурой куманов в столице Тырново, является средневековой сосуд середины XIII в. с изображением шамана (рис. 6). Он обнаружен в ходе археологического исследования южного склона холма Царевец. Его открыватель склонен интерпретировать сцену как пережиток языческого периода в болгарской истории (Алексиев, 1989, с. 445). Скорее всего, артефакт принадлежал поздним кочевникам золотоордынского круга, например, куманам, чье присутствие в столице Второго Болгарского царства засвидетельствовано письменными источниками².

Ряд находок XIII в. – бытовые предметы, вооружение, украшения (рис. 7), обнаружены в крепости Перник и в ее округе; они также свидетельствуют о присутствии поздних кочевников в этом регионе (Чангова, 1992, с. 160 и сл.). Антропологический анализ средневекового могильника крепости дает дополнительные доказательства того, что среди местного населения присутствовали представители байкальских и палеосибирских расовых типов. Учитывая датировку некрополя (XIII в.), речь идет, скорее всего, о куманах (Перник, 1983, с. 210).

Важной, но недостаточно изученной является и тема об очередной миграции болгар из Приазовья и Се-

² Благодаря Пламена Павлова, обратившего мое внимание на этот интересный артефакт.

Рис. 6. Изображение шамана на сосуде из Велико Тырнова – вид и графическая реконструкция (см. Алексиев, 1989, с. 441, обр. 1; с. 447, обр. 2).

Рис. 7. Серьги в виде знака вопроса и шлем из могильника средневекового Перника, XII–XIII вв. (Региональный исторический музей, Перник).

верного Причерноморья к Нижнему Дунаю в составе поздних кочевников. Два гроба, вероятно, принадлежащие болгарам из Подонья с новопришедшими, зарегистрированы в районе южной крепостной стены Плиски (Рашев, 1986, с. 247–250). Предполагается, что в результате этой миграции в Северо-Восточной Болгарии появилась и распространилась так называемая «кочевническая керамика» (Димитров, 1975, с. 37–57).

Завершая краткий обзор известных материальных следов куманов в

болгарских землях, хотелось бы отметить, что, не имея особых претензий на эвристичность, мы стремились лишь обратить внимание на необходимость дальнейшего изучения этой интересной проблемы. Систематические исследования, включающие поиск, описание и публикацию подробного компендиума находок, связанных с поздними кочевниками в болгарских землях, должны стать одним из важнейших направлений болгарской медиевистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексиев Й.* Изображение на шаман върху средновековен съд от Царевец във Велико Търново // ПрПБИК. – София, 1989. – С. 440–447.
2. *Андреев Й.* Българи и кумани през средните векове // История на Второто българско царство. – Велико Търново, 1996. – С. 108–132.
3. *Атанасов Г.* Етнодемографски промени в Добруджа (X–XVI в.) // ИПр. – 1991. – № 2. – С. 75–89.
4. *Атанасов Г.* Добруджанското деспотство. Към политическата, църковната, стопанската и културната история на Добруджа през XIV век. – Велико Търново, 2009. – 496 с.
5. *Борисов Б. и Шейлева Г.* Археологически данни за късни номади на юг от Балкана // Плиска-Преслав. – Шумен, 2000. – Т. 8. – С. 247–251.
6. *Борисов Б.* Демографските промени през XI–XII век в днешните български земи (археологически свидетелства) // Тангра: Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев. – София, 2006. – С. 391–408.
7. *Владимиров Г.* Серьги в виде знака вопроса из Дунайской Болгарии (XIII–XIV вв.): происхождение и ареал распространения // Поволжская археология. – 2014. – № 1 (7). – С. 223–232.
8. *Гатев П.* Средновековно селище и некропол от XII в. край село Ковачево, Пазарджишки окръг // РП. – 1985. – № 12. – 169 с.
9. *Димитров Д.* Номадска керамика в Североизточна България // ИНМВ. – 1975. – № 11 (26). – С. 37–57.
10. *Златарски В.* История на българската държава през средните векове. – Т. 2. – София, 1994. – 568 с.
11. *Йотов В.* Прабългарски или... I. Кой етнос е оставил мегалитните паметници «девташлари»? // ИНМВ. – 2008. – № 44 – С. 216–226.
12. *Павлов П.* По въпроса за заселванията на кумани в България през XIII в. // Втори международен конгрес по българистика. – № 6. – София, 1987. – С. 629–637.
13. *Павлов П.* Средновековна България и куманите. Военнополитически отношения (1186–1241) // ТрВТУ. – 1992. – Т. 27. – Вып. 3. – С. 20–31.

14. *Павлов П.* Куманите в България и Византия през XII–XIV в. // Забравени и неразбрани: събития и личности от българското средновековие. – София, 2010. – С. 308–337.
15. *Перник.* – Т. 2. – София, 1983. – 216 с.
16. *Рашев Р.* Късни номади в плисковското поле // Преслав. – 1983. – Т. 3. – С. 242–252.
17. *Стоянов В.* Куманите в българската история (XI–XIV век) // ИПр. – 2005. – № 5–6. – С. 3–25.
18. *Тотев Т.* За кумани в един надпис от Преслав // Културата на средновековния Търнов. – София, 1985. – С. 158–169.
19. *Тълкова-Заимова В.* Долни Дунав – гранична зона на византийския Запад: към историята на северните и североизточните български земи, края на X–XII в. – София, 1976. – 187 с.
20. *Узелац А.* Куманите в средновековна Сърбия // Анамнеза. – 2008. – № 1. – С. 163–179.
21. *Чангова Й.* Перник. – София, 1992. – Т. 3. – 220 с.
22. *Anna Comnena.* Alexias // ГИБИ. – Т. 8. – София, 1972. – С. 7–149.
23. *Diaconu P.* Les Coumans au Bas-Danube aux XIe et XIIe siècles. – București, 1978. – 158 p.
24. *Ioannis Cinnami.* Historia // ГИБИ. – Т. 7. – София, 1968. – С. 209–262.
25. *Michaelis Attaleiatae.* Historia // ГИБИ. – Т. 6. – София, 1965. – С. 159–197.
26. *Nikolov N.* Cumani Bellatores in the Second Bulgarian State (1186-1396) // Annual of the Medieval Studies Department, CEU. – Vol. 11. – Budapest, 2005. – P. 223–229.
27. *Theodoris Scutariota.* Compendium Chronicon // ГИБИ. – Т. 8. – София, 1972. – С. 214–303.
28. *Vasary I.* Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185-1365. – Cambridge, 2005. – 247 p.

Информация об авторе:

Владимиров Георги Владимиров, доктор по истории (кандидат исторических наук), магистр по культурологии, главный эксперт в Министерстве культуры Республики Болгарии (г. София, Болгария); vladimirovkult@yahoo.com

MATERIAL TRACES BY THE CUMANS IN THE BULGARIAN LANDS (END OF 11TH – MIDDLE OF 13TH CENTURIES) ISSUES OF THE STUDY

G.V. Vladimirov

The article introduces material evidence and retraces the processes of the Cumans penetration and settling in the territory of Danube Bulgaria in the period between their first appearance in the late 11th century and their gradual cultural integration into the medieval Bulgarian nationality in the second half of the 13th century. The historical path of the Cumans to the Bulgarian lands has been traced back; archaeological sites left by them in the region,

which are not numerous, have been specified. Their cultural specificity has been traced mainly by funeral rite peculiarities and certain types of jewelry. It is alleged that the Cumans as a compact ethnic mass with its own culture had not existed for a lengthy period of time, being rather quickly assimilated by the local environment after settling. Starting second half of the 13th century, their material traces are difficult to distinguish from the general Golden Horde period ones. The necessity of developing a systematic and detailed compendium of finds related to the late nomads in the 11-13-century Bulgarian lands is emphasized.

Keywords: the Balkans, Danube Bulgaria, the late nomads the Cumans, assimilation, Christianization, funerary monuments.

REFERENCES

1. Aleksiev, J. 1989. In *Problemi na prabălgarskata istoriya i kultura (Problems of Pre-Bulgarian History and Culture)*. Sofia, 440–447 (in Bulgarian).
2. Andreev, J. 1996. In *Istoriya na Vtoroto bălgarsko tsarstvo (History of the Second Bulgarian Kingdom)*. Veliko Tarnovo, 108–132 (in Bulgarian).
3. Atanasov, G. 1991. In *Istorigheski pregled (Historical Review)* 2, 75–89 (in Bulgarian).
4. Atanasov, G. 2009. *Dobrudzanskoto despotstvo. Kăm politicheskata, tsărkovnata, stopanskata i kulturnata istoriya na Dobrudzha prez XIV vek (Despotate of Dobruja. Concerning the political, clerical, economical and cultural history of the Dobroudja in the 14th century)*. Veliko Tarnovo (in Bulgarian).
5. Borisov, B., Shejleva, G. 2000. In *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 8. Shumen, 247–251 (in Bulgarian).
6. Borisov, B. 2006. In Kajmakamova, M., et al. (eds.). *Tangra. Sbornik v chest na 70-godishninata na akad. Vasil Gyuzelev (Tangra: Collected Papers on 70th Anniversary of Academician Vasil Gyuzelev)*. Sofia: “Sv. Kliment Okhridski” Publ., 391–408 (in Bulgarian).
7. Vladimirov, G. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1 (7)), 223–232 (in Russian).
8. Gatev, P. 1985. *Srednevekovno seliste i nekropol ot XII v. kraj selo Kovachevo, Pazardzhishki okrăg (Medieval Settlement and Necropolis of 12th Century near the Kovachevo Village, District of Pazardzik)*. Razkopki i prouchvaniya (Excavations and Studies) 12. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
9. Dimitrov, D. 1975. In *Izvestiya na narodniya muzej văv Varna (Reports of Varna National Museum)* 11 (26), 37–57 (in Bulgarian).
10. Zlatarski, V. 1994. *Istoriya na bălgarskata dărzhava prez srednite vekove (History of Bulgarian State during the Middle Ages)* 2. Sofia (in Bulgarian).
11. Jotov, V. 2008.. In *Izvestiya na narodniya muzej văv Varna (Reports of Varna National Museum)* (44), 216–226 (in Bulgarian).
12. Pavlov, P. 1987. In *Vtori mezhdunaroden kongres po bălgaristika (Second International Congress of Bulgarian Studies)* 6. Sofia, 629–637 (in Bulgarian).
13. Pavlov, P. 1992. In *Trudove na Velikotărnovskiya universitet “Sv. Sv. Kiril i Metodij» (Proceedings of the Veliko Tarnovo University)* 27 (3), 20–31 (in Bulgarian).
14. Pavlov, P. 2010. In *Zabraveni i nerazbrani: săbitiya i lichnosti ot bălgarskoto srednevekovie (Forgotten and Misunderstood: Events and Persons in Bulgarian Middle Ages)*. Sofia, 308–337 (in Bulgarian).

15. *Pernik (Pernik)*. 1983. Vol. 2. Sofia (in Bulgarian).
16. Rashev, R. 1983. In *Preslav (Preslav)*. Vol. 3, 242–252 (in Bulgarian).
17. Stoyanov, V. 2005. In *Istoricheski pregled (Historical Review)* (5–6), 3–25 (in Bulgarian).
18. Totev, T. 1985. In *Kulturata na srednovekovniya Tŕrnov (The Culture of Medieval Tarnovo)*. Sofia, 158–169 (in Bulgarian).
19. Tăpkova-Zaimova, V. 1976. *Dolni Dunav – granichna zona na vizantijskiya Zapad: kăm istoriyata na severnite i severoiztochnite bălgarski zemi, kraya na X–XII v. (Lower Danube – Boundary Zone of the Byzantine West: on the History of Northern and North-Eastern Bulgarian lands, end of the 10th–12th century)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
20. Uzelats, A. 2008. In *Anamneza (Anamnesis)* 1, 163–179 (in Bulgarian).
21. Changova, J. 1992. *Pernik (Pernik)* 3. Sofia (in Bulgarian).
22. Anna Comnena. 1972. Alexias. In *Grătski izvori za bălgarskata istoriya (Greek Sources on Bulgarian History)* 8. Sofia, 7–149.
23. Diaconu, P. 1978. *Les Coumans au Bas-Danube aux XIe et XIIe siècles*. București.
24. Ioannis Cinnami. 1968. Historia. In *Grătski izvori za bălgarskata istoriya (Greek Sources on Bulgarian History)* 7. Sofia, 209–262.
25. Michaelis Attaleiatae. 1965. Historia. In *Grătski izvori za bălgarskata istoriya (Greek Sources on Bulgarian History)* 6. Sofia, 159–197.
26. Nikolov, N. 2005. Cumani Bellatores in the Second Bulgarian State (1186–1396). In *Annual of the Medieval Studies Department, CEU* 11. Budapest, 223–229.
27. Theodoris Scutariota. 1972. Compendium Chronicon. In *Grătski izvori za bălgarskata istoriya (Greek Sources on Bulgarian History)* 8. Sofia, 214–303.
28. Vasary, I. 2005. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge.

About the Author:

Vladimirov Georgi V. Doctor of History. Ministry of Culture of the Republic of Bulgaria. “Al. Stamboliiski” Bd., 17, Sofia, 1040, Bulgaria; vladimirovkult@yahoo.com

УДК 902

**ОРУЖЕЙНЫЕ И КРЕСАЛЬНЫЕ КРЕМНИ ИЗ
РАСКОПОК КАЗАНИ:
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

© 2014 г. М.Ш. Галимова, А.Г. Ситдигов, В.В. Хабаров

В статье представлены результаты экспериментально-трасологического изучения кремневых артефактов, найденных при раскопках в Казани в 1995–2005 гг. Импульсом к исследованию стал вопрос об идентификации кремневых находок как первобытных скребков, пластин, нуклеусов либо как оружейных и кресальных кремней. С целью определения трасологических признаков были изготовлены и использованы эталонные оружейные и кресальные кремни. Экспериментальные выстрелы производились из реплики мушкета русского производства 1806 года. Железное кресало, относящееся к XV–XVII вв. (случайная находка), было использовано в эксперименте по высеканию огня с помощью эталонов кресальных кремней. Изучение под микроскопом эталонов оружейных и кресальных кремней позволило авторам определить макро- и микроследы их использования. Трасологический анализ кремневых артефактов (54 экземпляра) выявил особенности износа оружейных и кресальных кремней. В результате большинство найденных в Казани кремневых скребков и ретушированных пластин было идентифицировано как оружейные кремни, а нуклеусы и массивные отщепы – как кресальные кремни. Лишь пять кремней несут на своих краях остатки рабочих кромок скребков. Крайняя степень утилизации оружейных кремней, сделанных из качественного сырья, а также повторное использование первобытных скребков и нуклеусов, вероятно, были обусловлены недостатком качественного кремня у населения Казани в XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: Казань, XVII–XVIII вв., оружейные и кресальные кремни, кремневые скребки, экспериментальная археология, трасологический анализ.

Введение. Территория исторической части Казани представляет собой уникальный объект археологического наследия. Формировавшиеся в течение многих веков археологические напластования города содержат свидетельства развития города. Археологические исследования, проводившиеся на протяжении десятилетий, предоставили важный источниковый материал для восстановления истории Казани. Кремлевский холм представляет собой единый историко-геогра-

фический объект, игравший ключевую роль в планировочной структуре Казани эпохи средневековья и Нового времени (кремль, посад, слободы). По письменным данным, весь периметр Кремлевского холма после 1552 г. был опоясан стеной. Посадские стены в тот период вышли за границы протоки Булак и впадины Черное Озеро. Южная линия укреплений во второй половине XVI–XVII вв. проходила вдоль южной оконечности Кремлевского холма, где ныне располагается

Казанский (Приволжский) федеральный университет и проходит улица Университетская.

Отдельные объекты археологии в историческом центре города фиксировались в работах казанских историков еще в XIX в. Систематические исследования и наблюдения за строительными работами в 1920–1950-е годы проводил Н.Ф. Калинин (Ситдинов, 2006). В 1960–1980-е годы на Кремлевском холме и в Казанском кремле, в частности, значительные работы вел А.Х. Халиков (Ситдинов, 1999). В 1990 – начале 2000-х годов обширные работы, возглавляемые Ф.Ш. Хузиным, проводились в различных частях исторического центра Казани, эти исследования включали в себя более 70 раскопочных работ, проведенных на площади более 390 тыс. кв. м. (Хузин, Ситдинов, 2004; Ситдинов, 2006, с. 27–33).

Благодаря раскопкам 1960–1980-х годов под руководством А.Х. Халикова в исторической части Казани, началось накопление комплекса поздних исторических предметов. Масштабные раскопки конца XX – начала XXI в. позволили создать обширную археологическую источниковую базу по изучению материальной культуры Нового времени. К числу интересных археологических находок принадлежат предметы из камня – так называемые «кресальные и оружейные кремни», которые в силу своей специфики использования быстро приходили в негодность либо терялись. Известно, что оружейные кремни бытовали в период с XVII в. по середину XIX в. в качестве огнеобразующего элемента в огнестрельном оружии, причем не только в ружьях, но и в пистолетах и даже в артиллерийских орудиях (www.adjudant.ru/table/Viewer.asp?table=RusArmy18124&id=).

Ударные кремневые оружейные замки разной конструкции начали широко применяться в Московской Руси достаточно рано – с начала XVII в. (Мышковский, 1965).

Оружейные кремни, обычно весьма схожие с кремневыми скребками и скобелями эпохи камня – раннего металла, в раскопах на Кремлевском холме происходят из горизонтов, относящихся ко второму слою стратиграфической шкалы Казанского кремля, датированному второй половиной XVI – XVIII в. (Ситдинов, 2006, с. 94–104, 184, рис. 1: 64). Вместе с тем в культурных напластованиях и сооружениях этого возраста эпизодически встречаются и древние кремневые изделия (раскопы II, IV, VI XIII, XXXIII), в частности, кремневые пластины, нуклеусы, заготовки рубящих орудий, скребки, а также тесла (Ситдинов, 2006, с. 179, рис. 139). Мысовая часть высокого Кремлевского холма, расположенного на берегу р. Казанка при ее впадении в Волгу, без сомнения, была весьма удобным местом для стоянок первобытных людей на протяжении эпох камня, энеолита и бронзы. Культурные слои этих стоянок были, по всей видимости, разрушены в ходе последующей жизнедеятельности жителей средневековой и исторической Казани.

В связи с наличием определенного количества кремневых находок (53 экз.), которые стали появляться в ходе раскопок Казани начиная с середины 1990-х годов, перед исследователями встала проблема функциональной и хронологической идентификации данных предметов. По мере изучения эта проблема переросла в методическую проблему

определения критериев разграничения первобытных кремневых орудий (скребков, скобелей, нуклеусов) и кремневых орудий Нового времени – оружейных и кресальных кремней.

Методика. Комплексное исследование, проведенное авторами для достижения вышеупомянутых задач – методической и конкретной функционально-хронологической – было начато с изготовления эталонных оружейных и кресальных кремней. Затем были предприняты экспериментальные выстрелы и высекание огня с целью установления их трасологических особенностей. На следующем этапе было проведено изучение под микроскопом поверхности экспериментальных кресальных и оружейных кремней (эталонов) в соответствии с методикой микро-макроанализа каменных орудий труда, разработанной С.А. Семеновым – основателем экспериментально-трасологического направления в первобытной археологии и углубленной его учениками – представителями Петербургской (Ленинградской) трасологической школы (Семенов, 1957; Семенов, Коробкова, 1983; Коробкова, Щелинский, 1996; Поплевко, 2007; Скакун, 2006). С учетом классификации различных видов деформации рабочих поверхностей и аккомодационных (обушковых) поверхностей каменных орудий, задействованных в разных трудовых операциях, которая была разработана исследователями отечественной трасологической школы (Коробкова, Щелинский, 1996), авторам удалось проследить макро- и микроследы деформации ударной кромки и других поверхностей, образовавшиеся в результате износа эталонных оружейных и кресальных кремней.

Затем, с учетом наших трасологических наблюдений над эталонами, было проведено изучение поверхностей кремневых артефактов, происходящих из раскопов в исторической части Казани. В результате среди артефактов удалось выявить как оружейные, так и кресальные кремни, а также экземпляры с двойной функцией, то есть использованные повторно (реутилизированные).

Терминологический подход, используемый авторами, требует разъяснения. В данной работе «ружейными» называются лишь эталонные кремни, поскольку мы точно знаем, что они использовались в ударном кремневом замке экспериментального ружья – реплики мушкета. Применительно к кремневым артефактам, которые несут на себе макро- и микроследы выстрелов, мы не можем с полной уверенностью говорить о том, что это был именно ружейный, а не пистолетный или артиллерийский замок, несмотря на то, что размеры конкретного артефакта как будто указывают на собственно ружейный характер его использования. Поэтому уместно будет употребление общего термина «оружейный» применительно ко всем кремневым артефактам, использованным в огнестрельном оружии.

Трасологическое изучение поверхности кремней-эталонов и артефактов проводилось с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 при увеличении в 28 и 56 раз. Фотографическая фиксация полученных таким образом изображений поверхности кремней осуществлялась через цифровую камеру-окуляр DCM 900, с использованием компьютерной программы ScoreTec. Следует оговориться, что в тех случаях, когда речь идет о следах

износа на поверхности кремней, четко выраженных и обозреваемых при сравнительно небольшом увеличении – не более чем 28-кратном, авторы считают возможным употреблять термин «макроследы». Соответственно фотографии, сделанные М.Ш. Галимовой через микроскоп МБС-10 при увеличении $\times 28$, демонстрируют такие макроследы (рис. 2-В; 3-А; 4: 7; 7: 1, 2; 8: 1–4). Износ рабочих краев и другие следы на поверхностях кремней, которые могут быть заметны при большем, чем 28-кратное, увеличении (до 100-кратного), авторы называют «микроследами». Подобные микроследы можно наблюдать на фотографиях, осуществленных В.В. Терехиной (ИИМК РАН) при 100-кратном увеличении посредством трасологического микроскопа Olympus (рис. 2-Б, В; 3-А; 9: 1–4) с использованием компьютерной программы Helicon Focus.

Функционально-трасологические характеристики кремневых скребков эпохи камня и раннего металла не нуждаются в специальном экспериментальном подтверждении, поскольку многократно и детально изучались исследователями как отечественной, так и зарубежных экспериментально-трасологических научных школ (Коробкова, Щелинский, 1996, с. 50–52, 55; Поплевко, 2007, с. 319–325, фото 21–28; Vaughan, 1985, р. 121–123, plates 87–97).

Принцип действия ударных кремневых оружейных замков широко известен ([www.adjudant.ru/table/Viewer.asp?table=Rus Army 1812 4&id=2](http://www.adjudant.ru/table/Viewer.asp?table=Rus_Army_1812_4&id=2)). Фото ружейного замка вместе с центральной частью реплики русского мушкета образца 1806 г., использованной в данном экспериментальном

исследовании, изображено на рисунке 1-А. На замочной доске, крепившейся сбоку на ложе мушкета, располагается полка для затравочного пороха, напротив которой в стволе находится затравочное отверстие. Над полкой крепится стальное огниво, имеющее форму изогнутой лопатки (рис. 1-Б). Напротив огнива, на замочной доске, закрепляется подвижный курок, в котором между двумя губками зажимается кремень. При нажатии спускового крючка и спуска боевой пружины снятый с предохранительного взвода курок сильно подается вперед и ударяет кремнем об огниво. Огниво от удара курка откидывается, открывая полку с затравочным порохом, а от искры, возникшей при ударе кремня о сталь, затравка воспламеняется. При этом огонь через затравочное отверстие ствола переходит в него и воспламеняет основной заряд, производя выстрел.

Оружейные кремни, изготавливаемые и используемые участниками современного реконструкторского военного движения, представляют собой изделия из высококачественного кремневого сырья (рис. 3-А). Эти кремни имеют правильную прямоугольную форму, близкую к квадратной. С точки зрения классификации орудий каменного века это медиальные фрагменты широких регулярных (правильных) макропластин, которые имеют трапециевидное сечение и прямой (не изогнутый) профиль. Более длинные стороны кремней оформлены фасетками отвесной или крутой ретуши, отжимной либо контрударной по технике исполнения (Waldorf, 1994, р. 48). Один из коротких краев имеет естественно острую кромку и является рабочим (ударным) кра-

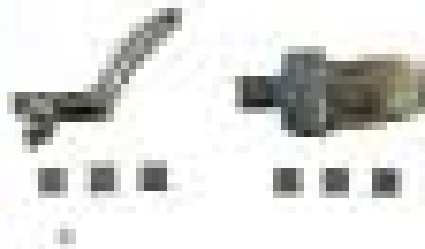

Рис. 1. Предметы из коллекции археологических находок.

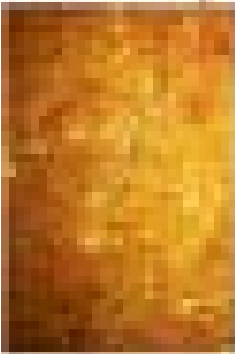
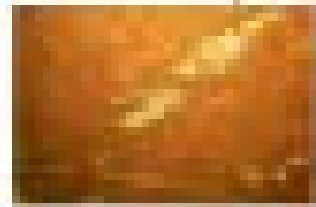

Рис. 2. Предметы из коллекции археологических находок.

Рис. 3. Предметы из коллекции археологических находок.

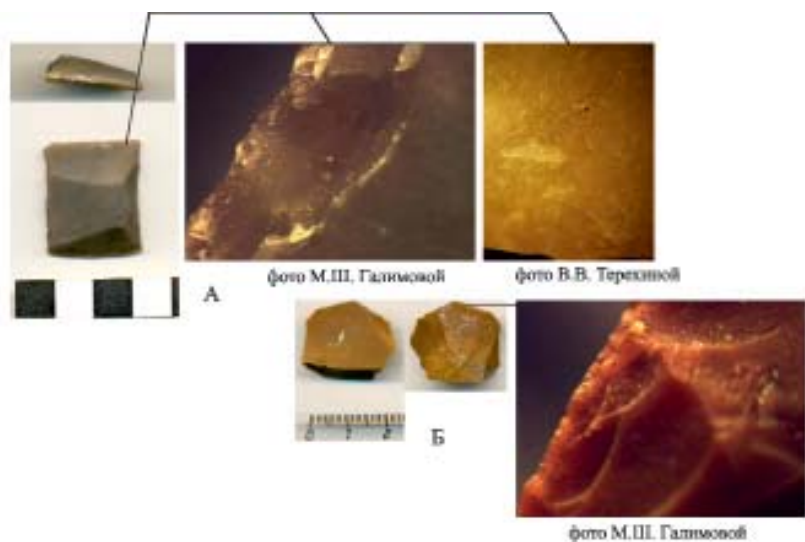

Рис. 3. Экспериментальные ружейные кремни:
 А - современный кремь традиционной формы (10 выстрелов) и фото макро- и микроследов на его ударном крае; Б - экспериментальный кремь (35 выстрелов) и фото макроследов на его ударном крае

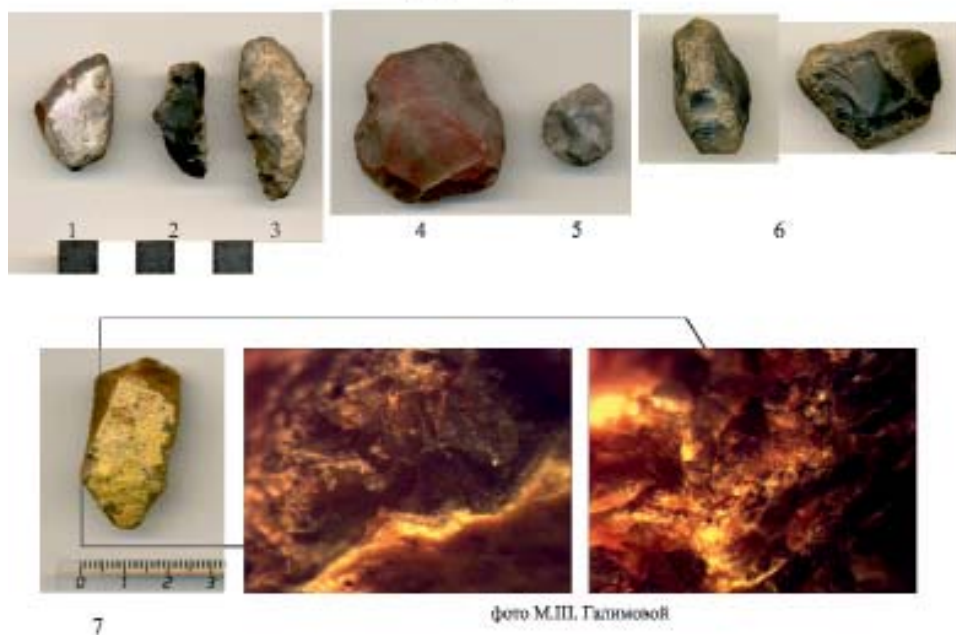

Рис. 4. Кресальные кремни из раскопок во дворе Казанского университета (1-5, 7) и в карьере (6)
 1 - кремь (КК-02.КТУ-6/284); 2 - кремь (КК-02.КТУ-6/657); 3 - кремь (КК-02.КТУ-6/1321); 4 - кремь (КК-02.КТУ-6/594); 5 - кремь (КК-02.КТУ-6/1401); 6 - кремь (КК00-XXXIV/4342, 7 - пуклеус-кресальный кремь и фото макроследов на его краях КК-02.КТУ-6/564).

ем оружейного кремня. Противоположный ударному край также обычно притуплен ретушью и служит т.н. «пяткой» – обушком (аккомодационной частью), которая зажималась в оружейном курке. Как правило, пятка кремня помещается в кожаную либо свинцовую обкладку для того, чтобы он не скользил и не смещался во время удара курка о кресало, что может привести к осечке. Средние размеры современных ружейных кремней колеблются в пределах от 29 x 23 x 6 см до 32 x 28 x 8 см.

Е.В. Мышковский в статье, посвященной классификации замков русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв., привел рисунки четырех ружейных кремней из коллекции Артиллерийского Исторического музея, которые представляют собой фрагменты средних по ширине пластин (шириной чуть более 2 см), подквадратной формы, с ретушированными боковыми краями и основанием, а также со скругленными углами между ними (Мышковский, 1965, с. 197).

Как известно, в период бытования кремневого огнестрельного оружия на вооружении в разных странах находились оружейные замки, отличающиеся конструктивными деталями. В силу этого кремни, производимые в массовом количестве в разных районах Европы, были весьма стандартизированы, вместе с тем их типы несколько различались по своим размерам, технологиям расщепления кремневого сырья и вторичной обработки. Например, на протяжении XVII–XIX вв. во Франции настоящей «столицей» производства оружейных кремней был регион Пуату, где добывался чрезвычайно качественный (с точки зрения искроотдачи) светлый

кремень (так называемый «кремень Берри»). Практически каждая семья участвовала в раскалывании кусков кремня на пластины и последующем изготовлении прямоугольных изделий. Считается, что один человек, проживающий в долине Шэ к югу от р. Луара, мог произвести около двух тысяч кремней в день, и в армиях Французской революции и затем Наполеона предпочтение отдавалось именно кремням Берри из долины Шэ (The Berry flint. URL: http://www.geocaching.com/geocache/GC42TVE_Le_silex_blonde_du_Berry).

Кресальные кремни с точки зрения их трасологических признаков изучены довольно слабо. Можно лишь сослаться на статью Ю.Б. Серикова, посвященную вопросу идентификации орудий для высечения огня по материалам святилищ Среднего Урала, в которой были намечены следующие признаки кресальных кремней: бессистемные вторичные сколы, подобные тем, которые возникают на рабочих концах кремневых долот и стамесок; забитость кромки и одно- либо двухсторонняя ретушь утилизации с «заломами» (Сериков, 2003, с. 256).

Экспериментально-трасологическое исследование. Эталоны ружейных (мушкетных) кремней были получены при следующих условиях. В качестве механизма была взята реплика мушкета, отмеченного выше (рис. 1-А). Данный мушкет использовался в течение четырех лет на шоу-празднике «День Бородина», где исправно стрелял дымным порохом. Эксперимент проводил В.В. Хабаров, имеющий опыт в стрельбе из подобного оружия. При организации экспериментальных выстрелов не плани-

ровалось создание реплик ружейных кремней начала XIX века. Авторы не ставили перед собой задачу изучить морфологию ружейных кремней, бытовавших в прошлом, а также реконструировать технологии их производства. Главной задачей стало выявление динамики формирования макро- и микроследов – повреждений, образовавшихся от выстрелов на ударном крае и прилегающих поверхностях кремня, а также на его «пятке».

В качестве кремневого сырья был взят однородный коричневатый кремень среднего качества, куски которого были собраны в черте г. Казани на железнодорожной насыпи, которая укреплялась щебнем, привезенным из карьера, расположенного в Кировской области. В ружейных выстрелах были использованы уплощенные отщепы, которым не была придана традиционная прямоугольная форма. Данные отщепы были сколоты бронзовым молоточком с оббитого фрагмента крупной конкреции (рис. 3-Б). При стрельбе все эти кремни давали хорошую искроотдачу, без осечек. Кремни использовались в количестве выстрелов, кратном пяти, – 5, 10, 15, 20, 25, 30, 35 выстрелов. После двадцатого выстрела кремни поворачивались (дворачивались) в замке, согласно воинским уставам прошлого.

После трасологического изучения эталонов, а также одного современного ружейного кремня (высококачественного серого кремня) западно-европейского происхождения, были получены следующие результаты.

Отличительными признаками ружейных кремней могут считаться выразительные макро- и микроследы деформации ударной кромки и

других поверхностей, образовавшиеся в результате износа этих орудий. Ударная кромка имеет прерывистый, «смятый» характер, с негативами от глубоких мелких сколов со ступенчатыми, «занозистыми» краями, которые образуются в результате ударов курка по стальному кресалу (рис. 3). Негативы таких сколов утилизации, в первую очередь, появляются на одной стороне ударного края, обращенной к кресалу. Если ружейный кремень использовался достаточно долго, такие грубые микросколы, утончающие ударный край, скалываются и с другой стороны рабочего края.

На пятке кремня и его боковых краях происходит образование похожих, но в целом менее крупных и глубоких фасеток, очевидно, связанных с повреждениями в местах зажима кремня в курке либо неудачных (соскальзывающих) ударов курка по кресалу.

На ударной кромке могут возникать микроскопические кольцевые трещинки, возникшие от прямых ударов о кресало, и соответствующие им по размерам конусовидные выемки (выколы). Кроме того, при многократной стрельбе в результате таких ударов могут формироваться участки ударной кромки, как будто обработанные абразивом.

Картина макро- и микроследов на ружейных кремнях усложняется по мере их износа. После 25–30 выстрелов ударная кромка становится грубо округлой. Однако такое грубое округление принципиально отличается от мягкого, равномерного округления рабочей кромки, присущего кремневым скребкам по шкуре или мягкому дереву эпохи камня – раннего металла (Коробкова, Щелинский, 1996, с. 50–52,

55; Поплевко, 2007, с. 319–325, фото 21–28; Vaughan, 1985, р. 121–123, plates 87–97).

Формирование такого характерного округления рабочего края после многократных выстрелов приводит к соскальзыванию кремня, закрепленного в курке, при ударе о кресало, что является причиной осечки. В связи с этим воинские уставы требовали переворачивать (доворачивать) кремь в замке после 20–25 выстрелов, а после 40 выстрелов – заменять новым (Ульянов, 2008).

Важным трасологическим признаком использованных нами эталонов ружейных кремней являются остатки оружейной смазки, имеющие вид мелких черных и темно-коричневых пятен и точек (рис. 3-А, Б). Они расположены не только на ударной кромке кремня, но и в большей степени на пятке – в месте зажима кремня в ружейном курке. Кроме того, на современном ружейном кремне западноевропейского типа, задействованном в десяти выстрелах, видны также микроостатки пороха (рис. 3-А).

Эталоны кресальных кремней, использованные в наших экспериментах, представляли собой кремневые отщепы, сколотые с оббитого фрагмента крупной конкреции при помощи бронзового молоточка. Экспериментальное высекание искры производилось путем нанесения скользящих ударов по железному кресалу удлиненной кольцевой формы, представляющему собой случайную находку (подъемный материал), сделанную в Казани и относящуюся к периоду с XV по XVII в. (рис. 2-А). Один эталонный кресальный кремь использовался в эксперименте для высекания искр на протяжении 10 ми-

нут (рис. 2-Б), а второй – в течение 20 минут (рис. 2-В).

Трасологические признаки кресальных и ружейных кремней сходны: это «смятая», «разорванная» кромка ударного края и прилегающих поверхностей обоих фасов; глубокие ступенчатые, «занозистые» сколы, утончающие ударную кромку с обеих сторон; «забитость» поверхности ударного края (рис. 2-Б, В); образование мелких кольцевых трещинок, а также выемок и, наоборот, микроскопических ударных бугорков в точках прямого удара кремня о кресало.

Основным трасологическим признаком кресальных кремней авторы считают линейные следы – длинные прерывистые (пунктирные) царапины, на которых местами сохраняются остатки железа, видимые под увеличением на поверхности ударной кромки и прилегающих участков фаса орудия, обращенного при высекании к кресалу (рис. 2-Б, В).

По мере многократного высекания искры, ударная кромка кремня срабатывается. Это выражается в переходе от ступенчато-занозистого утончения ее к грубому притуплению и даже округлению по причине скалывания нескольких рядов глубоких мелких сколов и образования микроскопических кольцевых трещин и выемок (рис. 2-В). Часто особо «забитые» участки ударной кромки интенсивно сработанных кресальных кремней выглядят как будто бы подвергнутые обработке абразивом.

Трасологическое изучение кремневых артефактов. Комплекс кремней из Казанского кремля состоит из 19 артефактов. Так, в раскопе IV (исследователи Ф.Ш. Хузин и И.В. Якимов) в 1995 году были найдены два

экземпляра кремней (рис. 5: 1, 12; 9: 2), в раскопе II (исследователи Ф.Ш. Хузин и Р.Ф. Шарифуллин) в 1996–1997 гг. – также два кремня (рис. 5: 2, 8), в раскопе VII (исследователь А.Г. Ситдииков) в 1996 г. – один экземпляр (рис. 5: 9), в раскопе XXXIV (исследователь А.Г. Ситдииков) в 2000 г. – 11 экземпляров (рис. 4: 6; 5: 3–7, 10, 11; 6: 2, 4; 9: 1, 3), в раскопе LI-A (исследователь А.С. Старков) в 2002 г. – один предмет. В данных раскопах, располагавшихся в разных частях Казанского кремля (в восточной части – раскопы II, IV; в центральной – р. VII; в южной – р. XXXIV), были исследованы остатки жилых зданий и хозяйственных построек XVI–XVII вв. В раскопе LIA (западная часть кремля) были изучены остатки построек XVI–XVIII вв. (Ситдииков, 2006, с. 26–31). Уникальная находка – оружейный кремень, помещенный в обкладку из цветного металла, была сделана М.В. Сивицким возле здания бывшей кремлевской гауптвахты (рис. 6: 1). Отдельная находка оружейного кремня была сделана Ф.А. Ахметгалиным в раскопе 2008 г. по ул. К. Маркса в исторической части Казани (рис. 6: 5).

Два артефакта из раскопа XXXIV представляют собой гальки средних размеров из некремнистых пород камня, которые, судя по форме и характерным макро- и микроследам, служили кресальными кремнями.

Третий кресальный кремень черного цвета, найденный в раскопе XXXIV, несет на своей поверхности трасологические признаки – прерывистые царапины, в сочетании с описанными выше признаками оружейных кремней, в том числе и пятна оружейной смазки и пороха. Таким образом, функциональное определение данно-

го кремня – кресальный либо оружейный – затруднительно. Дополнительным аргументом в пользу отнесения этого кремня к функциональному типу кресальных, может служить его массивность, округлость (рис. 4: 6).

Трасологические признаки оружейных кремней несут на своих ударных краях девять артефактов из раскопа XXXIV, они различны по форме и качеству каменного сырья. Среди них выделяются визуально четыре небольших отщепов серо-розоватого кремня, которые, видимо, побывали в огне, поскольку покрыты слоем нагара, а один из них еще и многочисленными мелкими трещинами. Эти кремни, вероятно, были повторно использованы, судя по грубым фасеткам ретуши утилизации на их краях, которые четко отличаются своим натуральным цветом кремня от остальной закопченной поверхности (рис. 5: 5–7, 13; 9: 1).

Два других оружейных кремня из этого раскопа представляют собой фрагменты сломанных оружейных кремней, изготовленных из прозрачного каменного сырья, скорее всего, из горного хрусталя. Первоначальная форма этих изделий была, очевидно, подквадратной, с закругленными углами (рис. 5: 3, 4). Необходимо отметить явные следы шлифовки на брюшке этих кремней и интенсивные остатки пороха в виде серого налета.

Еще один кремень имеет вид массивного отщепов окремелой слоистой породы, с зубчато-выемчатыми краями. При всей своей массивности он несет на своих широких краях трасологические признаки оружейного кремня, а на проксимальном конце – характерные для пяточной части макрофасетки, образовавшиеся от за-

Рис. 5. Оружейные кремни из раскопок в Казанском кремле (1-13) и во дворе Казанского университета (14-21): 1 - КК.95-IV/487; 2 - КК-96-II/139; 3 - КК00-XXXIV/4341; 4 - КК00-XXXIV/4344; 5 - КК00-XXXIV/4339; 6 - КК00-XXXIV/4340; 7 - КК00-XXXIV/4337; 8 - КК.97-II/19; 9 - КК.95-VII/2; 10 - КК00-XXXIV/4333; 11 - КК00-XXXIV/4335; 12 - КК.95-IV/599-A; 14 - КК-02.КГУ-6/725; 15 - КК-02.КГУ-6/1858; 16 - КК-02.КГУ-6/2068; 17 - КК-02.КГУ-6/2067.

Рис. 6. Оружейные кремни, найденные в исторической части Казани: 1 - отдельная находка в кремле, 2005 (41-05/15); 2 - кремль (КК00-XXXIV/4333); 3 - университет (КК-02.КГУ-6/309); 4 - кремль (КК00-XXXIV/4336); 5 - раскоп на ул. К. Маркса, 28 (9-08/1452).

крепления в курке (рис. 6: 2). Еще два оружейных кремня из этого раскопа отличаются своей выразительной формой. Один из них – проксимальный фрагмент пластины из качественного коричнево-сиреневого кремня (близкого «валдайскому» кремню) с ретушированными краями и вогнутым концом (рис. 5: 11). С точки зрения типологии орудий эпохи камня – это скобель. Другой выразительный оружейный кремень одновременно является так называемым фигурным кремнем, характерным для энеолита Волго-Камья, он имеет зооморфную форму, оформлен из отщепя темно-коричневого яшмовидного камня путем нерегулярной зубчатой ретуши по краю (рис. 6: 4).

В раскопе IV кремля (1995 г.) были найдены два сильно сработанных оружейных кремня, схожих по своей правильной скребковой форме и высокому качеству сырья. Один из них представляет собой концевой скребок, выполненный на тонком регулярном отщепе коричневого кремня (рис. 5: 12; 9: 2). На его поверхности видны микроследы пороха, между тем, никаких следов от скобления шкуры не замечено. Второй такой кремень, серо-зеленоватый прозрачный, морфологически является фрагментом рабочей части скребка с концевым и боковым лезвиями, причем поверхность слома была затем подтесана на брюшке (рис. 5: 1). Здесь мы имеем дело с оружейным кремнем без следов скобления, который был сломан по линии зажима в курке, а затем подправлен (приострен), перевернут и использован другим краем в последующих выстрелах.

Два оружейных кремня, происходящих из раскопа II, разнятся меж

собой по форме и качеству сырья. Один – грубый массивный отщеп серо-коричневого халцедона (рис. 5: 8), а другой является фрагментом массивной правильной пластины высококачественного темно-серого мелового (дымчатого) кремня (рис. 5: 2). Формально это так называемая трапеция – характерное орудие усть-камской культуры финального палеолита – мезолита. Однако трасологический анализ показал наличие на ударном краю и пятке характерных следов оружейного кремня.

Оружейный кремень, найденный в раскопе по ул. К. Маркса, 28, представляет собой крупный отщеп серого качественного кремня классической формы, с ретушированным прямым дистальным концом и примыкающим к нему притупленным участком края (рис. 6: 5).

Особо отметим единичную находку оружейного кремня из качественного серо-зеленоватого сырья, помещенного в обкладку из цветного металла, обнаруженного возле здания бывшей гауптвахты кремля (рис. 6: 1). Этот артефакт является фактическим подтверждением известного технического приема, направленного на предотвращение в момент выстрела случайного смещения кремня в губках курка, что могло бы привести к осечке.

Кремни из раскопа VI (Казанский университет) составляют довольно представительную группу – 34 экз. Раскоп общей площадью 358 кв. м., исследованный во дворе Главного здания Казанского государственного (ныне Приволжского федерального) университета в 2001 г., был заложен на месте будущего строительства нового здания Восточного корпуса уни-

верситета. В раскопе был выявлен культурный слой и остатки сооружений, функционировавших в период со второй половины XVI в. по середину XVIII в. (Ситдинов, 2001, т. 1–2). Необходимо отметить, что в нижней части культурных напластований раскопа, в кровле толщи четвертичных суглинков была зафиксирована углистая прослойка предположительно эпохи финального палеолита – мезолита. Также из раскопа происходят кости мамонта.

Функционально-трасологический анализ показал, что 23 экземпляра из этого комплекса были оружейными кремнями, причем пять кремней из этой группы, по всей вероятности, первично были древними скребками. С типологической точки зрения это три концевых скребка (рис. 5: 19; 8: 2, 3) и два полукруглых, один из которых фрагментирован (рис. 8: 1, 4). Эти орудия несут на своих краях небольшие участки скребковых лезвий с характерными макро- и микроследами – плавным закруглением рабочей кромки и перпендикулярными ей линейными следами – царапинками.

Среди собственно оружейных кремней (18 экз.) выделяется небольшая серия изделий из отмеченного выше коричнево-сиреневого кремня (5 экз.), которые можно определить как массивные отщепы с эпизодической ретушью по краям (рис. 5: 20, 21; 7: 2). От них существенно отличаются другие орудия, изготовленные из менее качественного серого, коричневого, серого полосчатого кремня. Исключение составляют три изделия в форме фрагментов массивных пластин с ретушированными зубчато-выемчатыми краями, сделанных из дымчатого, светло-коричневого

(рис. 5: 14) и светло-серого патинизированного (рис. 7: 1) кремня. В данной подгруппе имеются также семь мелких аморфных отщепов и фрагментов сколов, которые, судя по макроследам на их краях, использовались в оружейных замках краткое время (рис. 8: 17).

Еще два оружейных кремня представляют собой фрагменты пластин из светло-серого кремня невысокого качества (рис. 5: 15). Последний экземпляр в группе оружейных кремней из раскопа VI довольно оригинален по форме (рис. 6: 3). Это такой же фигурный кремень, что и вышеописанный экземпляр, происходящий из кремня (рис. 6: 4), но отличающийся менее четкой формой, меньшей толщиной и низким качеством кремневого сырья – окремнелого известняка серого цвета. Характерно, что края этого изделия по всему периметру несут макроследы многократного использования в оружейном замке.

Группа кресальных кремней из этого раскопа насчитывает семь предметов разных размеров, формы и характера кремневого сырья. Их объединяет видная невооруженным глазом сильная забитость всех граней и общая массивность. Три таких экземпляра, сравнительно небольших, представляют собой аморфные массивные нуклеидные куски, причем, один мелкий кусок серого кремня является сработанным до крайности нуклеусом с бессистемным типом расщепления (рис. 4: 5), а два других, несколько более крупных – заготовками микронуклеусов из галек коричневого и черного кремня. Под микроскопом на гранях этих орудий наблюдаются мелкие трещины, выемки и конические ударные бугорки, а

1

Фото М.Ш. Галимовой

2

Рис.7. Оружейные кремни из раскопа во дворе Казанского университета;
1 - кремь (КК-02.КТУ-6/1228) и макроследы на его ударном крае; 2 - кремь (КК-02.КТУ-6/2843) и макроследы на его ударном крае.

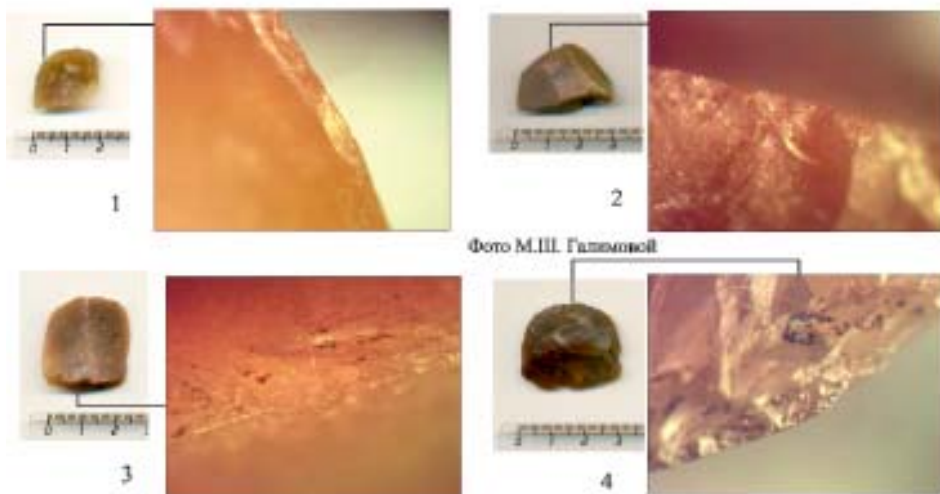

Фото М.Ш. Галимовой

Рис.8. Скребок, повторно использовавшиеся в качестве оружейных кремней, из раскопа во дворе Казанского университета;
1 - скребок (КК-02.КТУ-6/1010) и макроследы на его рабочей кромке; 2 - скребок (КК-02.КТУ-6/1069) и макроследы на его рабочей кромке; 3 - скребок (КК-02.КТУ-6/2658) и макроследы на его рабочей кромке; 4 - скребок (КК-02.КТУ-6/2674) и макроследы на его рабочей кромке.

также черные пятнышки пороха (рис. 4: 7; 9: 4). В связи с этой трасологической картиной возникает закономерный вопрос о происхождении микроостатков пороха на таких массивных кремнях, как данные гальки, поскольку при такой толщине и округлости они вряд ли могли быть закрепленными в оружейном замке. Вопрос остается открытым, однако можно высказать предположение о том, что загрязнение остатками пороха и оружейной смазки на кресальном кремне могло происходить в том случае, если кресальные кремни хранились «бок о бок» с оружейными, в сумке или мешочке.

Три других кресальных кремня являются гальками менее качественного камня, они отличаются своими пропорциями (рис. 4: 3, 4). Все грани этих кремней чрезвычайно сильно деформированы – выкрошены и затем забиты. Четвертый кремнь из темно-серого качественного сырья (рис. 4: 2) представляет собой фрагмент более крупного кресального кремня, расколотого в начальной стадии утилизации и повторно использованного, о чем свидетельствует сильная забитость всех его граней.

Небольшую группу в данной коллекции образуют кремни с вероятной двойной функцией, то есть использованные и как оружейные, и как кресальные (4 экз.). Эти орудия по своей форме могут быть названы отщепами разной величины и формы, из темно-серого и красно-коричневого кремня. Поверхность у всех покрыта молочно белой патиной (рис. 4: 1; 5: 11). Именно на патинизированных поверхностях этих кремней наглядно видны макро- и микроследы реутилизации в виде микрофасеток выкрошенности

ударных краев и линейных следов, которые резко отличаются своим натуральным цветом (без патины).

Завершая описание результатов трасологического анализа кремневых артефактов, найденных в исторической части Казани, необходимо вспомнить об аналогичных случаях подбора и повторного использования древних кремневых изделий – фрагментов ножевидных пластин, скребков и нуклеусов в качестве кресальных кремней, которые были зафиксированы Ю.Б. Сериковым. Речь идет о каменных артефактах, полученных в ходе исследования святилища эпохи раннего железа и средневековья на горе Голый Камень в черте города Нижний Тагил (Сериков, 2003). В данной публикации Ю.Б. Сериков упоминает также еще ряд уральских святилищ и могильников, где находки кремневых скребков, долотовидных и нуклевидных орудий сопровождалась железными огнивами, что позволяет исследователю сделать вывод об ином функциональном характере этих кремневых изделий в данном археологическом контексте, а именно – назначении их для высекания огня. Думается, с этим заключением Ю.Б. Серикова следует согласиться.

Выводы. В результате нашего экспериментально-трасологического исследования появилась возможность выделить функционально-трасологические признаки оружейных и кресальных кремней.

Прежде всего, мы наблюдаем остатки пороха и оружейной смазки на всех поверхностях оружейного кремня, особенно интенсивно на обушке (пятке). Основной трасологический признак – повреждения ударного края кремня, кромка которого стано-

вится прерывистой. Боковые края и пятка демонстрируют аналогичную, но менее интенсивную деформацию – забитость, смятость, грубое ретуширование. Первые выстрелы грубо приостряют ударный край кремня. Также на нем появляются ступенчатые, занозистые микрофасетки ретуши утилизации, вначале на одной стороне, обращенной к стальному кресалу, а затем – и на другой стороне ударного края кремня. После 25–30 выстрелов ударный край притупляется, становится грубо округлым и именно поэтому оружейный кремень вскоре теряет свои свойства высекать искру. Такой кремень должен быть повернут другим краем либо перевернут на другую сторону. После 40 выстрелов, согласно воинским уставам начала XIX в., оружейный кремень должен был заменяться новым. Кроме округления кромки, характерными чертами оружейных кремней могут считаться микроскопические кольцевые трещинки и соответствующие выемки, а также конусовидные бугорки, образующиеся на ударном крае вследствие прямого (не касательного) удара о кресало.

Трасологические признаки оружейных и кресальных кремней в целом схожи. Основное различие заключается в следах пороха на поверхности оружейных кремней и линейных следах – удлиненных царапинах на кресальных кремнях. Иногда эти царапины сохраняют участки, заполненные частичками железа от кресала. При этом встречаются кремни, несущие на своих поверхностях признаки и ружейных, и кресальных кремней. В таких случаях диагностировать орудие довольно затруднительно.

Оружейные кремни из раскопок Казани имеют различную форму и разную степень сработанности. На многих кремнях грубое округление и все вышеотмеченные макро-трасологические признаки имеются не только на одном краю, но и на всех четырех, либо по всему периметру, если форма кремня круглая. В этих случаях макроследы, оставшиеся на пяточной части кремня от его зажима в губках курка, оказываются перекрытыми последующими следами от высекания огня. Несколько оружейных кремней наглядно демонстрируют повторное использование. На их поверхностях, практически полностью покрытых темно-серым смазочно-пороховым налетом, четко выделяются (своим натуральным цветом кремня) грубые краевые сколы реутилизации.

Трасологическое изучение большинства оружейных кремней, имеющих «классическую» форму первобытных скребков и скобелей, показало четкие следы их использования только лишь в оружейных замках. Никаких свидетельств вероятной функции подавляющего числа этих орудий в качестве скребков обнаружить не удалось. То же можно сказать и о фигурных кремнях. Лишь пять артефактов из раскопа во дворе Казанского университета первоначально были, по всей вероятности, кремневыми скребками, происходившими из разрушенного слоя древней стоянки. Примечательно, что они были подобраны жителями исторической Казани и использованы как оружейные. Также были реутилизированы в качестве кресальных кремней отдельные древние нуклеусы.

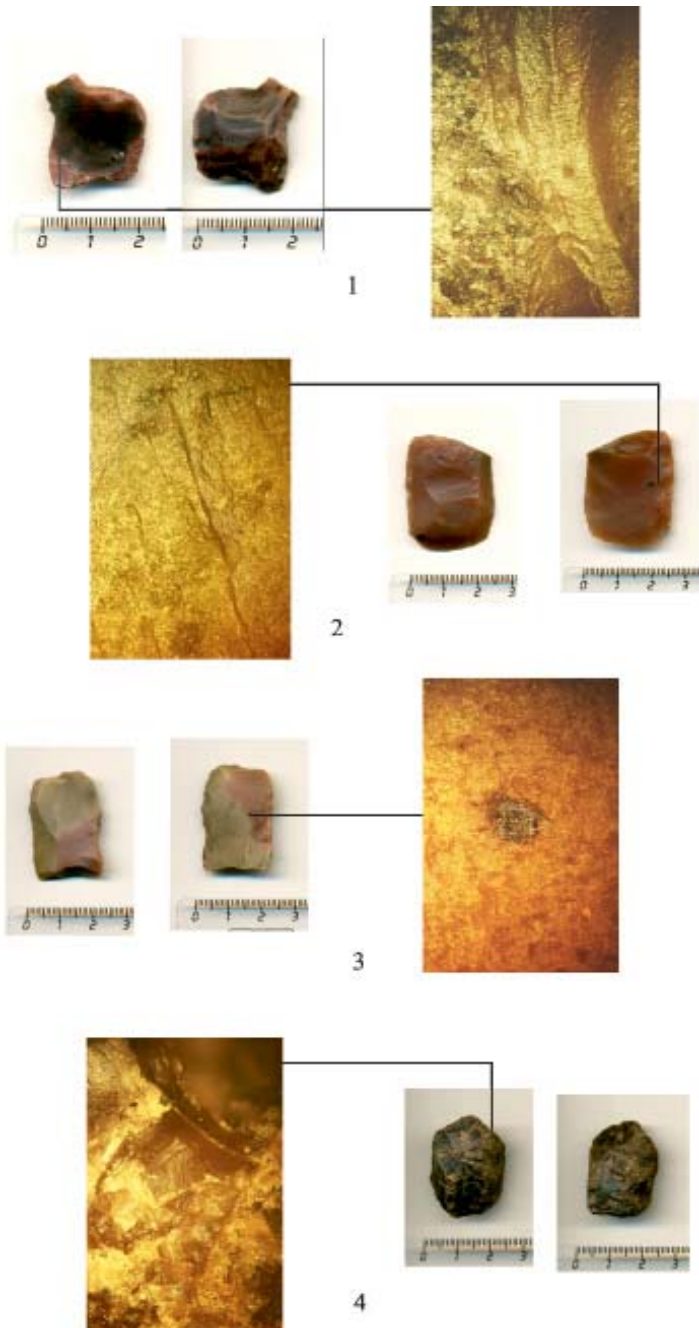

Рис.9. Оружейные кремни из раскопов в кремле (1-3) и кремальный кремль из раскопа во дворе университета (4):
 1 - кремль (КК00-XXXIV/4337) и микроследы на его брющке; 2 - кремль (КК95-IV/599-А) и микроследы на его брющке; 3 - кремль (КК00-XXXIV/4335') и микроследы на его брющке; 4 - кремль (КК-02.КГУ-6/3221) и микроследы на его храсс.
 Фото В.В. Терехиной

Все это позволяет предположить некоторый дефицит кремня среди казанцев XVII–XVIII вв. и экономное отношение ко всем кремневым предметам. Об этом же говорит и крайняя степень утилизации (сработанности) практически всех оружейных и кресальных кремней, найденных в раскопах. Видимо, в условиях нехватки кремневого материала носители огнестрельного оружия вряд ли придерживались строгих правил уставных замены кремней.

Несмотря на то что форма и размеры оружейных кремней должны быть стандартизированы в соответствии с разным назначением и конструктивными типами ударных замков, эффективное использование в наших экспериментах кремней практически случайной формы указывает на возможность и в прошлом обходиться без кремней стандартных форм и размеров.

Среди оружейных кремней из раскопов в Казани мы видим большое разнообразие форм, размеров, формы и качества сырья, что свидетельствует о происхождении небольших групп однотипных артефактов из разных источников. Сильная степень изно-

шенности ударных кромок кремней, также как случаи их реутилизации или же подбора первобытных кремневых скребков, нуклеусов и т.д., свидетельствуют о явном дефиците качественных оружейных кремней среди населения Казани XVII–XVIII вв. Причины, вызвавшие этот дефицит и как следствие жесткую экономию оружейных кремней, могут стать предметом специального исследования.

Благодарности. Авторы благодарят следующих научных сотрудников ИА им. А.Х. Халикова АН РТ: О.О. Паракину за помощь в организации работы с кремневыми артефактами из раскопок исторической части Казани, М.В. Сивицкого и Ф.А. Ахметгалина за предоставленную возможность изучения и публикации отдельных находок оружейных кремней, а также С.Ф. Ахметзянова за помощь в оформлении иллюстративного материала. Авторы выражают признательность кандидату исторических наук Н.Н. Скакун (ИИМК РАН) за помощь в организации микрофотографирования кремневых находок, а также В.В. Терехиной (ИИМК РАН) за выполненные микрофотографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахметгалин Ф.А.* Отчет об археологических охранно-спасательных исследованиях в г. Казани (Республика Татарстан) на ул. К. Маркса, 28 за 2008 г. / Научный Музей археологии Республики Татарстан. Ф. 3, оп. 2, д.14.
2. *Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е.* Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 1. – СПб.: ИИМК РАН, 1996. – 80 с.
3. *Мышковский Е.В.* Замки русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв. // Советская археология. – № 4. – 1965. – С. 186–198.
4. *Поплевко Г.Н.* Методика комплексного исследования каменных индустрий. – СПб.: ИИМК РАН, Дмитрий Буланин, 2007. – 308 с.
5. *Ружейный замок. Кремни для ружейного замка.* URL: <http://www.adjudant.ru/table/Viewer.asp?table=Rus Army 1812 4&id=2> (дата обращения: 06.11.2013).
6. *Семенов С.А.* Первобытная техника / Материалы и исследования по археологии СССР. – № 54. – М.-Л.: Наука, 1957. – 240 с.

7. Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств: мезолит – энеолит. – Л.: Наука, 1983. – 256 с.
8. Сериков Ю.Б. К вопросу об орудиях для высекания огня // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии. В честь юбилея Г.Ф. Коробковой. – СПб.: ИИМК РАН, 2003. – С. 254–263.
9. Скакун Н.Н. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна) / Труды ИИМК РАН. – Т. XXI. – СПб.: Нестор-История, 2006. – 224 с.
10. Ситдииков А.Г. А.Х. Халиков – исследователь средневековой Казани (материалы к творческой биографии ученого) // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. – Казань: Институт истории АН РТ, 1999. – С. 35–46.
11. Ситдииков А.Г. Отчет об охранных исследованиях во дворе Казанского государственного университета в 2001 году. Раскоп VI. – Т. 1–3. / Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан. Ф. 3, оп. 1, д. 12–14.
12. Ситдииков А.Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. – 288 с.
13. Ульянов И.Э. 1812. Русская пехота в бою. – М.: Яуза, ЭСМО, 2008. – 272 с.
14. Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г. Археологические исследования г. Казани в 1994–2001 гг. // Изучение, охрана, реставрация и использование недвижимых памятников истории и культуры в Республике Татарстан. Информационный сборник. Вып.4. Археологическое наследие. – Казань: Мастер Лайн, 2004. – С. 25–36.
15. *The Berry flint*. URL: http://www.geocaching.com/geocache/GC42TVE_Le_silex_blon_du_Berry (дата обращения: 23.09.2014).
16. *Vaughan P.C. Use-wear analysis of flaked stone tools*. Tucson: the University of Arizona Press, 1985, 204 p.
17. *Waldorf D.C. The Art of Flint Knapping*. Fourth edition. Mound Builder Books: Branson, USA, 1994, 76 p.

Информация об авторах:

Галимова Мадина Шакировна, кандидат исторических наук, заведующая отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); mgalimova@yandex.ru

Ситдииков Айрат Габитович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация); sitdikov_a@mail.ru

Хабаров Владислав Вениаминович, заведующий отделом, Национальный музей Республики Татарстан; руководитель Военно-исторического клуба «Витязь» при ИИМК РТ (г. Казань, Российская Федерация); habar-murza@yandex.ru

GUN-LOCK FLINTS AND THE FIRE STONES FROM EXCAVATIONS IN KAZAN: EXPERIMENTAL AND TRACEOLOGICAL RESEARCH

M.Sh. Galimova, A.G. Sitdikov, V.V. Khabarov

The results of experimental and use-wear research in assemblage of the flint artifacts from the 1995–2005 excavations in Kazan are represented in the article. The study has been motivated by the necessity to identify the finds of flint items either as prehistoric scrapers, blades, and cores or as gun-lock and fire-starter flints. In order to define the items' use-wear features, a set of standard pattern tools (gun and fire flints) has been produced and used.

Experimental shooting has been carried out using a replica of a 1806 Russian musket. An iron fire-lighter dating to the 15th – 17th centuries (an occasional find) has been applied in experimental fire-making by striking sparks using the standard pattern flints. The microscopic analysis of the standard pattern gun and fire flints made it possible for the authors to identify the macro- and micro-wear traces. The traceological analysis of the flint artifacts (54 samples) has revealed the wear peculiarities of the gun-flints and fire stones. As a result, most flint scrapers and retouched blades found in Kazan have been identified as gun-flints whereas the cores and massive flakes have been attributed as fire stones. Only five fire flints bear the remaining traces of real scraper working parts on their striking edges. The extreme degree of utilization of the gun-flints made of qualitative raw material and reutilization of prehistoric scrapers and cores is supposed to be caused by a shortage of qualitative flint with the population of Kazan in the 17th and 18th centuries.

Keywords: Kazan, the 17th–18th centuries, gun-lock and fire-lighter flints, flint scrapers, experimental archaeology, use-wear analysis.

REFERENCES

1. Akhmetgalin, F. A. 2008. *Otchet ob arkheologicheskikh okhranno-spasatel'nykh issledovaniyakh v g. Kazani (Respublika Tatarstan) na ul. K. Marksa, 28 za 2008 g. (Report on Archaeological Rescue Investigation at Kazan (Tatarstan Republic) on Karl Marx Street, 28, in 2008)*. Scientific Fund of the Museum of Archaeology, Republic of Tatarstan. Fund 3. Inv. 2, dossier 14 (in Russian).
2. Korobkova, G. F., Shchelinskii, V. E. 1996. *Metodika mikro-makroanaliza drevnykh orudii truda (Methodology of Micro- and Macro-Analysis of the Ancient Tools)* 1. *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological Studies)* 36. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).
3. Myshkovskii, E. V. 1965. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 186–198 (in Russian).
4. Poplevko, G. N. 2007. *Metodika kompleksnogo issledovaniia kamennykh industrii (Methodology of Complex Study of Stone Industries)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; “Dmitrii Bulanin” Publ. (in Russian).
5. *Ruzheinyi zamok. Kremni dlia ruzheinogo zamka (A Gun-lock. The Gun-lock Flints)*. URL: http://www.adjutant.ru/table/Viewer.asp?table=Rus_Army_1812_4&id=2 (data obrashcheniia: 06.11.2013) (in Russian).
6. Semenov, S. A. 1957. *Pervobytnaia tekhnika. Opyt izucheniia drevneishikh orudii i izdelii po sledam raboty (Primitive Techniques. Attempted Study of the Early Tools and Artefacts by Traces)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 54. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
7. Semenov, S. A., Korobkova, G. F. 1983. *Tekhnologiya drevneishikh proizvodstv: mezolit – eneolit (Technology of the Oldest Productions. Mesolithic-Eneolithic)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
8. Serikov, Yu. B. 2003. In *Peterburgskaia trasologicheskaiia shkola i izuchenie drevnykh kul'tur Evrazii (The St. Petersburg Traceology School and the Study of the Ancient Cultures of Eurasia)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 254–263 (in Russian).
9. Skakun, N. N. 2006. *Orudiia truda i khoziaistvo drevnezemledel'cheskikh plemen Iugo-Vostochnoi Evropy v epokhu eneolita (po materialam kul'tury Varna) (Tools*

and Economy of the Ancient Farming Tribes of South-Eastern Europe in the Eneolithic (with Particular Reference to the Materials of the Varna Culture)). Series: Proceedings of Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences XXI. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

10. Sitdikov, A. G. 1999. In Starostin, P. N. (ed.). *Problemy drevnei i srednevekovoi arkheologii Volgo-Kam'ia (Issues of the Antique and Medieval Archaeology of the Volga – Kama Area)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 35–46 (in Russian).

11. Sitdikov, A. G. 2001. *Otchet ob okhrannykh issledovaniakh vo dvore Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta v 2001 godu. Raskop VI (Report on the Rescue Investigations in the Courtyard of the Kazan State University in 2001. Excavation area VI)*. Vol. 1–3. Scientific Fund of the Museum of Archaeology, Republic of Tatarstan. Fund 3. Inv. 1, dossier 12–14 (in Russian).

12. Sitdikov, A. G. 2006. *Kazanskii Kreml': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Kazan Kremlin: Historical and Archaeological Study)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; "Foliant" Publ. (in Russian).

13. Ul'ianov, I. E. 2008. *1812. Russkaia pekhota v boiu (1812. Russian Infantry in Battle)*. Moscow: "Iauza" Publ.; "EKSMO" Publ. (in Russian).

14. Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. 2004. In *Izuchenie, okhrana, restavratsiia i ispol'zovanie nedvizhimykh pamiatnikov istorii i kul'tury v Respublike Tatarstan. (Study, Protection, Restoration and Use of Immobile Artefacts of History and Culture in the Republic of Tatarstan)* 4. *Arkheologicheskoe nasledie (Archaeological Heritage)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 25–36 (in Russian).

15. *The Berry flint*. URL: http://www.geocaching.com/geocache/GC42E_Le_silex_blon_du_Berry (data obrashcheniia: 23.09.2014).

16. Vaughan, P. S. *Use-wear analysis of flaked stone tools*. Tucson: the University of Arizona Press, 1985.

17. Waldorf, D. C. *The Art of Flint Knapping*. Fourth edition. Mound Builder Books: Branson, USA, 1994.

About the Authors:

Galimova Madina Sh. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; mgalimova@yandex.ru

Sitdikov Ayrat G. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Khabarov Vladislav V. Head of the Department, National Museum of the Republic of Tatarstan. Kremlyovskaya St., 2, Kazan, 420111, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; habar-murza@yandex.ru

УДК 902.34:069.44

**ЛАПТИ КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ:
ПРОИСХОЖДЕНИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ, РЕСТАВРАЦИЯ
(НА ПРИМЕРЕ НАХОДОК СВЯЖСКА И КАЗАНИ)**

**© 2014 г. Х.М. Абдуллин, М.Ю. Визгалова, А.Г. Ситдииков,
А.С. Старков, Ю.В. Федотова, Р.Х. Храменкова**

Статья посвящена вопросам изучения и реставрации обуви из лыка и бересты XVII–XIX веков из археологических раскопок Казани и Свяжска в 2012–2013 гг. Историко-архивное исследование места раскопок в комплексе с археологическим анализом позволило чётко датировать каждый артефакт. Изучение археологической обуви выявило морфологию изделий и технологию изготовления. Для сохранения уникальных находок была разработана система реставрационных мероприятий, которая позволила восстановить структуру волокна. Для консервации и реставрации изделий применялась комбинированная методика обработки археологических находок из текстиля и дерева. На этапе высушивания предметов использовался способ, позволивший сохранить форму и цвет. На основании аналогий и данных этнографии установлено, что найденные лыковые лапти по типу плетения характерны для местного населения, берестяной лапоть относится к северному (новгородскому) типу, а лапоть с подплетением из кожаных ремней находит аналогии в Москве и Ярославле.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, Свяжск, Казань, позднее средневековье, новое время, археологическая обувь, лапти, реставрация, морфология.

Лапти являются характерным элементом восточнославянского костюма. С удалением от нас времени бытования данной обуви она постепенно переходит из сферы предметов изучения этнографии в поле зрения археологии. Имеющие хорошую сохранность, прошли реставрацию. Благодаря уникальному влажному культурному слою прибрежной зоны, сохранившему предметы из органического материала, стало возможным выявить деревянные конструкции домов и хозяйственных построек. Здесь же была собрана уникальная утварь из дерева, изделия из кожи, растительных волокон, ткани. Предметы заслуживают самого детального изучения, поскольку несут информацию о людях, населявших Посад в период позднего Средневековья и Нового времени.

За полевые сезоны 2012–2013 гг. в Свяжске при раскопках «Татарской слободки» (рис. 1) под руководством А.С. Старкова была собрана целая коллекция лаптей и их фрагментов из бересты, кожи и лыка. Три из них,

На раскопе площадью 900 кв. м удалось выявить более 100 разновре-

Рис. 1. План острова Свияжска с указанием места раскопок.

менных сооружений XVII–XVIII вв., определить планировочную структуру и историческую топографию участка исследований. По предварительным исследованиям, в раскопе было обнаружено 6 домовладений: остатки крупных жилых построек с развалами печей, «капитальные» хозяйственные постройки из бревен и «легкие» дощатые конструкции. Здесь же просматриваются следы небольшой улицы шириной до 260 см и значительное количество оград междворовых территорий. В домовладениях выявляется последовательность застройки и их историческая преемственность.

В XVI в. в этом районе проходили улицы: Татарская, Болотная, Кузнечная. Упоминание о них имеются в Писцовой книге Свяжска и уезда 1565–1567 гг. (Список, 1909, с. 36–37; Яблоков, 1907, с. 16). С постройкой Куйбышевского водохранилища посады Свяжска были подтоплены, и исследуемая территория стала нежилой (Шакиров, Валиев, 2009, с. 107). Судя по карте 1869 г., здесь располагался квартал, образуемый улицами Старокузнечной, Болотной, Песочной (вдоль берега Щуки), Базарной (вдоль берега Свяги) (НА РТ. Ф. 324, оп. 739, д. 282, л. 1). Фотография конца XIX в. дает представление о застройке данной части посада (рис. 2).

Жители этого района занимались различными ремеслами и промыслами. Предметы кожевенного дела – сапожный молоток, гвозди, колодки, отходы кожаного производства, фрагменты обуви и других изделий, кожаные игрушки, найденные при раскопках, – указывают на сапожное ремесло. Об изготовлении деревянной посуды свидетельствуют многочисленные находки токарной, дол-

бленной посуды и деревянных ложек. Предметы рыболовного промысла (крючки, грузила, блесны, поплавки, фрагменты сетей и др.) и следы заготовки рыбы (бочки, масса рыбной чешуи) дают картину этого промысла на Средней Волге в XVII–XVIII вв. и заслуживают отдельного исследования. Обнаружены также детали ткацкого станка, орудия для обработки шерсти, фрагменты шерстяных тканей, что говорит о занятии ткачеством. Многочисленные изделия из лыка и бересты и специальные инструменты (кочедыки) свидетельствуют о плетении лаптей и другой утвари. В 2012–2013 гг. на раскопе были обнаружены берестяные коробка и туеса. Как было отмечено выше, в исследуемом раскопе была собрана коллекция лаптей и их фрагментов. Этот вид обуви встречался и в других раскопах на территории Свяжска (Шакиров, Валиев, Ситдинов, 2012, с. 200, рис. 10: 4).

Другая пара лыковых лаптей, прошедшая реставрацию, была обнаружена при раскопках в районе Старо-Татарской слободы города Казани в 2013 г. – на пересечении современных улиц Московской и Парижской Коммуны (здание 55/8). Датируются лапти XIX в.

О заселенности интересующего нас участка свидетельствует план г. Казани 1767 г. с указанием существующих усадеб дорегулярной застройки и вновь расчерченными кварталами (РГАДА. Ф. 192, оп. 1, д. 3). На плане четко видно, что интересующий нас участок был застроен. Примечательно также, что перекресток улиц середины XVIII в. совпадает с современным перекрестком перед участком по улице Парижская Коммуна, дом № 8.

Рис. 2. Фото Свяжского посада со стороны реки Шука (конец XIX века).

Рис. 3. Фото дома Усманова (Казань, конец XIX века).

На другом плане г. Казани второй половины XVIII в., с уже регулярной застройкой, не только данный участок, но и весь квартал, ограниченный современными улицами Парижская Коммуна – Московская – Г. Камала – Н. Столбова, указан как пустопорожный (РГАДА. Ф.1356, оп. 1, д. 1301). Возможно, это стало следствием большого пожара 1749 г., когда выгорела большая часть слободы. После этого события здесь и был организован рынок, или торговая площадь, получившая наименование Сенная. В дальнейшем, вплоть до 1870-х годов, интересующий нас участок, а равно и весь будущий квартал остается нежилым (РГАДА. Ф.1356, оп. 1, д. 1300).

Здесь в 1877 г. было построено здание корпуса общественной торговли Сенного базара (так называемый «Усмановский корпус») (рис. 3), строительством которого руководил купец первой гильдии Муртаза Мустафович Усманов. В ходе раскопок, проводимых в рамках охранно-спасательных работ в 2013, во дворе этого дома и была обнаружена целая пара лаптей, датированных XIX в.

В результате археологических исследований была получена четкая стратиграфия, позволившая установить хронологические рамки изучаемой обуви из Свяжска и Казани от XVII до XIX в.

Реставрация и классификация.

Организация в реставрационном отделе Музея археологии РТ с входящей в него группой реставрации по органическим материалам (дерево, кожа, кость, ткань) позволила проводить исследовательские работы в области реставрации археологических предметов из растительного сырья. Слож-

ность работы реставраторов с подобными находками заключается в том, что предметы пролежали несколько веков во влажном грунте. В результате пребывания в такой среде произошли существенные химические и структурные изменения, которые привели к снижению прочности, уменьшению плотности, увеличению способности к водопоглощению. В процессе высушивания волокнистых материалов в нормальных условиях происходила деформация предметов, приведшая к появлению трещин, расслоению вдоль волокон. Фрагменты изделий из растительных волокон часто рассыпались при стандартной камеральной обработке.

Исходя из вышесказанного, в задачу консервации влажных археологических предметов, извлеченных из раскопок, входило удаление грязи и избыточной влаги. Другой стадией реставрационных мероприятий являлась пропитка артефактов консервантом с целью обеспечения сохранности хрупкого растительного и органического материала. Правильная организация хранения и доставки извлеченных предметов значительно облегчила задачу реставраторов. Извлеченные из земли предметы сразу же паковались в полиэтилен, после чего немедленно переправлялись в реставрационную лабораторию. К каждому изделию требовался индивидуальный подход, исходя из вида натуральных волокон. Ниже приводятся классификация и описание методов консервации и реставрации лаптей в зависимости от вида материала.

1. Лапти из липового волокна. Пара лаптей из Татарской слободы города Казани, датированная XIX в. (рис. 5) и лапоть начала XVIII в. из Свяжска

Рис. 4. Пара лыковых лаптей (Казань), после реставрации.

Рис. 5. Лыковый лапоть (Свияжск).

(рис. 6) имеют сходную морфологию. Подошва выполнена косым плетением, а головашка – прямым. Подобный лапоть заплетался с носка. Такая обувь, распространенная у татарских крестьян, близка чувашскому и мордовскому типу, откуда в прошлом, по мнению Н.А. Халикова, и была заимствована (Халиков, 1998, с. 37). Археологическая аналогия – лапоть с диагональным плетением подошвы и прямым «личиком» был обнаружен при раскопках Казанского кремля в слое XVI в. (Ситдиков, 2006, рис. 80). Лапти, изготовленные по такому образцу, хотя и не отличались высоким качеством, благодаря прямому носку годились на любую ногу, что позволяло заменить износившийся лапоть, а не выбрасывать сразу оба, были легки и дешевы. Поэтому ими охотно пользовались и русские крестьяне.

Особую сложность представляла реставрация лыковых лаптей из Татарской слободы г. Казани (рис. 4). Первоначально в реставрационных исследованиях была опробована методика консервации археологического дерева по методике Е.Л. Малачевской и В.И. Гордюшиной (Гордюшина, Малачевская, Федосеева, 2009, с. 47–58). Однако технология консервации деревянных предметов, казалось бы, близких по составу к лыку и бересте, с погружением их в раствор полиэтиленгликоля, оказалась непригодной к изделиям из лыка в связи с расползанием находок в растворе на отдельные мелкие волокна. Поэтому в дальнейших изысканиях было решено использовать комбинированную систему обработки, использующую особенности методик реставрации дерева, ткани и кожи. Это позволило восстановить структуру растительных волокон с од-

новременной очисткой, консервацией и реставрацией артефактов. Реставрация лаптей проходила в несколько этапов.

Первый этап реставрационных работ заключался в сушке находок. Для этой цели изделия погружались в смесь силикагеля и манной крупы. Этот тип консервации широко используется при высушивании цветов и растений во флористике (Ба Ж., 2001, с. 8–14). Он хорошо зарекомендовал себя с точки зрения как объемной, так и цветовой сохранности объектов. Однако после извлечения лаптя из высушивающей смеси часть крупы оказалась приклеенной к предметам. В связи с этим сушка других изделий проводилась в чисто силикагельной среде. В результате данной процедуры высушенный предмет мало изменился в объеме и сохранил форму, присущую данной обуви.

На втором этапе проводилась тщательная ручная механическая чистка предмета. Эта длительная и кропотливая процедура позволила освободить лапоть от следов грунта и многочисленной грязи, естественной для него не только как для археологической находки, но и как для бытовой обуви.

Третий этап заключался в одновременной многократной очистке и консервации предмета 5-процентным водно-спиртовым раствором ПЭГ (4% ПЭГ-1500, 1% ПЭГ-400) с помощью кисти. После каждой процедуры пропитки лапоть помещался в герметичную емкость. Процесс консервации занял 8 недель.

Четвертый этап – сушка. Для удаления растворителя обработанное изделие помещали в пластиковый контейнер с целью замедления процесса испарения. Окончательная сушка про-

Рис. 6. Пара лыковых лаптей (Казань), до реставрации.

Рис. 7. Лапоть из бересты (Свияжск).

водилась при комнатной температуре в темном месте и заняла 5 недель. При этом лапти заворачивались в два слоя крафт-бумаги.

Эта технология позволила хорошо сохранить как структуру, так и цвет изделий, стабилизировав их состояние. Аналогичным способом были восстановлены лыковые лапти из Свяжска.

2. *Лапоть из бересты.* Берестяной лапоть из раскопа «Татарская слобода», дагируемый серединой XVII в. (рис. 7) имеет треугольную головку и сравнительно низкие борта. Такие лапти назывались берестяниками. Это позднесредневековый северный или новгородский тип (Осипов, 2006, с. 69).

Этот лапоть классического косоного плетения заплетался с пятки. В данной технике выполнена подошва и носок. Такие лапти более прочные, следовательно были трудоемки и выше ценились (Халиков, 1998, с. 38). Технология плетения пятистрочного лаптя подробно описана известным мастером С.Т. Редичевым (Редичев, 2001, с. 82–86).

Известно, что береста меньше пропускает воду, чем лыко. Появление берестяников в Свяжске, возможно, связано также с использованием их в сырых местах (например, в рыболовном промысле). Поскольку берестяники не характерны для населения Средней Волги, можно было сделать предположение об их привозном характере. Однако еще одна находка 2012 г. опровергает эту версию. В том же комплексе деревянных сооружений, вскрытых во время раскопок, обнаружен клубок бересты (рис. 8) – заготовка берестяной ленты.

По свидетельству другого мастера-плетельщика, В.А. Костылева, заготовленную кору березы сразу отделяли от верхнего слоя, нарезали ленты, складывали в пучки. Пучки разрезали на ленты, скручивали в клубок-заготовку, которую и хранили (Костылев, 1983, с. 32).

Лапти из бересты были обнаружены в Москве при раскопках Манежной площади (Осипов, 2006, с. 189, илл. 276) и во Владимире в слое XVIII в. (Курбатов, 2008, с. 183, рис. 9), они встречались также при раскопках северных городов России. Возможно, технику плетения лаптей из бересты привез в Свяжск выходец из Севера России.

Изделие из бересты имело хорошую сохранность в отличие от лыковых лаптей. Механическую очистку проводили с помощью мягких флейцев. В ходе консервации были использованы методики, разработанные Е.Л. Малачевской и Н.П. Синициной. Очищенный предмет помещали в герметичную емкость, наполненную 5-процентным водно-спиртовым раствором ПЭГ (4% ПЭГ-1500, 1% ПЭГ-400), и выдерживали до максимального насыщения. Компонент ПЭГ-400 позволил придать изделию большую пластичность и осуществить мягкую очистку труднодоступных мест – перекрытий берестяных лент.

Сушка изделий проводилась аналогично лаптю из лыка – в герметичной емкости. По достижении стабилизации окончательное досушивание изделия проводилось в темном месте с доступом воздуха в двух слоях крафт-бумаги. После проведения данных реставрационных операций объект приобрел экспозиционный вид.

3. *Кожаный лапоть*. Третьим объектом является фрагмент кожаного лаптя, датируемый концом XVII в. Это часть подошвы со стороны головашки (рис. 9). Он сплетен из лыковых строк, а снаружи имеет подплетение из кожаных ремней. Такие лапти являются более долговечными, чем лыковые, которых хватало крестьянину только на неделю (Вахрос, 1959, с. 32).

Кожаные лапти появились очень давно. При раскопках вятичских курганов у села Маливо (совр. Коломенский р-н Московской обл.) в мужском погребении найдены кожаные лапти прямого плетения (Арциховский, 1930, с. 102). Модели же косого плетения были зафиксированы в Ярославле в слое XIV в. Тем не менее единичные находки свидетельствуют об их слабом распространении (Археология Древнего Ярославля, 2012, с. 95). При раскопках в Зарядье (Москва) отмечены лапти, у которых, как у данного вида, кожаные ремешки комбинируются с лыком (Рабинович, 1955, с. 80). Кожаные лапти встречались и при других раскопках Москвы (Осипов, 2006, с. 41).

По заключению Д.О. Осипова, кожаные лапти, занимавшие промежуточное положение между обычными лаптями и поршнями, уступали и тем и другим. Если лапти из растительного материала были легче, удобнее и дешевле кожаной обуви, то поршни выглядели более привлекательно и не пропускали воду (Осипов, 2006, с. 41).

Положительными качествами кожаных лаптей являются их прочность и долговечность. Однако, по наблюдениям С.Т. Редичева, они использовались зимой, так как лучше сохраняли тепло (Редичев, 2001, с. 83).

Реставрация кожаного лаптя проводилась по методике Н.П. Синициной (Синицына, 2009, с. 213–221).

Механическая очистка проводилась с помощью флейцев в дистиллированной воде. Затем изделие помещалось в водный раствор ПЭГ-400, а затем в морозильную камеру. Процедура пропитки и сушки повторялась несколько раз. Во время процесса консервации проводилось шерфованье бахтормяной поверхности кожаной ткани. Эта операция проводилась вручную, с помощью скальпеля. Сложность при шерфовании данного объекта заключалась в присутствии лыкового слоя, который хотя и находится на внешней части кожаной ткани, все же препятствовал работе с обратной стороны кожаных ремешков.

Консервация лаптя из кожи продолжается, так как процесс консервации считается не завершенным до тех пор, пока кожаная ткань не достигнет состояния пластичности.

Существует множество методов реставрации археологического дерева, лыка, бересты и кожи. Однако в нашем случае возникла необходимость разработки новых методических приемов, с учетом адаптации известных методик к конкретным реставрационным задачам, для предметов из растительных волокон. Данный подход позволил правильно определить комплекс мероприятий, направленный на предотвращение последующих разрушений и достижение оптимальных условий продолжительного сохранения археологических лаптей. Обратимость проведенных процессов консервации обеспечит в дальнейшем возможность изучать материал предметов.

Рис. 8. Заготовка берестяной ленты (Свияжск).

Рис. 9. Фрагмент кожаного лаптя (Свияжск).

Процесс реставрации восстановил структуру волокна, что позволило наглядно рассмотреть и классифицировать лапти по способу плетения, разобрать их морфологию. Изучение лаптей из археологических раскопок с целью выявления генезиса, технологии, преемственности традиций пле-

тения, а также как предмета реставрационных исследований представляет новацию в изучении плетеной обуви.

Работа явилась результатом коллективной деятельности специалистов как естественных, так и гуманитарных наук: химии, физики, этнографии, истории и археологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арциховский А.В.* Курганы вятичей. – М., 1930. – 134 с.
2. Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. 2-е изд., доп. и перераб. – М.: ИА РАН, 2012. – 296 с.
3. *Ба Ж.* Как сушить цветы и составлять букеты. Материал, техника высушивания, аранжировка. – М., 2001. – 118 с.
4. *Бусыгин Е.П.* Русское население Среднего Поволжья: историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.) – Казань, 1966. – 404 с.
5. *Вахрос И.С.* Наименование обуви в русском языке. – Хельсинки, 1959. – 268 с.
6. *Гордюшина В.И., Малачевская Е.Л., Федосеева Т.С.* Материалы и технологии для консервации археологических деревянных объектов // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. – Вып. 24. – М., 2009. – С. 47–58.
7. *Гордюшина В.И., Федосеева Т.С.* Консолиданты для укрепления деструктированной древесины // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. – Вып. 17. – М., 1999. – С. 86–90.
8. *Громов Г.Г.* Русская одежда // Очерки русской культуры XVI в. – М., 1977. – 389 с.
9. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. – М., 1991. – 512 с.
10. *Зеленин Д.К.* Терминология лапотного дела // Сб. МАЭ. Вып. 38. Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. – Л., 1982. – С. 135–144.
11. *Курбатов А.В.* К истории лаптя на Руси (жизнь историографических мифов XVIII в.) // ТАС. – Вып. 4. – Т. II. – Тверь, 2001. – С. 225–233.
12. *Курбатов А.В.* Археологические данные о кожевенно-обувном ремесле в древнем Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. – Вып. 2. – М., 2008. – С. 171–190.
13. *Старков А.С.* Отчет об археологических исследованиях «Татарская Слободка» на территории села Свияжск в Зеленодольском районе Республики Татарстан в 2011 году / Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.
14. План вновь проектированного расположения г. Свияжска, Казанской губернии. 1869 года. / Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 324, оп. 739, д. 282, л. 1.

15. *Осинов Д.О.* К истории лаптя на Руси // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Вып. 6. – Тверь, 2010. – С. 303–308.
16. *Осинов Д.О.* Обувь Московской земли XII–XVIII вв. – М., 2006. – 202 с.
17. *Осинов Д.О.* Обувь и другие изделия из кожи, найденные при раскопках в исторической части г. Владимира // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. – Вып. 1. – М., 2007. – С. 134–144.
18. *Рабинович М.Г.* Великий посад Москвы (по раскопкам 1951 года) // КСИ-ИМК. – Вып. 57. – Москва, 1955.
19. План города Казани с приложением вокруг города селений: конформированный 1767 г. / Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 192, оп. 1, д. 3.
20. План губернского города Казани, составленный с планов на г. Казань утвержденных в 1839, 1842, 1845, 1848 гг. / РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1300.
21. План города Казани со слободами и деревнями / РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1301.
22. План города Казани с поселенными при нем слободами. 1867 г. / РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1302.
23. *Салихов Р.Р., Хайретдинов Р.Р.* Татарстан жәмһүрияте: татар халкының тарихи һәм мәдәни һәйкәлләре (XVIII гасыр ахыры – XX башы). – Казан: “Фэст” нәшрияты, 1995. – С. 78–79 (на тат. яз.)
24. *Синицына Н.П.* Реставрация и консервация археологического текстиля и кожи, разработка методики // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. I: История усыпальницы и методика исследования захоронений / отв. ред.-сост. Т.Д. Панова. – М., 2009. – С. 213–221.
25. *Ситдиков А.Г.* Казанский кремль: историко-археологическое исследование. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2006. – 288 с.
26. Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда. Письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567гг.). – Казань, 1909. – 143 с.
27. *Тишин Д.В., Шакиров З.Г.* Дендрохронологический анализ древесины с острова Свияжск // Свияжские чтения. – Вып. II. – Свияжск: Изд. Раифского Богородицкого монастыря, 2010. – С. 37–39.
28. *Шакиров З.Г., Валиев Р.Р.* Новые археологические данные об освоении Свияжского острова в эпоху средневековья // Научный Татарстан. – 2009. – № 2. – С. 103–111.
29. Халиков Н.А. Промыслы и ремесла татар Поволжья и Приуралья (середина XIX – начало XX.). – Казань, 1998. – 100 с.
30. *Шакиров З.Г., Валиев Р.Р., Ситдиков А.Г.* О застройке посадской части Свияжска (по материалам раскопок 2008 г.) // ПА. – 2012. – № 2. – С. 184–210.
31. *Яблоков А.* Город Свияжск Казанской губернии и его святыни (историко-археологический очерк). – Казань, 1909. – 143 с.

Информация об авторах:

Абдуллин Халим Миннуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); Xalimabd@mail.ru

Визгалова Мария Юрьевна, лаборант-исследователь, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); mutqueen@mail.ru

Ситдилов Айрат Габитович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация); sitdikov_a@mail.ru

Старков Андрей Сергеевич, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); 2647425@mail.ru

Федотова Юлия Валерьевна, лаборант-исследователь, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация); yulia.fedotova86@yandex.ru

Храмченкова Резида Хавиловна, кандидат физико-математических наук, зав. лабораторией, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Российская Федерация); rezidahram@mail.ru

**BAST-CHOES AS ARCHAEOLOGICAL MATERIAL: ORIGIN,
CLASSIFICATION, RENOVATION (A CASE-STUDY FROM THE FINDS OF
SVIYAZHSK AND KAZAN)**

**H.M. Abdullin, M.Yu. Vizgalova, A.G. Sitdikov,
A.S. Starkov, Yu.V. Fedotova, R.H. Hramchenkova**

The article is devoted to the study and restoration of footwear made of bast and birch bark in the 17th-19th centuries from the 2012-2013 archaeological excavations in Kazan and Sviyazhsk. Historical and archival research on the site combined with archaeological analysis allowed to clearly date each artifact. The study of archaeological footwear revealed the morphology of the items and their manufacturing technology. In order to preserve the unique finds, a system of restoration measures has been developed, which made it possible to restore the fiber structure. For conservation and restoration of the articles, a mixed methodology of processing archaeological finds made of textiles and wood has been applied. At the stage of items drying, a method that allowed retaining the form and color has been used. On the basis of analogies and the data of ethnography, it was determined that, according to the type of plaiting, the bast shoes found are characteristic of the local population, while a birch-bark unit refers to the northern (Novgorod) variety, whereas a bast shoe with interwoven leather straps finds an analogy in Moscow and Yaroslavl.

Keywords: the Middle Volga region, Sviyazhsk, Kazan, the Late Middle Ages, the new time, archaeological footwear, bast shoes, restoration, morphology.

REFERENCES:

1. Artsikhovskii, A. V. 1930. *Kurgany viatichei (Barrows of Vyatichi)*. Moscow (in Russian).
2. Engovatova, A. V. 2012. *Arkheologiya drevnego Iaroslavlia. Zagadki i otkrytiia (Archaeology of Ancient Yaroslavl: Riddles and Discoveries)*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology (in Russian).

3. Ва, Zh. 2001. *Kak sushit' tsvety i sostavliat' bukety. Material, tekhnika vysushivaniia, aranzhirovka (How to Dry Flowers and Make Bouquets. The material, the technique of drying, arrangement)*. Moscow (in Russian).
4. Busygin, E. P. 1966. *Russkoe naselenie Srednego Povolzh'ia: istoriko-etnograficheskoe issledovanie material'noi kul'tury (seredina XIX – nachalo XX vv.) (Russian Population of the Middle Volga Region: historical and ethnographical research of material culture (the middle of the 19th – beginning of the 20th centuries))*. Kazan (in Russian).
5. Vakhros, I. S. 1959. *Naimenovanie obuvi v russkom iazyke (Name of Shoes in Russian Language)*. Helsinki (in Russian).
6. Gordiushina, V. I., Malachevskaia, E. L., Fedoseeva, T. S. 2009. In *Khudozhestvennoe nasledie. Khranenie, issledovanie, restavratsiia (Artistic Heritage: Storage, Study, Restoration)* 24. Moscow, 47–58 (in Russian).
7. Gordiushina, V. I., Fedoseeva, T. S. 1999. In *Gorin, I. P. (chair of editorial council). Khudozhestvennoe nasledie. Khranenie, issledovanie, restavratsiia (Artistic Heritage: Storage, Study, Restoration)* 17. Moscow, 86–90 (in Russian).
8. Gromov, G. G. 1977. In *Ocherki russkoi kul'tury XVI v. (Essays on Russian Culture of 16th Century)*. Moscow (in Russian).
9. Zelenin, D. K. 1991. *Vostochnoslavianskaia etnografiia (East-Slavic Ethnography)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
10. Zelenin, D. K. 1982. In Staniukovich, T. V. (ed.). *Pamiatniki kul'tury narodov Evropy i Evropeiskoi chasti SSSR (Cultural Sites of the Peoples of Europe and the European Part of the USSR)*. Series: Sbornik Muzeia antropologii i etnografii RAN (Bulletin of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences) 38. Leningrad, 135–144 (in Russian).
11. Kurbatov, A. V. 2001. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Bulletin)* 4 (II). Tver, 225–233 (in Russian).
12. Kurbatov, A. V. 2008. In *Arkheologiia Vladimiro-Suzdal'skoi zemli (Archaeology of the Vladimir-Suzdal Land)* 2. Moscow, 171–190 (in Russian).
13. Starkov, A. S. 2011. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax "Tatarskaia Slobodka» na territorii sela Sviiazhsk v Zelenodol'skom raione Respubliki Tatarstan v 2011 godu (Report on Archaeological Investigations "The Tatar settlement" at the Sviiazhsk Village in Zelenodolsk District of Tatarstan Republic in 2011)*. Scientific Fund of the Museum of Archaeology, Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
14. *Plan vnov' proektirovannogo raspolozheniia g. Sviiazhska, Kazanskoi Gubernii. 1869 goda (The Plan of the Newly Designed Location, Sviiazhsk, Kazan Province, 1869)*. National Archive of the Republic of Tatarstan. Fund 324. Inv. 739, dossier 282, sheet 1 (in Russian).
15. Osipov, D. O. 2010. In *Tver', Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ia (Tver, Tver Land and Adjacent Territories in the Middle Ages)* 6. Tver, 303–308 (in Russian).
16. Osipov, D. O. 2006. *Obuv' moskovskoi zemli XII–XVIII vv. (Footwear of the Moscow Land, the 12th–18th Centuries)*. Moscow (in Russian).
17. Osipov, D. O. 2007. In *Arkheologiia Vladimiro-Suzdal'skoi zemli (Archaeology of the Vladimir-Suzdal Land)* 1. Moscow, 134–144 (in Russian).

18. Rabinovich, M. G. 1955. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Concise Bulletins of the Institute for the History of Material Culture)* 57. Moscow (in Russian).
19. *Plan goroda Kazani s prilozheniem vokrug goroda selenii: konformirovannyi 1767 g. (Plan of the City of Kazan with the Application around the City of Villages: conterminously 1767)*. The Russian State Archive of the Ancient Documents. Fund 192. Inv. 1, dossier. 3 (in Russian).
20. *Plan gubernskogo goroda Kazani, sostavlennyi s planov na g. Kazan utverzhennykh v 1839, 1842, 1845, 1848 gg. (Plan of the Provincial City of Kazan, compiled with plans approved by the city of Kazan in 1839, 1842, 1845, 1848)*. The Russian State Archive of the Ancient Documents. Fund 1356. Inv. 1, dossier 1300 (in Russian).
21. *Plan goroda Kazani so slobodami i derevniami (Plan of the city of Kazan with large villages and villages)*. The Russian State Archive of the Ancient Documents. Fund 1356. Inv. 1, dossier 1301 (in Russian).
22. *Plan goroda Kazani s poselennymi pri nem slobodami. 1867 g. (Plan of the City of Kazan with a Settlement with him Sloboda, 1867)*. The Russian State Archive of the Ancient Documents. Fund 1356. Inv. 1, dossier 1302 (in Russian).
23. Salixov, R. R., Xayretdinov, R. R. 1995. *Tatarstan cömhüriyate: tatar xalkınıñ tarixi häm mäddäni häykälläre (XVIII gasır axırı – XX başı) (Tatarstan Republic: History of the Tatar People and the Monuments of Culture (end of the 18th – beginning of the 20th centuries))*. Kazan: “Fest” nāshriyatı, 78–79 (in Tatar).
24. Sinitsyna, N. P. 2009. In *Nekropol' russkikh velikikh kniagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlia (The Necropolis of Russian Grand Duchesses and Queens at Ascension Convent of Moscow Kremlin)* I. *Istoriia usypal'nitsy i metodika issledovaniia zakhoroneniı (The History of Shrine and Method of Grave Research)*. Moscow, 213–221 (in Russian).
25. Sitdikov, A. G. 2006. *Kazanskii Kreml': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Kazan Kremlin: Historical and Archaeological Study)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; “Foliant” Publ. (in Russian).
26. *Spisok s pistvovoi i mezhevoi knigi goroda Sviiazhska i uезда. Pis'ma i mezhevaniia Nikity Vasil'evicha Borisova i Dmitriia Andreevicha Kikina (1565–1567 g.) (A Copy of the Land and Cadaster Book of Sviyazhsk Town and County. Measurements by Nikita Vasilievich Borisov and Dmitry Andreevich Kikin (1565–1567))*. 1909. Kazan (in Russian).
27. Tishin, D. V., Shakirov, Z. G. 2010. In *Sviiazhskie chteniia (Sviyazhsk Reading)* II. Sviyazhsk: Raifa Virgin's monastery, 37–39 (in Russian).
28. Shakirov, Z. G., Valiev, R. R. 2009. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)* (2), 103–111 (in Russian).
29. Khalikov, N. A. 1998. *Promysly i remesla tatar Povolzh'ia i Priural'ia (seredina XIX — nachalo XX vv.) (Industries and Crafts of Tatars in the Volga and Ural Areas in Middle 19th — Early 20th Centuries)*. Kazan (in Russian).
30. Shakirov, Z. G., Valiev, R. R., Sitdikov, A. G. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 184–210 (in Russian).
31. Iablokov, A. 1909. *Gorod Sviiazhsk Kazanskoi gubernii i ego sviatyni (istoriko-arkheologicheskii ocherk) (The Town of Sviyazhsk of Kazan Province and its Holy Sites (historical and archaeological survey))*. Kazan (in Russian).

About the Authors:

Abdullin Khalim M. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Xalimabd@mail.ru

Vizgalova Mariya Yu. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; mutqueen@mail.ru

Sitdikov Ayrat G. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Starkov Andrej S. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; 2647425@mail.ru

Fedotova Yulia V. Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; yulia.fedotova86@yandex.ru

Khramchenkova Rezida Kh. Candidate of Physics and Mathematics. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; RezidaHram@mail.ru

Хроника

УДК 902

О РАБОТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛЕВОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В БОЛГАРЕ (18–31 АВГУСТА 2014 Г.)

© 2014 г. А.Г. Ситдигов, Л.А. Вязов, Е.М. Макарова

Международная полевая археологическая школа в Болгаре была проведена 18–31 августа 2014 г. В программу Школы были включены общие теоретические лекции, методические занятия и практическая работа в рамках секций «Археозоология», «История древней керамики», «История древней цветной металлургии и металлообработки», «История черной металлургии и кузнечного дела», «Неразрушающие технологии изучения археологических памятников», «Палеоантропология», «Сохранение культурного наследия в России и странах СНГ». Школа в Болгаре является опытом организации научно-образовательного центра, ориентированного на практическое освоение современных приемов комплексного изучения археологических памятников с широким применением экспериментальных методов исследования.

Ключевые слова: Республика Татарстан, Болгар, полевая археологическая школа, методы археологического исследования, экспериментальная археология, конференция.

18–31 августа 2014 г. в Болгаре была проведена Первая Международная полевая археологическая школа. Организаторами ее выступили Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ и Казанский (Приволжский) федеральный университет, при организационной и финансовой поддержке Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан и Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

Слушателями школы стали более 45 молодых исследователей из 24 регионов России, Беларуси и Украины, представляющих 28 научных и образовательных учреждений. В качестве

преподавателей в работе школы приняли участие ведущие специалисты из институтов Российской Академии наук, Национальной Академии наук Украины, Казанского (Приволжского) федерального университета, Академии наук Татарстана, научно-учебных учреждений Москвы, Крыма, Самары, Ульяновска.

Целью проведения школы стала интеграция научных работ на основе внедрения в исследовательскую практику новейших методов изучения археологического наследия Евразии.

В программу школы были включены общие теоретические лекции, посвященные отдельным отраслям археологического знания; методические

занятия для освоения современных приемов работы с археологическим материалом, практическая работа в рамках секций «Археозоология», «История древней керамики», «История древней цветной металлургии и металлообработки», «История черной металлургии и кузнечного дела», «Не разрушающие технологии изучения археологических памятников», «Палеоантропология», «Сохранение культурного наследия в России и странах СНГ». Актуальные проблемы своей работы участники школы обсудили в рамках круглых столов.

Тематика общих теоретических лекций отражала основные направления работы школы. Современный российский и зарубежный опыт в организации сохранения культурного наследия был отражен в выступлении А.В. Энговатовой (Москва, ИА РАН). О.В. Зеленцова (Москва, ИА РАН) посвятила свое выступление проблеме противодействия грабительским раскопкам. С.А. Агапов (Самара, ИЭКА «Поволжье») отразил в лекции вопросы изучения археометаллургии эпохи раннего металла. Темой выступления Ю.Б. Цетлина (Москва, ИА РАН) стал историко-культурный подход к изучению керамики в археологии. Л.В. Яворская (Москва, ИА РАН) прочитала лекцию «Для чего и как мы собираем кости животных из археологических памятников?». Ю.А. Семькин (Ульяновск, НИИ истории и культуры Ульяновской области) рассказал слушателям школы про роль и значение археометаллографии в исследовании истории древней и средневековой техники. Выступление А.Г. Ситдикова (Казань, ИА АН РТ) было посвящено музеефикации объектов археологии на примере опы-

та Болгарского музея-заповедника. Д.К. Нургалиев (Казань, КФУ) осветил роль геоинформационных технологий и 3d моделирования как неразрушающих методов археологических исследований. Д.В. Пежемский (Москва, МГУ) прочитал лекцию на тему «Биологическая природа человека как исторический источник».

В ходе методических занятий, проведенных в рамках школы, молодым исследователям были даны рекомендации по решению проблемных вопросов археологической практики. А.В. Энговатова осветила проблемы проведения историко-культурной экспертизы. А.В. Старовойтов (Казань, КФУ) продемонстрировал принципы применения фотограмметрических и GNSS-методов при проведении археологических исследований. С.Г. Персова (Казань, Министерство культуры РТ) в ходе проведенного занятия осветила особенности современного российского законодательства об охране памятников археологии. Р.Х. Храмченкова (Казань, ИА АН РТ) познакомила слушателей школы с основными принципами реставрации в археологии. Д.В. Тишин (Казань, КФУ) провел обзор современных методов исследования археологической древесины, а А.В. Борисов (Москва, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН) – палеопочвоведческих методов в археологии. Методическое занятие, проведенное Д.И. Хасановым (Казань, КФУ), было посвящено знакомству с геофизическими исследованиями в археологии и навыкам геомагнитной разведки.

Тематика круглых столов дополняла теоретические лекции и методические занятия. Модераторами кру-

глого стола, посвященного практике борьбы с кладоискателями, выступили А.В. Энговатова и О.В. Зеленцова. Обсуждение проблем выявления и интерпретации следов производственной деятельности и производственных объектов в археологическом материале прошло под руководством С.А. Агапова. Возможности и методы интерпретации погребальных памятников и погребального обряда слушатели школы обсудили с Д.В. Пезжемским. Общие вопросы теории и практики эксперимента в археологии были рассмотрены в ходе круглого стола под руководством Ю.Б. Цетлина. Обсуждение проблем организации комплексного исследования археологического памятника модерировал В.Ю. Коваль (Москва, ИА РАН).

В работе секций основной упор был сделан на освоении слушателями практических и экспериментальных методов археологического исследования. Слушатели Школы не только осваивали новые подходы к изучению артефактов и памятников, но и проводили собственные эксперименты и опыты, совместно анализировали различные нюансы, возникавшие в их практической работе.

Секция археозоологии работала под руководством Л.В. Яворской и Г.Ш. Асылгараевой (Казань, ИА АН РТ). В ходе работы секции были проведены лекции и практические занятия, отразившие место археозоологии как направления в рамках археологии, развитие археозоологической школы в Татарстане, общие сведения о скелете домашних млекопитающих, видовой состав млекопитающих на археологических памятниках европейской части России, реконструкцию экстерьера животных по их длинным ко-

стям, полевую работу археологов и проблемы коллектирования археозоологического материала, особенности изделий из костей животных и проблемы определения сырья и следов орудий на костях, выявления заготовок, отходов, бракованных изделий. Отдельной обширной темой, которой была посвящена серия занятий, стали основные характеристики археозоологической коллекции. В рамках данной темы были рассмотрены категории археозоологических материалов, методы их сбора, сохранность, раздробленность и следы на костях, таксономический состав коллекции, определение анатомического набора костей домашних млекопитающих и археологический контекст как ведущий фактор интерпретации археозоологических материалов, особенности попадания и распределения животных в культурных слоях и объектах поселений, влияние на этот процесс природных и культурных факторов, а также проблемы реконструкции стада домашних животных и возможности исследования и интерпретации расположения костей животных внутри погребальных памятников, фиксация целых скелетов животных и их частей из ритуальных комплексов.

В работе секции истории древней керамики можно выделить два блока занятий – теоретический и экспериментально-практический. В рамках первого блока И.В. Волковым (Москва, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева) и С.Г. Бочаровым (Симферополь, Крымский филиал ИА НАН Украины) были прочитаны лекции по проблемам классификации археологической керамики, описания массовой кера-

мики и ее статистической обработки, некоторым вопросы реставрации и хранения керамики, вопросам изучения поливной керамики Восточного Средиземноморья и Золотой Орды.

В рамках второго блока занятия проводились Ю.Б. Цетлиным, Е.В. Волковой (Москва, ИА РАН) и Н.П. Салугиной (Самара, СГАКИ). Лекции и семинары в рамках этого блока были посвящены происхождению гончарства, структуре гончарного производства, способам конструирования, формам и орнаментам древней посуды, микроскопическому анализу древней керамики, реконструкции историко-культурных процессов на основе анализа древней керамики. Занятия этого блока дополнялись серией мастер-классов по лепке и обжигу сосудов.

Для слушателей, участвовавших в работе секции истории древней цветной металлургии и металлообработки, С.А. Агаповым, Т.Ю. Гошко (Киев, ИА НАН Украины) и Д.А. Агаповым (Самара, ИЭКА «Поволжье») была разработана особая обучающая программа, сочетающая в себе два базовых компонента: теоретический и практический (экспериментальный). Соответственно часть теоретических положений, касающихся, прежде всего, физических свойств цветных металлов, способов плавки иковки меди и бронз, сразу после лекций демонстрировались на экспериментальных площадках. Такие демонстрационные эксперименты естественным образом подготавливали слушателей к процессу осуществления собственных, индивидуальных экспериментальных работ. За три месяца до старта школы, всем слушателям было предложено разработать программу эксперимен-

тов по персональным научным темам, хронологический разброс тем, несмотря на относительно небольшое количество слушателей группы, оказался большим – от технологии литья ножей эпохи средней бронзы до технологии литья средневековых медных крестиков. Все эксперименты оказались весьма удачны не только с практической стороны, но и для демонстрации всего спектра технологий обработки цветных металлов с древности до средневековья.

Работой секции истории черной металлургии и кузнечного дела руководил Ю.А. Семькин. В ходе работы этой секции на лекциях и практических занятиях слушатели школы рассмотрели историю освоения человеком металлургии железа и технологии кузнечного производства Древней Руси и средневекового населения Среднего Поволжья, приняли участие в экспериментах по моделированию металлургического сыродутного процесса, проковке кричного железа и изготовлению кузнечных изделий методом свободнойковки, получению стали способом цементации и использованию технологии кузнечной сварки, получили навыки по применению методов металлографических исследований в археологии. Кроме того, в рамках работы секции А.Я. Романовым (Ульяновск, вице-президент Союза кузнецов России, член Союза художников России) был проведен мастер-класс по кузнечному ремеслу.

В работе секции неразрушающих технологий изучения археологических памятников был сделан упор на использование геоинформационных технологий и геомагнитной разведки в археологическом исследовании, применении современных методов

фиксации материалов раскопок. В качестве преподавателей к работе секции были привлечены И.И. Нугманов (Казань, КФУ), А.В. Старовойтов и Д.И. Хасанов. Слушатели школы прошли обучающий курс по работе с ArcGIS Desktop, освоили первичные навыки фотограмметрической фиксации, GNSS-методов и геофизических исследований.

В ходе работы секции палеоантропологии занятия проводились Д.В. Пежемским и Н.В. Харламовой (Москва, Институт этнологии и антропологии РАН). Молодые ученые прослушали лекции по логике, методике и методологии палеоантропологического исследования, современному состоянию краниологии человека, реконструктивным аспектам остеологии человека и палеопатологиям, нарушениям анатомического порядка и посмертным изменениям костей человека; получили основы знаний о человеческом скелете, теле человека в системе социокультурных символов, искусственным изменениям тела и их отражению на скелете, принципах одонтологических исследований, одонтоскопии и одонтометрии; получили навыки определения изолированных зубов и определения возраста по зубам; приняли участие в практиках по краниометрии и краниоскопии, остеометрии и остеоскопии, морфологии патологически измененной и травмированной кости, консервации и реставрации ископаемых человеческих костей.

В работе секции сохранения культурного наследия в России и странах СНГ в качестве преподавателей приняли участие А.В. Энговатова, О.В. Зеленцова, С.Г. Персова, А.Г. Ситдииков, Д.В. Серых (Сама-

ра, СамГУ), Р.Х. Храмченкова, Х.М. Абдуллин (Казань, ИА АН РТ), В.С. Баранов (Казань, ИА АН РТ), О.Р. Гасимов (Казань, ИА АН РТ) и Ю.В. Григорьев (Казань, ИА АН РТ). Основными проблемами, затронутыми в ходе работы секции, были вопросы обеспечения сохранности, реставрации, музеефикации объектов археологического наследия. В рамках секции были проведены занятия по борьбе с кладоискательством, деталям проведения историко-культурной экспертизы, принципам разработки раздела об обеспечении сохранности объекта археологического наследия, особенностям охраны памятников в зоне водохранилищ, консервации и реставрации историко-архитектурных памятников, металлических предметов, керамики, археологического дерева. Отдельный блок занятий был посвящен истории государственной охраны археологического наследия, в том числе на примере Болгарского городища.

Завершающим этапом работы школы стала конференция «Актуальные проблемы сохранения и изучения культурного наследия народов Евразии», в ходе которой слушатели школы представили результаты собственных исследований.

Базой для проведения школы стал Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. В зависимости от направления работы различные секции школы проводились в Музее болгарской цивилизации, Международной археологической базе или непосредственно на раскопах. Отдельно следует отметить сформированные в ходе работы школы экспериментальные производственные площадки, оснащенные

действующими репликами древних и средневековых инструментов и технических сооружений.

Международная полевая археологическая школа в Болгаре является первым на постсоветском пространстве опытом организации научно-образовательного центра, ориентированного на практическое освоение молодыми исследователями совре-

менных приемов комплексного изучения археологических памятников, с широким применением экспериментальных методов исследования. Участниками школы отмечена высокая научная и практическая значимость развития данного проекта и необходимость превращения его в постоянно функционирующий научно-образовательный центр.

Информация об авторах:

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация); sitdikov_a@mail.ru

Вязов Леонид Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); l.a.vyazov@gmail.com

Макарова Екатерина Михайловна, лаборант-исследователь. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ekaterina.m.makarova@gmail.com

ON THE WORK OF THE INTERNATIONAL ARCHAEOLOGICAL FIELD SCHOOLING AT BOLGAR IN AUGUST 18-31, 2014

A.G. Sitdikov, L.A. Vyazov, Ek.M. Makarova

The international archaeological field school was held in Bolghar on August 18–31, 2014. The program of the school embraced general theory lectures, methodical classes, and practical work in the framework of sections on Archaeozoology, History of Ancient Ceramics, History of Ancient Non-ferrous Metallurgy and Metalworking, History of Ferrous Metallurgy and Blacksmithing, Non-destructive Technologies of Archaeological Sites Study, Paleoanthropology, and Cultural Heritage Preservation in Russia and the CIS countries. The school in Bolghar is an experience in organizing a scientific and educational center, focused on practical mastering of modern methods of archaeological sites integrated study with the extensive use of experimental research methods.

Keywords: the Republic of Tatarstan, Bolghar, field archaeological school, methods of archaeological research, experimental archaeology, conference.

About the Authors:

Sitdikov Ayrat G. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Vyazov Leonid A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; l.a.vyazov@gmail.com

Makarova Ekaterina M. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ekaterina.m.makarova@gmail.com

УДК 929:902

АНАТОЛИЮ НИКОЛАЕВИЧУ КИРПИЧНИКОВУ – 85

© 2014 г. И.Л. Измайлов, Ф.Ш. Хузин

Статья посвящена 85-летию выдающегося российского археолога Анатолия Николаевича Кирпичникова. Кратко рассказывается о его научном пути и ступенях творческого роста от аспиранта до профессора. Отмечаются его выдающиеся заслуги в изучении проблем истории оружия и военного зодчества Руси X–XV вв., а также сделанное им важное открытие клейм на клинках мечей, их описание и систематизация, породившее новое направление в источниковедении – клинковую эпиграфику. Подчеркивается вклад А.Н. Кирпичникова в разработку проблем истории становления городов и государства на Руси, роль в этих процессах Ладоги и скандинавов. Особо отмечается его вклад в научное обоснование 1000-летия Казани. Выражаются благодарности и наилучшие пожелания от имени казанских учеников и коллег юбиляра.

Ключевые слова: А.Н. Кирпичников, Древняя Русь, медиевистика, оружиеведение, культурные связи.

В конце июня 2014 г. исполнилось 85 лет со дня рождения одного из ведущих российских археологов, создателей школы современного отечественного оружиеведения, специалиста по археологии и истории Древней Руси, многолетнего руководителя раскопок в Старой Ладоге, заведующего

Отделом славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук, профессора Анатолия Николаевича Кирпичникова.

Анатолий Николаевич родился 25 июня 1929 г. в Ленинграде в интеллигентной семье. Его отец был инженер-строитель, мать – врач. Будучи еще школьником он мечтал стать ученым. Но война жестоко перечеркнула все его планы. Он пережил страшные годы блокады, потерял маму, погибшую в результате варварского обстрела города фашистскими войсками. После войны Анатолий Кирпичников успешно окончил школу и в 1948 г. поступил на исторический факультет Ленинградского университета на кафедру археологии. Уже тогда он проявил интерес к средневековой археологии и выбрал впоследствии свое собственное направление в науке – изучение вооружения и военной истории Древней Руси.

В 1953 г. А.Н. Кирпичников окончил с отличием университет, но места в академических институтах и аспирантуре не было. Ему предложили место научного сотрудника Артиллерийского исторического музея. Здесь он подготовил свои первые труды по истории метательной артиллерии и древнерусского оружия на основе коллекции Н.Е. Бранденбурга. Через два года он поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН), где продолжает плодотворно трудиться и до сего дня. В Институте А.Н. Кирпичников прошел большой научный путь от аспиранта до ведущего научного сотрудника. В 1963 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию «Русское оружие ближнего боя X–XIII вв.», в 1975 г. – докторскую по теме «Военное дело Руси IX–XIV вв.». В 1974 г. в Институте был создан новый отдел славяно-финской

археологии. Анатолий Николаевич возглавил его и продолжает беспрерывно руководить им уже 40 лет.

Научный талант А.Н. Кирпичникова многогранен, а область его исследований разнообразна и широка: от археологии оружия до средневекового зодчества, от истории градостроительства до мировой торговли, от западноевропейских гравюр до клинковой эпиграфики, от роли викингов в становлении Северной Руси до охраны памятников исторического наследия Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Перу ученого принадлежит более 600 публикаций, включая 20 книг и монографий, научные статьи и публицистику. Имя его хорошо известно специалистам археологам и оружейоведам разных стран – Финляндии, Норвегии, Швеции, Дании, Бельгии, Германии, Польши, Чехии, Австрии, Испании и других, где издавалась его труды.

Среди всего многообразия работ А.Н. Кирпичникова следует особо выделить ряд тем, которые красной нитью проходят сквозь всю его творческую биографию.

Самыми главными можно считать его работы по вооружению, военному зодчеству, метательной и огнестрельной артиллерии, комплексу вооружения и военному искусству Руси IX–XV вв. В первую очередь, это четыре тома Сводов по вооружению, всаднической и конской амуниции. Он, опираясь на огромный источниковедческий материал практически всех памятников Древней Руси, которые были обработаны по единой методике, на строгую типологию вещевого материала, выверенную хронологию отдельных типов и видов оружия, определил эволюцию их развития.

Выверенный и точный анализ прошел испытание временем и стал классическим. Автор предложил новую концепцию развития древнерусского оружия, умело сочетая археологические методы анализа с широким привлечением сравнительно-исторического материала, впервые создав полную и детальную картину истории военного дела средневековой Руси. Эти труды были новаторскими, а спустя годы стали классическими, заложив основу для научного изучения средневекового оружия, подняв отечественное оружиеведение на новую высоту. С этого времени все подобные работы могли строиться только по такой методике и при использовании выводов Кирпичникова. В этом смысле все труды по изучению вооружения и военного дела народов Волго-Уральского региона являются развитием и творческим освоением идей, которые он заложил в своих трудах.

В процессе изучения оружия А.Н. Кирпичников сделал целый ряд серьезных открытий. Им было,

по существу, открыто и обосновано новое направление в источниковедении – клинковая эпиграфика. Он не только разработал методику выявления мечевых клейм, но и впервые в мировой науке систематизировал огромный корпус этих источников, который ныне насчитывает около 500 надписей из музеев России, Украины, Польши, Финляндии, Швеции и Норвегии. В процессе систематизации он выявил десятки ремесленных клейм различного начертания и определил их назначение. В одной из своих научно-популярных статей ученый образно назвал мечи с клеймами «страницами 'железной книги', текст которой был скрыт много сотен лет и вдруг увидел свет». Выдающимся открытием в ходе этой работы стало выявление двух клейм с кириллическими надписями. Это, в первую очередь, знаменитый «Людота коваль», вошедший во все учебники и популярные книги по истории Древней Руси. Обнаружение их показало, что древнерусское оружейное производство не

уступало знаменитым каролингским мастерским, что доказывало высокий уровень городского ремесла и всего военного дела. Они по праву должны считаться одним из выдающихся достижений отечественной археологии XX века.

В этой связи нельзя не отметить, что А.Н. Кирпичников первым обратил внимание на находки каролингских мечей и сабель с территории Булгарии. Благодаря его усилиям все они были расчищены, при этом выявлены три типа надписей, самая многочисленная из которых – «ULFBERHT», обозначающая знаменитые мечи. Его исследования в области закономерностей распространения этих клинков на Руси и Северной Европе, позволили сопоставить и синхронизировать находки и с территории Волжской Булгарии, дать их археолого-историческую интерпретацию (Кирпичников, Измайлов, 2000, с. 207–218; Измайлов, 2008, с. 39–45).

Важный вклад внес А.Н. Кирпичников и в изучение военного зодчества Северо-Западной Руси IX–XVII вв., историю «каменного щита» Новгородской земли – древних крепостей Ладоги, Копорья, Орешка и др. Он отрыл ранние каменные крепости Руси в Ладоге, выявил особенности каменного зодчества, а также закономерности обороны пограничных земель Руси. Этот опыт оказался прямо востребован, когда появилась необходимость выяснить историю возникновения и функционирования укреплений средневековой Казани. Консультации А.Н. Кирпичникова имели большое значение для казанских археологов, изучавших в 1990-х годах историю укреплений Кремлевского холма, а его авторитетные за-

мечания способствовали уточнению ряда выводов (Хузин, Ситдииков, 2005, с. 99).

Со студенческих лет А.Н. Кирпичников принимал участие в полевых исследованиях славяно-русских памятников, включая крупнейшие из них – Киев, Новгород, Псков и др. С 1968 г. он руководил различными археологическими экспедициями, регулярно ведущими исследования на Северо-Западе России, в Ленинградской, Псковской, Новгородской областях. С 1970-х годов Анатолий Николаевич является руководителем Староладожской экспедиции, чьи исследования позволили выяснить не только раннюю дату основания Ладоги и этапы развития этого важнейшего городского центра Руси, но и открыть новые пласты истории Приладожья, показав его роль в становлении Руси и регулярных контактов со странами циркумбалтийского региона (см.: Кирпичников, 1988, с. 38–79).

В результате этих исследований, в частности скандинавских длинных домов и стоянок морских судов, а также целого ряда предметов скандинавской культуры, им и его коллегами были сделаны выдающиеся открытия, изменившие представления археологов и историков о становлении Руси, роли и месте варягов в процессе государство- и культурогенеза (см.: Кирпичников и др., 1980, с. 24–38; Кирпичников и др., 1981, с. 3–10; Кирпичников и др., 1986, с. 189–297). На основе комплексного изучения этих археологических источников А.Н. Кирпичников смог сделать целый ряд важных историко-археологических выводов, далеких от казенного «антинорманизма», заставивших отечественных историков по-новому

взглянуть на «спор о варягах» и их месте в истории Руси (см.: Кирпичников, 1997, с. 7–18).

Эти исследования и новые подходы к изучению движения русов от Балтики к Черному и Каспийскому морям сыграли важную роль в создании концепции возникновения болгарских городов и, в частности, Казани. Уже на раннем этапе подготовки программы исследований для изучения возникновения городского поселения на Кремлевском холме, А.Н. Кирпичников выдвинул идею совместить ее с более широкой программой по изучению Великого Волжского пути. В результате археологические исследования Казанского городища были сразу вставлены в широкий историко-культурный, археологический и географический контекст. Это позволило не только уловить многие ключевые моменты развития региона и синхронизировать его с эволюцией в других частях Северной и Восточной Европы, Ближнего и Переднего Востока, но и доказать закономерность возникновения древнего городища на месте современной Казани. Реализация этого проекта вылилась в проведение 7 международных научных конференций с выездными заседаниями во все ключевые города Балтийского региона, зоны Волжского пути и Каспийского бассейна, включая Стокгольм, Ригу, Таллинн, Хельсинки, Санкт-Петербург, Кострому, Нижний Новгород, Казань, Болгар, Ульяновск, Самару, Саратов, Волгоград, Астрахань, Махачкалу, Дербент, Баку, Энзели и Тегеран. Результатом этой огромной работы стало несколько десятков томов материалов исследований, широкое обсуждение проблем истории, археологии, куль-

туры и охраны памятников региона в целом и проблемы возникновения Казани, в частности. Особо следует на этом фоне выделить цикл работ А.Н. Кирпичникова о Великом Волжском пути, во многом подводящий итог комплексным многолетним трудам большого коллектива ученых (см.: Кирпичников, 1999, с.107–115; 2001, с. 9–35; 2002, с. 188–217). Иными словами, А.Н. Кирпичников во многом способствовал тому, что обсуждение частной проблемы возникновения Казани приобрело статус высокой международной задачи, повысило уровень обсуждения этой темы и вызвало большой резонанс в научных кругах России и соседних стран. Закономерно, что за вклад в научное обоснование истории возникновения Казани А.Н. Кирпичников был награжден медалью «1000-летие Казани» (2005 г.).

А.Н. Кирпичников многое делает для развития науки, приобщения к ней студентов. Многие годы он руководит молодыми учеными, стремящимися к новым высотам в науке. Он является руководителем более чем полутора десятка аспирантов, успешно защитивших свои кандидатские диссертации, из которых многие стали впоследствии докторами наук. За большие заслуги в деле подготовки специалистов-археологов А.Н. Кирпичникову в 1991 г. было присвоено звание профессора и почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Для казанских археологов А.Н. Кирпичников был всегда добрым коллегой и взыскательным критиком. На заседании Отдела славяно-финской археологии в разные годы читали доклады и успешно прошли пред-

защиту И.Л. Измайлов, Ф.Ш. Хузин, Л.Ф. Недашковский, а Ф.Ш. Хузин защитил кандидатскую диссертацию на заседании диссертационного совета ЛОИА АН СССР. Многие казанские археологи – научные сотрудники, аспиранты и студенты – прошли полевою практику в составе Староладожской экспедиции и навсегда сохранили о ней самые добрые воспоминания.

А.Н. Кирпичников неоднократно получал различные награды за выдающиеся достижения в науке и деле охраны памятников историко-культурного наследия. Он награжден медалями: «В память 250-летия Ленинграда» (1958 г.), «Ветеран труда» (1986 г.), бронзовой медалью ВДНХ (1986 г.), имеет почетные и благодарственные грамоты Президиума АН СССР (1974 г.), Общества «Знание» (1970 и 1978 гг.), Президиума ВО-ОПИК (1981 г.).

Несмотря на свой далеко не юный возраст, Анатолий Николаевич сохраняет бодрость духа, оптимизм и огромное желание трудиться, познавать прошлое нашей Родины, а также щедро делится своими знаниями и опытом с более молодыми коллегами.

В связи с этим знаменательным юбилеем ученики, друзья и коллеги из Института археологии АН РТ сердечно поздравляют дорогого юбиляра, желают ему здоровья, научного долголетия, новых статей и книг, всяческого благополучия и успехов. Мы завидуем его потрясающей энергии, работоспособности и неумной жажде открытий, стремлению вечно организовывать все новые и новые научные проекты. Казанские археологи горды тем, что имели честь работать с ним и надеются, что это научное сотрудничество будет еще продолжаться долгие годы.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ:

1. Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия // СА. 1957. №3. – С.60-76.
2. Метательная артиллерия Древней Руси: (Из истории средневекового оружия VI-XV вв.) // МИА. 1958. №77. – С.7-51.
3. Древнерусское оружие: Вып. 1. Мечи и сабли IX-XIII вв. М., Л.: Наука, 1966. – 176 с.
4. Древнерусское оружие: Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. М., Л.: Наука, 1966. – 147 с.
5. Древнерусское оружие: Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв. Л.: Наука, 1971. – 92 с.
6. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. Л.: Наука, 1973. – 112 с.
7. Военное дело на Руси в XIII-XIV вв. М.: Наука, 1976. – 104 с.
8. Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, 1984. – 275 с.
9. Вооружение // Древняя Русь: Город, замок, село. М.: Наука, 1985. – С. 298-363. (совместно с А.Ф. Медведевым).
10. Раннесредневековая Ладога: Итоги археологических исследований // Средневековая Ладога. Л.: Наука, 1985. – С.3-27.
11. Русь и варяги: русско-скандинавские отношения домонгольского времени // Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986. – С.188-297. (совместно с И.В. Дубовым, Г.С. Лебедевым).
12. Ладога и Ладожская земля VIII-XIII вв. // Славяно-русские древности. Вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – С.38-79.
13. Археологические открытия в Старой Ладоге: черты сходства средневековых городов региона Балтики // Археологические вести. 1992. № 1. – С.141-151.
14. Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего средневековья: (по находкам в России, на Украине, и в Татарстане) // Археологические вести. 1993. № 2. – С.122-134.
15. Россия XVII века в рисунках и описаниях голландского путешественника Николаса Витсена. СПб.: Славия, 1995. – 206 с.
16. Старая Ладога – древняя столица Руси. СПб.: Славия, 1996. – 199 с.
17. Новообнаруженный древнерусский подписной меч // Труды отдела древнерусской литературы. 1997. Т.50. – С.717-722.
18. Зарождение Великого Волжского пути // Великий Волжский путь: прошлое, настоящее, будущее. Казань: Мастер Лайн, 2005. – С.23-48.
19. Великий Волжский путь: Торговые связи с Северной Европой и Востоком // История татар с древнейших времен. Т.2. Казань: РухИЛ, 2006. – С.229-315. (совместно с Ф.Ш. Хузиным).
20. История становления и развития Великого Волжского пути // Великий Болгар. М., Казань: Феория, 2013. – С.86-93.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Измайлов И.Л.* Защитники «Стены Искандера». Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X–XIII вв. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2008. – 206 с.
2. *Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Славяно-русские древности. Вып. I. Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – С. 38–79.
3. *Кирпичников А.Н.* Сказание о призвании варягов. Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. – СПб.: Наука, 1997. – С. 7–18.
4. *Кирпичников А.Н.* О начальном этапе международной торговли в Восточной Европе в период раннего средневековья (по монетным находкам в Старой Ладоге) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. – Казань: Мастер-Лайн, 1999. – С. 107–115.
5. *Кирпичников А.Н.* Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // Великий Волжский путь. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – С. 9–35.
6. *Кирпичников А.Н.* Великий Волжский путь и эпоха торговой революции // Великий Волжский путь: история формирования и развития. – Казань: Мастер-Лайн, 2002. – С. 188–217.
7. *Кирпичников А.Н., Измайлов И.Л.* Каролингские мечи из Булгарии (из фондов ГОМ РТ) // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Междунар. науч. конф. – Казань: Мастер-Лайн, 2000. – С. 207–218.
8. *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского периода) // Славяне и скандинавы. – М.: Прогресс, 1986. – С. 189–297.
9. *Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А.* Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. – Вып. 160. – Москва: Наука, 1980. – С. 24–38.
10. *Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Дубов И.В.* Северная Русь (некоторые итоги археологических исследований) // КСИА. – Вып. 164. – Москва: Наука, 1980. – С. 3–10.
11. *Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г.* Древняя Казань. – Казань: Изд-во КГУ, 2005. – 152 с.

Информация об авторах:

Измайлов Искандер Лирунович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ismail@inbox.ru

Хузин Фаяз Шарипович, член-корр. АН РТ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); khuzinfayaz@mail.ru

ANATOLY NIKOLAEVICH KIRPICHNIKOV IS 85 YEARS

I.L. Izmailov, F.Sh. Khuzin

The article is dedicated to the 85th anniversary of the outstanding Russian archeologist Anatoly Nikolaevich Kirpichnikov. It contains a brief outline of his academic career and the stages of creative growth from post-graduate student to Professor. His outstanding merits in studying the problems of weapon and military art history of 10th-15th-century Russia are underlined, as well as an important discovery of sword blade maker stamps, their description and classification, which have generated a new source study trend devoted to blade epigraphy. A.N. Kirpichnikov's contribution to the study of historical problems related to the state and urban development processes in Ancient Rus' and the role the Ladoga and the Scandinavians had played in these processes is highlighted. His contribution to the scientific proof of Kazan 1000-year anniversary is especially emphasized. Gratitude and best wishes on behalf of Kazan students and colleagues of the celebrant are expressed.

Keywords: A.N. Kirpichnikov, Ancient Rus, medieval studies, weapon studies, cultural ties.

REFERENCES

1. Izmailov, I. L. 2008. *Zashchitniki "Steny Iskandera". Vooruzhenie, voennoe iskusstvo i voennaia istoriia Volzhskoi Bulgarii X—XIII vv. (Defenders of the "Iskander Wall": Armament, Warfare and Military History of Volga Bulgaria in 10th—13th Centuries)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
2. Kirpichnikov, A. N. 1988. In *Slaviano-russkie drevnosti (Slavic-Russian Antiquities)* I. *Istoriko-arkheologicheskoe izuchenie Drevnei Rusi: Itogi i osnovnye problemy (Historical and Archaeological Study of Ancient Russia: Results and the Basic Issues)*. Leningrad: Leningrad State University, 38–79 (in Russian).
3. Kirpichnikov, A. N. 1997. In *Pervye skandinavskie chteniia. Etnograficheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty (The First Scandinavian Readings. Ethnographic and Cultural-Historic Aspects)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ., 7–18 (in Russian).
4. Kirpichnikov, A. N. 1999. In *Mezhdunarodnye sviazi, torgovye puti i goroda Srednego Povolzh'ia IX—XII vekov (International Relations, Trade Routes and Cities from Middle Volga Region in the 9th—12th Centuries)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 107–115 (in Russian).
5. Kirpichnikov, A. N. 2001. In *Velikii Volzhskii put' (Great Volga Way)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 9–35 (in Russian).
6. Kirpichnikov, A. N. 2002. In *Velikii Volzhskii put': istoriia formirovaniia i razvitiia (Great Volga Way: History of Development)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 188–217 (in Russian).
7. Kirpichnikov, A. N., Izmailov, I. L. 2000. In *Srednevekovaia Kazan': vznikovenie i razvitie (Medieval Kazan: appearance and development)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 207–218 (in Russian).
8. Kirpichnikov, A. N., Dubov, I. V., Lebedev, G. S. 1986. In Mel'nikova, E. A. (ed.). *Slaviane i skandinavyy (Slavs and Scandinavians)*. Moscow: "Progress" Publ., 189–297 (in Russian).

9. Kirpichnikov, A. N., Lebedev, G. S., Bulkin, V. A., Dubov, I. V., Nazarenko, V. A. 1980. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Concise Bulletins of the Institute for Archaeology)* 160. Moscow: "Nauka" Publ., 24–38 (in Russian).
10. Kirpichnikov, A. N., Lebedev, G. S., Dubov, I. V. 1980. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Concise Bulletins of the Institute for Archaeology)* 164. Moscow: "Nauka" Publ., 3–10 (in Russian).
11. Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. 2005. *Drevniaia Kazan (Ancient Kazan)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

About the Authors:

Izmaylov Iskander L. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member, Doctor of Historical Sciences. . Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС – Археологический съезд
 АЭБ (*AEB*) - Археология и этнография Башкирии (*Archaeology and ethnography of Bashkiria*)
 АЭМК – Археология и этнография Марийского края
 ГИБИ – Гръцки извори за българската история. – София
 ГМВ – Государственный музей искусства народов Востока
 ДГУ – Днепропетровский государственный университет
 ДОКМ – Донецкий областной краеведческий музей
 ИА АН Украины – Институт археологии Академии наук Украины
 ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
 ИА РАН – Институт археологии РАН
 ИИ АН АзербСССР – Институт истории Академии наук Азербайджанской ССР
 ИИ АН ГрузССР – Институт истории Академии наук Грузинской ССР
 ИИ АН РТ – Институт истории Академии наук Республики Татарстан
 ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
 ИНМВ – Известия на Народния музей – Варна
 ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете
 ИПр. – Исторически преглед. – София
 ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
 ИЯЛИ КНЦ УрО РАН – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
 КСИИМК (*KSIIMK*) – Краткие сообщения Института истории материальной культуры (*Brief Communications by Institute of History of Material Culture*)
 КубанГУ – Кубанский государственный университет
 КФАН – Казанский филиал Академии наук СССР
 МАК (*MAK*) – Материалы по археологии Кавказа (*Materials on Archaeology of the Caucasus*)
 МарГУ – Марийский государственный университет
 МВФ – Музейное ведомство Финляндии
 МИА (*MIA*) – Материалы и исследования по археологии СССР (*The USSR Archaeology Proceedings and Researchers*)
 МИАР – Материалы и исследования по археологии России
 НАН Украины – Национальная академия наук Украины
 НИАР – Национален историко-археологически резерват
 ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
 ОРРК НБ КФУ – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета
 ПА (*PA*) – Поволжская археология (*Volga River Region Archaeology*)
 ПрПБИК – Проблеми на прабългарската история и култура. – София

- РА (RA) – Российская археология (*Russian Archaeology*)
РАН – Российская академия наук
РГАДА (RGADA) – Российский государственный архив древних актов
(Russian state archive of ancient acts)
РП – Разкопки и проучвания. – София.
СА (SA) – Советская археология (*Soviet Archaeology*)
САИ – Свод археологических источников
Сб. МАЭ (MAE) – Сборник Музея антропологии и этнографии (*Collection of
Museum of Anthropology and Ethnography*)
ТД – Тезисы докладов
ТМАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции
Тр. ХАЭЭ (Tr. KhAEE) – Труды Хорезмийской археолого-этнографической
экспедиции (*Proceedings of Khwarezm archaeological and ethnographical
expedition*)
ТрВТУ – Трудове на Великотърновския университет «Св. Св. Кирил и
Методий». – Велико Търново
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ФА НА ИИМК – Фотоархив Научного архива Института истории
материальной культуры РАН

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения

Научный журнал «Поволжская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, палеозоология, эпиграфика, нумизматика и др.). Материалы распределяются по разделам: «Статьи», «Публикации», «Заметки», «Критика и библиография», «Хроника». Согласно условиям отбора научных изданий для включения в ведущую мировую базу данных отслеживания цитируемости SCOPUS (Издательская компания Elsevier, Нидерланды) основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.). При выборе статей редакцией журнала предпочтение будет отдано проблемным статьям и публикациям новых данных. **Предлагаемые статьи нигде ранее не должны быть опубликованы.**

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Авторы гарантируют отсутствие автоплагиата и других форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации материалах.

Редакция журнала отдает предпочтение публикациям, имеющим ссылки на материалы, изданные в предшествующих номерах нашего журнала.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде по адресу: arch.pov@mail.ru. Оригинал рецензии на поступающие материалы должен быть заверен подписью рецензента и печатью организации и его необходимо отправить по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

Все поступающие материалы проходят внутреннее рецензирование. Решение редколлегии о принятии материалов к публикации, отклонении или необходимости доработки сообщается автору после заключения рецензентов.

Требования по оформлению статей

Статья принимается в электронном варианте. Шрифт – Times New Roman, размер кегля 14, стиль обычный, одинарный интервал, поля – 2 см.

Необходимо предоставить:

- УДК статьи;
- Название статьи на русском и английском языках;
- Инициалы и фамилия автора (авторов) на русском языке и транслитерация на латинице (<http://www.translit.ru> с вариантом BGN);
- Аннотация (объем 150–200 слов) и ключевые слова (6–10 слов) на русском языке;
- Аннотация (Originality/value) (объем 150–200 слов) и ключевые слова (6–10 слов) на английском языке.
- Текст статьи – общий объем статьи (включая таблицы, список литературы, подписуточные подписи и аннотации-резюме) не должен превышать 1 а.л. (16 стр. через 1 интервал или 40 тыс. знаков с пробелами) и содержать не более 8–10 иллюстраций); представленный материал необходимо отредактировать стилистически и технически; не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой;
- Пристатейный список литературы – в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место и год издания, страницы) – на языке оригинала. Сначала на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.);
- Список литературы на английском языке (**References**);

– Иллюстрации в виде отдельных файлов в формате TIF, JPG с разрешением не меньше 300 dpi;

– Подписи к иллюстрациям и таблицам приводятся после списка литературы;

– Сведения об авторе или авторах (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – **на русском и английском языках.**

Примечания: Аннотация должна быть:

1) информативной (не содержать общих слов);

2) содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследования);

Аннотация и ключевые слова на английском языке должны:

1) быть написанными качественным английским языком;

2) максимально точно передавать смысл русскоязычных аннотации и ключевых слов (с учетом различий в синтаксисе и стилистике научного изложения в русской и английской грамматике), вместе с тем не быть калькой – дословным переводом русскоязычной версии.

В целом, аннотация составляется для компетентной аудитории, поэтому можно использовать техническую (специальную) терминологию Вашей дисциплины.

Для раздела «**Заметки**» допустимый объем присланной работы не должен превышать 15 тыс. знаков.

Некрологи, материалы о конференциях и юбилеях, публикующиеся в разделе «**Хроника**», не должны превышать 10 тыс. знаков; в конце текста следует давать список лишь наиболее значимых трудов ученого.

Библиографические ссылки на литературу и источники даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п.

Например:

(Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

При оформлении **пристатейного списка литературы** сначала приводятся работы на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), а затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.).

Список литературы на английском языке (References) – это комбинация транслитерированной и англоязычной частей русскоязычных ссылок (для транслитерации использовать <http://www.translit.ru> с вариантом BGN).

Например:

Описание монографии (книги):

1. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. – М.: Наука, 1984. – 174 с.

1. Petrenko A.G. Drevnee i srednevekovoe zhivotnovodstvo Srednego Povolzh'ya i Predural'ya [Ancient and medieval cattle breeding in the Middle Volga region and the ForeUrals]. Moscow: Nauka Publ., 1984, 174 p.

2. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. – № 142. – М.: Наука, 1967. – 198 с.

2. Pletneva S.A. Ot kочеvii k gorodam [From nomadic migrations towards the towns] *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [The USSR Archaeology Proceedings and Researches]*. Moscow: Nauka Publ., 1967, no 142, 198 p.

Описание статьи из продолжающегося издания (сборника трудов):

1. Асылгараева Г.Ш. Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля // Археология и естественные науки Татарстана. Книга 1. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2003. – С.63–133.

1. Asylgaraeva G.Sh. Morfologicheskie issledovaniya srednevekovykh arkhеozoologicheskikh materialov iz arkhеologicheskikh raskopok Kazanskogo kremlya [Morphological researches of medieval archaeozoological materials from archaeological excavations of the Kazan kremlin]. In: A.G. Petrenko, ed. *Arkheologiya i estestvennyye nauki Tatarstana* [Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan]. Kazan: Kazan University Publ., 2003, book 1, pp. 63–133.

2. Галимова М.Ш., Чурбанов А.А. Археоминералогические исследования артефактов эпохи камня Волго-Камья // Краткие сообщения Института археологии. – Вып. 227. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – С. 174–181.

2. Galimova M.Sh., Churbanov A.A. Arkheomineralogicheskie issledovaniya artefaktov epokhi kamnya Volgo-Kamya [Archaeomineralogical investigations of the Stone Age in the Volga-Kama region]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief communications by Institute of Archaeology]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2012, issue 227, pp. 171–181.

Описание материалов конференций:

1. Динамика современных экосистем в голоцене: Материалы Третьей Всероссийской научной конференции (с международным участием). – Казань: Отечество, 2013. – 364 с.

1. *Dinamika sovremennykh ekosistem v golotsene*. Materialy Tret'ey Vserossiyskoj nauchnoj konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) [The Dynamics of Modern Ecosystems in the Holocene: Proceedings Third Russian Scientific Conference (with International Participation) / I.V. Askeev, D.V. Ivanov, ed.]. Kazan: Otechestvo Publ., 2013, 364 p.

2. Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия // Труды II (XVIII) ВАС в Суздале. – М.: Ин-т археологии РАН, 2008. – С.191–193.

2. Vybornov A.A., Kovalyukh N.N., Skripkin V.V. O korrektyrovke absolyutnoy khronologii neolita i eneolita Severnogo Prikaspiya [Concerning correction of absolute chronology of the Neolithic and Eneolithic Ages of the Northern Caspian Sea region]. In: *Trudy II (XVIII) VAS v Suzdale* [Proceedings of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress at Suzdal]. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2008, pp. 191–193.

Описание статьи из журнала:

1. Яворская Л.В. Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // Поволжская археология. – 2012. – № 1. – С. 216–237.

1. Yavorskaya L.V. Kostnye ostanki zhivotnykh iz raskopa CLXII goroda Bolgara: nekotorye novye metody obrabotki i otsenki arkhеozoologicheskikh materialov [Animal bone remains from excavations CLXII trench of town Bolgar: some new methods of archaeologicalzoological materials processing and appraisal]. In: *Povolzhskaya arkheologiya* [Volga river region Archaeology], 2012, no. 1, pp. 216–237.

Описание статьи из электронного журнала:

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Available at: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание переводной книги:

Gerberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. Munchen, Osteuropa-Institut, 2007. 586 S. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii*. Moscow: Moscow University Publ., 1988. 430 p.).

Образец оформления статьи

УДК 903.02

**НОВЫЕ НАХОДКИ РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ ЭПОХИ
АБХАЗСКОГО ЦАРСТВА**

© 2012 г. Е.А. Армарчук

Аннотация на русском языке.

Ключевые слова: на русском языке.

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском языке)

ЛИТЕРАТУРА

1. *Армарчук Е.А.* Христианский храм на горе Сахарная Головка под Адлером: планировка и строительные особенности // *Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков / Труды Государственного Эрмитажа (Тр. ГЭ)*. – Т. LIII. – СПб., 2010. – С. 180–195.

Информация об авторе:

Армарчук Екатерина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Российская Федерация); earmarchuk@yandex.ru

Список сокращений

Список иллюстраций

**NEW FINDINGS OF PAINTED GLAZED CERAMICS OF THE
ABKHAZIAN KINGDOM EPOCH**

E.A. Armarchuk

Summary (на английском языке).

Keywords: (на английском языке).

REFERENCES

1. Armarchuk E.A. *Khristianskiy khram na gore Sakharnaya Golovka pod Adlerom: planirovka i stroitelnye osobennosti* [Christian church on the mountain Sakharnaya Golovka near Adler: layout and construction features]. In: *Arkhitektura Vizantii i Drevney Rusi IX–XII vv. / Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Tr. GE)* [Byzantine architecture and ancient Rus IX–XII centuries. Proceedings of the State Hermitage]. St. Petersburg, 2010, vol. LIII, pp. 180–195.

Information about the author:

Armarchuk Ekaterina A., Ph.D. (History), senior research scientist, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); earmarchuk@yandex.ru

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, возвращаются авторам на доработку!

**Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.
Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.**